ГЕРМАН БЕЛИКОВ

СТАРЫЙ СТАВРОПОЛЬ

Лит. Глав. Управл. Путей Сообщ. и Публ. Зданій. (Ж. Пол. Дор.)

Помѣщеніе губернскихъ присутственныхъ мѣстъ въ городѣ Ставрополѣ.

ГЕРМАН БЕЛИКОВ

СТАРЫЙ СТАВРОПОЛЬ

Ставрополь
2009

Г.А. Беликов
Б 43 Старый Ставрополь. Издание второе. – Ставрополь, 2009. – 360 стр. + 96 стр. илл.

ISBN 5-7644-0997-7

Книга «Старый Ставрополь» была задумана автором как «экскурсия» по старым улицам и площадям Ставрополя, с рассказом об истории самых значимых строений, о людях, которые некогда в них жили или работали, о событиях, способствовавших росту и процветанию этого уголка Северного Кавказа.

Несмотря на то, что автором по истории города уже были написаны такие книги, как «Дорога из Минувшего», «Ставрополь – врата Кавказа», «Облик старого Ставрополя», новая работа повествует о пронесшихся событиях не только дополненной новыми фактами и событиями, но и в новой плоскости, что позволяет читателю познавать историю города как бы с «птичьего полета» – зримо, улицу за улицей, дом за домом... При этом для лучшей «экскурсионной» ориентации в книге представлен «зрительный ряд» – фотоматериал.

Удался ли автору замысел – вам судить.

Август 2009 года.
Герман Беликов

Корректор **Л.Д. Белевцева**
Компьютерная верстка **С.М. Огнещикова**

ББК 63.3 (2РОС-4Ста)
Б 43

ISBN 5-7644-0997-7

© Г.А. Беликов, 2009

ГЛАВА I. ПО ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ ГОРОДА

Николаевский проспект – главная улица старого города

5 мая 1785 года правительственным указом Екатерины II было создано Кавказское наместничество с Астраханской и Кавказской областями. Ставрополь получил права одного из шести уездных центров Кавказской области. 15 февраля следующего года здесь была учреждена гражданская власть в лице Присутственных мест и городового магистрата. Первым бургомистром уездного Ставрополя стал купец 1-й гильдии Козьма Яковлев, а его помощником (ратманом) – купец Карп Колесников. И одним из первых распоряжений власти стало официальное наименование трех первых улиц города, тянувшихся с запада на восток – Первой, Второй и Третьей Мещанской (сегодня соответственно проспект Карла Маркса, улица Орджоникидзе и улица Дзержинского).

Первая Мещанская улица неофициально стала именоваться Большой, а затем и Большой Тифлисской. Дело в том, что с восточной оконечности улицы, где располагалась кордегардия (укрепленный пост), начинался знаменитый Тифлисский тракт. Позже на том месте были возведены Тифлисские ворота. Между тем в архивных делах все чаще и чаще Первую улицу города именовали Большой Черкасской. Название было связано с другим трактом, идущим к Ставрополю от города Черкасска, столицы Донского казачьего войска, который подходил к стенам самой Ставропольской крепости по сегодняшней улице Советской.

«Большая Черкасская улица, – писали современники в 1799 году, – представляла из себя изрытую ямами для приготовления самана балку с протекающим по ней ручьем, заросшим камышом, и немногочисленными строениями, где выделялся большой каменный дом городского головы, купца Волкова».

Городской врач К. Бахутов в своей книге о Ставрополе дополнял нелестный отзыв о главной улице города начала XIX века: «...Жалкий и дикий вид имел Ставрополь в то время (1802 год). Лучшая теперь улица – Николаевский

проспект – представляла пустырь, покрытый водой и камышом, окаймленный кругом дремучим строевым лесом; среди этого-то почти первобытного мира виднелось несколько десятков убогих деревянных хат храбрых казаков и предприимчивых выходцев из Кавказа».

Как писала газета «Ставропольские губернские ведомости» в № 42 за 1887 год: «К приезду в Ставрополь Императора Николая Первого решено было всю Большую улицу, от Тифлисских ворот до дома Командующего войсками Кавказской линии и Черномории, в ширину двух экипажей, вымостить деревянными плахами и толстыми досками. Сотни топоров в месяц выполнили эту задачу».

Тогда же огромная трясина сегодняшнего Нижнего рынка была забита сотнями возов хмыза, завалена камнями и также покрыта досками. Все ямы на Большой улице, где брали глину, также были засыпаны, на пустырях устроены заборы-ограждения, подновлены фасады домов, приведены в порядок тротуары.

К этому следует добавить, что к приезду в Ставрополь императора Николая I на Большой Черкасской были построены и достаточно престижные дома. Это дом интендантского чиновника Серова, где Николай I открыл первую на Кавказе мужскую гимназию. Это гостиница Найтаки, где Михаил Лермонтов и его друзья-декабристы стали свидетелями въезда в город императора.

В конце 40-х годов Большая Черкасская улица по краям начала моститься плитами из каменистого ракушечника, а в центре забиваться бутовым камнем. Тогда же впервые были устроены ливневые канавы, приведены в порядок тротуары, высажены новые деревья устраиваемого бульвара (в то время он доходил до сегодняшней лестницы на Крепостную гору, у подножия которой располагался первый городской базар).

В 1851 году ставропольский генерал-губернатор Н.С. Завадовский, желая увековечить пребывание в Ставрополе в 1837 году императора Николая I, а также в 1850-м – цесаревича, в будущем императора Александра II, обратился с рапортом к наместнику Кавказа Михаилу Семеновичу Воронцову:

«Дабы сохранить на вечное время в сердцах жителей гор. Ставрополя память о двух счастливейших для города

событиях: пребывании в оном Государя Императора в 1837 году и посещении Ставрополя в прошлом году Цесаревичем, почтительнейше имею честь испрашивать представления Вашего Превосходительства о разрешении: главную улицу города, ныне почти совершенно вымощенную и украшенную на протяжении более одной версты новым бульваром с решеткою, наименовать Николаевскою. Третью улицу, где находится занимаемый мною дом (Дом командующего войсками), в котором изволил остановиться Государь Наследник, наименовать Александровскою (сегодня ул. Дзержинского)». Кстати, тогда же и Воробьевская площадь получила наименование Александровской (сегодня пл. Ленина).

С того времени главная улица города постоянно благоустраивалась. Одним из украшений города стал расположенный на этой улице бульвар, о котором пойдет отдельный сказ. Летом 1856 года в Ставрополь с Урала было доставлено 16 чугунных катков, клеваки, казгири, кувады, бурава и прочий строительный инструмент. Все ломовые извозчики из каменоломен доставляли на Николаевский проспект каменные кремнистые плиты, бутовый камень, щебень и песок. Началась невиданная еще работа по устройству Северного и Южного шоссе проспекта, разделенных продолженным до Ярмарочной площади бульваром. Тогда же Желобовский ручей пошел по вновь устроенной каменной сточной канаве, местами перекрытой плитами для проезда транспорта. Были устроены и ливневая канава, и многочисленные стоки. С 1900 года Николаевский проспект стал моститься кубанским галечником, который доставляли гужевым транспортом из-под Невинномысска и железной дорогой из-под станции Кавказской. Как сообщают документы, строительный подрядчик Федор Кандидатов, получивший монопольное право на все работы, мостил улицу «без соблюдения рядов, с подсыпкою песка и обсыпкою швов гравием и трамбовкой в два пуда. А также конным катком в 125 пудов». К концу XIX и началу XX века облик Николаевского проспекта окончательно сформировался, когда его украсили новые здания, прежде всего торгового и зрелищного назначения, а также Старый кафедральный Троицкий собор и церковь Спаса Нерукотворного. Здесь же располагались и админи-

стративные здания самого разного назначения – от Дома губернатора до Контрольной палаты.

В 1920 году власти срочно переименовали Николаевский проспект в улицу Красную. А в мае 1937 года, после постановления СНК СССР о переводе центра Орджоникидзевского края из Пятигорска в Ставрополь, улица стала называться проспектом Сталина. Сегодня это проспект Карла Маркса, но, думается, настало время вернуть главной улице города ее историческое название – Николаевский проспект.

Окружной суд

Южная часть Николаевского проспекта начиналась от большого трехэтажного здания, занимавшего весь угол с Театральной улицей (сегодня – проспект Октябрьской революции). Место это принадлежало ставропольскому купцу 1-й гильдии Ивану Ганиловскому, кстати, как и вся противоположная территория. В 50-х годах XIX века место это у Ганиловского купил пятигорский купец 1-й гильдии Аркадий Васильев, который построил здесь самый современный по тем временам дом, состоявший со стороны Николаевского проспекта из трех этажей, а со стороны улицы Театральной – из двух.

Здание в апреле 1868 года было арендовано городом под Ставропольский окружной суд, до этого занимавший первый каменный дом купца Волкова.

Здесь надо напомнить, что с 1864 года окружные суды России стали основным звеном общей судебной системы. Благодаря реформированию той системы Александром II суд стал независимым от администрации губерний, он стал гласным, в решении дел принимали участие не только судьи, но и выбираемые населением гласные из разных сословий. Во главе Ставропольского окружного суда стал статский советник Матвей Пантелеевич Штукин.

Само открытие суда знаменовалось в Ставрополе молебном, народными гуляниями в Воронцовской роще, фейерверком. В самом здании Окружного суда вплоть до революции проходили шумные судебные слушанья, со-

биравшие массу публики и газетчиков. Кстати, и в советское время часть здания занимали судейские конторы.

В начале 70-х годов XIX века здание приобрел известный ставропольский предприниматель и банкир Макар Попов. Верхний этаж по-прежнему оставался Окружным судом, а нижние этажи дома он сдавал под магазины, бары, кафе. Так, в начале XX века в западном крыле здания обосновался некогда известный ресторан Исая Григорьевича Арутюнова «Арарат».

Угловая и восточная части нижнего этажа были заняты сразу несколькими небольшими магазинчиками. Это часовой магазин купца и ювелира П. Яременко, где можно было приобрести ручные, карманные, каминные и настенные часы марок «Анкер», «Зенитъ», «Мозер и К°», «Омега» в простых, серебряных и золотых корпусах, а также в перстнях, кулонах, медальонах и пр. Здесь же имелись разнообразные оптические товары, начиная с очков, пенсне и лорнетов из кости и металлов, в том числе драгоценных, и кончая цейсовскими биноклями и подзорными трубами. Рядом располагался магазин не менее известного ставропольского купца Никиты Мокина, род которого владел в Ставрополе не одним десятком магазинов и торговых лавок, в том числе в Гостиных рядах. В этом магазине горожанам предлагались самые современные стиральные машины, тогда именуемые «паромойками», – ИОНА. Здесь имелись стиральные и гладильные доски, угольные и печные утюги, дубовые каталки, бельевые корзины, платяные и шляпные коробки, вешалки, зеркала и пр.

Был здесь и винный погребок, который занимал огромный подвал дома Попова. Хозяином его был Иван Ахпателов, имевший свои виноградники в экономии «Общество «Кахетия». Имелся здесь и громадный набор крымских вин, в том числе марок «Шабан Трубецкого», «Сотернъ», «Массандра», «Ай-Даниль», «Мадера», «Мускатъ», «Ливадия» и пр. А также французское шампанское «Монополь», «Мумъ», «Редеръ», ликеры «Куантро», «Редемптимъ», коньяки бургундские, бордоские, рейнские. И, наконец, обычные французские вина «Гривъ», «Барзакъ», «Шато», «Латуръ-Балашъ», «Сенъ-Рафаэль», «Сенъ-Жульенъ» и пр.

Усадьба Зозулевского

Первоначально участок земли к востоку от здания Окружного суда до дома губернатора принадлежал полковнику Михаилу Ивановичу Зозулевскому. С западной стороны усадебного места, впритык к дому Окружного суда, он построил небольшой двухэтажный каменный дом, который с 30-х годов XIX века сдавал офицерам штаба Кавказской линии и Черномории. Так, здесь одно время снимал верхний этаж флигель-адъютант, начальник Генерального штаба линии, полковник Алексей Семенович Траскин, о чем сообщает сохранившийся архивный документ.

За въездными воротами Зозулевский, фасадом на Николаевский проспект, пристроил еще один вытянутый одноэтажный каменный дом, где обосновался поручик Иван Янковский, а затем жил известный садовод Петр Николаевич Нечмиров.

С севера на юг к возведенным строениям уже сын Зозулевского, Николай Михайлович, возвел еще один дом в два этажа, каменный, специально построенный как гостиница для открытого им здесь заезжего дома. Помимо двора были построены большой каменный каретный сарай с конюшней, баня, амбары и пр. Заезжий двор Зозулевского благодаря близости базаров, как Верхнего, так и Нижнего, а также своей благоустроенности и доступности расценок стал одним из лучших в губернском центре.

Новый дом как бы разделил надвое усадебное место Зозулевских. И не случайно. Вся его восточная часть была ими продана новым хозяевам – купцам Науменко и Тумасовым. Да и сам заезжий двор со всеми строениями вскоре перешел во владение купцов 1-й гильдии Саломатиных. В собственности Николая Михайловича Зозулевского остался лишь один из домов с мезонином.

Между тем сыновья Виктора Григорьевича Науменко, Иван и Петр, в возведенном отцом одноэтажном доме с фасадом на Николаевский проспект, в 1871 году устроили частную типографию, мастерскую штемпелей и переплетную, а затем и литографию. Это оказалось делом доходным, тем более что все типографское и прочее оборудование было доставлено в Ставрополь из Германии. Продук-

ция братьев Науменко на российских выставках завоевывала награды и призы...

Дом Карапета Тумасова, последний перед домом губернатора, был известен своим уникальным садом, больше походившим на ботанический. Сам Тумасов с конца 60-х годов XIX века был смотрителем Воронцовской рощи, где его стараниями функционировал широко известный в то время «Воксхолл», по-русски – «Вокзал», своеобразный клуб с танцевальными вечерами, рестораном, буфетом, карточным залом и пр.

Позже дом Карапета Тумасова, стоявший в глубине усадебного места, приобрел банкир Макар Попов, устроивший в роскошном саду водоем с проточной родниковой водой, куда с Каспия доставляли осетровых...

В советское время в национализированных строениях этого отрезка улицы уже Красной (со второй половины 30-х годов – проспекта Сталина) были устроены «жэковские» квартиры, а также несколько магазинов, в том числе книжный с конторой краевого книгоиздательства. Рядом располагалась швейная мастерская с аршинными буквами над входом – «Американка».

В 80-е годы все строения бывшего усадебного места Зозулевских были снесены. При сносе двухэтажного гостиничного здания в фундаменте были обнаружены серебряные монеты разного достоинства и небольшое серебряное распятие. На месте снесенных строений был возведен современный жилой дом. Еще раньше на месте домов Науменко и Попова был выстроен административный дом, где затем располагались редакции газет «Ставропольская правда» и «Молодой ленинец» и Союз писателей России. Сегодня это здание полностью перестроено под муниципалитет города Ставрополя.

Губернаторский дом

В 1833 году в Ставрополе по ходатайству командующего войсками Кавказской линии и Черномории Алексея Александровича Вельяминова, указом императора Николая Первого «в помощь областному начальнику» был назначен гражданский губернатор. Первым стал статский советник

Семенов, которого вскоре сменил генерал-майор Траубе. По генеральному плану застройки Ставрополя для гражданского губернатора отводилось место на Соборной площади, как первоначально именовалась сегодняшняя площадь Ленина. Но в 1835 году в собственность города перешел большой деревянный одноэтажный дом с большим садом и большим прудом, питаемым расположенным выше мощным родником – на той же Большой Черкасской. Дом этот был построен еще в 30-х годах XIX века отставным фельдфебелем Лазуткиным, а затем достроен коллежским асессором Павлом Петровым, который, кстати, сдавал в аренду еще один свой дом на Генеральской улице (первое наименование части сегодняшней улицы Дзержинского) дяде Михаила Юрьевича Лермонтова – генералу Павлу Ивановичу Петрову.

Наконец Павел Петров продал дом отставному артиллерийскому подполковнику Ильинскому. Тот не имел наследников, и с его смертью дом, оцененный в 30 тысяч рублей серебром, отошел городу. В нем и поселился гражданский губернатор Траубе. Затем здесь обосновался гражданский губернатор Александр Волоцкий, много сделавший для благоустройства Ставрополя. При нем распахнула свои двери Публичная библиотека и Музеум при городской Думе, был устроен первый городской водопровод и перестроены старые Тифлисские ворота...

Генерал-губернатор Властов, единственный из всех губернаторов удостоенный звания почетного гражданина Ставрополя за огромный вклад в его развитие, решил на месте старого дома возвести новый. В 1879 году департамент Главного управления наместника Кавказа, рассмотрев ходатайство Властова, согласился с этим предложением. И не случайно. Дело в том, что указом Александра II от 18 мая 1858 года все обязанности по управлению Ставропольской губернией, которые до этого разделялись между командующим Кавказской линией и гражданским губернатором, теперь возлагались только на гражданского губернатора, или генерал-губернатора.

Первый проект нового дома был выполнен известным ставропольским архитектором Павлом Григорьевичем Воскресенским, но так и остался в чертежах. Затем над проектом начал работу Федор Кузьмич Прозоровский, но тоже не закончил его.

В 1883 году к составлению проекта приступил архитектор Владимир Потапов, но и его работа не удовлетворила местные власти. И лишь после подключения к проекту архитектора Григория Павлович Кускова, автора проекта храма Св. Андрея Первозванного в Ставрополе и других не менее фундаментальных сооружений, строительство нового губернаторского дома наконец началось. И, как сообщается в «Памятной книге Ставропольской губернии», «...в отчетном, 1902 году на средства казны (всего было истрачено 175000 рублей) был окончательно отстроен губернаторский дом».

Здание украсило Николаевский проспект губернского центра, став еще одной архитектурной жемчужиной в его градостроительном ожерелье. Рисунок фасада из белого кремнистого ракушечника на красном кирпичном фоне, украшенный объемным оконным сандриком, полуколоннами портика, балконом, поддерживаемым четырьмя кариатидами – скульптурными изображениями женщин в древнегреческих хитонах, с кольчужными башенками крыши из покрытых зеленой эмалью пластин притягивали взор.

Внутренняя художественная роспись стен и сводчатых арок, великолепная лепнина, расписанная лучшими альфрейщиками города, мебель из черного и красного дерева, как и прекрасного рисунка паркет, хрустальные люстры, бра, зеркала, тяжелые ковровые дорожки – все это подчеркивало значимость дома в жизни Ставрополя и всей губернии.

В советское время здание надолго заняли совéтско-партийные органы. С предоставлением Ворошиловску прав центра созданного Орджоникидзевского края здание по проекту архитектора Карабанова надстроили еще одним этажом.

В период временной оккупации города немецкими войсками в здании разместились многочисленные штабы войск вермахта, где бывал и генерал-фельдмаршал Вильгельм Лист, возглавлявший группу армий «А». При отступлении немцы взорвали здание, но стены выстояли, хотя внутри были полностью разрушены старая лестница и многие комнаты. Пострадали и три кариатиды из четырех.

После ухода гитлеровцев здание по проекту архитектора Чекмотаева отремонтировали, в нем вновь обосновался крайком партии, возглавляемый первым секретарем М.А. Сусловым.

Сегодня в здании находятся службы мэрии и городской думы.

Усадьба Егора Найтаки

Сразу за бывшим домом губернатора находится двухэтажный каменный дом, где недавно был магазин «Школьник», а сегодня – парфюмерный магазин.

Первым владельцем этого усадебного места с небольшим домом был все тот же подполковник Гавриил Андреевич Ильинский, продавший дом с частью своего усадебного места Николаю Васильевичу Майеру. Как известно, Майер послужил прототипом доктора Вернера в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова.

В 40-х годах дом этот перешел к Егору Андреевичу Ермакову, купцу 3-й гильдии. После смерти отца дочь его, Вера Егоровна Ермакова, вышла замуж за Егора Петровича Найтаки. С фамилией Найтаки связаны многие страницы истории Ставрополя. Основатель рода Петр Афанасьевич Найтаки владел некогда широко известными гостиницами в Ставрополе и Пятигорске. Два сына Петра Найтаки, Алексей и Егор, занимались торговлей, закупая в Москве шинельное сукно, в Туле – оружие, а в Астрахани – спирт для ставропольского комиссионерства. Алексей Найтаки после смерти отца взялся за гостиничное дело. Егор Найтаки, женившись на дочери купца Ермакова, решил открыть в доме жены торговую лавку. Но дом был старым и ветхим. Тогда Вера Егоровна Найтаки решает на свои средства на месте старого дома возвести новый. Двухэтажный каменный дом с антресолями, деревянной галереей с западной и южной сторон, большим подвальным помещением, сараями и амбарами во дворе, конюшней, каретным сараем, колодцем и большим фруктовым садом был окончательно отстроен в 1849 году и оценен в 13200 рублей серебром.

«Выстроенный мною на месте доставшегося от отца,

губернского секретаря Е.А. Ермакова, каменный двухэтажный, со всеми службами дом, – писала Вера Найтаки, – состоит в губернском Ставрополе во второй части на Большой Черкасской, в смежности с левой стороны дома купца Якова Улуханова, а с правой – с домом, занимаемым гражданским губернатором...»

В 1862 году умирает Егор Петрович Найтаки, а вскоре – и Вера Егоровна. Остаются несовершеннолетние дети – Петр, Мария, Юлия, Анна, Евгения и Антонина. Дело о наследстве рассматривалось в Сиротском суде, где старшие дочери Веры Найтаки, Мария и Юлия, «достигшие того возраста, в котором должны быть выданы в замужество, дали подписи, что... как старшие наследники умершей нашей матери Веры Егоровны Найтаки согласны на продажу доставшегося нам по наследству двухэтажного дома...»

Все полученные от продажи дома деньги Сиротским судом были поровну распределены между детьми и положены на их имена в банк. Новой владелицей усадьбы Найтаки стала почетная гражданка Ставрополя Ефросинья Стасенкова.

Купеческий род Стасенковых, старейший в городе, владел различной недвижимостью. Домом и усадьбой Найтаки Ефросинья Стасенкова владела недолго, перепродав все купеческому клану Макара Попова. Последние вырубили старый фруковый сад и построили новый, в два этажа дом. В доме Найтаки нижний этаж сдавался Поповыми под различные магазины, там в начале XX века открылся магазин «Американский свет». Дело в том, что в Ставрополе шло строительство новой электростанции, а потому возрос спрос на электротовары. В прейскуранте нового магазина значились различные светильники, люстры, бра, лампы накаливания и танталовые, а также электропровода, выключатели, электроприборы, динамо-машины... В советские довоенные годы «Американский свет», переименованный в «Искру», еще долго оставался единственным магазином подобного рода.

До последнего времени в доме Найтаки находился канцелярский магазин «Школьник». В конце 70-х годов нижний этаж дома сквозным проходом соединили с соседним домом, образовав единый магазин.

Усадьба булочного мастера

К дому, некогда возведенному Найтаки, вплотную примыкает еще один двухэтажный каменный дом, который сегодня соединен с первым устроенным проходом.

Первоначально это усадебное место принадлежало доктору Майеру, прототипу доктора Вернера в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Им в конце 30-х годов здесь был построен одноэтажный каменный дом с большим каменным подвальным помещением, где толщина стен доходит до полутора метров (дом этот сохранился, в нем сегодня находится бар-ресторан). Видимо, Майер, являвшийся чиновником 6-го класса, что соответствовало чину полковника, собирался надстраивать свой дом, но вскоре продал его комиссионеру Фон Судину. Бесспорно, здесь некогда и неоднократно бывал Михаил Юрьевич Лермонтов, декабристы и другие не менее известные сыны России.

Последним хозяином этого усадебного места был иностранец из Ганновера, булочный мастер Людвиг Траубе. В 1901 году впритык к дому Найтаки он строит новый дом в два этажа. В доме доктора Майера он устроил книжно-музыкальный магазин, где можно было приобрести учебные пособия, канцтовары, ноты, рояли, пианино, фисгармонии, скрипки, гитары, балалайки и другие музыкальные инструменты. Рядом с каменным домом он построил одноэтажный деревянный, где разместилась его пекарня. Затем уже в глубине усадебного места возвел большой кирпичный дом, который сдавал внаем под квартиры зажиточным горожанам.

В советское время в экспроприированном первом доме обосновалась советская контора, а во вновь выстроенном двухэтажном особняке – продуктовый магазин.

«Красная аптека»

В начале 40-х годов XIX века почетный гражданин города Моздока, купец 1-й гильдии Яков Иванович Уллуханов купил у статского советника, известного ставропольского садовника П.Н. Нечмирова его усадебное место, ниже усадьбы Траубе на Большой Черкасской. Здесь им

был возведен каменный дом в три этажа, в дальнейшем именуемый «Красной аптекой» (само здание по фасаду было выкрашено в красный цвет).

На строительство этого, в тот период самого большого здания в Ставрополе потребовалось 130 тысяч рубленых камней, 700 пудов железа, огромное количество леса, извести, красок. Сам дом был оценен в 29000 рублей серебром. Первоначально он частично сдавался внаем под магазины и квартиры чиновникам.

В 1847 году дом Уллуханова по контракту был отдан на 24 года под Ставропольскую почтовую контору. Тогда же во дворе дома Яков Уллуханов построил еще два каменных двухэтажных дома и прочие усадебные постройки. К тому времени имя Уллуханова было широко известно на всем Кавказе. Этим он был обязан своей дочери Шуанет, в 1845 году взятой в плен горцами, которые, пораженные ее красотой, показали девушку своему предводителю, имаму Шамилю. Вскоре Шуанет стала любимой женой грозного *повелителя народов Кавказа*.

Как известно, через три месяца после пленения Шамиля в августе 1859 года в его считавшейся неприступной крепости на горе Гуниб он был отправлен через Ставрополь в Санкт-Петербург. Третьего декабря Шамиль со всем своим семейством в сопровождении усиленного конвоя прибыл в Ставрополь. Здесь Шуанет встречалась со своим отцом в его доме на бывшей Большой Черкасской, к тому времени переименованной в Николаевский проспект. Небезынтересно, что уже в начале XX века известный краевед Г.Н. Прозрителев нашел в одной из кладовых дома среди всякого хлама портрет Шуанет, писанный масляной краской, с надписью ореховыми чернилами на обратной стороне: «Наследница потомственного Почетного гражданина моздокского армянина Уллуханова, взятая в плен черкесами в 1845 году и состоящая супругой магометанского Императора кавказского, воина Шамиля».

После смерти Шамиля Шуанет так и не возвратилась в отчий дом, а уехала со своей дочерью в Турцию, где до самой кончины получала большую пенсию от турецкого султана. В 70-х годах XIX века уже сын Якова Уллуханова Гавриил к южной стене отцовского дома сделал четырехэтажную пристройку с четырьмя капитальными камен-

ными галереями. Нижний этаж дома он сдал в аренду под первую вольную аптеку, провизором которой был Леонид Матвеевич Брохноцкий. В целях рекламы он наименовал свою аптеку «Красной», то есть главной в городе, выкрасив весь фасад дома в красный цвет.

Брохноцкий вскоре стал хозяином всех усадебных строений Якова Уллуханова. Помимо открытой аптеки, во дворе дома он устроил завод минеральных и искусственных вод более тридцати наименований, на натуральном сырье. Это были воды клубничные, абрикосовые, вишневые, различные лимонады. Здесь же изготавливались и исконно русские напитки – различные квасы, сбитни на меду с добавлением корицы, гвоздики, мускатного ореха, имбиря и прочих пряностей.

В начале XX века Брохноцкий продал всю усадьбу с недвижимостью известному предпринимателю, провизору Якову Шоломовичу Минцу. Выпускник Варшавского, а затем и Моздокского императорского университетов, он продолжил «лимонадные» дела Брохноцкого, одновременно еще больше подняв престиж Красной аптеки. Верхние этажи дома он сдавал под жилье состоятельным гражданам.

К этому нужно добавить, что в глубине усадебного места Брохноцкого были построены и до сегодняшнего дня сохранились два гостиничных дома в которых проживали многие именитые гости города. Среди них был грузинский писатель и публицист, предводитель дворянства Кутаисской губернии Дмитрий Иванович Кипиани. Выступавший против реакционного духовенства Грузии, он вынужден был удалиться в Ставрополь, где и был убит в снимаемом им доме Брохноцкого.

В советское время «Красная аптека» и лимонадный завод просуществовали до конца нэпа. Само здание стало коммуналкой и лишь сегодня нижний этаж дома заняли торговые заведения.

Усадьба Булыгиных

За бывшей «Красной аптекой» вплоть до 70-х годов XX века располагались два дома – первый в два этажа, второй угловой, одноэтажный. Вся эта территория до 60-х годов

XIX века принадлежала титулярному советнику Подобыдову. Затем западная часть усадебного места перешла к чиновнику Егору Бенедиктову, построившему здесь дом в два этажа, нижний из которых надолго стал одной из первых в городе парикмахерских. Позже нижний этаж арендовал предприниматель Остерман под магазин «Портплед». Рекламный проспект магазина предлагал покупателям сундуки на любой вкус со своими «секретами» и музыкальными замками; саквояжи всех размеров, как отечественные, так и разных фирм Европы и Америки, портвояжи, портпледы, ридикюли из натуральной кожи, в том числе крокодильей, школьные ранцы...

Восточная часть усадебного места Подобыдова перешла к купцу Петру Булыгину, который на углу Николаевского проспекта и Европейского переулка построил большой одноэтажный каменный дом. Здесь в семье Булыгина родились трое сыновей. Старший, Павел Петрович, стал известным в городе адвокатом, но по невыясненным причинам покончил жизнь самоубийством в 1912 году. Меньший, Константин Петрович, был известным художником, учителем рисования и черчения в дореволюционных, а затем и советских школах. И, наконец, средний из сыновей, Адриан Петрович, также увлекавшийся рисованием, после окончания Строительного института Главного управления путей сообщения и публичных зданий получил диплом с «правом производить строения». Именно в отцовском доме начинающий архитектор начал готовить проект трехэтажной пристройки к епархиальному женскому училищу по Митрофановскому переулку (сегодня пер. Зоотехнический). Здание это (сельхозакадемии) и сегодня поражает своей фундаментальностью, о чем еще пойдет разговор.

Вслед за этим на Николаевском проспекте им строится уникальное здание, вошедшее в историю как «аптека Байгера». Затем он строит здание женской гимназии на Варваринской площади (ныне школа № 3), новое здание государственного банка на Госпитальной улице (сегодня улица Ленина), каменный терем для адвокатской конторы Панова (сегодня физлечебница на ул. Дзержинского) и многие другие здания, украсившие губернский центр.

В 1920 году Адриан Петрович Булыгин, у которого отобрали им же построенный дом в Ореховом переулке (се-

годня Школьном), покидает советскую Россию и перебирается в Нью-Йорк. Здесь, как сегодня стало известно, он возвел несколько небоскребов, став одним из родоначальников высотного строительства в США.

Когда в конце 70-х годов XX века ломали дома Булыгиных и Бенедиктовых, то в фундаменте первого дома рабочие нашли большую горсть серебряных монет и бутылочку с какой-то жидкостью, видимо, вином. Это должно было, наверное, принести хозяевам материальное благополучие и радость жизни. Так оно и было, пока не появились здесь новые хозяева, вышвырнувшие на улицу старых...

В начале 80-х годов на месте старых особняков возвели новый многоэтажный дом. Возможно, так и должно быть, только жаль, что с каждым сломанным домом мы теряем облик старого города.

Дом Чеглакова

Под этим названием вошел в историю губернского Ставрополя некогда трехэтажный каменный дом на углу сегодняшних пр. Карла Маркса и ул. Коста Хетагурова.

Первым владельцем дома был чиновник 12-го класса, комиссионер местного интендантства Александр Иванович Серов. Само здание, возведенное им в 1836 году, тогда же было сдано в аренду под Казенную палату Присутственных мест города. Затем здесь обосновалось Ставропольское уездное училище, в октябре того же 1837 года преобразованное в гимназию. На торжествах присутствовал император Николай I со свитой, прибывший сюда из Тифлиса по пути в столицу. При этом были командующий войсками Кавказской линии генерал-лейтенант А.А. Вельяминов, граф Орлов, барон Розен, гражданский губернатор Ольшевский и другие. После торжественного молебна и речи Николая I областная гимназия, крупнейшая на Кавказе, была открыта. Два нижних этажа заняли учебные классы, библиотека, учительская и пр. Верхний этаж был отдан под пансион.

В 1847 году мужская гимназия перешла в новое здание на той же Большой Черкасской улице, а в доме Серова в 1849 году разместилось первое на Северном Кавказе среднее женское учебное заведение – училище св. Александра.

На открытии училища, в дальнейшем преобразованного в гимназию, присутствовали: наместник императора на Кавказе князь Воронцов с супругой Елизаветой Ксаверьевной, епископ Кавказский Иеремия, начальник штаба Кавказской линии Филипсон и другие.

Целью училища, как писалось в уставе, было «воспитание набожных девиц, хороших матерей семейств, скромных и попечительных хозяек». В 1862 году Александровское женское училище перешло в новое здание, специально для него возведенное в начале сегодняшней улицы Советской известным меценатом Лавром Ермолаевичем Павловым.

В 1865 году дом наследников комиссионера Серова согласно предложению генерал-лейтенанта Компферта и распоряжению Главного штаба Кавказской армии был арендован под военный госпиталь для раненых солдат и офицеров. Госпиталь этот просуществовал вплоть до второй половины 70-х годов XIX века.

В конце 70-х годов дом Серова купил проживавший в Варшаве подпоручик Петр Чеглаков, отчего с того времени дом этот именовался «чеглаковским». В приобретенном доме он устроил гостиницу «Европа», которая дала наименование бывшей Афросимовской улице – Европейская. Сегодня это улица Коста Хетагурова.

На протяжении последующих лет на доме Чеглакова, как в калейдоскопе, сменялись вывески арендаторов. В 1911 году верхний этаж занимало отделение Русского Торгового Промышленного банка. В нижнем размещался французский электробиограф «ПАТЭ». Два красных петуха – эмблема фирмы – скоро украсили улицы Ставрополя. Огромные афиши сообщали ошарашенным обывателям об остросюжетных фильмах, которые они могли увидеть:

«Убийство герцога Ризе», «Путешествие на Луну», «В дебрях Южной Америки», «Ночь возмездия». «Картины демонстрируются под аккомпанемент пианино, – сообщалось в афишных рекламах. – Ложа – 3 руб., бельэтаж – 75 коп., стулья – 10 коп.».

С Николаевского проспекта подуподвальное помещение, а с южной стороны обычное занимал пивной бар известного чешского пивовара Густава Дердау, завод которого был устроен по проекту архитектора Георгия Прокопца

во дворе этого же дома, с фасадной частью на Европейский переулок (полутораэтажный дом сохранился). Здесь можно было отведать выдержанное бочковое пиво нескольких сортов с, как писалось в меню, «икрой паюсной аучевской малосоленой, кетовой зернистой, осетровыми и севрюжными донскими балыками, тешкой, белорыбицей донской, лососиной, королевскими омарами и кавказскими раками, копченой и вяленой навагой, рыбцом, шемаей, селявой, копчушкой и мезенью, двинской семгой, дунайской, керченской и королевской сельдью, боярской килькой, балтийскими шпротами, сардинами «Филипп Капо»... К пиву подавались также сыры швейцарский и мещерский, «Рокфор» и «Честер», голландский, львовский, «Бекштейн», «Шмандкезе», осетинский, а также солененькие сухарики и бублички, креветки, подсоленные тыквенные и подсолнечные семечки, маринованные огурчики...

В саду дома Чеглакова Густав Дердау устроил открытый ресторан «Иверия», в советское время переоборудованный под столовую (здание частично сохранилось).

С начала Первой мировой войны в доме Чеглакова появились новые хозяева – редакция газеты «Северокавказское слово», модно-галантерейный магазин Дьячкова, фотография Волкова. В советское время дом Чеглакова был вновь перестроен, и вместо трех в нем осталось два этажа. В нижнем первоначально находился нэповский магазин мануфактуры, а уже после Великой Отечественной войны – известный магазин «Рыба». Верхний этаж перепланировали под коммуналку.

С усадьбой Чеглакова с восточной стороны соседствовало усадебное место подпоручика Ивана Ивановича Янковского, построившего двухэтажный дом (нижний этаж – каменный, верхний – деревянный). Дом этот Янковский сдавал Приказу общественного призрения, ведавшему делами призрения детей и обездоленных, больницами, поликлиниками и пр. Затем этот дом с усадьбой перешел известному врачу Никольскому, который впритык к дому Чеглакова с западной стороны построил новый каменный дом в два этажа.

В нижнем этаже нового дома, дошедшего до нас, располагался кожно-галантерейный магазин Дмитрия Пахомова, имевший большой выбор мужского и дамского белья

известной московской фирмы Кандырина, а также «корсеты Дютоа, швейцарское шитье по батисту, чулки, носки, галстуки, ридикюли, кошельки, мужские и дамские зонты, альбомы, несессеры...»

Парфюмерный отдел предлагал изделия известной французской фирмы «Брокаръ и К»: одеколоны «Персидская сирень», «Идеал грез», «Рейнские букеты», крем «Ренессанс», пудру «Лебяжий пух», «Каприз», мыло «Хрустальное». Сегодня верхний этаж дома Чеглакова и Янковского занят биржей труда.

Никольский строит и второй дом с некогда размещавшимся там пивным баром известного ставропольского пивовара Антона Груби. Дом этот в наши дни был сломан, и на его месте построено четырехэтажное остекленное здание, ставшее инородным телом в облике старого проспекта.

Питейная контора

Расположенное ниже усадебное место с бывшим продуктовым магазином «Восход» связано с именем известного ставропольского купца 1-й гильдии, почетного гражданина Ставрополя Игната Волобуева. В 1828 году он приобрел это усадебное место у вдовы первого строителя Ставропольской крепости – капитанши Прасковьи Устиновой. В полутораэтажном доме Устиновой, находившемся в глубине усадьбы и дошедшем до наших дней, Игнат Волобуев открыл некогда знаменитую «Питейную контору», именуемую в народе «ведерной». Здесь шла оптовая, ведрами и бочками, торговля водкой и спиртом, доставляемыми Волобуевым из Астрахани.

Игнатий Юдович, являясь главным откупщиком снабжения армии водкой и спиртом, помимо прочей деятельности, быстро сколотил значительный капитал. На приобретенном месте он построил новый дом фасадом на Большую Черкасскую – с улицы в один этаж, со двора – в два. Сын Игната Волобуева Василий, а затем и внук Николай в отцовском доме открыли торговые лавки по продаже хлеба, мясных изделий и винно-водочной продукции. На южной стороне усадьбы, выходящей на 3-ю Мещанскую улицу, позже переименованную в Александровскую (сегодня –

Дзержинского), они построили большой одноэтажный деревянный дом, названный «Мещанским питейным домом» (до недавнего времени в этом здании находился детский сад, а сегодня – одна из служб погранвойск).

В 70-х годах XIX века усадьба Волобуевых со всеми строениями была приобретена купеческим магнатом Макаром Поповым, который в 1881 году перепродал ее торговому дому «А.Н. Филимонов».

Алексей Николаевич Филимонов в доме, выходящем на Николаевский проспект, открыл посудо-хозяйственный магазин. Однако дом оказался для него тесным, и в 1896 году хозяин разобрал его, а на освободившемся месте по проекту архитектора Михаила Иосифовича Бржезицкого построил новый, в два этажа, с огромными подвальными помещениями, центральным арочным проездом во двор, двумя торговыми залами в нижнем этаже и двумя – в верхнем.

В рекламном проспекте посудо-хозяйственного магазина посетителям предлагался «громадный выбор хрусталя и фарфора русских и зарубежных фабрик, зеркал, киотов и икон; большой выбор посуды из никеля, красной меди, луженой и деревянной, эмалированной, алюминиевой и стальной; бронзовые подсвечники, канделябры, фонари; кухонные изделия с накладным серебром, печи для отопления квартир стокгольмской фирмы «Примусъ» и берлинской «Грецъ»; спиртово-калильные фонари, будуарные и гостиные фонари «Амплэ» в серебряных и бронзовых гарнитурах русских и западных фирм; стеклярус, позумент к люстрам» и пр.

Весь верхний этаж здания надолго был отдан под отделение Государственного банка России. Об этом говорила и лепнина букв по фасаду здания: «Государственный банк России», частично сохранившаяся и сегодня. Здесь в железобетонных комнатах и бронированных кладовых с арнтеймскими безопасными ящиками (сейфами) хранился золотой запас города и всей Ставропольском губернии, ценные бумаги.

Сводчатые подвалы дома занимал винный погребок Исая Арутюнова, в котором предпочтение отдавалось кахетинским винам и шашлыкам из молодой баранины с разнообразными зеленными приправами и салатами из дичи, трески с хреном, крабов с грибами...

В здании бывшей «ведерной» в начале века обосновалась химическая красильная фабрика товарищества «Шредеръ и Шаупъ», принимавшая в чистку и окраску «всевозможное носильное белье, разного рода материи, страусовые перья, перчатки и пр.».

В начале того же XX века в доме Алексея Николаевича Филимонова произошло еще одно важное событие как для его семьи, так и для всего Ставрополя: родился Николай Алексеевич Филимонов. Закончив с золотой медалью Ставропольскую мужскую гимназию, а затем – с такой же медалью Петербургский политехнический институт, юный Филимонов оказался в Москве. К тому времени закончилась Гражданская война, и бывший купеческий сын начал осуществлять план ГОЭЛРО. Работал мастером участка на Волховской ГЭС, затем в его трудовой биографии были ДнепроГЭС, Волго-Донской канал... Грудь его украсила Золотая Звезда Героя. И, наконец, уже как лауреат Государственной премии, Николай Алексеевич стал главным инженером и автором проекта Красноярской ГЭС. Десять крупнейших энергостроек прошел наш земляк, стал профессором, доктором наук, преподавателем Санкт-Петербургского политехнического института, до революции блестяще им законченного.

Но вернемся в советский 1920 год, когда национализированный «филимоновский» дом облюбовала губернская милиция, которую возглавил красный командир Иосиф Апанасенко. Правда, милиция расположилась на втором этаже, а на первом, в правом крыле, по-прежнему находился уже советский посудо-хозяйственный магазин с новым парфюмерным отделом. Как вспоминают старожилы, ассортимент отдела был более чем скудным: кремы «Метаморфоза» и «Весна» в плоских круглых стеклянных баночках, одеколон и духи «Сирень». В левом крыле открылся книжный магазин, позже наименованный «Искрой». После ухода из здания губернской милиции второй этаж сначала занял магазин детской игрушки, а затем надолго – Центральная сберегательная касса.

Сегодня левое крыло здания занимает магазин аудиотехники, а правое – магазин спортивной одежды. Верхний этаж принадлежит Союзу писателей и издательскому центру.

Общество взаимного кредита

Территория к востоку от усадьбы Филимонова, где в двухэтажном доме долгое время находились крайком комсомола и мясной магазин, первоначально также принадлежала купцу Игнату Волобуеву. Затем место это перешло к ейскому купцу Якову Леонидову. В 1853 году Леонидов внезапно умер, и усадьба по наследству перешла к его сыну, Александру Яковлевичу. На месте, приобретенном отцом, Александр Леонидов в начале 60-х годов возвел величественное для своего времени здание в два этажа, фасадный рисунок которого, в греческом стиле, резко отличался от прочих городских строений. В нижнем этаже дома Леонидов открыл книжно-бумажный магазин, а верхний этаж сдал в аренду городу под Ставропольскую общественную, или публичную, библиотеку. Сама библиотека была основана в 1852 году по инициативе гражданского губернатора Александра Волоцкого. Здесь работал библиотекарем Герман Лопатин, в 1868 году высланный из Петербурга в Ставрополь под присмотр родных и надзор полиции. Публичная библиотека в доме Леонидова была им превращена, как сообщалось в доносах на имя губернатора, «в место сходок гимназистов и семинаристов старших классов и высланных в Ставрополь студентов».

По воспоминаниям современников, публичная библиотека имела прижизненные издания Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Бакунина. Здесь были собраны энциклопедические издания России и Европы, философские труды, начиная от Аристотеля, книги по истории, географии, культуре. Из периодических изданий в библиотеку того времени поступало более 40 наименований – практически все, что выходило в России. Большое место занимали русские и французские романы, имевшие особый спрос у гимназисток.

Александр Яковлевич Леонидов за вклад в развитие, образование и культуру города стал его почетным гражданином. Сын его, Федор Александрович, предпочел заниматься более прозаическим делом, устроив в нижнем этаже отцовского дома галантерейный магазин, а в верхнем – шикарный ресторан «Астория», где выступали все заезжие музыкальные знаменитости.

В этом доме у Федора Александровича родились два сына – Вячеслав и Николай. Братья после смерти отца вновь перестроили интерьер дома. В нижнем этаже по-прежнему остался галантерейный магазин, рекламные проспекты которого предлагали покупателям «столовое серебро лучших торговых домов России и Европы, женские украшения из драгоценных металлов с бриллиантами, изумрудами, бирюзой, жемчужные ожерелья, золотые и серебряные табакерки и сигаретницы, часы дамские и мужские – ручные, карманные, вмонтированные в браслеты, портсигары, перстни, хрустальные лампады в драгоценной оправе, иконы в серебряных и золоченых ризах, музыкальные шкатулки в золоте, серебре, слоновой кости, перламутре...»

Эти и другие изделия лучших ювелиров России и мира хранились на втором этаже, в сейфе «Товарищества Сущевского завода в Москве». Это была целая комната из бронированной стали с такой же стальной дверью со сложнейшим замком и звуковой сигнализацией. Внутри находились стальные стеллажи с ячейками-сейфами. Бронированная комната сохранилась, однако дверцы малых сейфов были срезаны автогеном большевиками, когда экспроприировалось их содержимое.

Второй этаж дома братья Леонидовы сдали внаем Обществу взаимного кредита, способствовавшему развитию предпринимательства в городе и всей губернии. Экспроприированный в советские годы особняк Леонидовых менял хозяев, потом верхний этаж надолго занял крайком комсомола, а в нижнем этаже расположился мясоколбасный магазин. Таким дом остается и сегодня, только вместо крайкома ВЛКСМ на втором этаже обосновалась туристская фирма «Спутник».

Типография Тимофеева

Последнее усадебное место этого квартала до пересечения Николаевского проспекта с Варваринской улицей (сегодня улица Розы Люксембург) с конца 20-х годов XIX века принадлежало Корнею Павловичу Чернову.

Корней Чернов, разбогатевший на поставке спирта ар-

мии, в угловой части усадьбы построил полутораэтажный каменный дом, в котором открыл сначала что-то вроде корчмы, а затем – широко известный питейный дом, наименованный «Бульварным». Вблизи находились заезжие дворы и гостиницы, в том числе – знаменитая гостиница Найтаки, где в основном жили кавказские офицеры, завсегдатаи этого питейного заведения. Вполне возможно, что трактир «Бульварный» посещал и М.Ю. Лермонтов, также останавливавшийся в гостинице Найтаки. В 1847 году на противоположной стороне Варваринской улицы обосновалась мужская гимназия, и, естественно, ее дирекция настояла на переносе питейного заседания Корнея Чернова в более отдаленное место. Тем более что Чернов торговал и пивом своего завода, устроенного им в районе источника Карабин.

Помимо предпринимательской и торговой деятельности, Корней Чернов занимался и общественными делами. С конца 20-х годов он неоднократно избирался городским головой, приложив немало усилий к благоустройству Ставрополя. В 1830 году по распоряжению главноуправляющего в Грузии генерал-фельдмаршала графа И.Ф. Паскевича-Эриванского грудь городского головы украсила золотая медаль на Анненской ленте «За отличие и усердие к службе»

Жизнь Корнея Чернова закончилась трагически. Так, в обнаруженном архивном документе за 1861 год говорится: «Поверенный ставропольского питейного откупа купец Чернов близ селения Безопасного был убит везшим его кучером, который взял сундук с принадлежавшими откупщику 35 тысячами рублей и неизвестно куда скрылся».

Наследники Корнея Чернова продали отцовскую усадьбу братьям Ивановым, Ивану и Михаилу, устроившим здесь заезжий двор. Затем усадьбой Чернова владел купец и банкир Макар Попов, позже – его сын Арутюн, в начале нового XX века продавший усадебное место предпринимателю Тимофею Ивановичу Тимофееву. Это был широко известный в городе и губернии книгоиздатель, решивший на приобретенном месте возвести самое современное здание типографии. В 1913 году он построил угловой каменный дом, с Николаевского проспекта в один этаж, а с улицы Варваринской – в два.

В двухэтажной части дома Тимофеев открыл свою новую типографию, оснащенную печатными, резальными, брошюровальными и прочими станками, доставленными из Германии. Им же было приобретено более пяти тысяч пудов шрифтов и рисунков. Здесь Тимофеев начал печатать книги, брошюры, газеты, афиши, бланки, плакаты, конверты, чеки и прочую полиграфическую продукцию.

В одноэтажной части здания, облицованного модной тогда зеленой голландской плиткой, с огромными, во всю стену, «корабельными» зеркальными стеклами в окнах, в том же 1913 году обосновался мебельный магазин торгового дома «И.И. Венецианов и Сын». Здесь покупателям предлагали венские и английские кресла и стулья орехового дерева, обитые бараканом и кашемиром, гардеробы, комоды, буфеты, горки, столы, мраморные умывальники, разнообразные кровати, бамбуковую дачную мебель, зеркала, багеты, обои, картины, драпировку – баракан, плюш, гобелен... В магазине имелся большой выбор стенных и настольных часов, самоваров, икон и прочих изделий. Здесь же находились столярная и обойно-драпировочная мастерские, где принимали заказы на обстановку казенных учреждений. В следующем году в торговой части дома Тимофеева обосновались магазин местного обувного короля Якова Семеновича Зайдмана и универсальный магазин Багарата Дмитриевича Бедросова. Между магазинами находилось кафе «Версаль».

В советское время все здание было отдано под типографию, наименованную «Пролетарий». При отступлении гитлеровцев из Ставрополя типография была сожжена. На месте уже окончательно разобранного здания было построено новое, многоэтажное, где долго размещался Ставропольский совнархоз.

Старая гимназия

В 1847 году на противоположном углу Николаевского проспекта и улицы Варваринской купцом Никитой Михайловичем Плотниковым по проекту известного ставропольского архитектора Григория Леонтьевича Ткаченко был возведен угловой каменный дом в два этажа с бельве-

дером, предназначенный для кавказской областной мужской гимназии. Нижний этаж дома со стороны Николаевского проспекта предназначался под торговые заведения. Здесь к дому первоначально примыкала каменная галерея, мешающая устройству тротуара, что в конце концов заставило Плотникова ее разобрать. Все остальные помещения здания были отданы под кавказскую мужскую гимназию сроком на 20 лет. Со двора второй этаж здания опоясывала деревянная стеклянная галерея, служащая для прохода в этот этаж здания, а также для прогулок гимназистов в непогоду.

Помимо учебных классов и кабинетов, здесь имелись шинельная, самоварная (что-то вроде буфета), учительская и зала. Бельведер с низким потолком занимали спальные комнаты. Позже в угловой части бельведера было устроено помещение для гимназической церкви во имя Архистратига Михаила, оборудованное по эскизам учителя рисования гимназии, в дальнейшем известного архитектора – Павла Григорьевича Воскресенского.

Под зданием располагались большие сводчатые подвальные помещения, где находились ледник, хранилище продуктов, топлива и пр. Во дворе, тянувшемся до параллельной Николаевскому проспекту улицы Михайловской (ныне улица Орджоникидзе) и полностью выложенном камнем, находились одноэтажное здание столовой, каменная баня, конюшня и каретный сарай. С восточной стороны усадебного места, впритык к старому зданию, Плотников построил еще один дом в два этажа, там хранили свои товары купцы, снимавшие нижний этаж главного здания.

В 1850 году гимназию посетил наследник престола Великий князь Александр Николаевич, оказавшийся в Ставрополе проездом из Тифлиса в Санкт-Петербург. Надо отметить, что мужская гимназия на протяжении всей своей истории являлась духовным центром всего Северного Кавказа. Здесь царил дух независимости и витали просветительские идеи, чему в немалой степени способствовали педагоги гимназии. Достаточно назвать одного из директоров гимназии – Я.М. Неверова, который был другом И.С. Тургенева, Т.Н. Грановского, Н.В. Станкевича.

Из стен гимназии, размещавшейся тогда в этом здании,

вышло немало выдающихся людей России, таких, как зоолог Н.Я. Динник, историк И.П. Кувшинский, политические деятели – Герман Лопатин и Михаил Бруснев.

Со смертью Никиты Михайловича Плотникова в 1852 году дом его перешел к сыну Николаю, затем – к внуку Александру. Последний вскоре попал в дом умалишенных в Петербурге, где и скончался. К тому времени срок аренды дома гимназией истек и она перебралась в специально для нее выстроенное здание на Александровской площади (сегодня – военный Институт связи). К тому времени наследники Александра Плотникова продали дом со всеми прочими усадебными строениями купеческому роду Меснянкиных – братьям Михаилу и Петру, которые несколько подновили здание «старой гимназии», как оно надолго стало именоваться в народе. При этом верхние этажи стали сдаваться ими под квартиры чиновников.

С начала нового XX века на здании менялись вывески магазинов. Главным стал фирменный магазин российско-американской резиновой мануфактуры со знаменитыми галошами фирмы «Треугольник», резиновыми надувными матрацами, ковриками для ванных, мячами, шапочками для купания и прочими резиновыми изделиями, стремительно захватывающими российский рынок.

Горы пачек цейлонского, индийского, китайского чая красовались в витринах «Чайного магазина братьев С. и М. Эрлихъ». Здесь можно было приобрести наиболее употребляемые горожанами продукты: чай калмыцкий, индийский, китайский, кофе «Сан-Сальвадорский», «Аравийский», «Ливанский», «Бразильский» и еще около 20 наименований; здесь же продавался и кофе местных сортов – Гольбрейха и Груби, работавших на привозном сырье.

В «Эдиссоновском» магазине братьев Меснянкиных имелись патентованные граммофоны, эдиссоновские музыкальные аппараты с разнообразными оркестровыми валиками, музыкальные пластинки товарищества «Сирена-Рекорд», «Поющий Ангел», патефонные иглы фирмы «Салонъ», разнообразные музыкальные шкатулки и музыкальные инструменты.

В советские годы старый дом Плотниковых был национализирован и обобран. Вместо магазинов были устроены комнаты для жилья. С переходом в Ставрополь краевых

учреждений из Пятигорска дом перестроили, вместо бельведера сделали обычный третий этаж. Тогда же разрушили бывшую гимназическую церковь и на ее месте сделали помещение для первых в городе электрических уличных часов. Под жилье перестроили и прочие усадебные строения. Таким дом оставался на протяжении последующих десятилетий.

Сегодня реконструкция вновь коснулась этого уголка города, при этом нижний этаж дома, выходящий на бывший Николаевский проспект, вновь заняли магазинчики, как в старые добрые дореволюционные времена.

Московская кондитерская

Впритык к зданию бывшей «старой гимназии» сегодня стоит двухэтажный каменный дом с кафе и магазином. Между ними – проход вглубь усадебного места с выходом на параллельную улицу Орджоникидзе.

Первым хозяином этого усадебного места был купец Яков Дьячков-Тарасов. Фасадом на Большую Черкасскую, как тогда именовался Николаевский проспект, он возвел небольшой двухэтажный дом, в котором открыл торговую лавку. В 1838 году в здании расположилось областное Кавказское правление с архивом, затем – Ставропольская комиссариатская комиссия, ведавшая снабжением войск Кавказской линии и Черномории провиантом и обмундированием.

Сын Якова Фрол, а затем его внук Василий перестроили старый дом, в глубине усадьбы возвели еще один в два этажа, а также конюшни, баню и прочие хозяйственные службы, открыв здесь заезжий двор.

Многочисленный род Дьячковых-Тарасовых оставил значительный след в истории не только Ставрополя, но и Екатеринодара – как в делах торговли, образования и культуры, так и в благотворительности.

В 1858 году есаул Войска Донского Павел Степанович Полушкин купил за 4140 рублей серебром все усадебное место Дьячковых-Тарасовых и продолжал использовать его как заезжий двор, теперь уже ставший именоваться «Есауловским».

В начале 60-х годов XIX века Полушкин продал усадьбу со всеми строениями купцу и предпринимателю Варфоломею Яковлевичу Попову, который через двадцать лет перепродал ее ейскому купцу Ивану Котелкину. Последний рядом с двухэтажным домом фасадом на Николаевский проспект построил еще такой же. И, наконец, новым хозяином всего подворья становится московский кондитер Николай Кириллович Челядинов, который оба дома по Николаевскому проспекту объединяет в один, оставляя между ними узкий проход на уровне первого этажа, сохранившийся до сегодняшнего дня.

В нижнем этаже правого, или западного крыла объединенного дома он устроил пекарню, а в левом, представляющем из себя большой зал, открыл вскоре ставшую широко известной «Московскую кондитерскую».

Кондитерская Челядинова предлагала покупателям самую разнообразную продукцию: ванильные сухарики, рулеты, кексы, печенье, торты, пирожные, слойки, куличи, кренделя, обыкновенные и фигурные ромовые бабы, пирожки и пироги с орешками, изюмом, медом, шоколадом, кремом и вареньем... «Челядиновские» торты были отмечены российскими дипломами и Большой Серебряной медалью на Всемирной выставке в Риме. Макет этой медали украшал витрину «Московской кондитерской», а оттиски с медали красовались на кондитерских коробках и счетах кондитерской.

Здесь же, в кондитерской Челядинова, за специальными столиками с венскими стульями можно быть отведать, наряду с соками местных заводов, какао и кофе лучших фирм Европы и Америки, в том числе особенно полюбившиеся горожанам какао французской фирмы «Ван-Гутен», сахарную или медовую халву, шербет, конфеты местных фабрик Владимира Рощина и братьев Макаровых; сладости московской фабрики Абрикосова: конфеты «Виктория», «Принцесса», «Алая роза», пастилу «Ранет», «Боярскую»; шоколадные конфеты известных западных «конфетных королей» – Эйнема, Жоржа Бормана, Швейдера, Гала-Петер и др. Все это к тому же можно было заказать у Челядинова по телефону.

С южной стороны усадебного места, выходящего на Михайловскую улицу, Николай Челядинов в 1913 году

построил из штучного камня еще один двухэтажный каменный дом, где поселил рабочих своей пекарни. Дом этот сегодня стоит полуразрушенный, хотя в каком-то смысле является архитектурным памятником города.

В 1914 году Николай Челядинов продал свою усадьбу со всем «делом» своему ученику Федору Алексеевичу Дроздову, приумножившему дело Челядинова. Вместе с братом Василием, тоже кондитером, он на базе булочной Челдинова открыл кондитерскую фабрику «Флора». Продукция фабрики также отмечалась многочисленными российскими и европейскими наградами, а изготовленная братьями карамель «Дроздовка» получила высшую награду – Большую Золотую медаль на международной выставке в Париже.

Фабрика «Флора» стала образцом содружества предпринимателей и наемных рабочих, ячейкой социальной справедливости, разрушенной в годы революции и последующего строительства «коммунистического рая». Меньший из братьев, Василий, погиб от голода в 1921 году, старший попал в подвалы ЧК как «кровопийца», но уцелел; долго работал простым рабочим в городской хлебопекарне.

В советские годы старая усадьба была превращена в жэковскую коммуналку. Там, где располагалась кондитерская Челядинова, был устроен типографский цех газеты «Орджоникидзевская правда». Затем уже нижний этаж всего дома занимали новые и новые торговые «точки»...

Медальон с инициалами

Если присмотреться к дому, что ниже бывшей «Московской кондитерской», известному в Ставрополе своим большим балконом, то в фасадном украшении можно увидеть небольшой круг, в архитектуре именуемый медальоном, с двумя буквами «ЕК». Это – инициалы купца и предпринимателя, крупного общественного деятеля Константина Епифанова.

Первоначально это усадебное место, также выходящее и на улицу Михайловскую, принадлежало купцу 3-й гильдии Ивлею Ермолову. Его сын Николай в начале 40-х годов XIX века открыл в городе первый пивоваренный заво-

дик на месте у родника Карабин. В отцовском доме Николай Ермолов устроил пивную лавку. Здесь же действовала одна из первых в городе кофеен. Затем уже сын Николая Ивлеевича Аркадий продал всю усадьбу известному в те годы купцу Андрею Сербинову.

Новый хозяин построил в глубине усадебного места еще один двухэтажный каменный дом с галереей по второму этажу, открыв здесь постоялый двор с заездом со стороны Михайловской улицы.

С начала XX века старая усадьба перешла во владение купца 2-й гильдии Константина Васильевича Епифанова. (Небезынтересно, что его брат являлся директором одной из женских гимназий Ставрополя). В 1877 году Константин Епифанов по проекту известного ставропольского архитектора Георгия Федоровича Прокопца сделал двухэтажную пристройку со двора и соединил все три дома между собой в виде буквы «П».

В нижнем этаже фасадной части здания разместился магазин готового платья некоего Руднева – «От лучших модельеров Москвы и Парижа, а также собственного изготовления». Магазин имел и большой выбор тканей – шелковых, шерстяных, суконных и полотняных. Были здесь и драпы «Лабори» и «Деманж», знаменитый «Касторъ», английский вельвет, российские меха... Причем все это – «по самым низким ценам и с доставкой на дом».

Верхний этаж дома первоначально сдавался под «епифановскую» гостиницу. Затем он был сдан в аренду отделению Азовско-Донского коммерческого банка. Именно тогда при перестройке внутренних интерьеров дома здесь были устроены бронированные кладовые и возведен тот самый балкон, накрывший весь тротуар, где и сегодня можно прочесть чугунную вязь букв – «Азовско-Донской коммерческий банкъ».

В советское время национализированный дом Константина Епифанова занимали различные учреждения, в том числе Госстрах. С начала 30-х годов здесь разместились редакция газеты «Орджоникидзевская правда» (с января 1943 г. переименовала в «Ставропольскую правду»), редакция газеты «Молодой ленинец» и детской газеты «Сталинские ребята». Небезынтересно, что в период временной оккупации Ставрополя (тогда Ворошиловска) гитле-

ровцами здесь обосновались редакции газеты 1-й танковой армии Гитлера «Танки, вперед!» и гражданской газеты «Утро Кавказа».

В 50-е годы в здании появились новые хозяева, в том числе ДОСААФ, которые мало заботились о сохранении здания, отчего начал рушиться фасад дома, его знаменитый балкон, прогнила крыша... И вот лишь сегодня робко предпринимаются попытки возродить дом и всю старую усадьбу Константина Васильевича Епифанова.

Табачная лавка «Меркурий»

Расположенное ниже здание – двухэтажный каменный дом и примыкающий к нему с восточной стороны еще один – некогда входили в усадебное место, с 30-х годов позапрошлого столетия принадлежавшее купцу Трофиму Поваляеву.

Это был один из крупнейших предпринимателей, переправлявший в Москву и Петербург за один раз до 600 голов крупного рогатого скота. Здесь жил и брат Поваляева Иван, также занимавшийся продажей скота. Ему после смерти брата перешло все усадебное место. Здесь у Ивана Трофимовича родилось четверо сыновей – Степан, Спиридон, Илья и Данила. После смерти отца они перестроили родительский дом, разместив в нижнем этаже сначала «штофную», затем – булочную. Благо рядом находилась гостиница «Москва» Ивана Ганиловского, так что клиентов было много.

В начале 50-х годов XIX столетия хозяином дома и всей усадьбы стал внук основателя рода Поваляевых Сергей Ильич. Он снес старый дом, где верхний этаж был деревянный, и возвел новый из штучного камня-ракушечника. В нижнем этаже он устроил магазин «Азиатские товары», где наряду с продукцией горцев Кавказа – бурками, бешметами, черкесками, седлами, холодным оружием с чеканкой и пр. – имелись самые разнообразные изделия из Самарканда и Бухары, в том числе шали, платки, халаты, обувь, головные уборы, шелковые и хлопчатобумажные ткани.

В конце XIX века хозяином старой поваляевской усадь-

бы стал праправнук Трофима Поваляева – Михаил Александрович Поваляев. В 1896 году он по проекту архитектора Михаила Бржезицкого фасадом к Николаевскому проспекту пристроил еще один двухэтажный дом, правда, меньше размером. Здесь он открыл широко известный в дальнейшем во всей Ставропольской губернии табачный магазин «Меркурий».

Необходимо сказать, что в дореволюционном Ставрополе имелось несколько небольших табачных заведений, которые именовались не иначе как фабриками. Это – фабрики купцов Стасенковых и Алафузовых, а также более мелкие – Устина Мамотина, Михаила Зозулевского, Василия Малютина, Василия Гороховцева и пр. Здесь изготовляли российскую махорку с многочисленных местных плантаций табака, а также табак из привозного сырья «азиатских» сортов – «Шариазъ», «Султанский», «Турецкий», «Салоникский», «Виргинский», «Гунди», «Куба» и пр.

В табачной лавке «Меркурий» покупателям предлагалась продукция не только местных табачных предприятий, но и всей России, Европы и Америки. Это – табак сортов «Галлея», «Фуроръ», «Реноме», папиросы «Офицерские», «Ява», «Венера», «Аристократъ», «Яръ», табаки фирм «Роскошь», «Борьба», «Звон» и пр.

В табачной лавке были и гавайские сигареты и сигары, портативные машинки для набивки папирос фирмы «Фениксъ», механические спичечницы «Американка» (зажигалки на керосине), папиросницы и табакерки, мундштуки доктора Коха «Метрионъ», уничтожающие никотин, шведские спички, пепельницы из металла, фарфора, стекла, хрусталя.

Табачная лавка «Меркурий» поражала посетителей и своим внутренним убранством. Прилавок, стены и потолок были выложены голландской плиткой желто-золотого, красного и черного цветов в виде фантастических растений.

В советское время, начиная с нэпа, бывшая табачная лавка «Меркурий» вновь ожила, чтоб просуществовать до конца 60-х годов. Во втором доме Поваляевых, изгнанных из своего родового гнезда в 1920 году, на первом этаже размещались различные магазины, в том числе овощной. На втором этаже в предреволюционное время находилась

«Новая типография» Хаймовича, в советское время перешедшая в ведение газеты «Власть Советов», затем – «Орджоникидзевской правды». Сегодня в нижних этажах находятся новые магазины...

Гостиница Найтаки

Ставрополь как административный, военный, торговый, религиозный и культурный центр всего Предкавказья с момента своего рождения испытывал нужду в жилье для приезжающих или проезжающих через город чиновников, военных, купцов. А потому здесь была введена квартирная повинность, сдерживавшая рост города. В жилье нуждались и крестьяне ближних и дальних сел и станиц, приезжающие сюда на знаменитые ставропольские базары и ярмарки, просто переселенцы. Поэтому первые постоялые дворы возникли еще в конце XVIII века у первого городского базара, у южного склона Крепостной горы. Это – заезжие дворы купцов Волкова, Волобуева, Тарасова и др. Надворный советник М.П. Афросимов, стоявший во главе переселенческой конторы в Ставрополе, устроил целую улицу ночлежных или постоялых домов, положивших начало проулку Афросимовскому (сегодня улица Коста Хетагурова).

Наряду со все новыми и новыми постоялыми дворами, в Ставрополе открывались и первые гостиничные заведения для состоятельной публики, прежде всего офицеров Кавказской армии. И первой такой гостиницей стала вошедшая в летопись города «найтаковская» ресторация, принадлежавшая купцу И. Ганиловскому.

Начиная с 1835 года все мемуаристы и многие литераторы, посещавшие Ставрополь, упоминали об этой гостинице. В ней останавливались летописцы Кавказа Ф.Ф. Торнау и М.Я. Ольшевский, поэт П.А. Катенин. Здесь жили сосланные из Сибири на Кавказ декабристы А.А. Бестужев, С.И. Кривцов, М.А. Назимов, Н.И. Лорер. Здесь же предположительно произошла встреча Михаила Лермонтова с Александром Одоевским, описанная современниками.

К 1841 году относится описание гостиницы, сделанное офицером П.И. Магденко: «Помещение ее было довольно

комфортабельно: комнаты высокие, мебель прекрасная. Большие растворенные окна дышали свежим живительным воздухом. Всюду военные лица, костюмы – ни одного штатского, и все почти раненые: кто без руки, кто без ноги, на лицах рубцы и шрамы... Вечером в общих покоях было полно людей. В бильярдной, в гостиной, в номерах, лучшими из которых считались те, что располагались на «Савельевской галерее», – всюду шла азартная игра. В бильярд нередко играли по 100 рублей за партию. На столах игроков в карты лежали груды золота и кипы ассигнаций. Сам Найтаки – маленький смуглый господин с огромными черными бакенбардами – был на своем посту, следя за развлечением гостей...»

Некогда известная писательница Е.П. Лачинова в своей повести «Проделки на Кавказе» писала: «В Ставрополе найдете одну только роскошь, которой всю цену узнаете в особенности зимой. Это – гостиница... В этом трактире, который есть род клуба, вы проводите целые дни и находитесь в обществе всех приезжих...»

В 1843 году в Ставрополе оказался известный швейцарский живописец-акварелист Иоганн Якоб Мейер, участвовавший затем в военной экспедиции на Урун и оставивший нам свои акварели «Лагерь по Урупу» и «Сражение», вошедшие в золотой фонд летописи Кавказской войны. Мейер также останавливался в гостинице Найтаки. Он записал в своем дневнике: «В номерах, общих залах, бильярдной можно было увидеть кавказских линейных офицеров в темно-синих черкесках с алыми газырями, тенгинцев в темно-зеленых с красными отворотами сюртуках, гренадеров, егерей, бомбардиров...»

Где же находилась гостиница Найтаки? На протяжении многих лет ее местонахождение безуспешно искали краеведы Г. Прозрителев, Л. Польский, В. Гниловской. Автору этой книги потребовались годы, чтобы среди сотен тысяч архивных дел найти один документ, точно указывающий ее местонахождение. То был «Список домовладений жителей гор. Ставрополя 2-й части за 1840 год». В списке по ул. Черкасской (в дальнейшем Николаевском проспекте) указывалось, что сразу за домами Поваляевых находилось усадебное место купцов Ганиловских с припиской – «где ресторация». То и была гостиница, или ресторация «Мо-

сква», как официально она именовалась, но вошедшая в историю как «найтаковская».

В дальнейшем бывшее здание гостиницы перепродавалось, пока не стало достоянием рода московских купцов Такиджиевых, которые в 90-е годы полностью перестроили здание. Теперь здесь расположились «музыкальные классы», ресторан с игральными комнатами, затем с Первой мировой войны госпиталь...

В советское время с начала нэпа разместились ресторан (на первом этаже) и «рулетка-клуб» на втором, где с разрешения властей устраивались азартные игры. Затем частный ресторан стал государственным под названием «Эльбрус», а на втором этаже разместилось музыкальное училище.

Сегодня нижний этаж заняли магазины «Эллада» и «Найтаки», а на втором этаже обосновалось греческое общество «Аннагенеси», что значит «Возрождение». На самом здании установлена мемориальная доска с указанием, что на том месте была некогда знаменитая гостиница «Найтаки», где останавливались многие великие сыны России.

«Биоскоп»

За усадебным местом купца Ивана Ганиловского в начале прошлого века жил отставной солдат, а в дальнейшем купец 3-й гильдии Иван Ефремов. Он торговал в лавке «...ситцем, холстом, канаусом, полубархатом, миткалем, коленкором, шведской холстиной, китайкой, бумажными платками, стеганными одеялами, сарпинковыми платками, кашемировыми французскими скатертями, персидскими коврами, полотенцами...»

В 40-х годах усадьба умершего солдата Ефремова с «баней каменной, амбаром деревянным, кухней, конюшней, колодцем и малым фруктовым садом» перешла к купцу 2-й гильдии Николаю Ивановичу Пустынникову, торговавшему «панским и суконным товаром с годовым оборотом в 50 тысяч рублей серебром».

Прошло еще полстолетия, и новым хозяином усадебного места стал купец 1-й гильдии поляк Карл Васильевич

Новотни с годовым торговым оборотом в 300 тысяч рублей серебром. В 1896 году на месте сломанных старых построек по проекту и под наблюдением архитектора Михаила Иосифовича Бжезицкого он возвел новый дом в два этажа, каменный, с многочисленными фасадными украшениями эклектичного стиля, балконом, арочным проездом для экипажей, подвальным помещением под всем домом. Строение это благополучно дожило до наших дней. Во дворе Новотни устроил небольшой, но оснащенный самым современным оборудованием колбасный завод, продукция которого успешно конкурировала с местным колбасным заводом Конюхова.

В 1907 году Ставрополь охватила «кинематографическая лихорадка». В малоприспособленных помещениях города начали демонстрировать первые киноленты французских изобретателей братьев Люмьер. Именно тогда Карл Новотни сдал второй этаж своего нового дома предпринимателям Ф. Беленовскому и П. Назаренко под кинематограф «Биоскопъ», в котором в тот год было устроено более 200 киносеансов с посещением их 64000 горожан. В следующем году это число выросло до 74000 человек.

Увидев явную выгоду от нового бизнеса, Карл Новотни к востоку от дома и впритык к нему на пустом месте построил здание специально под стационарный кинематограф. Стройка эта закончилась в 1909 году. Тогда же арендатором нового «Биоскопа» стал предприниматель Баграт Дмитриевич Бедросов. Сам кинематограф занял верхний этаж дома, а в нижнем Бедросов открыл универсальный магазин. В рекламном проспекте указывалось: «В магазине всегда в большом выборе и по умеренным ценам лучшее охотничье оружие и принадлежности к нему, велосипеды акционерного общества «Дуксъ», швейные машины американских и германских фабрик, граммофоны и патефоны, кассы-шкафы панцирные несгораемые, струнные музыкальные инструменты и пианино, разные хозяйственные вещи. Роскошные вещи для подарков. Лучший в мире линолеум «Проводник». Парикмахерские принадлежности. Громадный электрический отдел. Пишущие машинки «Ундервудъ». Бильярды с деревянными, аспидными и мраморными досками, шарами из слоновой кости, многослойными киями...»

В советское время двухэтажный дом и здание кинотеатра с магазином были конфискованы у наследников умершего к тому времени Карла Новотни. Сам кинематограф был переименован в «Арс», оставаясь любимым кинотеатром горожан. Уже в 30-е годы был переименован в «Октябрь», сохранив это название, к сожалению, до наших дней. Сегодня это не только кинотеатр, но и центр культурного досуга горожан. Здесь же разместились службы управления культуры города.

Ставропольский художественный кружок

Дом на проспекте Карла Маркса, 60, сразу за кинотеатром «Октябрь», с конца XIX века вошел в историю Ставрополя как его художественный центр.

Первым владельцем этого усадебного места был некогда известный купец 1-й гильдии Фрол Тарасов, потом войсковой старшина Павел Полушкин, затем усадьбу с двухэтажным домом приобрел нахичеванский купец 3-й гильдии армянин Варфоломей Яковлевич Попов. Его сын, купец 1-й гильдии Макар Попов, в 1861 году разобрал старый дом и на его месте построил каменный, в два этажа, с балконом на Николаевский проспект и верандой внутрь усадьбы. В нижнем этаже Макар Попов устроил свою ссудную кассу, по существу, первый частный банк города.

Верхний этаж, куда первоначально вела дубовая лестница, в 90-х годах замененная на чугунную, отлитую на местном чугунолитейном заводе Руднева и Шмидта, кстати, сохранившаяся до сегодняшнего дня, занимал сам хозяин дома. Огромный зал с большими итальянскими окнами, прекрасным ореховым паркетом, потолочной лепниной, расписанной лучшими альфрейщиками, прочие комнаты с белоснежной плиткой голландских печей и мебелью из красного дерева в 1893 году дополнились венецианскими зеркалами и люстрами, привезенными Поповым из заграничной поездки.

В том же году купец во дворе усадьбы сделал две боковые двухэтажные пристройки к дому с балконами во внутренний двор. В следующем 1894 году Макар Попов,

владевший несколькими особняками на том же Николаевском проспекте, Театральной, Воронцовской и Александровской улицах, находясь на лечении в Германии, скончался. Тело его в цинковом гробу было доставлено в Ставрополь и захоронено в семейном склепе в ограде армянской церкви.

Сын Макара Попова, Арутюн Макарович, продал отцовский дом надворному советнику Рощину, который частично переделал интерьер дома, а также его фасад в эклектичном стиле, полюбившемся ему за время многочисленных поездок в Италию и Францию, где жили его братья.

Дмитрий Федорович Рощин, человек образованный, поклонник искусств, задумал устроить в приобретенном особняке своеобразный культурный центр, где могла бы не только собираться, но и работать творческая интеллигенция города: художники, литераторы, музыканты. Так, здесь впервые открылись музыкальные классы, где музыкальное образование бесплатно получили десятки юношей и девушек разных сословий.

По инициативе выпускника Академии художеств России Ивана Ивановича Васильева было учреждено общество художников под названием «Ставропольский художественный кружок», разместившееся в доме Рощина.

Исходя из устава кружка, здесь устраивались «собрания для общения на почве интересующих их искусств, литературно-художественные вечера, спектакли, концерты, лекции по искусству». В комнатах Рощина работали самые разнообразные кружки – рисования, живописи, лепки, музыки и пения, сценического искусства, литературы. Руководили ими известные в городе преподаватели: писатель, поэт и художник Евгений Константинович Псковитинов, учитель рисования мужской гимназии Самуэль Абрамович Уманский, преподаватель черчения и рисования учительской семинарии и учительского института Дмитрий Антонович Лищенко, учитель пения духовной семинарии, композитор и дирижер Василий Дмитриевич Беневский и многие другие талантливые педагоги.

При художественном кружке были открыты и художественные курсы по профессиональной переподготовке художников, где, кстати, церковную и иконостасную жи-

вопись преподавали Константин Леванович Хетагуров и Виктор Кирианович Маслов, кисти которых принадлежали многочисленные иконы в церквах и соборах Ставрополя и Ставропольской епархии, а также и роспись стен.

С начала XX века хозяином усадебного места Дмитрия Федоровича Рощина стал его двоюродный брат Василий Петрович, человек интеллигентный, но далекий от искусства. Он сдал нижний этаж под магазины, а верхний – под банковскую контору. Усадебные строения внутри двора он отдал кондитерам, долгое время выпекавшим здесь разнообразные печенья, пряники, торты, булочки, пирожки и пр.

В годы советской власти в экспроприированном доме Рощина верхний этаж по-прежнему занимал банк, а в нижнем этаже, выходящем на улицу Красную (сегодня проспект Карла Маркса), обосновались ювелирный и канцелярский магазины. Продолжала существовать и кондитерская фабрика. Затем здание было передано под курсы повышения квалификации учителей, переросшие в Институт усовершенствования учителей. На месте бывших магазинов, в том числе и ювелирного, расположились новые.

Усадьба Меснянкиных

Участок земли за домом Рощина с начала XIX века принадлежал некоему Сонникову, затем – Василию Горбачеву. Позже вся усадьба перешла во владение Михаила Ивановича Меснянкина, одного из четырех сыновей основателя рода – Ивана Семеновича Меснянкина.

Михаил Меснянкин, как отец и братья, занимался продажей скота в Санкт-Петербурге и Москве. Имел бойню и небольшой заводик по выделке кожи. Сын его Александр после смерти отца продолжил семейное дело, устроив в лавке одноэтажного отцовского дома оптовую продажу парусины, брезента и кож. Расширил кожевенный заводик, где, помимо выделки кож, изготовлял обувную подошву. В этом деле достиг больших успехов. В рекламном проспекте его торгового дома говорилось: «За выделку подошвенных кож имею две Большие Золотые медали и одну Серебряную на выставках в гг. Ростове, Миллерово и Каменском».

В то время как большинство купцов по Николаевскому проспекту построили себе новые дома, Александр Меснянкин ютился в старом, отцовском. И лишь в начале XX века на месте сломанного дома начал строить новый – в два этажа, с большими итальянскими окнами и огромным балконом по фасаду, с каменными вазами по карнизу и массивной декоративной башней с флюгером, просторным помещением нижнего этажа под магазин и личными апартаментами второго. Дом этот по своей стоимости – 70 тысяч рублей серебром – превзошел все прочие строения этого района.

В своем магазине Александр Меснянкин торговал не только продукцией кожевенного завода, но и обувью, изготовленной местными заводчиками из сырья Меснянкина – хромовой и шевровой, сафьяновой, платовой, шагреневой, коневой. Здесь же, в магазине, находился отдел американской компании «Зингер», имевшей в России 1200 магазинов и отделов. Помимо швейных машин стоимостью в 25 рублей с рассрочкой платежа на пять и более лет, покупатели могли приобрести штопальные аппараты, нитки различной толщины и цвета. Здесь же давали консультации по работе на швейной машинке, а также бесплатно обучали художественной машинной вышивке.

Во дворе дома Александр Михайлович Меснянкин сделал служебные и хозяйственные пристройки. Подвальное помещение занимали кофейня «Черный арап» и пивной бар российско-баварского пивоваренного общества «Бавария».

В начале советских 20-х годов в нижнем этаже здания разместилась биржа труда. Ежедневно с раннего утра здесь выстраивались огромные очереди желающих получить работу, но в связи с разрухой и голодом эти очереди практически не уменьшались.

В период нэпа в бывшем магазине Меснянкина обосновались мелкие торговцы, а в верхнем, поделенном фанерными перегородками, – советские учреждения.

С годами дом ветшал как внутри, так и снаружи. Обрушился балкон, свалился флюгер, рассыпались декоративные вазы карниза. Уже в 60-е годы по фасаду нижнего этажа была устроена «аквариумная» витрина магазина «Фиалка», полностью обезобразившая здание, сегодня убранная.

Товарищество мануфактур братьев Тарасовых

С восточной стороны к дому Александра Меснянкина примыкала усадьба с двухэтажным домом, где нижний этаж до недавнего времени занимал фирменный магазин ставропольской обувной фабрики «Кавказ», а верхний – управление фабрики.

Из скупых архивных источников стало известно, что первым владельцем этого усадебного места был губернский секретарь Владимир Ясеновский (он же имел дом и на улице, названной его именем – Ясеновская). Затем усадебное место перешло во владение Фролу Тарасову, известному купцу 1-й гильдии, а затем – не менее известному Федору Григорьевичу Стасенкову.

Сын Федора Стасенкова Василий, купец 1-й гильдии, как и отец, а также – почетный гражданин Ставрополя, снабжал продовольствием военные магазины правого крыла Кавказской линии. На заработанные деньги он вскоре возвел вместо старых строений большой, в три этажа, дом. Этот дом он сдал в аренду предпринимателю Лариону Кузьмичу Алимову, открывшему здесь гостиницу «Парижъ».

Братья Василия Стасенкова – Иван, Михаил, Григорий, а также их дети и внуки владели в Ставрополе многочисленными торговыми домами, лавками, заводами и складами. Но начиная с 70-х годов XIX века род этот все более угасал, находя место последнего упокоения на Варваринском кладбище города, где еще Федор Григорьевич Стасенков над прахом своих родителей возвел церковь в честь святой великомученицы Варвары...

С конца XIX века усадьба Стасенковых перешла во владение купца 1-й гильдии Прокофия Меснянкина, который являлся главой фирмы «Торговый дом Прокофий Меснянкин с сыновьями». В 1896 году на месте пришедшего в ветхость трехэтажного дома под наблюдением и при участии архитектора Михаила Бржезицкого глава фирмы построил новый дом в два этажа. Со стороны Николаевского проспекта в усадьбу можно было попасть через сводчатый проезд под домом. Сам фасад здания украсил фамильный герб рода Меснянкиных, расшифровать который пока не удалось – на геральдическом щите треугольник, подвешенный к горизонтально расположенному удлиненному крюку...

Дом Меснянкиных вскоре перешел во владение к обрусевшему армянину Александру Аслановичу Тарасову. Вместе со своими двумя братьями он создал «Товарищество мануфактур бр. Тарасовых», большую часть времени находясь в Москве. В нижнем этаже дома «Товарищества» был открыт мануфактурный магазин с огромным числом наименований зимних, демисезонных и летних тканей. Даже их частичное перечисление для нас любопытно. Это «легкие шелковые ткани – штоф, левантина, тафта; материи, шитые золотом и серебром: вуали, газы, блонды; сукно, казимир, фланель; тканые ткани, кашемиры; а также этаминь, бизе, бетония, плезиръ, леонтинъ, гардине, изида, карре, крепъ бельгийский, гренадинъ, траверъ, крепъманго, джерсе, сулинъ, миткаль, меланжъ, трико, шевронъ, бумазея, бристоль-фасоне, шагрень, фай-суа, сатинетъ, ластикъ, фланелетъ, чесуча, гофре...»

Здесь же можно было купить и готовые изделия из «ситцевых, кисейных и кембриковых тканей», а также шляпы: касторовые, кожаные, матерчатые, соломенные. Имелся и большой выбор фуражек – шоферские, петроградские, московские, «фантазия», «аэропланы», греческие, фуражки форменные и гимназические.

В советские годы нэпа в бывшем тарасовском магазине открылся новый – «Детский мир» предпринимателя В.В. Траубе. Здесь можно было купить бумагу, краски, кисти, карандаши, чернильные приборы, игрушки и игры, спортивные принадлежности, в том числе обувь спортивную и обычную для детей, чего особенно не хватало. Возможно, поэтому уже в 30-е годы в бывшей усадьбе Тарасовых возникла артель по изготовлению детской, а затем и взрослой обуви. Позже артель переросла в фабрику, для которой со стороны улицы Орджоникидзе был построен производственный корпус. После Великой Отечественной войны фабрика стала разрастаться, получив в дальнейшем наименование «Кавказ».

В самом «тарасовском» магазине размещался в советские годы спортивный магазин «Динамо», а затем – обувной магазин «Кавказ».

Сегодня производственные площади бывшей фабрики «Кавказ», как и магазин, заняли новые предприниматели перестроечного времени.

Магазин «Медовый улей»

Предпоследним усадебным местом южной стороны бывшего Николаевского проспекта и Архиерейского переулка (ныне улица Геннадия Голенева) владел отставной гвардии поручик Федор Гуляев. В начале 30-х годов XIX века он продал усадебное место известному купцу 1-й гильдии, имевшему на той же Большой Черкасской, как первоначально именовался Николаевский проспект, несколько усадеб, Фролу Артамоновичу Тарасову. Затем хозяином усадьбы с небольшими хозяйственными строениями и домом в два этажа стал сын Тарасова Владимир, купец и предприниматель, имевший два свечных заводика.

С 50-х годов XIX века усадьба перешла во владение чиновника Зайцева, который вскоре перепродал ее купцу 2-й гильдии Егору Башмачникову и его сыну Никите Егоровичу.

Наконец, к концу XIX века последним хозяином усадьбы Федора Гуляева стал обрусевший армянин Карп Христофорович Зарифьянц, известный во всей Ставропольской губернии пасечник. На речке Ташле ему принадлежала образцовая пасека из нескольких сотен ульев с огромным фруктовым садом и медоносными угодьями. Мед с пасеки Зарифьянца был отмечен пятью золотыми медалями на выставках в России и Франции, Золотым крестом Римской Всемирной выставки. В 1903 году на месте снесенных строений фасадом на Николаевский проспект Зарифьянц по проекту архитектора Тимофея Ярамыньяна построил сказочный каменный терем в два этажа, вобравший в себя разные архитектурные стили.

В нижнем этаже этой градостроительной жемчужины Карп Христофорович устроил роскошный магазин «Золотой улей». Здесь, помимо многосортового меда, фасованного в разнообразные по размерам, цвету и этикеткам баночки из стекла, фарфора и дерева, можно было приобрести искусственную вощину, изготовленную на собственной вальцовой мельнице с американскими машинами «Рутъ», а также все то, что было нужно любителям и профессиональным пчеловодам.

Верхний этаж дома с большим залом первоначально сдавался под ресторан, а с 1907 года здесь предпринима-

телем Григорием Израильским был открыт кинематограф «Биофонъ». Только в тот год его посетило более 60 тысяч человек. В целях борьбы с конкурентами Израильский впервые в городе устроил электрическую рекламу, в том числе огромный красочный щит с электролампочками, подвешенный поперек южной стороны улицы. «Биофонъ» просуществовал несколько лет, пока здесь не разместился «Коммерческий клуб» (зимнее помещение), где собирались на отдых и ассамблеи купцы и предприниматели города и его гости. В 1913 году здание было газифицировано из собственной буровой Зарифьянца во дворе усадьбы.

В 20-е годы XX века в экспроприированном особняке Зарифьянца обосновался Центральный клуб Красной Армии, а затем – советские учреждения торговли, в том числе клуб работников торговли. В нижнем этаже разместился магазин «Торгсин», где в обмен на монеты царской чеканки и изделия из драгоценных металлов можно было приобрести любые продукты питания...

После Великой Отечественной войны верхний этаж занял Дом художественного воспитания детей, а нижний – продуктовый магазин. Во внутренних строениях усадьбы обосновались ремесленное училище № 5, а также разнообразные советские государственные учреждения.

Сегодня старый особняк, реставрированный по фасаду, продолжает жить, но уже новой жизнью.

Ерганжиевский угол

В начале XIX века на углу Большой Черкасской и проулка, ведущего к кузням (отчего он впоследствии стал именоваться Кузнечным, а затем, с устройством здесь Архиерейского подворья – Архиерейским), построил мазанку выходец из Курской губернии Иван Иванович Деревщиков. Его сыновья – Григорий и Тимофей – на месте отцовского дома возвели новый каменный, в один этаж, с флигелем в саду и многочисленными хозяйственными строениями. После внезапной смерти Тимофея Ивановича единственным наследником усадебного места стал Григорий Иванович, поступивший к тому времени на военную службу и вскоре оставивший Ставрополь. В 1854 году сын Григория

Деревщикова, Егор Григорьевич, прапорщик Кременчукского пехотного полка, продал отцовскую усадьбу со всеми постройками Василию Антоновичу Алафузову.

Купеческий род Алафузовых, выходцев из Греции, был широко известен на Кавказе. Им принадлежали многие торговые дома и лавки в Гостином ряду и на базарах города, винокуренные, табачные и прочие предприятия. В приобретенной усадьбе Алафузовы устроили еще один винокуренный завод по изготовлению водки, на что местные власти отреагировали отрицательно. Это заставило греческих купцов продать приобретенное ими усадебное место купеческому клану Поповых, а в районе Мутнянской долины построить новый винокуренный завод.

Последним владельцем усадьбы стал предприниматель Петр Степанович Ерганжиев. В 1913 году на месте старого домика Деревщиковых он построил новый, в два этажа, в рождающемся тогда архитектурном стиле конструктивизма, идущего на смену модерну. Лишь через двадцать с лишним лет после строительства этого здания в Ставрополе началась повальная лихорадка этого стиля.

В нижнем этаже возведенного здания в том же 1913 году разместился «Модно-галантерейный магазин В.И. Романцова». Здесь покупателям предлагалось: «...крахмальное белье, галстуки, платки, кашне, воротники и манжеты, полотняное и бумажное теплое белье по системе профессора Егера; теплые чулки, носки, гамаши, перчатки; зонты, трости, платки и капоры гарусные; дамские корсеты, кушаки, сумки, перчатки, вуали, кружева, прошвы, гипюры, газовые прошивки и тюль с блеском, аппликации, ленты шелковые, бархотки, шитье по батисту, веера, альбомы, дорожные вещи, венчальные уборы; мыло, пудра и прочие косметические и парфюмерные товары лучших фирм России и Европы».

Верхний этаж дома первоначально был складским, а затем сдавался под различные собрания – приказчиков, строителей, любителей животных и пр.

Дом Ерганжиева также был газифицирован, а на улице, помимо имеющихся электрических фонарей, горели и газовые светильники, под которыми любила собираться молодежь этой части города. Она-то и наименовала это место «Ерганжиевским углом».

В годы Гражданской войны здание Ерганжиева особенно не пострадало. Сам хозяин, не успевший покинуть город, не дожидаясь появления ЧК, застрелился...

С начала 20-х годов в экспроприированном здании обосновался Ставропольский губсовнархоз. Здесь же первоначально размещалась редакция газеты «Власть Советов». Затем здание перешло городскому потребительскому обществу (ГорПО), открывшему здесь свой магазин с промышленными и продовольственными товарами, хотя выбор до начала нэпа был минимальным. Затем уже арендаторы этого магазина заполнили его разнообразным ширпотребом. В послевоенные годы это был самый крупный универсальный магазин.

В 70-е годы прошлого столетия старый ерганжиевский дом был перестроен под магазин «Детский мир». При перестройке фасад здания был изменен до неузнаваемости. Таким он и остается – инородным телом в старом облике города.

Аптека Байгера

Противоположный угол от бывшего дома Ерганжиева занимает двухэтажный каменный дом, который без преувеличения можно назвать «музыкой в камне». Декоративные формы фасада здания в стиле модерн, отделанного темно-красным гранитом особой обработки с лепным растительным узором, облицовкой из голландской плитки, с затейливыми, разнообразными по форме и размерам окнами с зеркальными «корабельными» стеклами, изготовленными по специальному заказу в Германии, витражами, балконами и нарядной центральной башенкой для часов, неповторимыми по оригинальности лоджиями – все это не являлось только изяществом, а подчинялось внутренней планировке здания. Да и сами апартаменты отличались оригинальностью и великолепием. Это – мраморная мозаика полов, отделка всех помещений ценными породами дерева, внутренний балкон, будто парящий над огромным торговым залом...

Здание это вошло в историю города как «аптека Байгера». Располагаясь в одном из самых оживленных районов города, здание это играло и играет важную градострои-

тельную роль. Но вот кто и когда построил это великолепие, до последнего времени было неизвестно.

Как сообщают архивные источники, первым владельцем этого усадебного места был купец 3-й гильдии Николай Тутов. Затем, вплоть до 1896 года, здесь в одноэтажном каменном доме обосновался купец 2-й гильдии Поликарп Широченский. И, наконец, хозяином всего усадебного места с домом становится провизор Израиль Абрамович Пейсахович. Достаточно обеспеченный, Пейсахович решает на месте старого строения возвести новый дом.

Проектированием и строительством здания, первый камень в фундамент которого был заложен в 1910 году, занимался наш выдающийся архитектор Адриан Петрович Булыгин. Тогда же Пейсахович решает устроить в новом доме свою новую аптеку, о чем он писал в губернское врачебное управление:

«Прошу Вашего разрешения перенести свою 3-ю Вольную аптеку, располагающуюся в арендуемом здании купчихи Бабасиновой на углу Хоперской и Армянской (сегодня – Г. Голенева и Шаумяна), в собственный дом, строительство которого заканчивается на углу Николаевского проспекта и Архиерейской улицы».

Здание новой аптеки Пейсаховича окончательно было отстроено в 1912 году, куда он и перебрался с разрешения врачебного управления. Тогда же из Германии и Австрии было доставлено самое современное оборудование, что позволяло из местного растительного и животного сырья изготавливать различные лечебные препараты – бальзамы, смолы, эфирные масла, сгущенные растительные соки, порошки, отвары и настойки из корней растений, коры, трав, цветов, листьев, плодов, семян... Аптека имела и большой выбор химических препаратов и прочих патентованных средств известных фирм Европы и Америки.

После открытия аптеки Пейсахович сдает ее в аренду своему старому другу по учебе в медицинском институте в Германии – Иоанну Генриховичу Байгеру. Именно с того времени новая аптека надолго стала именоваться «Байгеровской». Здесь начинали работу такие известные ставропольские врачи и провизоры, как А. Майер, Н. Берков, Д. Франц, Р. Поллян, М. Голумбович, И. Прежбыльский и другие.

Верхний этаж дома Пейсахович сдал в аренду не менее известному врачу А.А. Бухштату, который устроил там женскую консультацию и родильный приют. В южном крыле дома обосновалась фельдшерская школа. Так дом Пейсаховича превратился в крупный лечебный и учебный центр города.

В 1914 году, с началом Первой мировой войны российское правительство, боясь нападения Турции на Закавказье, решает перевезти из Тифлиса музей «Храм Славы» с уникальными военно-историческими экспонатами, связанными с победами русского оружия на Кавказе. Более двухсот огромных ящиков, прибывших в Ставрополь по железной дороге, были размещены в подвалах и некоторых комнатах Байгеровской аптеки. Здесь они надежно хранились до 1920 года, когда их перевезли в музей Г.К. Праве, откуда через два года они были растащены по музеям страны, а самое ценное за гроши продано за границу.

С приближением революционных событий Пейсахович покинул Россию, а дом продал известному купеческому клану Венециановых. При этом в доме продолжали оставаться Байгеровская аптека и родильный приют Бухштата. Вскоре Венециановы перепродали дом и все усадебное место коммерческому обществу...

В 1918 году реквизированный дом Пейсаховича облюбовал красный командир Яков Петров, устроив здесь штаб формирования красной гвардии. Одновременно красный комиссар занимался «чисткой» города от буржуазии, которая арестовывалась и попадала в огромный подвал здания. Здесь, как вспоминают многочисленные свидетели, «...буржуазный элемент просто уничтожали голодом».

В советские годы старая аптека продолжала исправно помогать людям лечиться от разных недугов. В здании расположился и магазин «Санитария и гигиена», а в верхнем этаже – Северо-Кавказское технологическое училище, затем – управление потребительской кооперации. В северном крыле первого этажа был магазин продуктов.

В настоящее время большую часть здания занимает филиал Белгородской коммерческой академии, которая частично отремонтировала это уникальное здание. Но фасад и сегодня взывает о помощи...

Училищный центр

Здания Ставропольского вечернего лицея, вчерашней школы рабочей молодежи на пр. К. Маркса, 44 и 46, на протяжении всей дореволюционной истории города выполняли функции духовно-нравственного и профессионального воспитания граждан. На только что обнаруженном в Госархиве плане города за 1815 год на месте сегодняшнего лицея находилась... тюрьма, где по-своему перевоспитывали часть горожан. В 30-е годы уже обветшавшее здание бывшей тюрьмы приобрел купец Иван Ганиловский, построивший здесь новый двухэтажный каменный дом под гостиничное здание.

По этому поводу в делах городской Думы сохранился следующий документ: «Ставропольский, 3-й гильдии купеческий сын Иван Ганиловский поданным в сию Думу прошением изъяснил, что возымел он желание открыть в городе Ставрополе в собственном доме, стоящем на Большой Черкасской улице под № 302, гостиницу... Дума со своей стороны не находит на открытие таковой препятствий и, видя еще, что таковых в городе Ставрополе, кроме одного трактира и харчевни, не состоит и что в прежних доселе годах были таковые открыты в домах купца Анненкова и дворянина Янковского...»

Вскоре Иван Ганиловский получил свидетельство на право открытия гостиничного заведения, в частности, в нем указывалось: «...Имеет право торговать в своем заведении виноградным вином, водкой всякого рода, ликером и пивом, предлагать чай и шоколад, а также иметь один бильярд. Все другие игры и музыка запрещаются. Вход в гостиницу разрешен с 9 утра до 11 вечера. Дерзких и буйных не впущать...»

В январе 1843 года высочайшим указом Св. Синода создается Кавказская и Черноморская епархия с центром в Ставрополе. Во главе епархии становится епископ Иеремия, который отлично сознавал, что без подготовки высокообразованных духовных наставников невозможно добиться процветания православия на земле Кавказа. Благодаря его усилиям в июле 1846 года от императора Николая I с заключением Св. Синода пришло высочайшее повеление:

«Учредить в Кавказской епархии семинарию, открыв

ее в г. Ставрополе. Вновь утвержденную семинарию наименовать Кавказской...»

В ноябре 1846 года, в день памяти Иоанна Златоуста состоялось открытие Кавказской семинарии, разместившейся в бывшей перестроенной гостинице Ивана Ганиловского, где она находилась до 70-х годов XIX столетия. В одноэтажном угловом усадебном доме разместилась и консистория Кавказской епархии, а сам владыка Иеремия обосновался на архиерейском подворье с устроенной там Крестовоздвиженской церковью.

В 1872 году семинария перебралась в новое здание на Александровской площади (сегодня – пл. Ленина), а в освободившемся здании купца Ивана Ганиловского, к тому времени принадлежащем уже его внуку Евгению, открылось техническое училище, первое на Северном Кавказе. Здесь готовили литейщиков, кузнецов, слесарей, токарей, шлифовальщиков, плотников... Само училище было названо в честь наместника на Кавказе Михаила Романова – Михайловским (как и наименованная тогда же улица Михайловская, сегодня – ул. Орджоникидзе).

Михайловское ремесленное училище на протяжении всей дореволюционной истории города оставалось центром подготовки высококвалифицированных кадров (в советские 20-е годы училище перебралось в строения бывшей учительской семинарии на Невинномысской улице, сегодня – ул. Мира).

Западная часть усадьбы Ганиловских, где некогда размещалось здание городского острога, оставалось незастроенным. Здесь, после того как усадебное место Ганиловских со смертью последнего наследника Евгения перешло к городу, началось строительство нового здания шестиклассного уездного училища. Здание в два этажа, с большими классными комнатами считалось одним из престижных дореволюционных учебных заведений, которое закончили многие известные в дальнейшем люди России.

В советское время в здании первоначально расположилась Ставропольская уездная милиция, а затем – неполная средняя школа № 7. В период немецкой оккупации Ставрополя здание уцелело, здесь вновь была открыта уже полная средняя школа, а затем – вечерняя школа рабочей молодежи, сегодня – лицей.

Троицкий собор

В 1795 году сход горожан решил на месте выгона, граничащего с землей хоперских казаков, возвести деревянную церковь во имя Живоначальной и Нераздельной Троицы. Тогда же землемер Костылев провел замеры земли под церковь, которая и была выстроена уже в следующем году.

В августе 1800 года рядом со старой церковью горожане решили возвести новый, уже каменный храм, тогда же начав сбор средств на строительство. Однако сбор средств затянулся, поэтому в 1808 году городская Дума подключилась к предстоящей стройке, приняв такое решение: «На постройку нового собора Св. Троицы с каждой наличной души купцов и мещан собирать по 10 аршинных, тесаных камней и по одной четверти извести, а если кто не вывезет – взимать серебряный сбор».

План храма чертили сами купцы города – Аким Чернов и Никита Плотников, мало разбиравшиеся в архитектурных премудростях. Поэтому им помогали местные военные инженеры. Вот так совместно и начертили они план собора и составили смету к нему более чем в 60 тысяч рублей серебром. Но лишь к 1817 году кафедральный собор Св. Троицы был окончательно отстроен.

Как сообщают архивные документы, на строительство потребовалось гораздо больше денег, чем ранее планировалось, – 65000 рублей обязательных взносов и еще 20000 рублей доброхотных пожертвований. Новый храм города не отличался помпезностью и внешней броскостью, все-таки строили его люди, далекие от архитектуры. Несколько тяжеловесный, с восьмигранным куполом и такой же звонницей, он больше поражал внутренним убранством. Один иконостас, под самый купол, изготовленный московским мастером столярных и позолотных работ Аполлоном Башкаревым, полностью вызолоченный, имел около 50 икон в серебряных и вызолоченных окладах.

Центральное место здесь занимала икона Иверской Божией Матери, доставленная в Ставрополь со Святой горы русского Пантелеймоновского монастыря острова Афона в Эгейском море. На протяжении всех последующих десятилетий на оклад иконы местные дамы жертвовали жемчуг, который был содран с иконы в первые годы советской

власти. Да и сам Троицкий собор, помнивший церковные службы, на которых присутствовали Грибоедов и Пушкин, Лермонтов и Денис Давыдов, был разрушен одним из первых в мрачные 30-е атеистические годы XX века.

В 1937 году на месте снесенного храма началось строительство новой школы № 4. Белокаменное здание в два этажа, с большими светлыми классами, просторными коридорами и актовым залом стало одним из лучших среди школьных учреждений города. Ее первым директором стал Петр Григорьевич Токарев. Кстати, автор этого материала пошел в 1-й класс в 1940 году именно в эту школу. Вспоминаю, как в начале Великой Отечественной войны все учащиеся школы, стоя у кованой ограды школьного двора, провожали на фронт сформированную кавалерийскую часть, направлявшуюся к вокзалу. Одним из командиров был наш директор. Он ехал на лошади впереди колонны и вдруг под наши возгласы развернул коня и въехал в школьный двор. С коня, весь обвешанный оружием, он и прощался с нами, наказывая учиться на «отлично» и помогать по мере возможности фронту. Сам Петр Григорьевич уцелел в той войне, но когда вернулся домой, на месте своей школы увидел развалины. Сюда 3 августа 1942 года, в день захвата Ставрополя гитлеровцами, угодила большая фугасная бомба. Тогда погибли несколько учеников и наш любимый учитель пения Валентин Семенович Боголепов.

После войны здесь, на месте школьного здания, долго оставался пустырь, где подолгу размещались матерчатые шатры цирка «Шапито», повырастали разномастные ларьки и лари с пивом, горячительным и закусками. Здесь же все окрестные мальчишки гоняли в футбол.

В 1957 году в местных газетах появились сообщения, что «...на пр. Сталина начато сооружение новой гостиницы города стоимостью в 6400 тысяч рублей. Это будет многоэтажное здание с комфортабельными номерами на 271 место, рестораном, парикмахерской и другими подсобными помещениями».

Новая гостиница, сложенная из традиционного камня-ракушечника, получила наименование «Ставрополь». На протяжении многих лет это было самое престижное заведение подобного рода. Но со временем она потеряла свое

ведущее положение, потому была полностью перестроена под гостиницу «Интурист».

Семинарская библиотека

Сразу за гостиницей «Интурист» притаились два двухэтажных дома, на протяжении трех десятилетий середины XIX века являвшиеся местом собрания духовной литературы. Эти дома некогда принадлежали протоиерею кафедрального Троицкого собора Константину Крастилевскому. В Госархиве имеется документ за 1840 год по поводу строительства Крастилевским первого каменного дома: «Крастилевский предлагает построить на собственном его угловом месте, состоящем во 2-й части Большой Черкасской улицы, против Троицкого собора, каменный двухэтажный дом, на что со стороны Думы возражений не имеется».

С устройством в Ставрополе центра новой Кавказской епархии, а затем и открытием Кавказской духовной семинарии второй этаж уже двух домов Крастилевского заняли преподаватели семинарии. В нижнем этаже первого дома разместилась семинарская библиотека – две тысячи книг как богословского, так и светского содержания, которые были пожертвованы самим епископом Кавказским Иеремией.

На протяжении последующих лет семинарская библиотека пополнилась новой литературой, в том числе и периодикой, став самым крупным хранилищем, прежде всего духовной литературы на всем Кавказе. Первым библиотекарем здесь работал священник Троицкого собора Гавриил Ярлов.

Среди посетителей семинарской библиотеки были не только семинаристы, но и учащиеся местной мужской гимназии, интеллигенция города. В 1845 году библиотеку посетил глава армянской церкви католикос Нерсес, подаривший библиотеке свой гравюрный портрет. Это стало началом сбора гравюрных портретов как ставропольских епископов, так и выдающихся отцов Русской православной церкви. Неизвестно как, но Крастилевскому удалось приобрести регалии многих епископов Австрийской епархии, начиная с Силуяна.

С 70-х годов семинарская библиотека стала кочевать из одного снимаемого внаем помещения в другое. В 1894 году в Москве возникло церковно-археологическое общество. Через четыре года по инициативе протоирея и собирателя древностей Семена Никольского и краеведа Григория Прозрителева в Ставрополе также открывается подобное общество, которое устроило свой церковно-археологический музей в одном из помещений Крестовоздвиженской церкви. Сюда были переданы и самые редкие духовные книги и гравюры из библиотеки Кавказской семинарии. Архиепископ Кавказский и Ставропольский Агафодор в дар музею передал книги – «Материалы по археологии Кавказа», «Древние христианские храмы Свято-Александро-Невского Зеленчукского монастыря», альбом с портретами всех ставропольских епископов и др.

В домах наследников протоиерея Константина Крастилевского с начала нового XX века обосновался купец Голембиевский, который затем стал хозяином всей усадьбы. Здесь он открыл приют для бедных евреев, но с начала Первой мировой войны передал здания под госпиталь.

С первых лет советской власти оба здания были отданы беднейшим жителям Желобовского предместья.

Усадьба Рублевых

Сразу за строениями, некогда принадлежавшими протоиерею Троицкого собора Крастилевскому, сегодня стоят еще два строения, одно в стиле модерн, другое – старое и ветхое, некогда бревенчатое, позже обложенное кирпичом. Строения эти, в настоящее время разделенные глухой стеной, некогда входили в одно усадебное место, принадлежавшее роду Рублевых.

В какой-то мере восстановить историю этих строений, как и память о людях, в них некогда живших, помимо имеющихся архивных данных, помог Владимир Федорович Степурин из рода Рублевых, ныне профессор Северо-Кавказского технического университета.

В архивных материалах за 1842 год говорится, что это место принадлежало иерею Рублеву. Вместе с тем в сохранившейся домовой книге бревенчатого дома указывается

год его постройки – 1820. А потому можно предположить, что в 1820 году, вскоре после постройки Троицкого собора, священником которого был иерей Евграф Рублев, последний и построил здесь себе дом.

По преданию Рублевых, Евграф был из рода знаменитого иконописца Андрея Рублева и был сослан на Кавказ в 20-е годы позапрошлого столетия за связь с декабристами. Тогда же он стал не просто священником, а настоятелем Троицкого собора.

У сына Рублева, Ивана Евграфовича, в построенном деревянном доме родилось четверо сыновей – Александр, Павел, Яков и Василий. Наиболее известным стал Александр Иванович, закончивший в Ставрополе ветеринарные курсы. Проходя службу в казачьих войсках, он волею случая стал сопровождать с группой других казаков Николая Михайловича Пржевальского во время его первой научной экспедиции в Уссурийский край. Затем уже участвовал в экспедициях Пржевальского в Центральную Азию в должности орнитолога, препарировал убитых зверей, птиц и делал высококачественные чучела. Делал и препараты с морскими животными и растениями, часть которых и сегодня хранится в Ставропольском краеведческом музее им. Г. Прозрителева и Г. Праве. Кстати, с последним его связывала настоящая дружба.

В 80-х годах XIX столетия западная часть усадьбы Рублевых была продана полковнику Погуляеву, который на приобретенном месте построил себе каменный дом. Немного позже этот дом он продал Петру Павловичу Лукину, чиновнику, который в свою очередь перепродал его роду Ртищевых.

Род Ртищевых в Ставрополе пошел с начала XIX века, когда здесь обосновался Иван Дмитриевич с сыновьями Федором и Сергеем. У Ивана Дмитриевича было еще два брата – Семен Дмитриевич с сыном Афанасием и Михаил Спиридонович с сыновьями – Иваном, Владимиром и Михаилом. Последний из сыновей и стал хозяином западной части поместья, первоначально принадлежавшего Рублевым. Здесь он на месте снесенного дома уже в конце XIX века строит новый дом в стиле модерн, который и сегодня украшает этот район города. В доме сегодня размещается платная частная начальная школа.

К этому хочется добавить, что клану Ртищевых принадлежали многие дома города, в том числе некогда знаменитая Ртищева дача по-над Ташлой, где любили отдыхать горожане в выходные и праздничные дни. И еще, в период Гражданской войны уже внуки первых Ртищевых – Петр и Павел, офицеры русской армии, подняли в городе так называемый офицерский мятеж против диктатуры большевиков и были публично расстреляны на Ярмарочной площади Ставрополя.

Особняк Маловичко-Бадмаева

За домом Рублевых и сегодня стоит каменный одноэтажный вытянутый дом, где в советское время долго размещалось районное отделение милиции, а сегодня находится магазин «Студент».

В архивных документах сообщается, что одним из первых владельцев этого усадебного места был некто мещанин Подзолкин, затем – Федор Бурьянов и, наконец, Спиридон Корнилович Маловичко.

Судьба семьи Маловичко в первые советские годы мало чем отличалась от судеб многих и многих зажиточных семей города. Изгнанный из своего дома, Спиридон Корнилович перебрался в далекий Мурманск, где со временем стал директором плавучего рыбоперерабатывающего судна-завода. Сын его, Виктор Спиридонович, обосновался в Ленинграде и в 60-70-е годы неоднократно приезжал инкогнито в Ставрополь. Сюда его тянула ностальгия по родным местам, и он, как вспоминает Владимир Федорович Степурин, «уморил мальчишек нашего района ходьбой по городу и его окрестностям – лесам, ярам, балкам, родникам».

Дочь Спиридона Корниловича – Юлия Маловичко – была замужем, как вспоминает тот же Степурин, за воспитанником императора Николая II полковником Бадмаевым, сыном известного царского врача Бадмаева. Самого полковника Бадмаева на глазах у беременной жены расстреляли красногвардейцы на станции Кропоткин. Родившийся у Юлии Маловичко сын Юрий также приезжал в Ставрополь посмотреть со стороны на родительский дом...

За домом, некогда принадлежавшим Маловичко-Бадмаеву, расположены малоприметные одно- и двухэтажные строения, на протяжении десятилетий принадлежавшие разным хозяевам, в том числе Деревщиковым, Алафузовым, Такиджиевым. В основном в этих усадьбах находились заезжие дворы, трактиры, харчевни и небольшие торговые лавки.

Малоприметным был и дом, дошедший до нас под № 22, некогда принадлежавший линейному казачьему войску. Это строение вошло в историю как «дом генерала Николаева», где некогда собирался цвет Ставропольского линейного казачьего войска.

Степан Степанович Николаев родился в 1789 году на Дону, в семье обер-офицера. В 14 лет он поступает на военную службу и участвует затем в Отечественной войне 1812 года. В 1837 году он становится наказным атаманом Кавказского линейного казачьего войска. Тогда он переносит штаб войска из Пятигорска под Ставрополь, в станицу Михайловскую, а в 1845 году – в Ставрополь. Здесь, в начале Большой Черкасской улицы, он строит под штаб одноэтажный каменный дом, не лишенный простых фасадных украшений. За вклад в покорение Кавказа генерал Николаев был награжден орденом Св. Анны 1-й степени с императорской короной и алмазами, орденом Св. Владимира и Св. Станислава, золотой саблей с надписью «За храбрость»...

В 1848 году от полученных ран Степан Степанович умер и по его воле был похоронен в ограде Михаило-Архангельской церкви станицы Михайловской. На протяжении последующих десятилетий дом генерала Николаева в Ставрополе находился в ведении военного ведомства и лишь к концу XIX века был продан мещанину Степану Александровичу Яковлеву.

Дом Ивановых

В самом конце южной стороны Николаевского проспекта вплоть до 60-х годов XX столетия стоял большой двухэтажный каменный дом, некогда бывший во владении известных предпринимателей Ивановых. Им же принад-

лежала городская электростанция, драматический театр (сегодня – Дом офицеров) и прочие строения города.

Ефим Иванов и его сын Владимир, которые построили свой дом у самой Ярмарочной площади, сдавали его в аренду приезжим крестьянам во время ярмарок и базаров. В зимнее время комнаты отдавались под жилье мелким служащим. Был дом экспроприирован в советские 20-е годы, здесь одно время жили советские служащие железной дороги и вокзала, а с начала 30-х годов здание было передано Ставропольскому Осавиахиму. Уже на его базе возник аэроклуб, где долгое время работал знаменитый русский летчик Флавиан Николаевич Комиссаров, окончивший до революции английскую школу военных летчиков.

Вернувшись в Ставрополь, Флавиан Николаевич создает общество «Добролет», став командиром первого советского авиаотряда гражданских самолетов У-1. Он же стал и организатором Ставропольского аэроклуба. На протяжении всех довоенных лет здесь обучались летному искусству юноши и девушки не только Ставрополя, но и всего края. С начала Великой Отечественной войны большинство из них пересело с учебных на боевые самолеты, сражаясь с немецкими захватчиками в небе своей Родины, а затем – освобождаемой Европы. Был среди них и Леонид Севрюков, выпускник Ставропольской средней школы № 3, сражавшийся в составе военно-морской авиации над Черным морем. За героизм и бесстрашие он был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Ставропольский аэроклуб просуществовал до конца 50-х годов XX века, когда здесь началось строительство многоквартирного жилого дома с магазинами на нижних этажах. И ничто уже не напоминает, к сожалению, о том центре подготовки летчиков, как и о них самих, достойных памяти новых поколений.

Областной архив

Северная сторона бывшего Николаевского проспекта начиналась с двухэтажного каменного дома, вошедшего в историю Ставрополя как областной архив. Его история связана с указом императора Александра I об образовании в 1822 году Кавказской области с центром в Ставрополе.

Известный ставропольский купец 1-й гильдии Никита Михайлович Плотников под областной архив и пожертвовал свой дом у южных бастионов Ставропольской крепости, оцененный в 1000 рублей серебром. Но, хотя дом был в два этажа, второй был деревянный. Первым архивистом тогда же стал коллежский советник Кушнарев, благодаря которому до нас дошли многие и многие архивные дела городской ратуши и полиции, областного суда и казначейства, Казенной палаты и приказа общественного призрения, областного правления и прочих служб.

С годами дом старел, но все же продержался до устройства в Ставрополе новых Присутственных мест, для которых вблизи от крепости были возведены каменные строения (строения по ул. Советской, № 3, 5, 7, 9), куда и перебрался теперь уже губернский архив. Старое же строение было продано городом за 1200 рублей ассигнациями надворному советнику, преподавателю медицины Ставропольского юнкерского училища Ивану Федоровичу Богдановичу.

Новый хозяин старого дома взамен деревянного этажа возводит второй этаж из камня, перестраивает весь дом, устроив в угловой части красивый большой балкон. Им же возводится подпорная каменная стена по-над проспектом, сохранившаяся до наших дней. Между территорией своей большой усадьбы и нижерасположенным зданием городской Думы он прокладывает проулок, получивший наименование Думского, а в советское время переименованный в Депутатский. (Проход этот сохранился).

В 80-е годы XIX столетия восточную часть своего усадебного места Богданович продает нотариусу и краеведу Григорию Николаевичу Прозрителеву, который на приобретенном месте в 1882 году строит по проекту архитектора Григория Федоровича Прокопца дом с мансардой (здание не сохранилось).

Сегодня на всем этом месте что-то собираются строить...

Городская Дума

В 1786 году в Ставрополе состоялось открытие первого административного органа – магистрата. В 1808 году возникла шестигласная Дума, которая, как и магистрат,

разместилась в выстроенном одноэтажном каменном доме у Южного склона Крепостной горы. Здание было тесным, поэтому буквально рядом в 1847 году началось строительство нового здания Думы по проекту известного ставропольского архитектора Петра Славянского. Проект здания был утвержден князем, наместником Кавказа Михаилом Степановичем Воронцовым. Деньги на строительство пожертвовал купец 1-й гильдии Иван Ганиловский.

На чугунной доске, по традиции того времени заложенной в основание фундамента, сообщалось: «Здание для помещения городской Думы, Магистрата и других управления построено за счет купца Ганиловского в 1847 году по проекту архитектора Славянского».

Здание, однако, отстроили лишь к началу 1850 года, уже после смерти Ивана Ганиловского, когда обязательства отца по финансированию стройки взял на себя его сын Андрей.

Новое здание Думы, с широкой парадной лестницей и балконами, фасадными украшениями, двумя башенками, на одной из которых предполагалось установить башенные часы, стало градостроительной жемчужиной губернского центра. Возведенное из традиционного для Ставрополя белого камня-ракушечника, оно буквально парило над восточной пониженной частью города, обрамленной зеленью Барятинского парка на Крепостной горе, к тому времени переименованной в Соборную. Внутренняя отделка поражала своим великолепием, где мозаичный паркет, ковровые персидские дорожки, венецианские зеркала и чешский хрусталь бра, бархатные портьеры и прочие украшения, а также стильная мебель из красного дерева как бы подчеркивали значимость Думы в жизни города.

Небезынтересно, что в 1862 году, как сообщает архивный документ, «...решено ввести в здание городской Думы публичную библиотеку к имеющемуся там Музеуму». Что это был за музей, документов найти не удалось. Известно только, что в периоды проведения российских и зарубежных выставок в городской Думе собирали для последних различные экспонаты – изделия местных заводов, фабрик, мастерских, кустарей, а также продукцию сельского хозяйства. Возможно, из этих экспонатов и состоял тот Му-

зеум. Известно также, что в той комнате, как писал краевед Г.Н. Прозрителев, висела картина местного художника Лагарно, изображавшая А.В. Суворова с подзорной трубой в стенах Ставропольской крепости...

После образования городской управы она также разместилась в стенах здания Думы, но в 1892 году для нее специально с северо-западной стороны здания была сделана двухэтажная пристройка.

В начале XX века при устройстве нового тротуара у здания Думы были убраны контрофорсы, укреплявшие фундамент здания. Из-за этого началось «сползание» строения. Городской голова Поярков предложил Думе полностью разобрать здание и возвести его заново. Однако был принят проект архитектора А.Н. Булыгина, по которому уже с инженером Смысловым разобрали южное крыло здания, углубили и укрепили фундамент и вновь по камешку все собрали. Это была в своем роде уникальная градостроительная операция, закончившаяся успешно...

В советское время в здании долгое время находился крайисполком, а в период временной оккупации города здание это облюбовал для своего штаба 1-й танковой армии вермахта генерал Эвальд фон Клейст. В настоящее время здание занимает художественное училище.

Городская электростанция

С момента своего возникновения Ставрополь искал пути наилучшего освещения своих улиц и площадей, как и жилищ. Если на улицах зажигали плошки с нефтью, то в домах горели сальные или восковые свечи. Затем уже на освещение пошло постное или конопляное масло, «жир рыбный, астраханский, лучшего качества».

В Ставрополе появилось множество салотопенных заводиков, изготовлявших сальные свечи. Стеариновые и восковые свечи изготовлялись на епархиальном свечном заводе, построенном в 1888 году в Мутнянской долине.

Наконец появился фотоген, как первоначально именовался керосин. Роскошные лампы «молнии» и «семилинейки» в фаянсе и серебре появились в домах богатых, керосиновые коптилки – в бедных. Но даже самые мощные

10 и 14-линейные уличные керосиновые фонари не могли раздвинуть мрака ночных улиц, число которых превышало 400 штук.

Как сообщают архивные документы, началом электрического века в Ставрополе надо считать январь 1897 года, когда заработала мини-электростанция местного инженера Павла Петровича Чернова в его доме по улице Ясеновской.

После запуска станции Чернов писал в адрес городской управы: «Прошу разрешить мне установить столбы для прокладки проводов электрического освещения к дому К.М. Дьячкова (в начале бывшей Армянской улицы), до дома наследников Стасенковых на улице Вельяминовской (в этом здании сегодня Ленинское РОВД).

Вслед за этим уже купец Георгий Тимофеевич Иванов устроил вторую электростанцию в своей усадьбе на Госпитальной улице (ул. Ленина). Однако станция оказалась маломощной, а потому тот же Иванов вновь обращается с письмом в управу: «Прошу предоставить мне в арендное пользование городское место смежное с управой площадью в 225 кв. сажень, сроком на 12 лет. На этом месте желаю построить Центральную станцию для электрического освещения».

В 1897 году рядом со зданием Думы ставропольским купцом Георгием Тимофеевичем Ивановым и была построена электростанция, которая в 1908 году перешла к городу. Тогда же Дума решила расширить Ивановскую электростанцию, с восточной стороны старого здания сделав пристройку с главным машинным залом. Для этого городом был сделан заем у местных банков в общей сумме 90000 рублей сроком на 12 лет.

23 ноября 1908 года были назначены торги на отдачу с подряда строительства нового здания станции, в том числе оснащения ее новым энергооборудованием. На торги явились представители западных фирм «Вольта» и «Эрлангеръ», а также «Центрального электрического общества» из Москвы. Торги выиграла последняя фирма. Однако вскоре выяснилось, что общие затраты превысят предполагаемые «Обществом» и составят 138 тыс. рублей серебром.

Но, как бы там ни было, строительство началось и закончилось уже на следующий год. Центральное место за-

няло главное здание, возведенное по проекту ставропольского инженера и архитектора Г.Н. Кускова и архитектора В.Э. Лобановского. Это было оригинальное строение с полностью остекленной фасадной стороной, обращенной на восток. В этом здании и были размещены доставленные в Ставрополь два двигателя «Дизель» Коломенского завода, мощностью до 100 лошадиных сил каждый, соединенные ременной передачей с динамо-машинами «Вестингауз».

Одновременно устраивалась и городская электрическая сеть, сначала на еловых столбах, а затем – на железобетонных, изготовленных на местном чугунолитейном заводе Руднева и Шмидта, простоявших до 70-х годов XX века.

В дальнейшем электростанция пополнилась новыми двигателями, динамо-машинами и генераторами, что позволило осветить центральные улицы города, магазины и рестораны, банки и больницы, квартиры местной элиты...

В годы революции и Гражданской войны электрическая станция была выведена из строя, но с начала нэпа была полностью восстановлена, получив наименование «Искра». В 30-е годы в Ставрополь пришли дизели коломенского завода «Двигатель революции», что несколько улучшило энергоснабжение города.

3 августа 1942 г. Ставрополь, тогда Ворошиловск, был временно оккупирован немецкими войсками. При их отступлении в январе 1943 года здание электростанции было взорвано гитлеровцами, уцелел лишь один двигатель с динамо-машиной и генератором. Но уже к концу 1943 года здание электростанции было частично восстановлено и город стал получать электроэнергию по жесткому лимиту.

Прошли годы, и с введением в строй Свистухинской ГЭС, каскада Кубань-Егорлыкских электростанций дизели Ставропольской тепловой электростанции были остановлены. Теперь на территории станции обосновались службы городских электросетей.

Старый Гостиный ряд

В 1826 году городской голова Корней Чернов обратился от имени ставропольского купечества к ставропольскому генерал-губернатору Еманюелю с просьбой об устройстве в

областном центре приличного торгового здания. «По безобразию, стеснению и неудобству нынешнего Гостиного двора, – писал Чернов Эмануелю, – и желая доставить более средств торгующим к хранению и продаже товаров и устроить как для украшения, так и пользы купечества по вновь проектируемому плану и фасаду приличного здания на избранном и одобренном самими гражданами месте близ Комиссариатского депо, просим Ваше Высокоблагородие собрать все градское общества для устройства нового Гостиного двора».

Вскоре состоялся гражданский сход, где «здешнее купечество изъявило согласие на постройку каменного Гостиного двора на Базарной площади по учиненному плану». Сама Старая Базарная площадь находилась с южной стороны Крепостной горы и «сильно вредила чистоте и тишине города». Тогда генерал Эмануель направил в Тифлис наместнику Кавказа генералу от инфантерии Паскевичу подготовленный план и фасад планируемого Гостиного ряда. Паскевич внес в план свои изменения, при этом пожелав, чтобы при новом Гостином ряде была устроена гостиница для проезжающих чиновников и офицеров.

Несколько переделанный план торгового центра уже не вписывался в отведенное под строительство место, что заставило областного архитектора Михаила Суслова вновь пересмотреть план, а новую съемку местности под строительство поручить произвести инженер-поручику Антонову.

В 1828 году возведенный Гостиный ряд представлял собой три двухэтажных каменных строения, соединенных между собой двумя галереями с торговыми лавками, выходящими как на Большую Черкасскую улицу (ныне пр. К. Маркса), так и на север к Крепостной горе, где расположились мучные и соляные амбары. Медная доска, установленная на центральном здании, гласила: «Сей Гостиный ряд выстроен попечением областного начальника генерала от кавалерии Эмануеля, иждивением ставропольских купцов».

Гостиный ряд был возведен на средства купцов 1-й гильдии Игната Волобуева, Федора Стасенкова и его брата Егора, а также еще ряда купцов 2-й и 3-й гильдии.

Игнат Волобуев владел двумя двухэтажными зданиями, где в нижних этажах располагались магазины, а в верхних

хранились товары. Впоследствии центральное строение Волобуев перестроил под Гостинорядскую, или Спасскую, церковь и пожертвовал Ставропольской епархии. Главной святыней церкви образа Спаса Нерукотворного была древняя икона Нерукотворного Спаса, подаренная епископом Иеремией. В 1912 году Спасская церковь была расширена за счет боковых лавок, одновременно над церковью были устроены новый купол и колокольня с многопудовыми колоколами, отлитыми на Урале.

Пролетели годы, десятилетия. Гостиный ряд увеличился за счет устройства с северной стороны еще четырех двухэтажных лавок с подвалами-ледниками, закусочными, харчевнями... Вплоть до 70-х годов XIX в. место это оставалось главным торговым центром растущего города. Однако новому купечеству уже тесно было здесь. На Базарной, или Александровской площади (сегодня – пл. Ленина) началось строительство Нового Гостиного ряда (ныне краеведческий музей). Но и позже Старый Гостиный ряд продолжал выполнять свою функцию.

В 1913 году газета «Северокавказский край» в № 542 сообщала, что «Мещанская управа гор. Ставрополя просит у города место в Гостином ряду с лавками Конюхова и Попова». Город купил эти лавки, занимавшие восточный двухэтажный корпус торгового ряда, который был полностью перестроен архитектором Александром Борисовым под Мещанскую управу, ведавшую делами горожан. Здесь, кстати, разместилась и одна из общественных библиотек, посещаемая беднейшими гражданами, в том числе обитавшими в соседнем ночлежном доме.

В советские годы в здании Мещанской управы находились различные советские учреждения, в послевоенное время – электротехникум, а сейчас – проектный институт.

Центральная часть Гостиного ряда в 30-е годы XX века вместе с церковью Спаса Преображения, как и галереи с бывшими купеческими лавками, была разобрана, а на этом месте построили здание швейной фабрики, разрушенной гитлеровцами при отступлении из города. Затем здесь возвели жилой дом, существующий и поныне. Западное крыло бывшего Гостиного ряда уцелело, там сегодня, после обновления фасада, разместился отдел Федерального казначейства.

Уцелели и четыре двухэтажных строения северной ч. сти Гостиного ряда, почти полностью сохранившие свой первоначальный облик и ставшие, как и расположенная там улочка – 1-я Спасская, заповедным уголком Ставрополя.

Ночлежный дом

Ночлежки, или ночлежные дома, для «голой и босой команды», как некоторые обыватели именовали местных люмпенов, появились в Ставрополе чуть ли не с момента возникновения города. Правда, первоначально-то были комнаты для бедных в заезжих домах. Однако со временем к обедневшим пролетариям прибавились спившиеся чиновники, артисты, обедневшие купеческие сыновья... В городе уже было устроено несколько ночлежных приютов, где за медный грош люди искали тепло человеческого жилья, но зачастую не находили его. Городской врач К. Бахутов в книге «Медико-топографическое описание губ. Ставрополя» за 1881 год писал: «Тяжелое впечатление производит осмотр этих приютов ночлега, особенно поздней зимней ночью. Люди битком набиты в небольших сырых и грязных комнатах. На печах, окнах, нарах – везде лежат, плотно прижавшись друг к другу, без различия пола, возраста, семейного положения. Слабый свет сального огарка, распространяя копоть и вонь, еле мерцает в удушливой, сырой атмосфере, освещая темно-желтым оттенком изнуренные, хилые лица... Возмутительно видеть среди этих ночлежников детей, которые, находясь в компании постоянно голодных бездомных, воров и разбойников, сами теряют с раннего детства вместе с нравственностью и здоровье».

К 900-летию принятия христианства на Руси на углу Николаевского проспекта и Владимирско-Андреевского переулка (напротив кинотеатра «Октябрь») городские власти купили у купца Бакрадзе каменное, в полтора этажа здание, где решили устроить образцовый ночлежный дом. По проекту архитектора С. Лазарева оно было полностью перестроено, верхний этаж приспособили под спальни, а в нижнем, полуподвальном, устроили столовую с кухней,

прачечную и бельевую, где, кстати, работала родная тетя автора этих строк – Федосья Максимовна Беликова. По ее воспоминаниям, спальные комнаты были обставлены хорошей дубовой мебелью, на стенах – лубочные картинки, в святых углах – иконы и лампадки. Постельное белье меняли каждую неделю. Питались постояльцы в столовой три раза в день, обед был из трех блюд. С ее же слов, число постояльцев колебалось от 30 до 40 человек. Все они были из вчерашних привилегированных сословий – военные, чиновники, духовенство, по разным причинам оказавшиеся «на дне».

Новый ночлежный дом посещали все великосветские особы, оказавшиеся в Ставрополе, в том числе правительственные чиновники, высокопоставленные военные и духовенство.

В советские годы образцовый ночлежный дом был сначала перенесен в специально отведенные комнаты по ул. Александрийской (сегодня – ул. Советская). Затем и этот последний очаг благотворительности был закрыт, как и прочие ночлежки и богадельни, как «не отвечающие советскому образу жизни». Дом же, ранее принадлежавший Бакрадзе, был отдан под жилье рабочим, а в подвальном помещении разместилась торговая точка. Таким дом остается до сегодняшнего дня, где в верхнем этаже живут люди, а в цокольном помещении расположилось кафе «Чанахи».

Первый каменный дом

В 1799 году на первой улице Ставрополя, наименованной Большой Черкасской, первоначально представлявшей собой изрытую ямами для приготовления самана балку с протекающим по ней ручьем, заросшим камышом, городским головой купцом Волковым был построен первый в городе каменный двухэтажный дом.

Место для дома, положившего начало северной стороне будущего проспекта и Владимирско-Андреевского переулка, было выбрано не случайно: Строение находилось в непосредственной близости от крепости. Вблизи из склона Крепостной горы бил мощный родник исключительно чистой и вкусной воды.

На обнаруженном плане г. Ставрополя за 1815 год отмечен и дом купца Волкова, где, как сообщается в приложении к плану, размещались городская ратуша и... пожарная команда. Правда, пожарные лошади с бочками находились в расположенных ниже строениях. В середине XIX века сын купца Волкова перестроил старый отцовский дом, изменив внутреннюю планировку, устроив каменную галерею и антресоли. Он же построил и двухэтажный каменный флигель, провел канализацию. Затем продал всю усадьбу известному ейскому купцу и потомственному почетному гражданину Филиппу Антоновичу Брацианову. Последний за 2 тыс. рублей годовых сдал оба дома с хозяйственными постройками Войсковому правлению Кавказского линейного казачьего войска, которое перешло из старого дома атамана Николаева. Теперь здесь обосновались все последующие атаманы Линейного войска, а с упразднением последнего – уже атаманы Терского казачьего войска...

Сын Филиппа Брацианова, прапорщик Михаил Брацианов, в 1861 году обратился с письмом к гражданскому губернатору Петру Алексеевичу Брянчанинову за разрешением продать всю усадьбу, оцененную в 60 тыс. рублей серебром, с торгов. Тогда же первый каменный дом города с прочими строениями был приобретен военным ведомством, а затем Кубанской инженерной дистанцией, занимавшейся строительством разнообразных военных объектов как на Кубани, так и на Ставрополье и Тереке.

В советское время дом купца Волкова стал обычной коммуналкой, какой остается и сегодня. Дом обветшал и требует капитального ремонта. Единственное, что его украшает, – мемориальная доска, сообщающая, что это первый каменный дом Ставрополя (пр. К. Маркса, 71).

Гостиница «Тифлисъ»

Сразу за первым каменным домом купца Волкова располагалась большая усадьба известного ставропольского купца Фетиса Анненкова, который на Старом базаре содержал Базарный питейный дом.

В усадьбе купца Анненкова имелось несколько строе-

ний, в том числе большой двухэтажный дом, который он сдавал французскому подданному Бартелею Саламони, тот в арендуемом здании открыл сначала заезжий дом, а затем сдавал его под Благородное собрание. Дом этот, очень старый, с арочным нижним этажом и каменными ступенями на второй этаж, существует и сегодня в глубине бывшей усадьбы Анненкова.

В 40-х годах позапрошлого столетия новым хозяином усадьбы становится подполковник Евгений Иванович Плескачевский. Он со стороны Большой Черкасской улицы делает двухэтажную каменную пристройку, а затем сдает новый дом предпринимателю Василию Шульгину. Последний открывает в доме гостиницу «Тифлисъ». Со смертью Плескачевского права на усадьбу перешли к его дочери Ольге, которая вышла замуж за штабс-капитана Ивана Николаевича Линского. Теперь гостиничными делами занялся сам Линский.

В 50-х годах XIX века бывшая усадьба со всеми владениями купца Анненкова, а затем Плескачевского, переходит во владение купцов – Давыда Попова (западная часть усадьбы) и Ивана Алафузова (восточная часть с гостиничным домом «Тифлисъ»).

Шли годы, десятилетия. В конце позапрошлого века уже от Василия Алафузова гостиница «Тифлисъ» со всеми усадебными строениями переходит во владение представителя купеческого рода Такиджиевых – Ованеса Арутюновича. К тому времени гостиничные дома обветшали, а потому старая усадьба стала обычным заезжим двором.

С первых лет советской власти все усадебные строения были переданы горкомхозу под квартиры рабочих. И сегодня это жилой дом.

В начале Хоперской

Там, где от Николаевского проспекта к северу начиналась улица Хоперская (сегодня – ул. Г. Голенева), расположились два угловых двухэтажных каменных дома, на протяжении всей дореволюционной истории города принадлежавшие купеческим родам Поповых и Алафузовых.

Варфоломей Яковлевич Попов, основатель рода, обо-

сновался в Ставрополе в конце 40-х годов позапрошлого столетия. Он-то и приобрел усадебное место на западной стороне начинавшейся здесь Хоперской улицы. Сын Варфоломея Попова, владикавказский купец 1-й гильдии Макар Варфоломеевич, строит неприметный дом на отцовском месте, который в 1876 году решает перестроить.

«На углу Большой Николаевской и Хоперской улиц желаю я дать новый фасад существующему угловому каменному двухэтажному дому, – писал он в городскую Думу, – под наблюдением архитектора Прозоровского».

Вновь отстроенный дом Макара Попова вплоть до 1918 года сдавался Ставропольской контрольной палате за 900 рублей серебром в год. Палата эта осуществляла финансовый контроль за деятельностью всех государственных учреждений не только в Ставропольской губернии, но и в Терской и Кубанской областях. Здесь выдавали разрешения на аренду казенной земли, на геологическую разведку и эксплуатацию месторождений полезных ископаемых на Северном Кавказе.

В 1901 году сын Макара Попова, скончавшегося в 1894 г. и похороненного в ограде Армянской церкви, Арутюн Макарович по той же Хоперской улице, впритык к старому дому, строит еще один, в точности повторивший фасадный рисунок первого строения. В пристройке разместились службы той же Контрольной палаты...

Все прибывавшие в Контрольную палату, как правило, останавливались в расположенном напротив угловом здании купца Алафузова, открывшего там свою гостиницу «Лондон» (здание разобрано совсем недавно).

Иван Антонович Алафузов, глава греческого рода, появился в Ставрополе в 1827 году «без письменного вида по случаю возмущения греков против турецкого правительства». В 1834 году он присягает на подданство России.

Тогда же приобрел усадебное место в начале Хоперской, которое сдал в аренду под госпиталь для... заключенных местного острога. В 1849 году он разбирает старый дом и строит новый, в два этажа, где устраивает некогда знаменитую гостиницу «Лондон» для состоятельных граждан. В нижнем этаже разместились магазины.

В начале 70-х годов впритык к возведенному дому по

Хоперской улице он строит еще один двухэтажный каменный дом, соединенный проходами с первым. Под домом находился огромный сводчатый подвал, где в разное время торговали водкой и вином, мебелью и посудой, а то и льдом с алафузовского пруда на Ташле. Одно время погреб занимал винный магазин «Хуторок» известного на Кавказе предпринимателя барона Штейнгеля. Угловую часть здания первого этажа занимали магазины.

В советское время в здании бывшей Контрольной палаты надолго обосновался Наркомгосконтроль. В 50-е годы был надстроен 3-й этаж, нижний занял магазин «Электросвет», а верхние – квартиры для советской элиты.

В здании бывшей гостиницы «Лондон» в советское время обосновались учреждения, в том числе медицинский лекторий. С годами здание старело, разрушалось. И хотя его можно было реставрировать, местные власти, сославшись на происшедший в доме пожар, решили здание снести, а на его месте построить современный торговый центр.

«Пассажъ»

За гостиницей Алафузовых «Лондон» начиналось усадебное место купцов и общественных деятелей Деревщиковых. Один из основателей рода – Сергей Деревщиков – на своем усадебном месте, выходившем на Большую Черкасскую, построил небольшой двухэтажный каменный дом, в первом этаже которого устроил торговую баню.

Со смертью Сергея Деревщикова усадебное место, тянувшееся до самой Казачьей улицы, перешло к его детям – Федору, Филиппу, Григорию, Тимофею и Николаю. В начале XX века западную часть усадьбы наследники продали известному купцу 1-й гильдии Прокофию Ивановичу Меснянкину. В 1909 году уже сыновья купца – Иван и Александр Прокофьевичи обратились в строительное отделение губернских Присутственных мест: писали о желании возвести на своем усадебном месте, впритык к существующему дому, где ранее находилась торговая баня, торгово-зрелищный центр «Пассажъ».

«Представляя при сем утвержденный Ставропольской городской управой проект торговых магазинов и проект

двух зрительных залов, к устройству взамен части магазинов, покорнейше просим строительное отделение рассмотреть и утвердить проект».

Проект «Пассажа» был подготовлен группой ставропольских инженеров – Григорием Кусковым, Александром Борисовым и Ульяном Лохановым.

В переводе с французского «Пассажъ» означает «Галерея, соединяющая две улицы, с двумя рядами магазинов, базаром и другими затеями».

Действительно, вновь возведенный торгово-зрелищный центр «Пассажъ» соединял пр. Николаевский с Казанской площадью, где располагался Нижний базар города. Два этажа «Пассажа» сдавали местным и заезжим купцам под магазины. Помимо этого, здесь были и «затеи», это – помещения под театр на 600 мест, под кинотеатр «Модерн» на 200 мест, а также подвальное помещение, в котором вскоре разместился ресторан «Гном», где проходили шумные банкеты. Внутренний двор с чугунной прогулочной галереей предполагали использовать как зимний сад.

«Пассажъ» стал самым посещаемым центром торговли и отдыха в городе. Об этом заведении рассказывал в своей пьесе «Торговый дом», которая шла в лучших театрах Москвы и Петербурга, а также на театральных подмостках многих городов страны, затем – и Европы, наш выдающийся земляк, драматург Илья Дмитриевич Сургучев.

В советское время в театре «Пассажъ», переименованном в театр им. В.И. Ленина, наряду со старыми постановками, шли новые – «Любовь Яровая» К. Тренева, «Огненный мост» Б. Ромашова и пр. Здесь начинали свою театральную деятельность в дальнейшем заслуженные артисты РСФСР Е.Н. Писарев, М.М. Никольский и другие.

Все 20-е годы здесь работал и кинематограф «Модерн», показывая немые фильмы. Восточное крыло здания, где некогда находились купеческие магазины, было превращено в складское помещение и конторы торговых служб.

В 30-е годы был составлен проект превращения всего бывшего «Пассажа» в «Центр советской культуры». Но проект этот так и остался на бумаге.

3 августа 1942 года при бомбардировке Ставрополя две

небольшие бомбы упали на западное крыло здания, но железобетонные потолки выдержали взрывы. При отступлении немцев в это же крыло была заложена взрывчатка, разрушившая фасадную часть здания, которая так и не была восстановлена. На месте этой части дома установили колонны с лестницей, которая вела в помещение вновь открывшегося театра. Восточное крыло здания еще долго оставалось складским, пока здесь вновь не открыли торговые заведения под старым названием «Пассаж». Но в него теперь не входит ранее относившееся к нему западное крыло, где некогда, кроме театра, располагался и кинотеатр «Модернъ».

Сегодня подготовлено несколько проектов возрождения «Пассажа», объединяющего, как когда-то, зрелищные «забавы» и торговлю. Нам остается только надеяться на это...

Владение «обувного короля»

Восточную часть бывшего владения Сергея Деревщикова с начала XX века приобрели сразу несколько новых хозяев. И первым среди них был предприниматель И.В. Пастухов. Впритык к «Пассажу» он возводит оригинальной архитектуры дом, фасад которого на уровне «Пассажа», выходящий на тот же Николаевский проспект, был полностью остеклен огромными зеркальными корабельными стеклами, изготовленными в Германии. То был обувной магазин, предлагавший покупателям прюнелевые и хромовые штиблеты, опойковые и юфтевые сапожки, шевровую, гамбургскую, шагреневую и платовую мужскую и женскую обувь, соперничавшую с лучшими западными и американскими фабриками. Продукция Пастухова была отмечена многочисленными российскими и западными наградами.

Внутри усадьбы располагалась сама пастуховская обувная фабрика с общежитием для рабочих и служащих, продавцов. Там же была столовая с буфетом и комнатой отдыха. Как писали современники, Пастухов отличался демократическими взглядами, создавая максимум удобств для работающих в его фирме.

Иван Васильевич Пастухов был не только предприни-

мателем, но и гласным городской Думы, входил в многочисленные комиссии по народному образованию, здравоохранению, устройству Туапсинской железной дороги и пр. Был он и крупным благотворителем, жертвовал средства на нужды обездоленных и особенно – беспризорных детей и подростков. К тому же он был страстным охотником, совершал с известным зоологом Николаем Яковлевичем Динником научные поездки в ущелья Кавказа и Манычские степи. В своем магазине он устроил целую выставку чучел зверей и птиц, добытых им на охоте.

В советское время дом Пастухова занимали разные службы – склады, детская спортивная школа, кондитерский магазин, Красный Крест и пр.

В 70-е годы прошлого столетия, в связи с проектом устройства здесь нового современного торгового центра, все строения бывшей усадьбы Пастухова были разрушены.

В ниже расположенном двухэтажном доме, также снесенном, до революции принадлежащем К.А. Федорову, находились художественная и скульптурная мастерские. Здесь можно было заказать мраморные, гранитные, лабрадоритовые иконостасы и киоты, престолы и жертвенники, статуи, памятники, надгробные плиты. А также лестницы, подоконники, умывальники, полы, фонтаны.

На слом пошел и последний угловой двухэтажный каменный дом. Затем уже более 30 лет на месте снесенных строений располагался пустырь с уродливыми торговыми ларьками, которые только сейчас начали сносить.

«Замок Венециановых»

Последний квартал северной стороны Николаевского проспекта начинался от Казачьей улицы с углового дома Михаила Ивановича Кулаковского, где шла торговля трофеями местных охотников – перепелками, вальдшнепами, дрофами, стрепетами, куропатками, утками, бекасами, дупелями, куликами, чибисами и пр., – которые покупала часть населения города. В спросе были и засоленные перепела, и некоторые другие виды птицы. Здесь же торговали и домашней птицей, а также яйцами.

Сегодня на месте снесенного дома Кулаковского – недостроенное высотное здание. С востока к нему примыкает двухэтажный каменный дом с некогда высокой крышей, отчего дом чем-то напоминал средневековый замок.

Дом этот некогда был возведен известным купеческим кланом Венециановых.

Венециановы обосновались в Ставрополе в начале XIX века, о чем сообщает архивный документ: «Венецианский подданный Венецианов, – говорилось в том документе за 1806 год, – не имеет российского подданства и ничего не платит в доход города».

Но уже скоро Павел Гаврилович Венецианов и его двоюродный брат Павел Николаевич Венецианов не только приняли подданство России, но и упрочили в Ставрополе свое торговое дело. На 1-й Станичной улице, в дальнейшем Поспеловской (сегодня ул. Горького), ими был построен дом, разбит большой фруктовый сад, который доходил до самой Большой Черкасской улицы. На первом городском базаре у южного склона Крепостной горы они имели свои торговые лавки, а после устройства на месте базара первого Гостиного ряда – и каменные лавки.

В 1829 году к Павлу Гавриловичу Венецианову из Москвы приехал его родной брат Алексей Гаврилович, основоположник реалистического жанра в русской живописи, создавший целую галерею образов великого русского народа. Здесь, в Ставрополе, Павел Венецианов искал образы первых первопроходцев Кавказа. Здесь он написал картины «Дворник Прохор», «Старая няня в шлычке», «Сцена в саду», «Образ пяти святых» и др.

На следующий год Венецианов вновь в Ставрополе. Его можно было видеть с мольбертом на городском базаре, у старого Варваринского кладбища, в Татарском ауле на Мутнянке, у Троицкого собора...

Как уже говорилось, усадебное место Венециановых от 1-й Станичной простиралось до Большой Черкасской. Именно здесь фасадом на будущий Николаевский проспект в середине XIX века Венециановы строят «замок». Через двадцать лет дом этот переходит во владение Ольги Павловны Венециановой. Еще через десять лет она продает его за 7800 рублей Никону Семеновичу Лобанову, который в нижнем этаже устраивает мануфактурную лавку.

Сегодня дом Венециановых, в советское время превращенный в убогую коммуналку, лишенный своей замковой башенки, уже не вписывается в облик реконструируемого бывшего Николаевского проспекта.

Контора В. Штейнгеля

14 июня 1850 года в Ставрополе были проведены первые конные скачки, на которых были представлены лошади 21 завода Северного Кавказа. С того времени Ставрополь стал центром скакового коневодства, где размещались многочисленные конторы конных заводов Ставрополья, Кубани и Терека. Одна из таких контор – барона Штейнгеля – разместилась в модерновом особняке Николаевского проспекта.

Первыми хозяевами усадебного места, где сегодня стоит этот неординарный дом в стиле модерн, были представители старого купеческого рода города – Дьячковы-Тарасовы. Здесь они построили унылые лабазы, в которых приезжающие в Ставрополь на ярмарку крестьяне могли хранить зерно и прочий товар.

В 90-х годах XIX века усадьба Тарасовых переходит во владение инспектора народных училищ Н.И. Наркевича, который и строит по проекту Адриана Петровича Булыгина двухэтажный каменный дом, своей архитектурой украсивший этот еще не освоенный уголок города. Дом сдается в аренду под частную прогимназию Алексея Саввича Забелло.

В канун Первой мировой войны дом этот со всеми усадебными постройками перешел во владение крупнейшего кубанского предпринимателя, известного своим имением Хуторок, признанным в 1900 г. на Всемирной выставке в Париже эталоном сельскохозяйственной деятельности, барона Владимира Рудольфовича Штейнгеля. В своем имении барон занимался и разведением чистокровных арабских, английских и орловских рысаков, которые участвовали в многочисленных скачках, завоевывая награды и зарабатывая деньги хозяину. И вот здесь, в Ставрополе, как и в Ростове, Екатеринодаре и Москве, он решил открыть свою контору как по реализации молодняка на

рынках Ставрополья, так и передаче во временную аренду чистокровных кобыл для улучшения стада местных коннозаводчиков.

В Ставрополе барон открыл и свой винный магазин «Хуторокъ», где реализовывалась продукция его огромного винокуренного завода, самого крупного на Северном Кавказе. Торговал он и зерном, маслом, рыбой, кожей.

В годы революции и Гражданской войны имение Хуторок на Кубани было разрушено, а лошади из конюшен барона Штейнгеля частично попали в Красную армию, частично – в Белую. Разрушению подверглась и контора барона в Ставрополе, которая в 1918 году была сожжена дотла. Частично восстановленный дом, где разместилась какая-то советская контора, вновь выгорел в 1927 году, и еще долго стоял с заколоченными окнами. Восстановили его лишь к середине 30-х годов. В нем были устроены квартиры для крупной местной бюрократии...

Доходные дома «бриллиантового короля»

Ниже «модернового» особняка барона Штейнгеля находятся два двухэтажных каменных дома, между которыми расположилось одноэтажное строение тех же фасадных форм, образовав единый архитектурный ансамбль, некогда являвшийся образцом ставропольского градостроения. Дома эти до революции принадлежали ювелиру Петру Григорьевичу Яременко.

Род Яременко берет свое начало в Ставрополе где-то в 40-х годах XIX столетия. Тогда они на заболоченной улице, именуемой Грязной, сегодня – ул. Р. Люксембург, построили одноэтажный кирпичный дом с затейливым фасадным рисунком, добротными усадебными постройками из шлифованного камня и такими же въездными воротами. Строение это (под № 23) было столь неординарно, что все краеведы прошлого не обошли его вниманием. К сожалению, в 2001 году дом, как и все усадебные устроения, были сломаны в связи с начавшейся здесь стройкой огромного многоэтажного здания с отдельно возведенными для «новых русских» двухэтажными коттеджами.

Один из сыновей Николая Яременко, Иван Николае-

вич, начал строить себе дом в нижней части Николаевского проспекта, пригласив для составления проекта и сметы Павла Григорьевича Воскресенского, являвшегося одним из строителей мужской гимназии на Александровской площади (сегодня – Институт связи на пл. Ленина), проектировавшего многочисленные небольшие особняки.

Новый дом клана Яременко предназначался для сдачи его в аренду под торговые помещения и жилые комнаты. Воскресенский предложил проект из двух двухэтажных зданий, между которыми располагался объединявший их одноэтажный дом с двумя въездными коваными воротами. Это был совершенно новый для Ставрополя архитектурный ансамбль, где фасадными украшениями были балконы двухэтажных домов, поддерживаемые узорными чугунными столбами. Кстати, на одном из кованых узоров балконов сохранились инициалы хозяина дома («Я.И.»).

В глубине усадьбы располагались хозяйственные постройки, в том числе подвалы с ледником, баня, каретный сарай, а далее тянулся фруктовый сад.

Сын Ивана Яременко, Григорий, увлекался оптическим делом, открыв в Гостином ряду оптико-механический магазин, где, помимо различных часов европейских и мировых фирм, можно было приобрести бинокли и подзорные цейсовские трубы, очки и пенсне, американские шкатулки, граммофоны и пр.

Уже внук Ивана Яременко, Петр Григорьевич, унаследовал отцовское дело, одновременно все более увлекаясь ювелирным. Он открывает еще один магазин, где наряду с антикварными изделиями все большее место стали занимать ювелирные украшения лучших фирм России, Европы и Америки. С того времени имя Петра Григорьевича Яременко замелькало на страницах местных газет, рекламных проспектов. Он становится признанным «королем бриллиантовых дел» юга России, открывая магазины в разных городах.

Между тем дедовские дома на Николаевском проспекте все более теряли свой вид, превращаясь в обычные доходные дома для мелкой сошки. Сегодня они полностью потеряли свой вид, к тому же фасад здания изуродован новой застройкой на месте одних ворот усадьбы.

Земство

Последним крупным строением бывшего Николаевского проспекта было и остается здание, где с начала Первой мировой войны обосновалось Ставропольское земство.

В описи домовладений за 40-е годы XIX века это усадебное место значилось за коллежским советником Василием Ивановичем Золотницким. В Ставрополе ему принадлежал большой двухэтажный дом, и сегодня сохранившийся на углу улиц Дзержинского и маршала Жукова, где в дальнейшем разместилась известная гостиница «Европа».

На своем усадебном месте, в конце Николаевского проспекта, Золотницкий устроил заезжий двор для посетителей ярмарок, проводимых на рядом расположенной Ярмарочной площади. Но так как ярмарок было всего три, а потому дохода со двора было немного. Золотницкий продал усадьбу Петру Никаноровичу Стребкову, который в конце XIX века и построил здесь большой двухэтажный каменный дом, выходивший фасадом не только на Николаевский проспект, но и на ту же Ярмарочную площадь до Поспеловской улицы (ныне ул. Горького).

В 1913 году в Ставропольской губернии было введено земство. Первоначально земство снимало в аренду ряд зданий в центре города, но в 1915 году обосновалось в купленном им здании Петра Стребкова. В том же году с западной стороны дома Стребкова была сделана пристройка с большим залом и местом для торжеств. Все советское время в той пристройке находилось КрайЗО, а сейчас – школа гимнастики. В наши 70-е годы над бывшим домом Стребкова, где обосновались различные учреждения, была сделана надстройка одного этажа...

Ермоловский бульвар

Между южной и северной сторонами Николаевского проспекта тянется знаменитый Ставропольский бульвар, как бы разделяя проспект надвое.

Ставропольский бульвар! Здесь некогда отдыхал Михаил Юрьевич Лермонтов. Устами Оленина упоминал о том бульваре Лев Толстой в повести «Казаки». Ставропольским

бульваром восторгался композитор Милий Балакирев, здесь любила бывать известная украинская писательница Марко Вовчок. Особенно прекрасным становился бульвар в период цветения белой и розовой акаций, лип. Тогда он буквально пенился брачным нарядом, пьяня многочисленных посетителей тончайшим ароматом.

Краевед Г.Н. Прозрителев в своем неопубликованном путеводителе по Ставрополю писал: «Верхний бульвар был остатком леса. Здесь в 1848 были высажены тополя. Здесь, напротив Дома губернатора, еврей Гликштейн открыл кофейню с вафлями».

Обнаруженные архивные документы сообщают, что еще в 1839 году на месте небольшого сохранившегося лесного участка у южных бастионов крепости по распоряжению командующего войсками Кавказской линии генерал-лейтенанта Павла Христофоровича Граббе решено было устроить «городской бульвар», именуемый еще «всеобщественным садом». В документах далее сообщается: «Купеческий староста Руднев в 1839 году произвел устройство «всеобщественного сада». Именно сюда в 1840-1841 годах М.Ю. Лермонтов «уходил на бульвар на уединенную прогулку, до которой он был охотник», как сообщается в аннотации к Полному собранию сочинений поэта, вышедшему в 1891 году под редакцией П.А. Висковатого.

В 1842 году на дальнейшее благоустройство бульвара Дума выделила 250 рублей серебром. Тогда же в город были доставлены тысяча саженцев тополей и четыреста лип; их посадила арестантская рота под наблюдением поручика Алабухина. Купец Филипп Брацианов устраивает две аллеи, сливающиеся в одну.

В 1848 году по инициативе нового командующего Кавказской линией генерал-лейтенанта Николая Степановича Завадовского решено было бульвар продолжить до Ярмарочной площади. В Госархиве хранится дело «Об устройстве в гор. Ставрополе бульвара по Главной улице от бассейна до Тифлисской заставы». Бассейн находился на площади напротив парадной лестницы на Соборную гору (как к тому времени стали именовать Крепостную гору), а Тифлисская застава – в начале Ярмарочной площади.

Как явствует из тех же архивных документов и как писал Г.Н. Прозрителев, Верхний бульвар украсили новые

посадки пирамидального тополя, доставленного из крымских имений графа Воронцова. Нижний бульвар, в то время представлявший собой глубокую рытвину, устраивали архитектор Александр Ульянович Красевич и садовник Петр Николаевич Нечмиров.

Нечмиров и Красевич приложили немало усилий, чтобы городской бульвар стал излюбленным местом отдыха горожан. Краевед И. Бентковский писал: «Бульвар составляет главное место для прогулок ставропольской публики. В хорошую погоду на нем каждый день можно встретить весь цвет ставропольского общества, бывают иногда и такие случаи, что бульвар не в состоянии вместить всех посетителей, и это лучше всего свидетельствует о его красоте».

В августе 1851 года по ходатайству гражданского губернатора генерал-майора Волоцкого наместник на Кавказе дал Нижнему бульвару города Ставрополя имя Завадовского. Вскоре эту часть бульвара украсили изящные каменные столбы с металлической аркой, на которой значилось: «Бульвар Н.С. Завадовского».

Помимо разнообразных деревьев, ставропольский бульвар напротив дома губернатора украшал памятник императору-реформатору Александру II. Устройство этого памятника имеет неординарную историю. Так, в «Кавказском календаре» за 1855 год говорилось, что «...у градского общества возникла мысль о постановке в Ставрополе памятника-бюста Его высочества Наследника-Цесаревича». Однако лишь в 1861 году, когда Александр II посетил Кавказ вторично, уже в качестве императора, местные власти официально вышли на правительственный Сенат с просьбой разрешить городу поставить памятник царю-освободителю. Но вместо Ставрополя памятник был установлен близ станицы Царской Кубанской области, где отдыхал император во время посещения Кавказа.

В следующий раз Ставрополь поднял вопрос об установке в губернском центре памятника Александру II после покушения на него 2 апреля 1879 года народовольцами во главе с Софьей Перовской, а затем – и после его убийства 1 марта 1881 года. Но вместо памятника в Ставрополе по инициативе епископа Кавказского и Екатеринодарского Германа у заштатного города Святой Крест, у развалин древних Мамайских Маджар был устроен Воскресенский

мужской Мамай-Маджарский монастырь с величественным Преображенским храмом в память святого Благоверного князя Михаила Тверского и страдальца земли Русской, царя-мученика Александра II.

...В 1911 году в России готовились торжественно отметить 50-летие отмены крепостного права Александром II 18 февраля 1861 года. К этой дате Ставрополь наконец получил разрешение на установление бюста царю-освободителю. Но из-за холодной зимы, когда невозможно было вести строительные работы, памятник поставить не смогли. И все же в тот день во всех православных церквах города были отслужены панихиды по императору Александру II, в Народном доме для детей был устроен праздник.

К памятной дате ставропольский генерал-губернатор Б.М. Янушевич доставил из Москвы бронзовый бюст императора Александра II и передал его городской Думе в дар городу. «Ставропольский губернатор Б.М. Янушевич, – говорилось в сохранившемся архивном документе, – предоставил в дар гор. Ставрополю бюст-памятник Великого царя-освободителя, императора Александра II, выразив при этом желание, чтобы памятник этот был установлен против Дома губернатора на городском бульваре».

Городская Дума выделила 500 рублей серебром на устройство постамента для бюста, цветника и каменного перехода от Дома губернатора на бульвар к подножию памятника.

Работы велись до начала декабря 1911 года. Возводимый мемориал представлял из себя сложенный из камня и оштукатуренный постамент, украшенный карнизами, нишами, декоративными столбиками. Слева и справа располагались большие цветочные клумбы, огражденные изящными каменными тумбами, соединенными между собой корабельными цепями. Семена и луковицы цветов, которые, сменяя друг друга, должны были цвести все лето, были предоставлены городским садовником Б.О. Новаком. Через протекающий у памятника Желобовский ручей, обложенный каменными плитами, был переброшен такой же каменный лестничный мостик с изящными чугунными электрическими фонарями, отлитыми на местном заводе Адольфа Шмидта.

6 декабря 1911 года состоялись торжественное откры-

тие и освящение памятника Императору Александру II. Этому предшествовала литургия в Казанском кафедральном соборе. По ее окончании духовенство города во главе с архиепископом Агафодором и епископом Шихилом с крестными ходом направилось из собора к месту освящения памятника. За крестным ходом вместе с губернатором шли депутаты от общественности с многочисленными венками, учащиеся гимназий и духовных училищ, и, наконец, батальон знаменитого 83-го Самурского пехотного полка в полном вооружении и полковой духовой оркестр.

Вся процессия под звон колоколов по Николаевскому проспекту дошла до дома губернатора, где собралось целое людское море. После молебна и освящения памятника Александру II хор Казанского собора в сопровождении оркестра исполнил «Коль славен...» Самурцы стали «на караул», затем грянул троекратный залп.

...С установлением советской власти в Ставрополе бюст Александра II был сброшен с пьедестала, а затем перенесен в подвалы здания бывшей городской управы. Обезглавленный пьедестал простоял пять лет, прежде чем 7 ноября 1923 года на него был торжественно водружен бюст верного ленинца, председателя ВЦИК Ешуа Соломоновича Мовшевича (Свердлова)...

В 1924 году бронзовый бюст Александра II из подвалов бывшей управы был передан в запасники краеведческого музея, откуда он в конце 20-х годов был отправлен на переплавку...

К этому следует добавить, что и бюст тов. Свердлова недолго красовался на главной улице города, в 1937 году он был снят, а на его место поставлен гипсовый бюст вождя всех народов – Сталина. Но и тот был разрушен 3 августа 1942 года во время бомбежки города немецкой авиацией. (Сегодня на месте памятника бюсты К. Маркса и В. Ульянова).

В 1951 году верхнюю часть бульвара украсила Аллея дельфинов и фонтан «Дети». 15 октября 1959 года в день 100-летия К.Л. Хетагурова, жизнь и творчество которого были тесно связаны со Ставропольем, на городском бульваре, лицом к улице его имени, был торжественно открыт бюст поэта (автор Ф.Н. Перетятько).

И наконец, нижнюю часть бульвар украсил бюст героя

Кавказской войны Алексея Петровича Ермолова, выполненный скульптором Николаем Санжаровым. Началось восстановление и Тифлисских ворот.

В 1997 автор этой книги выступил на заседании ставропольской городской Думы с предложением наименовать ставропольский бульвар именем выдающегося военачальника периода Кавказской войны – Алексея Петровича Ермолова. Утвержденное Думой наименование сразу прижилось... Теперь это «Ермоловский бульвар».

Тифлисские ворота

Ставропольский бульвар, как и сам Николаевский проспект, оканчивался у Тифлисских ворот, или Триумфальной арки. Рассказ об этом неординарном сооружении мы начнем с «Воспоминаний о Кавказе и Грузии», книги генерала и писателя Ф. Торнау, опубликованной в 1869 году в журнале «Русский вестник». Генерал оставил лишь несколько строк о Тифлисских воротах:

«Никому не удавалось разрешить трудную загадку, для чего поставлены эти ворота. Между тем нельзя было без них вообразить Ставрополь».

В архивных делах сохранилась докладная записка ставропольского генерал-губернатора Владимира Осиповича Гурко военному министру А. Чернышову, где говорилось о ставропольском купце Гаврииле Тамамшеве:

«Другая общественная услуга купца Тамамшева в г. Ставрополе (первая – это устройство первого городского водопровода от родника «Аульчик» – **Г.Б.**) – это каменные ворота со стеною при въезде в оный с восточной стороны, построение которых в 1841 году Тамамшеву стоило значительной суммы».

Таким образом, в 1841 году купцом Тамамшевым в конце тогда Большой Черкасской улицы, где начинался знаменитый Тифлисский тракт, были возведены ворота со стеной. Последняя пересекала с севера на юг весь водораздел между реками Ташлой и Мутнянкой. Здесь же, как сообщают обнаруженные планы Ставрополя того времени, находилась кордегардия, или охранный пост, в виде небольшого крепостного каменного сооружения, где посто-

янно находились казаки с пушкой. Отсюда раз в неделю, в полдень, о чем возвещал пушечный выстрел крепостного орудия, в сторону Кавказских Минеральных Вод, в Георгиевск и Владикавказ отправлялись гражданские экипажи, охраняемые конными казаками.

Вместе с тем Тифлисские ворота выполняли не только охранную функцию, но, как писал краевед Г.Н. Прозрителев, они являлись и памятником Отечественной войны 1812 года.

Действительно, в России широко отмечалось 30-летие победы русского оружия над французскими завоевателями. Как известно, в той войне принимали участие и дислоцирующиеся в городе Хоперский и Таганрогский полки, принявшие свой первый бой с французами под Смоленском. Со Ставрополем того времени были связаны имена многих героев Бородинского сражения. Это – все первые ставропольские губернаторы, начиная с Н. Горчакова. Это П. Багратион, Д. Давыдов, Н. Раевский и другие, по делам службы неоднократно бывавшие здесь. Это, наконец, дядя М.Ю. Лермонтова – генерал П. Петров, со слов которого и было написано поэтом знаменитое стихотворение «Бородино».

К 30-летию победы во многих городах России устраивались победные колонны, арки и пр. Так что и Ставрополь не мог оставаться в стороне. Между тем в архивах Санкт-Петербурга краеведом Владимиром Георгиевичем Гниловским был обнаружен подробный чертеж Тифлисских ворот, правда, без даты, но с припиской: «Чертеж Тифлисских ворот, устроенных в г. Ставрополе в конце бульвара». Но в 1841 году ставропольский бульвар доходил только до лестницы на Крепостную гору, а его восточная часть была устроена лишь в 1849 году.

И вот моя новая архивная находка – это дело «Об устройстве в гор. Ставрополе бульвара по Главной улице от бассейна (бассейн был устроен как раз напротив Крепостной, или тогда уже Соборной горы) до Тифлисской заставы». В деле сообщалось, что вслед за устройством бульвара началось переустройство самих Тифлисских ворот.

Еще в одном документе уточнялось: «В гор. Ставрополе в 1851 году будет произведена переделка каменных городских ворот у въезда по Тифлисскому тракту...»

И, наконец, совершенно точно удалось установить, что в тот 1851 год стрбительный подрядчик Лука Соннов силами местной арестантской роты, руководимой полковником Мельцером, на средства ставропольских меценатов Лавра Ермоловича Павлова и Василия Игнатьевича Волобуева старые Тифлисские ворота полностью переделал. Одновременно была частично перестроена и оборонительная стена, где были устроены бойницы на случай прорыва в город шаек горцев.

В декабре 1859 года из крепости Темир-Хана-Шура в Ставрополь под усиленным конвоем прибыл некогда грозный властелин Кавказа Шамиль. Здесь он проследовал под Тифлисскими воротами, которые с победным окончанием Кавказской войны в 1864 году все чаще стали именоваться Триумфальной аркой...

Более ста лет простояли Тифлисские ворота в начале знаменитого ставропольского бульвара, став одним из символов города и его памятью. Но в годы советской власти были разрушены. И вот к 221-летию Ставрополя по инициативе горожан и при поддержке мэра города Михаила Владимировича Кузьмина Тифлисские ворота, или Триумфальная арка, были возрождены. Выполненные по старым чертежам из белого камня травертина, они вновь стали символом города Ставрополя.

Между тем еще в 60-х годах прошлого века по инициативе начальника «Зеленстроя» Ивана Ивановича Бурыма ставропольский бульвар был продолжен до железнодорожного вокзала; тогда здесь посадили дубовые деревца. Сегодня это уже дубовая бульварная аллея, которой предстоит прожить долгую жизнь. К 225-летию Ставрополя в конце аллеи у привокзальной площади был торжественно открыт памятник одному из ставропольских губернаторов – Николаю Егоровичу Никифораки, который в течение 17 лет возглавлял Ставропольскую губернию и стараниям которого было сделано много доброго для ее центра – Ставрополя. Автор памятника – скульптор Николай Федорович Санжаров.

Заканчивая на этом сказ о главной улице города, хочу надеяться, что придет время и люди наконец вернут проспекту его историческое имя – Николаевский проспект.

Ярмарочная площадь

Сразу за Тифлисскими воротами на восток начинался огромный выгон, с устройством здесь первых ярмарок названный Ярмарочной площадью. Первые ярмарки, как сообщают архивные документы, в г. Ставрополе начали устраиваться с начала 40-х годов позапрошлого столетия. Это – летняя Троицкая ярмарка, открывавшаяся ровно через два месяца после Пасхи. Затем – осенняя Ивановская, начинавшаяся 12 октября. И, наконец, с начала нового XX века с 29 августа проводилась еще одна осенняя ярмарка – в честь Св. Иоанна Предтечи.

Краевед Г.Н. Прозрителев так писал о ставропольских ярмарках: «...На первой ярмарке жители города запасаются от торговцев, как местных, так и прибывших в город, всем, что только необходимо для предстоящих сенокосов и жатвы, преимущественно косами и серпами. Здесь же закупают рыбу, как из ближайших озер, так и из рек Кубани и Дона. Из Кубани доставляются севрюга, осетр, крупный сазан; с Дона привозят судака, стерлядь, лещей, севрюгу, осетра, свежую икру, тешки и балык. Сельди привозят из Черномории, шемая доставляется из Кизляра, раки – из окрестных озер... Продается поваренная соль из прикаспийских озер. Государственные крестьяне и казаки продают ржаную и пшеничную муку, просо, разные крупы, овес, сено и топливо. Скот покупают преимущественно у кочующих жителей.

Доходы от ярмарок в разные годы бывают разные. Так, в 1866 году в летнюю ярмарку товаров и разного скота было привезено на сумму 350768 руб., а продано на 273869 руб.; в осеннюю привезено на 233335 руб., продано на 153197 руб.; в Иоанно-Предтеченскую – на 45659 руб., продано на 10445 руб. ...»

С конца позапрошлого XIX века Ярмарочная площадь начала застраиваться – сначала временными, а затем более капитальными торговыми лавками, образовавшими многочисленные торговые ряды. То были ряды мясные, рыбные, овощные, молочные, хлебные, фруктовые и пр. Рядом располагались ряды с мелочным, панским, красным, колониальным и прочими товарами. В стороне находились загоны для крупного рогатого скота, овец, лоша-

дей... На перекрестках рядов устраивались качели и карусели, шатры циркачей. У Тифлисских ворот виноторговцы раскинули свои шатры с деревянными столами и лавками, с мангалами для шашлыка...

Ярмарочная площадь по своей окраине начала застраиваться различными промышленными предприятиями, а также, с проведением сюда железной дороги, складскими и прочими строениями, где хранились зерно, кожа, лес, керосин и нефть... На южной стороне площади майкопским купцом Иваном Барановым была построена паровая вальцовая мельница, которая затем перешла к А.-Б. Гулиеву – промышленнику-миллионеру, основателю Кавказского акционерного общества. Ага-Балы Гулиев перестраивает барановскую мельницу. Газета «Юг» за 1908 год в № 10 сообщала: «В Ставрополе вновь построена по последнему слову техники вальцовая мельница А.-Б. Гулиева». Новую мельницу строил инженер Г. Кусков.

В 1914 году Гулиев по проекту инженера Савицкого возводит железобетонный элеватор на 500 тыс. пудов зерна, куда были подведены железнодорожные пути. Общая стоимость мельницы оценивалась в 351950 рублей серебром, что по тем временам было значительной суммой.

Рядом с мельницей А.-Б. Гулиева была построена ватная фабрика Муратова, с начала Первой мировой войны перестроенная в мясоконсервный завод. Здесь строится и суконная фабрика.

На северной стороне площади еще в 1901 году торговый дом «К. Анпетков и А. Унаков» строит еще одну мельницу, ничем не уступающую мельнице Гулиева, – в шесть этажей с четырнадцатью сорокадюймовыми вальцами, тремя газогенераторными двигателями в 450 л.с., с собственным колодцем и газовой скважиной, с амбарами на 50 тысяч мешков муки, 150 пудов пшеницы и 100 тысяч пудов отрубей, с суточным помолом муки 11 сортов, в том числе высшего качества (крупчатки) в 7500 пудов.

В 1908 году мельницу эту взял в аренду тот же Гулиев, доведя годовой помол до двух миллионов пудов.

На северной стороне площади находилась и фабрика ходов, где изготовляли колеса для телег, да и сами телеги, дрожки и другие средства передвижения на лошадях и запчасти к ним. В советское время это предприятие, ставшее

фабрикой «Заря», стало базой построенного здесь в 1927 году по проекту инженера Пароменского завода «Красный металлист». Здесь же, на северной стороне площади, находился и небольшой медно-чугунный завод «Д. И. Левин и К°». На восточной оконечности площади с 1897 года расположился железнодорожный вокзал.

Железнодорожный вокзал

2 июля 1875 года из Ростова во Владикавказ проследовал первый железнодорожный состав по вновь устроенной железнодорожной ветке, которая минула Ставрополь. С того времени губернский центр добивался устройства железнодорожного ответвления от той дороги, ибо промышленность города начала хиреть.

В 1889 году инженер В. Воробьев и французская строительная фирма провели первые изыскания по прокладке железнодорожной ветки от Ставрополя до ст. Кавказской протяженностью 130 верст. К тому времени Министерство финансов и Министерство путей сообщения с согласия императора Александра III выделили 10 миллионов рублей серебром на строительство планируемого участка дороги.

10 мая 1895 года железная дорога от ст. Кавказской дошла до ст. Пелагиада, а через два года – и до Ставрополя. К тому времени в самом губернском центре по проекту Михаила Иосифовича Бржезицкого и Семена Дмитриевича Лазарева закончилось строительство железнодорожного вокзала, паровозного депо, складских и прочих привокзальных строений. Сам железнодорожный вокзал своей архитектурой напоминал средневековый замок, как бы охранявший въезд в Град Креста.

1 января 1897 года к Ставрополю подошел первый железнодорожный состав, который встречало чуть ли не все население губернского центра. Были речи, цветы, колокольный звон и молебное песнопение... Но самое главное, Ставрополь стал стремительно преображаться. Вокруг вокзала возникли многочисленные огромные ссыпки зерна, которое стали отправлять в центр России и через Новороссийск – за границу. Строились паровые вальцовые мельницы Анпеткова, Баранова, Унакова, Гулиева... Здесь же

возникли скотопригонные дворы и скотобойни, огромные склады угля, нефти, мазута, дров.

В Ставрополь шли товары с Урала, Волги, из Москвы, Петербурга и других промышленных центров страны, а также из-за границы. Шел уголь из Донбасса, нефть из Грозного, лес из Сибири... Да и возможность поездок горожан напрямую из Ставрополя, а не через ст. Невинномысскую, подняла не только настроение горожан, но и статус города.

В советское время ставропольский вокзал исправно выполнял свою функцию, в том числе с начала Великой Отечественной войны. При отступлении немецких войск из Ставрополя (тогда Ворошиловска) здание вокзала было разрушено. Теперь уже по проекту известного ставропольского архитектора Николая Дмитриевича Чекмотаева было возведено новое здание, украсившее Ставрополь.

Техническая контора «И.Т. Руднев»

На северо-западной стороне бывшей Ярмарочной площади, где начинается сегодняшняя ул. Горького (бывшая Поспеловская), стоит двухэтажный каменный особняк, ныне занимаемый профессиональным лицеем № 18. До революции дом этот принадлежал известному промышленному клану Рудневых.

Представителем этого рода, впервые появившегося в Ставрополе в XIX веке, был Тимофей Васильевич Руднев. Здесь, в конце Поспеловской улицы, рядом с огромным выгоном и вблизи Успенского кладбища, он строит сначала небольшой дом, где у него рождаются дети Иван и Александр.

Александр Тимофеевич Руднев в 1902 году стал компаньоном немецкого инженера Адольфа Густавовича Шмидта, совместно открыв на Нижнеподгорненской улице медно-чугунолитейный механический завод. Здесь они изготавливали оборудование для мельничных, маслобойных, винокуренных, черепичных и прочих заводов. Выпускали котлы для локомобилей, одно- и двухлемешные плуги, запчасти к молотилкам и косилкам, буровые снаряды для артезианов... Завод изготовлял уличные фонари, декора-

тивные чугунные колонны, парковые скамейки, водоколонки и еще самые разнообразные бытовые предметы, как из чугуна, так и из бронзы.

Вблизи железнодорожного вокзала Александр Руднев устроил склад автомобилей фирм «Фордъ», «Комникъ», «Пикап»... Брат Александра Иван Тимофеевич на месте старого отцовского дома строит новый, в два этажа, где открывает уже свою фирму с конторой «И.Т. Рудневъ». Сам дом был окончательно отстроен в 1904 году, во дворе находились сельскохозяйственные машины из разных стран Европы и Америки. В прейскуранте фирмы значились паровые молотилки «Клейтон и К°» с нефтяными двигателями «Авансъ», «Петтера», «Горснби»; самоходные плуги с дисковыми и лемеховыми отвалами; сеялки «Гузнера», «Диранга», «Эккерта» и пр. А также самые разнообразные бороны, сортировки, веялки, весы, пожарные трубы, двигатели «Отто-Детцъ» и «Русский дизель»...

С 1920 года в экспроприированном здании было устроено общежитие для железнодорожников. В связи со строительством вблизи завода «Красный металлист» часть здания была отдана под общежитие для рабочих этого завода. Но затем все здание перешло в управление Северо-Кавказской железной дороги, а с 1966 года было вновь возвращено заводу «Красный металлист», где сегодня готовят молодых специалистов как для завода, так и для других сфер производства.

Церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы

На северной оконечности бывшей Ярмарочной площади расположилось старое Успенское кладбище с одноименной церковью. Как сообщают архивные источники, 14 апреля 1847 года наместник Кавказский, генерал-губернатор Новороссийский и Бессарабский Воронцов разрешил Ставропольскому мещанскому и купеческому обществу строительство за Тифлисской заставой вместо кладбищенской часовни церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы.

Этому предшествовало обращение ставропольского купца 1-й гильдии Ивана Ганиловского на имя епископа Ие-

ремии о желании построить в городе на старом безымянном кладбище новую церковь. По этому поводу епископ Кавказский Иеремия писал в Св. Синод:

«Ставропольский городской голова, купец 1-й гильдии Ганиловский 27 минувшего марта вошел ко мне с прошением следующего содержания:

«Движимый благородным чувством ко Всевышнему, милующему и обильно благодеющему мне благами своими, я давно имел глубокое желание посвятить нечто из даров Божиих Святой Православной церкви. Теперь, пользуясь удобным временем, располагаю осуществить это единственное мое желание сооружением во славу Честного Успения Пресвятыя и Преблагословенныя Владычицы Нашея Богородицы – каменного храма на градском здешнем кладбище, что за заставою в левой стороне от Тифлисской дороги; к тому же, чтобы благоговейно почтить память в праотеческой вере отшедших отцов, братий и чад града нашего, я усердствую построить каменную ограду около того кладбища. Все это, если угодно будет Господу Богу, хочу соорудить собственным моим иждивением на вечный помин души моей, родителей и чад моих».

10 мая 1846 года проект церкви Успения Пресвятой Богородицы получил Высочайшее утверждение. Тогда же епископ Иеремия пишет генерал-губернатору Кавказской области Николаю Степановичу Завадовскому:

«Мною из Священного Синода получен план каменного храма, составленный в главном управлении публичных заведений и 10 января Высочайше утвержденный».

Первый камень церкви был заложен 1 июня 1847 года. Строительные подрядчики Иван Ганиловский и Григорий Дмитриев намеревались закончить все работы к концу следующего года, но внезапная смерть Ивана Ганиловского временно приостановила работы.

Теперь уже строительный подрядчик Яков Леонидов продолжил начатое дело, чтобы в 1849 году новая церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы предстала во всей своей красе. Над ее сводчатыми стенами поднималась крыша с фронтоном, огражденным кованой решеткой, где висели многопудовые колокола. В середине крыши высился восьмигранный барабан с узкими вытянутыми окнами, обрамленными наличниками и украшенными коваными ре-

шетками. Грани барабана украшали нарядные пилястры. Вызолоченный крест венчал купол.

Трехъярусный иконостас с многочисленными иконами хорошего письма, вызолоченные киоты, утварь и люстры в позолоте; облачение священников из парчи, бархата, атласа, глазета, шелка – шитое золотом, серебром, синелью, мишурою, стеклярусом, галунами. Все это делало новый духовный центр достойным живущих и памяти ушедших в мир вечности.

Через 24 года после освящения главного престола храма, в 1873 году, с южной стороны был пристроен придел во имя Вознесения Господня, освященный 26 сентября в день св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Автор придела сохранил стиль архитектуры храма. Алтарь придела и западная стена были сделаны полукругами во избежание нарушения симметрии южного фасада...

На протяжении более чем ста лет в Успенской церкви отпевали горожан, нашедших в этом уголке Ставрополя свой последний приют. Среди них были известные генералы и архитекторы, купцы и выдающиеся общественные деятели. Здесь в дореволюционное время все утопало в ярких цветах, высаженных горожанами. Горели свечи и лампады у многочисленных икон и распятий. Сами надмогильные памятники, скромные и величественные, с калейдоскопом имен, были летописью Крестова Града.

Церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы – единственная церковь в Ставрополе, не подвергшаяся разрушению и действовавшая все советские десятилетия. Здесь в полной неприкосновенности сохранился уникальный иконостас с прекрасными иконами. Сюда в 30-е советские годы попала святыня города – икона Иверской Божией Матери, точная копия Иверской Афонской иконы, написанная и освященная на Афонской горе, до этого хранившаяся в Троицком соборе Ставрополя.

В 1998 году началось строительство придела с северной стороны храма. При рытье котлована неожиданно был открыт готовый фундамент, выложенный из кремнистого ракушечника. Когда и кто заложил его – неизвестно. Правда, есть предположение, что это было сделано протоиереем Николаем Польским в период временной оккупации края немецкими войсками.

На обнаруженном фундаменте и был устроен северный придел храма во имя Иверской иконы Божией Матери. Своими формами он повторил южный придел и уравновесил общую композицию храма, сделав его симметричным и более вместительным. Одновременно с этим с западной стороны храма началось строительство церковно-приходской школы.

К этому следует добавить, что сегодня часть старого кладбища приведена в порядок – подновлены многие надгробные плиты и установлены новые, устроена новая аллея, восстановлены памятники генералам Попандопуло и Мачканину, отцу и сыну Прозрителевым. Но надо что-то делать с остальной территорией, которая остается варварски обезображенной.

ГЛАВА II. АРМЯНСКИЙ КВАРТАЛ

Армянский квартал

Этот район города находится к северу от бывшего Николаевского проспекта и вбирает в себя Нижний базар и прилегающие к нему старые улочки города. Первоосновой квартала была Армянская улица, сегодня улица Шаумяна. Это – старый торговый район, сохранившийся до наших дней. Наряду с русскими селились здесь и прибывавшие в город армяне, потому район этот стал именоваться еще Армянским кварталом.

Центральное место здесь занимала Казанская площадь с Нижним базаром, сегодня реконструируемым. Само название площади никто не отменял, хотя на планах дня сегодняшнего этого названия нет. Первоначально это был выгон между Ставропольской крепостью и возникшей казачьей станицей. Из-за обилия родников, бьющих на склонах Крепостной горы, местность эта была сильно заболочена, отчего и не застраивалась. Освоение этого района началось со строительства на выгоне первых казачьих церквей – Казанской Божией Материи и Св. Георгия.

Казанская площадь

Устройство Казанской площади было связано со строительством на этом месте первого примитивного базарного места, где шла продажа продуктов питания, а также изделий местных кузнецов, колесников, плотников, ткачей.

В 1780 году хоперские казаки устроили на юго-западном выгоне небольшую деревянную церковь в честь иконы Казанской Божией Матери. От церкви и вскоре возникшая здесь площадь города стала именоваться Казанской. В 1838 году хоперские казаки были переселены на новую кордонную линию, где основали станицу Карантинную, впоследствии названную Суворовской. Уезжая, они разобрали церковь и увезли с собой. Уже в середине 50-х годов XIX века купец 1-й гильдии Игнат Волобуев на месте снесенной церкви построил каменную часовню с новой

иконой Казанской Божией Матери, освященной в московском «огневом» Казанском соборе, воздвигнутом в память освобождения столицы от иностранной интервенции.

В те же 50-е годы XVIII столетия началось осушение Казанской площади, где возник новый базар города – Нижний. Его открытие произошло в 1859 году. Новый базар с каменными купеческими и деревянными мещанскими рядами, огромными подвалами-ледниками, знаменитыми «обжорками», где посетителей потчевали отваренными потрохами домашней птицы, свиными ножками, «сальниками» и фрикадельками, пропаренными в жиру с чесноком и красным перцем, стал новой торговой Меккой жителей и многочисленных гостей города.

Вокруг Казанской площади с базаром возникли многочисленные заезжие дворы и гостиницы – братьев Строгановых, Сидора Абашина, Дмитрия Сургучева, Михаила Андреева, Павла Поспелова и других. Здесь же распахнули двери многочисленные пивные, рюмочные, штофные, трактиры, чихирни, чайные, кофейни... Бойко работали мастерские башмачников, модисток, шорников, колесников, цирюльников, булочников...

Между тем с годами Нижний базар на Казанской площади хирел, старые каменные и деревянные ряды разрушались, а вместо них появились уродливые лари. В 1911 году городская Дума объявляет конкурс на проект «крытого рынка на Казанской площади, который должен защитить продавцов и покупателей, а также продукты: летом – от солнца и пыли, осенью – от дождя и ветра, зимой – от снега и холода».

Лучшим был признан проект архитектора Смыслова. По нему новый крытый рынок должен был занять площадь 24 на 27 саженей, с внутренним двором, перекрытым «люкс-призмами» – чугунными решетками и проемами, залитыми стеклом. Подряд на оснащение рынка холодильными машинами, подъемниками, электрооборудованием и отоплением взяли на себя московская фирма «Комаров и К°», немецкая – «Альфа-Нобель» и английская – «Пульсо-Метръ».

К 1917 году были собраны необходимые для строительства 200 тысяч рублей серебром и уже начались строительные работы, но грянула революция...

В советские годы Нижний рынок продолжал выполнять свою функцию, но часовню в честь Казанской Божией Матери передали дворникам – здесь они хранили свои метлы и ведра. Затем ее вообще снесли. Сам рынок все более разрушался, пока в 60-х годах не началась его полная реконструкция. Но и с того времени прошло уже полвека, началась новая реконструкция рынка...

С южной стороны к рынку подступает улица Шаумяна, бывшая Армянская. Некогда она представляла из себя широкую просеку, через лес соединяющую Ставропольскую крепость с казачьей станицей.

Просека эта начала застраиваться первыми домами. Две каменные мясные лавки и хлебный магазин купца Волобуева положили начало новой улице, которая начала застраиваться домами прибывших в Ставрополь армян.

«Армяне, – писал краевед И. Бентовский, – поселившись в Ставрополе по приглашению генерал-майора П.Д. Горчакова, составили из своих жилищ почти отдельный квартал, который долгое время был под именем Армянской улицы. Каждый армянин имел при своем доме лавку, через что из их улицы образовался Гостиный ряд».

Из самых первых строений этой улицы сохранился дом Игната Волобуева на углу старой Армянской улицы и Андреево-Владимирского переулка (был переименован в Баррикадный).

Особняк Волобуева

Первоначальный облик здания, некогда принадлежавшего купцу 1-й гильдии, городскому голове и почетному гражданину города Ставрополя Игнату Юдовичу Волобуеву, можно представить, исходя из сохранившихся архивных документов. Это было одноэтажное каменное строение из восьми комнат, со службами в усадьбе дома. Место, где возведен дом, было бойким, базарным, потому Волобуев устроил в доме хлебный магазин. Затем здесь обосновалась шестигласная Дума с ратушей, а в 1826 году – областные Присутственные места. Но здание было тесным, поэтому Волобуев делает пристройку с Армянской улицы и строит второй этаж по всему дому.

В 30-е годы дом Волобуева город арендует под... детскую музыкальную школу, о чем нам сообщает обнаруженный архивный документ: «Купеческое и мещанское общество г. Ставрополя, озабоченное состоянием в обучении музыке детей и неимением в области другого удобного, кроме Ставрополя, места, обратилось к начальнику Кавказской области... к употреблению для открытия школы музыки в доме ставропольского 1-й гильдии купца Игната Волобуева, в его собственном доме».

В 1843 году дом Волобуева стал центром образовавшейся Кавказской епархии. В марте того же года сюда прибыл и первый епископ, викарий Киевской митрополии Иеремия Чигиринский. «Владыка прибыл в богоспасаемый Ставрополь в Великую Субботу, – сообщается в редкой книге И. Виноградова «Преосвященный Иеремия», изданной в 1886 году, – в сумрак, в 9 вечера, у заставы града встретили его почетные граждане... Благословив их и с Крепостной горы – весь град, архиерей повезен был к Троицкому собору, а оттуда – в дом купца Игната Волобуева, у коего, по указу Св. Синода, назначено ему на первый раз поместиться временно».

Два года прожил владыка в доме Волобуева, устроив здесь домовую церковь во имя Честного и Животворящего Креста Господня, которая затем обосновалась на Кузнечной улице, дожив до наших дней (на ул. Г. Голенева).

После смерти Игната Волобуева дом его на углу Армянской улицы и Владимирско-Андреевского переулка перешел к старшему сыну Ивану. С отходом в мир иной последнего уже внук основателя рода продал дом купцу Константину Дьячкову, который устроил в нем «Универсальный магазин К.М. Дьячкова». В его тринадцати отделах можно было приобрести кондитерские и гастрономические товары, парфюмерию и косметику, золотые и серебряные изделия, верхнее платье, белье, шляпы, музыкальные инструменты, часы, хозяйственные товары и прочее.

В 1897 году универсальный магазин Дьячкова осветили электрические лампочки первой в городе небольшой частной электростанции инженера-механика Павла Петровича Чернова.

В советское время в национализированном доме Дьяч-

кова размещались различные службы советской власти, а в последнее время – первая городская поликлиника, затем городские службы.

Убежище св. князя Владимира

На противоположной стороне Армянской улицы, как явствуют документы начала 40-х годов XIX столетия, располагалась усадьба с одноэтажным домом и большим фруктовым садом купца 1-й гильдии Гавриила Тамамшева.

В 50-х годах усадьба Тамамшева, к тому времени известного строительством Тифлисских ворот, здания костела, первого военного госпиталя и пр., переходит во владение предпринимателя Лавра Ермоловича Павлова.

В 1864 году на месте разобранного дома Павлов строит угловой каменный, в два этажа, с огромным подвалом дом, который в дальнейшем переходит к купцу Керопу Попову. Последний сдает дом под квартиры, затем открывает здесь гостиницу, а потом продает купцу Топоркову. Последний продает дом с усадебным местом братству Св. Владимира (в дальнейшем – Владимирско-Андреевское братство), которое устраивает здесь приют для бездомных детей.

Открытие и освящение приюта состоялось в год торжеств по случаю 900-летия крещения Руси – 17 июля 1888 года – епископом Кавказским и Екатеринодарским Владимиром.

Около 100 подобранных на улицах Ставрополя и губернии детей были помещены в «Убежище Святого Равноапостольного князя Владимира», с учебными классами, спальными комнатами, столовой и кухней. Здесь, как сообщает архивный документ, «сапожник Харитон Бабанский обучал мальчиков сапожному делу, столярный мастер Александр Попов – столярному делу, учительница Вера Энгель – швейному делу...»

Мастерские «Убежища» не только обеспечивали всех детей одеждой и обувью собственного пошива, но и получали заказы от жителей города.

Все дети «Убежища», помимо обучения грамматике и арифметике, Закону Божьему и прочим дисциплинам, обучались музыкальной грамоте и игре на скрипке, флейте,

кларнете, фисгармонии, виолончели и контрабасе. Кстати, музыкальные инструменты «Убежищу» подарил епископ Евгений. Дети обучались и искусству церковного пения, являясь хористами в Архиерейском певчем хоре при кафедральном Казанском соборе и других церквах города. Пели они всенощную, раннюю и позднюю обедни, во время панихид по усопшим, при заказе на поминальные обеды. Мальчики прислуживали в церквах как книгодержатели, жезлоносцы, свечники, чтецы... За все это им причитались деньги, которые сдавались поименно в банк и которые они получали в день своего совершеннолетия.

В советские годы здесь первоначально обосновался один из многочисленных городских детских домов для детей, чьи родители погибли в огне Гражданской войны, от голода и болезней. Затем все здание было передано греческой общине города. Здесь жили семьи Василиадис, Топалидис, Ясонидис, Стефанидис, Лукадис и др. Отсюда вышел Григорий Григориади, ставший в 1934-37 годах председателем горисполкома. Здесь, кстати, жил известный в дореволюционном Ставрополе звонарь Царь-звонницы Казанского собора, которым некогда восторгался писатель Илья Сургучев, – Анастас Стефаниди.

Сегодня дом Л.Е. Павлова – полностью одряхлевшая коммуналка, хотя внешне выглядит не хуже других старых домов этой улицы.

Калужское подворье

Ниже «Убежища», от угла Ясеновской улицы до угла Хоперской, – усадебное место, которое с 40-х годов XIX века принадлежало тому же Павлову. Как сообщает вновь обнаруженный архивный документ:

«Л.Е. Павлов продал свое усадебное место со всеми постройками выходцу из Калужской губернии Тарусского уезда, деревни Ишутина, Дмитрию Васильевичу Сургучеву за 2600 рублей». Произошло это 24 июля 1882 года.

Здесь, в Ставрополе, Дмитрий Васильевич Сургучев, записавшись в купеческое сословие, вскоре заимел торговую лавку в новом Гостином ряду на Базарной площади. На приобретенном у Лавра Павлова усадебном месте он

строит угловой каменный одноэтажный дом с арочным въездом во двор. В новом доме он устраивает заезжий двор «Калужское подворье». Разбогатев, надстраивает второй этаж, а с западной стороны усадьбы, выходящей на Ясеновскую улицу, строит еще один небольшой одноэтажный дом.

Здесь рождается сын Дмитрия Васильевича Илья. После окончания духовного училища в Ставрополе, а затем духовной семинарии, по воле родителей Илья Сургучев должен был продолжить духовное образование в Московской академии, но он едет в Санкт-Петербург, где поступает на факультет востоковедения университета, намереваясь посвятить себя дипломатической работе. Уже в совершенстве владея французским и английским языками, он овладевает еще и персидским и турецким. В те же годы он начинает заниматься писательской деятельностью.

Первый рассказ Сургучева «Следствие» появился в 1906 году в «Журнале для всех». В 1910-1913 годах выходит двухтомник его рассказов. Затем – пьесы «Торговый дом» (о ставропольских купцах Меснянкиных) и «Осенние скрипки», с триумфом шедшие на лучших сценах Санкт-Петербурга и Москвы. Наконец, выходит книга «Губернатор», где главным прототипом стал местный губернатор Н.Е. Никифораки.

Так и не став дипломатом, Сургучев после окончания университета возвращается в родительский дом, где полностью посвящает себя литературной деятельности. Здесь он собирает вокруг себя талантливую литературную молодежь, выпустив художественный сборник «Наш альманах». Затем в свет выходят художественно-сатирический журнал «Ставропольский сатирикон» и журнал «Сверчок».

В годы Гражданской войны, став на сторону оппозиции советской власти, он пишет книгу-памфлет «Большевики в Ставрополе», где резко выступает против «диктатуры пролетариата» с его «красным террором». А вскоре он покидает Россию, чтобы обосноваться сначала в Праге, а затем в Париже.

Здесь он пишет целый ряд блестящих книг о белой эмиграции (роман «Ротонда»), о Тургеневе («Этюды о Тургеневе»), императоре Николае II («Детские годы Императора

Николая Второго»), сборник пьес («Мой театр»), а также роман «Реки вавилонские» и др.

В период оккупации гитлеровцами Ставрополя И.Д. Сургучев, как мне точно удалось установить, приезжает сюда из Парижа. Пришлось это на впервые устраиваемые здесь Рождественские праздники. Посетил он и отчий дом с бывшей гостиницей «Калужское подворье». К сожалению, воспоминаний писателя об этой поездке найти пока не удалось.

Умер Илья Дмитриевич Сургучев 19 ноября 1956 года, все годы вынужденной эмиграции страшно тоскуя по Ставрополю.

В 1983 году Ставропольское издательство переиздало книгу Сургучева «Губернатор», а сегодня на сцене Ставропольского драматического театра идет его пьеса «Осенние скрипки», которая вновь ставилась на театральных подмостках Москвы и Санкт-Петербурга.

Между тем бывшее Калужское подворье с начала 20-х годов было отдано семьям рабочих бывшего завода Руднева и Шмидта (в дальнейшем – «Красного металлиста»). И сегодня в том доме еще живут внуки и правнуки тех рабочих.

И еще. Городские власти дали разрешение на установку на фасаде бывшего «Калужского подворья» скромной мемориальной доски, никак не отвечающей значимости этого человека в жизни России и губернского Ставрополя. Между тем Илья Дмитриевич Сургучев достоин стать его почетным гражданином. Его имя должна носить одна из лучших улиц города.

Доходный дом Ягоянца

Противоположный угол бывшей Армянской и Хоперской улиц (сегодня – ул. Шаумяна и Г. Голенева) и сейчас занимает двухэтажный дом из ракушечника. Первоначально на этом месте стоял неприметный дом купца Николая Деревщикова, позже приобретенный банкиром Макаром Поповым. В начале века усадебное место купил армянин Карапет Исаевич Ягоянц, благочинный армянской церкви, построивший здесь в 1905

году новый белокаменный терем. Строил его под доходный дом, сдав верхний этаж под квартиры чиновникам рядом расположенной Контрольной палаты. Весь нижний этаж вплоть до революции занимал роскошный мануфактурно-галантерейный магазин братьев Сеферовых. Здесь покупателям предлагали товары «Товарищества Зуевской мануфактуры» и «Товарищества Шуйской мануфактуры».

В советские годы верхний этаж дома был отдан под общежитие тому же заводу «Красный металлист», а в нижнем этаже в период нэпа обосновался ресторан «Новый свет» Павла Снегирева. Потом, уже в конце 20-х годов, в здании обосновалось фельдшерско-акушерское училище – учебные классы и общежитие для студентов. Это было училище, единственное на Ставрополье, к тому же дававшее студентам глубокие знания, в 30-е годы преобразованное в Ставропольский медицинский институт.

После ухода из здания медучилища в нем расположились советские торговые учреждения, а в нижнем этаже обосновались общепитовская столовая и магазин продуктов.

После бегства из Ставрополя немецких войск нижний этаж дома долго находился в полуразрушенном состоянии после взрыва заложенной здесь взрывчатки. Затем его восстановили под престижный обувной магазин-салон. К тому же в верхнем этаже располагались различные городские службы – от гороно до строительного треста. Таким дом остается и сегодня.

Первая вольная аптека

В 1840 году в Ставрополе на северо-восточном углу Армянской и Хоперской улиц обосновался выходец из Тифлиса Федор Егорович Шенберг. После окончания Московского университета со званием провизора он вернулся на родину, где открыл свою вольную аптеку, снабжавшую медикаментами все Закавказье, в том числе военное интендантство. В 1840 году из-за большой конкуренции в Тифлисе перебрался в Ставрополь, где существовала лишь казенная, или запасная, аптека при военном госпитале.

К сожалению, подробных сведений о работе самой пер-

вой гражданской, или вольной, аптеки в архивах найти не удалось. Известно лишь, что она сразу завоевала авторитет среди горожан, одновременно вызвав неудовольствие многочисленных цирюльников.

С 60-х годов первая вольная аптека перешла во владение провизора Ильи Бобасинова, который на месте старого дома возвел новый, стоимостью в 3700 рублей серебром. Это – очень большие деньги для того времени; хотя сам дом был одноэтажный, но занимал он весь угол от ул. Хоперской до Казанской площади. Помимо самой аптеки, здесь же возникла первая частная клиника врача В.Д. Брусиловского.

После смерти хозяина дома его вдова, Ева Карповна Бобасинова, сдает дом в аренду под вольную аптеку Ричарду Антоновичу Орловскому. Затем в 1897 году Орловский продает привилегию на содержание аптеки Якову Шоломовичу Минцу.

Провизор Минц закончил Варшавский Императорский университет со званием аптекарского помощника. Затем выдержал экзамен в Московском Императорском университете на звание провизора. И вот, как сообщает архивный документ: «В феврале 1897 года Минц покупает аптеку у Орловского Ричарда Антоновича на углу Хоперской улицы и Казанской площади в доме Бобасиновой».

Аптека провизора Минца стала самой престижной в городе: в ней, помимо патентованных лекарств, предлагали медикаменты собственного приготовления. В том числе – некогда знаменитую настойку из трех десятков лекарственных растений помощника Минца – доктора Эрнеста. Настойка эта, как писал наш великий земляк, писатель Илья Дмитриевич Сургучев, давала пьющим ее долголетие, и сам Эрнест дожил до 96 лет, а умер по случайности, упав с разгоряченной лошади.

И, наконец, в 1904 году аптеку Минца приобретает провизор Израиль Абрамович Пейсахович, получивший медицинское образование в Берлинском университете. В 1912 году он перенес свою аптеку, к тому времени именуемую Третьей вольной, из дома наследников Бобасиновых в собственный вновь отстроенный дом на углу Николаевского проспекта и Архиерейской улицы. В дальнейшем дом занимали самые различные службы, сегодня же – почтамт.

Асмаевский торговый ряд

И, наконец, на противоположной стороне от здания бывшей вольной аптеки расположился ряд одноэтажных зданий, который именовали Асмаевским рядом.

Первым владельцем этого места был Иван Антонович Алафузов. В связи с нахождением вблизи Нижнего базара усадьба Алафузова была застроена многочисленными одноэтажными строениями, большая часть которых позже была снесена, а сегодня оставшиеся закрыты угловым домом с бывшим комиссионным магазином. Но стоит зайти во двор, как глазам откроется одно из старейших зданий города с верандой и скрипучими лестницами. Возможно, это – самое первое здание возникавшего тогда города и одно из немногих сохранившихся вообще.

С восточной стороны по Армянской улице к угловому дому примыкает еще несколько одноэтажных строений, в прошлом это – купеческие лавки, принадлежавшие роду купцов Деревщиковых. В 60-х годах эти строения, как и Алафузовых, перешли во владение пивовара Николая Ермолова. В приобретенных строениях он открывает пивной бар, закусочные и хлебную лавку.

В конце позапрошлого века все строения клана Ермоловых переходят во владения купца Ивана Асмаева. Он перестраивает все торговые лавки, где открывает свой гастрономический магазин с большим выбором винно-водочных изделий, колбасных и прочих.

В годы нэпа торговый ряд Асмаева вновь привлекал к себе покупателей изобилием продукции местных колбасников и сыроделов, виноделов и пекарей. Затем надолго превратился в унылые лабазы с пустыми полками. Но время брало свое, и сегодня подновленные магазинчики бывшего торгового центра вновь радуют глаз изобилием продуктов и гомоном многочисленных покупателей.

Усадьба Поспелова

От Казанской площади на восток шла 1-я Станичная улица, позже переименованная в Поспеловскую (сегодня – ул. Горького). В начале этой улицы в середине XIX века

ейский купец 1-й гильдии Павел Кузьмич Поспелов начал строить угловой двухэтажный доходный дом. В обнаруженном архивном описании здания за 1861 год сообщалось: «Дом Поспеловых на Казанской площади, в начале 1-й Станичной улицы, двухэтажный, каменный, покрыт железом. Имеет две лестницы – одна каменная, вторая деревянная. На территории усадьбы – различные каменные службы, каменный колодец, сад. Все строения оценены в 23523 руб. 57 коп. серебром. Дом сдается под постой проезжающим через Ставрополь генералам, штаб- и обер-офицерам. В год дом приносит доход в 3 тысячи рублей серебром».

Павел Поспелов сдавал свой дом и гражданскому ведомству. Особенно прославился этот дом в 1856 году, о чем сообщает обнаруженный архивный документ: «В доме Павла Кузьмича Поспелова на Казанской площади, остановился на несколько дней персидский поверенный при Российском доме Махмуд-Хан со свитой и сопровождавшими его казаками конвоя. Махмуд-Хан остался доволен предоставленными ему апартаментами, за что лично поблагодарил хозяина дома, оплатив за постой значительную сумму».

Между тем Нижний базар с каменными купеческими и мещанскими рядами, подвалами-ледниками становится одним из главных торговых центров города. В базарные дни сюда из окрестных сел и станиц со снедью прибывало большое число людей, нуждающихся в постое. Павел Поспелов делает к своему дому по Казачьей улице двухэтажную пристройку с гостиничными номерами. Тогда же дом с парадной стороны украсила вывеска «Гостиница «Херсонъ».

Более 30 лет эта гостиница успешно конкурировала с другими подобными заведениями Нижнего базара. Сам ее хозяин, заимев приличный капитал, занялся благотворительной деятельностью, жертвуя деньги на ставропольские церкви и храмы. За это он получил звание почетного гражданина, а после его смерти 1-я Станичная улица была переименована в Поспеловскую (сегодня – ул. Горького). В этой связи остальные Станичные улицы изменили свою нумерацию – 2-я стала 1-й и т.д.

Новым хозяином усадьбы Поспелова стал предпри-

ниматель Алексей Николаевич Курятников, пытавшийся продолжить дело своего предшественника, но к тому времени сама усадьба постарела и слава гостиницы «Херсонъ» померкла. Одно время нижний этаж дома снимал Петр Алехин, устроивший там трактир «Казачий курень». Стены трактира украшали портреты знаменитых казачьих генералов, полковников и есаулов, а также казачье оружие и прочие регалии. Но Ставрополь с окончанием Кавказской войны уже не являл собой военный центр, тем более казачьего войска, а потому и трактир стал все менее посещаемым.

С начала XX века бывшая поспеловская усадьба стала обычным заезжим двором, неопрятным и занавоженным...

В советское время национализированные строения без хозяев стали разрушаться, и лишь годы нэпа способствовали их восстановлению. Здесь обосновались торгово-закусочные заведения с подновленными гостиничными номерами.

Сегодня усадьба Поспелова вновь подновлена, но лишь капитальный ремонт может вернуть жизнь этому историческому памятнику Казанской площади.

Усадьба генерала Сахацкого

На северной стороне Казанской площади до последнего времени стоял двухэтажный каменный дом, поражавший своими башенками на крыше здания.

Первым владельцем этого усадебного места был герой Кавказской войны, генерал-майор Федор Павлович Сахацкий. Здесь в начале позапрошлого века он построил одноэтажный большой бревенчатый дом на каменном фундаменте под железной крышей, оцененный в 9711 рублей серебром.

В 1842 году генерал внезапно умер и с почестями был погребен на Успенском кладбище. В описи имущества генерала, помимо прочего, указывалось: «12 икон в серебряных и вызолоченных ризах, серебряная шпага с надписью «За храбость», персидская сабля и ятаган в серебряных ножнах, мушкетон, пять инкрустированных костью и серебром ружей, два ордена Св. Анны разных степеней, два ордена Св. Владимира, один – Св. Георгия 4-й степени,

многочисленные медали, два полковых золотых с черне-нием знака, серебряная с позолотой пряжка с надписью «За храбрость». Разнообразное столовое серебро».

В описи значилось также 35 картин, писанных маслом: портреты императора Павла I, Екатерины II, Александра I, кавказских генералов – Эмануеля, Вельяминова, батальные картины.

В том же 1842 году усадьба Сахацкого перешла к его сыну, полковнику Александру Федоровичу, не только сохранившему картинную галерею отца, но и приумножившему ее до 134 наименований. Но с его смертью все собрание перешло к городу и было продано разным лицам на торгах.

К этому следует добавить, что дочь Сахацкого Елена была женой известного декабриста барона Андрея Евгеньевича Розена.

С 70-х годов XIX века усадьба Сахацкого переходит в руки купцов Вышловых, устроивших в нижнем этаже дома торговую лавку. Дочь купца Елена, закончив Александровское женское училище в Ставрополе, продолжала образование в художественном училище Москвы. Вернувшись домой она продала усадебное место купцу Синельщикову, который и возвел новый в два этажа каменный дом с неповторимой крышей. Ее фантастические башенки и прочие элементы архитектуры сделали этот дом украшением Казанской площади.

В годы нэпа нижний этаж дома занял хозяйственный магазин, а в верхнем, арендуемом у местных властей бывшим хозяином, был устроен танцевальный салон.

В 80-е годы XX столетия старый особняк загорелся, рухнула уникальная крыша. Таким дом остается и сегодня, как немой укор власти и безразличию людей, посещающих новый Нижний рынок.

Обжорный ряд

Достопримечательностью базара на Казанской площади был так называемый Обжорный ряд, здания которого, кстати, отлично сохранились на северной стороне площади, рядом с домом Синельщикова.

Здания для обжорок, как в простонародье именовали дешевые съестные заведения, строились по проекту известного ставропольского архитектора Алексея Красевича. Им было построено два «съестных обжорных балагана», составивших тот самый знаменитый Обжорный ряд. Это были одноэтажные каменные вытянутые строения с лавками и столами из свежеструганных досок и керосиновыми лампами, подвешенными к потолкам. Помимо буфетов с горячительными напитками, здесь до поздней ночи работали кухни.

Как вспоминали старожилы, здесь простой люд потчевали отварными потрохами домашней птицы, свиными ножками и знаменитыми свиными сальниками, фрикадельками, пропаренными в жиру с чесноком и молотым красным перцем. Для людей более состоятельных предлагалась обжаренная дичь, шашлыки, домашняя птица...

Обжорки охотно посещали не только жители этого района Ставрополя, но и приезжие крестьяне, торговавшие на Нижнем базаре, как стали его называть в отличие от Верхнего базара у Александровской площади города.

Старые съестные обжорные балаганы продолжали работать и в советское время, особенно в период нэпа. Затем их переименовали в столовые или закусочные, какими они остаются и до сегодняшнего дня.

Гостиницы «Бристоль» и «Париж» на Поспеловской

В середине XIX века рядом с особняком Павла Поспелова купец Петр Прокофьев построил свой дом в два этажа, где устроил меблированные комнаты.

В 90-х годах дом с усадебным местом перешел к новому хозяину – Матвею Андреевичу Натарову, который перестроил дом Прокофьева, открыв в нем гостиницу «Бристоль». Произошло это в 1906 году и обошлось Натарову в шесть тысяч рублей серебром, а сам дом с усадьбой был оценен в 22 тысячи рублей.

Гостиница «Бристоль» с внутренней галереей для отдыха в непогоду и прекрасным садом стала достаточно престижной среди приезжавших на базар крестьян и ком-

мерсантов. Под домом хозяин гостиницы устроил бильярд с буфетом, где любили собираться жители этого района, делая ставки на играющих.

С востока к усадьбе Натарова примыкало место чиновника Ивана Яхонтова, который уже в начале XX века продал усадьбу мельнику Афиногену Строганову. Сыновья последнего Онисим и Родион на деньги умершего отца построили здесь новый дом в два этажа, где открыли гостиницу «Парижъ». Парадное фойе с чугунными маршами широкой лестницы, ведущей на второй этаж, водяное отопление, электрическое освещение, картины на стенах, ресторан на первом этаже – все это привлекало сюда постояльцев. Братья во дворе усадьбы строят еще один гостиничный корпус с остекленной верандой, соединяя его с первым на уровне второго этажа. В подвале первого дома также открывают бильярдную с выписанными из Москвы большими столами.

Гостиница «Парижъ» братьев Строгановых простояла до революционных событий, затем была полностью разграблена и частично разрушена. В журнале «Ставрополье», № 6 от 1924 года, сообщалось: «Здание это, никем не занятое, находится в сильно запущенном состоянии: в окнах выбиты все стекла, без многих дверей, местами провалился пол, дырявая крыша, подвалы, как и дом, заполнены навозом».

В том же 1924 году бывшая строгановская гостиница была восстановлена, она распахнула свои двери, но теперь уже как Дом крестьянина. По мысли устроителей, это должен был быть не просто гостиничный дом для приезжающих на базар крестьян, но и культурно-просветительский центр с библиотекой, залом для лекций и пр.

В дальнейшем Дом колхозника стал гостиницей «Эльбрус», здание которой слилось с бывшей гостиницей «Бристоль». Такой она остается и сегодня.

Гостиница «Варшава»

На восточной стороне Казанской площади и сегодня стоит большой, в два этажа, каменный дом, который с 1886 года именовался гостиницей «Варшава». Принадле-

жал он крупному предпринимателю Исидору Павловичу Абашину, а потому дом в народе именовался еще и «абашинским».

Это была самая престижная гостиница района с номерами люкс, банкетными залами, комнатами, где давали выступления заезжие артисты. С 1912 года дом перешел во владение к сыну Абашина – Ивану Исидоровичу, который со двора сделал пристройку к дому, где устроил престижную баню с номерами.

В советское время гостиница «Варшава» продолжала выполнять свою функцию, расцвет пришелся на период нэпа. В период временной оккупации города немецкими войсками в здании разместилась немецкая часть. При отступлении строение было сожжено, а после восстановления его приспособили под швейную фабрику. Таким оно остается и сегодня.

Церковь св. Григория, просветителя Армении

Ставрополь на протяжении всей своей дореволюционной истории являлся средоточием не только русских православных храмов. Еще к 1810 году здесь, у восточного склона Крепостной горы, была заложена деревянная Армяно-григорианская церковь. «Но выстроенная наполовину, – писал И. Бентковский, – по недостатку материальных средств, была оставлена и находилась в таком положении до 1830 года, в котором армяне, при посредстве генерала Емануеля, вновь принялись за дело и с успехом тогда же закончили».

Армянская деревянная церковь простояла до 70-х годов XIX столетия, пока от ветхости не обвалился один из двух куполов. К тому времени армянское общество города стало многочисленным и достаточно богатым, и было решено взамен старой возвести каменную церковь.

Новую Армяно-григорианскую церковь строил известный ставропольский архитектор Федор Константинович Прозоровский. Им, по существу, был полностью переделан проект строения, полученный из Армяно-григорианского Синода. «Имею честь донести, – писал Прозоровский в Синод, – что под моим наблюдением при-

ступлено к работам по сооружению в городе Ставрополе Армянской каменной церкви согласно представленного мною проекта».

Проект строительства церкви 27 декабря 1876 года был представлен Эчмиадзинскому Армяно-григорианскому Синоду и подвергся значительным изменениям. Наконец все спорные вопросы в основном были разрешены, и рабочие приступили к строительству.

В акте от 11 марта 1878 года, подписанном губернатором и городскими архитекторами, а также купцами Макаром Поповым и Иваном Чуваловым отмечено, что хотя все возникшие проблемы по устранению недостатков в проекте не решены, строительные работы доведены до окон первого этажа. Отмечено, что «плиты и сверх их три ряда кладки положены на керченском цементе, а остальная кладка на известковом растворе».

В заключение акта указано: «При этом мы нашли, что устройство новой армянской церкви как в архитектурном *отношении, так и размеров производится совершенно со*гласно утвержденного проекта и с должной правильностию и прочностию. Обо всем вышеизложенном постановлено записать в настоящий акт и представить таковой в Ставропольское Губернское Правление, а копию с оного выдать строителю церкви Макару Варфоломеевичу Попову. 3-го Мая 1878 года».

Строительные работы по возведению значительного по размерам храма продолжались недолго, и в начале апреля 1881 года был представлен акт о готовности церкви для богослужения:

«Акт. 8-го Апреля 1881 г. вследствие рапорта производителя работ по устройству в г. Ставрополе каменной Армянской церкви, Ставропольский Губернский инженер Кнорре и младший архитектор Ставропольского Отделения Монковский при производителе работ архитекторе Прозоровском и подрядчике Ларионове свидетельствовали вышесказанное сооружение и нашли его исполненным во всем согласно утвержденному проекту, прочно, правильно, и материалов хорошего качества, так, что в техническом отношении не усмотрено препятствия к открытию в храме богослужения, о чем постановлено записать в настоящий акт и передать таковой производителю работ

архитектору Прозоровскому, а копию приобщить к делу Строительнаго Отделения.

Подписали: Ставропольский губернский инженер Кнорре, младший архитектор Манковский, производитель работ Прозоровский и подрядчик Ларионов».

Благодаря щедрости меценатов, известных ставропольских купцов Гавриила Термикелова, Макара Попова и других, внутреннее убранство этого духовного центра поражало своим богатством. Иконостас был покрыт листовым червонным золотом, как и большинство киотов. Золото и серебро окладов прекрасных икон, такие же священные служебные предметы, дорогое церковное одеяние, сочная роспись сводов храма, дорогие мраморные, гранитные и лабрадоритовые памятники и склепы в ограде церкви, где нашли последний приют наиболее уважаемые члены армянского общества, привлекали сюда не только армян.

Между тем в Ставрополе на северном склоне Ташлянской долины находилось армянское кладбище с часовней. Великолепие надгробий кладбища поражало современников, как и ухоженность этого святого места. Все это в советские годы было уничтожено. Даже место кладбища исчезло под поздними частными застройками. Лишь небольшая рощица из грецкого ореха на окраине того бывшего кладбища напоминает о минувшем времени.

Армянская церковь, как и все храмы Ставрополя, была до нитки обобрана в конце советских 20-х годов. Само же здание церкви, полуразрушенное и осквернённое, простояло до 60-х годов, когда на его месте решено было построить здание Октябрьского райкома партии.

К этому следует добавить, что сегодня армянское общество города строит новую церковь вблизи Успенской церкви Ставрополя.

Александровское училище

К неординарным строениям района Казанской площади можно отнести и здание бывшего Александровского училища, сегодня СШ № 12. История этого строения в

какой-то мере берет свое начало с января 1880 года, когда по всей России прошли торжества по случаю 25-летия царствования императора Александра II. Но, как известно, в марте следующего года силами, стремящимися прервать прогрессивные преобразования в России – прежде всего революционерами – царь-реформатор был злодейски убит.

Но вернемся в год 25-летия царствования императора. 29 января 1880 г. Ставропольская городская Дума приняла решение: «В ознаменование 25-летнего Блаженного Царствования Его Императорского Величества государя Императора Александра II учредить в гор. Ставрополе в текущем году начальное училище для бесплатного обучения детей беднейших жителей Ставрополя».

В следующем году управой были выделены деньги на устройство Александровского училища, которое первоначально обосновалось в арендуемом доме на 2-й Ясеновской улице (сегодня – ул. Фрунзе). Однако ремонтные работы затянули время его открытия до 14 июня уже 1882 года.

К концу XIX века Дума решила выделить средства на строительство собственного здания училища. Известный ставропольский архитектор Михаил Иосифович Бржезицкий подготовил проект здания стоимостью в 20 тыс. рублей серебром. Камень на строительство брали не только из карьеров, но и от разбираемых военных казарм на Петропавловской площади города (сегодня – район Верхнего базара).

В 1899 году новое училище, в присутствии ставропольского губернатора Никифораки и архиепископа Агафодора, было торжественно открыто.

В годы Первой мировой войны Александровское училище стало военным госпиталем, оставаясь им вплоть до окончания Гражданской войны.

В 20-е годы здесь была школа первой ступени, затем – девятилетка. В послевоенный период здесь находилась женская школа № 12, сегодня – средняя общеобразовательная, в расширенном здании. Только ничто уже не напоминает, в честь кого из великих людей России, каким был царь-реформатор Александр II, было построено это здание.

Архиерейский переулок

От Николаевского проспекта в его нижней части на юг отходил переулок, в какой-то мере являвшийся продолжением улицы Хоперской, первоначально именуемый Кузнечным. Название было связано с первыми кузнями города, расположившимися здесь, вблизи Варваринского кладбища. Место это было неудобным для застройки, так как здесь ручей Желобовский, бравший начало у дома, командующего и проходящий через Воронцовскую рощу, разливался многочисленными рукавами. Лишь на незаболоченных участках района обосновались кузнечных дел мастера. Со временем Желобовский ручей упрятали в выложенную камнем канаву, через него перекинули мост, наименованный Кузнечным. Однако сами кузни перенесены были на южную сторону Ярмарочной площади, а на осушенных участках горожане начали строить себе жилища.

С открытием в 1843 году Кавказской епархии и приездом в Ставрополь первого Кавказского епископа Иеремии один из домовладельцев этого проулка – Игнат Волобуев – пожертвовал свое усадебное место под планируемые к постройке Крестовоздвиженскую церковь и епархиальное управление. С переездом сюда владыки Иеремии переулок переименовали в Архиерейский.

В советское время уже улицу Архиерейскую назвали в часть Таманской армии – Таманской. А после изгнания гитлеровцев из Ставрополя улица стала называться именем погибшего от рук немцев подростка Геннадия Голенева.

Трактир «Медведъ»

«...Если хорошо приглядеться к городу, то можно различить архиерейскую церковь, духовное училище, водокачку, дом купца Егорылина с чугунным медведем на крыше, темную ленту бульвара, спускающегося сверху до Семеновской площади...» (Илья Сургучев, «Губернатор», 1912 г.).

Илья Дмитриевич Сургучев в своей повести «Губерна-

тор», описывая вид Ставрополя с Крепостной горы, несколько нарушил документальность повествования, в частности, назвав Ярмарочную площадь Семеновской, а дом купца Мокина приписал несуществующему купцу Егорылину. Но упоминание о чугунном медведе соответствует действительности. По воспоминаниям старожилов, дом на углу бывшей Михайловской улицы и Архиерейского переулка (сегодня – улиц Орджоникидзе и Г. Голенева) называли «медвежьим».

Первым владельцем этого усадебного места, что занимало северо-восточную угловую часть, был Никифор Тутов, ведший торговлю скотом. Это был преуспевающий купец, годовой торговый оборот которого достигал 50 тыс. рублей серебром, отчего он занимал в 1868 году пятое место среди 115 местных купцов.

Свой угловой одноэтажный каменный дом, чем-то похожий на крытый манеж, Тутов сдавал Михайловскому ремесленному училищу: в этом доме находились металлорежущие и деревообрабатывающие станки.

Сын Тутова, тоже купец с торговым оборотом в 35 тыс. рублей серебром, продал дом Никите Степановичу Мокину, не менее известному ставропольскому купцу и предпринимателю. Мокин в приобретенном доме открывает один из крупнейших магазинов по продаже стройматериалов, а также лаков и красок. Позже он переносит магазин в дом купца Алафузова на углу Николаевского проспекта и Хоперской улицы, а в освободившемся здании открывает вскоре ставший широко известным в городе трактир «Медведь». Тогда же фасад здания украсил чугунный лесной зверь, отлитый на местном чугунолитейном заводе Руднева и Шмидта.

Трактир привлекал горожан не только огромным выбором горячительных напитков, пива и закусок, но и четырьмя большими клубными бильярдными столами, купленными Мокиным в Москве. Небезынтересно, что тот же писатель Сургучев, большой знаток бильярдной игры, посещал трактир «Медведь». Об этом он подробно рассказал в повести «Губернатор».

В советское время трактир «Медведь» благополучно просуществовал до конца 20-х годов, затем здесь устроили пролетарскую столовую. Уже после Великой Отечествен-

ной войны здесь расположилась чайная. В 60-х годах здание перешло к крайпотребсоюзу. Тогда-то бывший трактир «Медведь» был надстроен и перепланирован. С 1977 года новым владельцем здания стал Московский кооперативный институт, сегодня – филиал Белгородской коммерческой академии.

Бурса

В 1793 году высочайшим указом в целях «...наилучшего распространения и утверждения православия в народах, поблизости от линии Кавказской обитающих» было учреждено Моздокско-Маджарское викарианство во главе с архимандритом Гайем. Помимо забот об открытии новых церквей, архимандрит поднял вопрос о необходимости подготовки на Кавказе своих священнослужителей. Но лишь в 1823 году в Ставрополе было открыто духовное училище, или бурса, первая на Северном Кавказе.

Инициатором открытия в Ставрополе духовного училища, или бурсы, был первый начальник Кавказской области с центром в Ставрополе – генерал, князь Петр Дмитриевич Горчаков. В 1823 году он вместе с архимандритом Гайем по согласованию со Св. Синодом принял участие в торжественном открытии первого на Кавказе духовного учебного центра. Само училище расположилось в арендуемых домах казачьей станицы, мало приспособленных под учебное заведение.

В 1847 году вблизи Кузнечного моста через речку Желобовку по Архиерейскому переулку купцом Иваном Ганиловским был построен двухэтажный каменный дом, который он и подарил духовному училищу (сегодня – СШ № 4).

Шли годы, здание уже не удовлетворяло потребностей этого духовного центра. В 1866 году здание решено было расширить за счет надстройки второго этажа северного флигеля. «Правление Кавказской семинарии, – говорилось в обнаруженном архивном документе, – препровождает при сем проект и смету на пристройку второго этажа над флигелем на сумму 7895 рублей, составленные архитектором Никифоровым».

Наконец, в 1879 году здание вновь перестраивается по проекту инженера Адамовича, представившего свой проект в строительное отделение Присутственных мест:

«Имею честь представить на обсуждение Строительного отделения составленный мною проект пристройки и переделки здания Ставропольского духовного училища». Тогда же в здании была устроена домовая церковь в честь первого ставропольского епископа Иеремии.

В советское время здание бурсы занял детский дом, затем – ремесленное училище № 1, где готовили квалифицированных рабочих для завода «Красный металлист» и других предприятий города и края. Это было одно из лучших в крае профессиональных училищ, где обучалось более 400 юношей. Прекрасно оборудованные учебные классы, здесь же устроенное общежитие, столовая способствовали росту авторитета училища.

В период временной оккупации города немецкими войсками в здании бывшего училища разместилась немецкая воинская часть. Во время отступления гитлеровцев здание было сожжено и взорвано. В восстановленном здании обосновалась средняя школа № 4.

Крестовоздвиженская церковь

1 января 1843 года решением Синода была создана Кавказская и Черноморская епархия с центром в Ставрополе. В марте того же года сюда прибыл первый епископ Иеремия, который временно стал жить в доме купца Игнатия Волобуева. Там же была им устроена домовая церковь во имя Честного и Животворящего Креста Господня. Через два года для Владыки было приобретено усадебное место с домом того же Волобуева на Кузнечной улице под архиерейское подворье. То был «деревянный дом под железной крышей, внутри оштукатуренный, а снаружи обшитый тесом. Имел он переднюю, двое сеней, шесть комнат, из коих большая под названием зала, в семь квадратных аршин. При доме для помещения причта имелся и каменный длинный дом под железной крышей, состоящий из сеней и трех небольших комнат».

Помимо усадьбы Волобуева, уже за деньги церкви были

приобретены соседние подворья – Ильи Панина и Егора Левиева, «дабы Архиерейское подворье не было стеснено и загромождено сторонними зданиями».

В первом доме были устроены покои владыки с домовой церковью в честь Воздвижения Креста Господня, или Крестовоздвиженской. Так как дом был мал для церкви, то с южной стороны устроили придел в честь священномученика Игнатия Богописца. С восточной стороны сделали полукруглую пристройку под алтарь, над домом возвели небольшой купол. Рядом сложили каменную звонницу с пятью колоколами, на каждом из которых была надпись: «Вылит в Ставрополе на Кавказском литейном заводе Курликиной». Больший весил 15 пудов и 15 фунтов.

К 70-м годам XIX столетия Крестовоздвиженская церковь перестраивается по проекту ставропольского архитектора Павла Григорьевича Прозоровского, с куполом, «как в храме Св. Софии в Царьграде». По его же проекту устраивается и новый иконостас с иконами «хорошего письма».

Рядом с церковью был построен свечной заводик, разбит большой фруктовый сад, устроен выложенный камнем пруд, питаемый Желобовским ручьем. В церковной ограде хоронили особо достойных лиц духовного и гражданского звания. «Князь Владимир Иванович Святополк-Мирский, родился 21 апреля 1823 года, скончался 23 января 1861 года», – сообщал текст одного надгробия из белого мрамора.

На чугунной плите еще одного памятника говорилось: «Иеросхимонах Димитрий. С 1846 по 1886 годы был миссионером Алтайской миссии в Западной Сибири, где обратил Евангелиевскою проповедью до 500 человек. Скончался 18 марта 1887 года».

Внутри Крестовоздвиженской церкви был погребен и сам Игнат Волобуев. «Погребен раб Божий Игнатий в приделе Крестовой церкви старого архиерейского дома, – сообщается в редкой книге «Ставропольское Епархиальное церковно-археологическое общество» 1905 года издания, – в честь священномученика Игнатия, святое имя коего носил почивший».

На самом Архиерейском подворье при Крестовоздвиженской церкви, вплоть до устройства в конце XIX века Нового подворья при храме Св. Андрея Первозванного,

жили кавказские и ставропольские епископы – Иеремия, Иоанникий, Игнатий, Феофилакт, Герман, Серафим, Владимир и Евгений. В старом Архиерейском подворье находился и викарный епископ. Здесь же располагалось «древнее хранилище Ставропольского Епархиального церковно-археологического общества», где хранились уникальные археологические находки, связанные с историей православия на Северном Кавказе, а также облачение всех епископов и их портреты, написанные маслом.

Крестовоздвиженская церковь была закрыта «по просьбе трудящихся» в конце 20-х годов XX столетия.

Возрожденная в годы Великой Отечественной войны, она действовала до 60-х годов. Одновременно с ее закрытием была упразднена и находящаяся здесь Ставропольская духовная семинария (по сфабрикованному делу). До этого семинарию закончили будущий епископ Краснодарский и Кубанский Гермоген, епископ Ставропольский и Бакинский Антоний, митрополит Ставропольский и Владикавказский Гедеон, доктор богословия, профессор Иоанн Белевцев, деятель грузинской церкви, протопресвитер Михаил Диденко и другие.

Сегодня на месте старой церкви строится новая, символизируя этим бессилие сил зла и торжество человеческого духа.

ГЛАВА III. ОТ КРЕПОСТИ НА ЮГ

Ставропольская крепость

В апреле 1777 года князь Г.А. Потемкин представил Екатерине II доклад «Об утверждении линии от Моздока до Азова». Вскоре топоры казаков Хоперского, Волжского, двух Донских казачьих полков, Владимирского драгунского, Кабардинского пехотного и егерских батальонов застучали в урочищах рек Малки, Куры, Золки, Подкумка, Карамыка, Калауса, Члы, Егорлыка. Падали вековые дубы и буки, и вырастали срубы, дозорные башни, крепости.

Астраханский генерал-губернатор и командующий Астраханским конным корпусом Иван Варфоломеевич Якоби, принявший этот пост в мае 1777 года от генерала Медема, назначил строителем крепости у Черного леса командира Владимирского драгунского полка – полковника барона В. Шульца. Немец по национальности, Шульц начал службу в Русской армии еще при императрице Елизавете Петровне. Оказавшись под началом Якоби и получив приказ строить крепость № 8, первоначально наименованную Московской, он вскоре прибыл с десятью эскадронами владимирских драгун к истокам речки Члы. И быть бы со временем на Северном Кавказе городу Москве, если бы не тот же Якоби. В ордере от 22 ноября 1777 года он приказывает: «От сего времени Московскую крепость именовать Ставропольской...»

В переводе с греческого «ставрос» – крест, «полис» – город, т. е. «Город Креста». По преданию, при закладке крепости здесь был обнаружен каменный крест. Краевед Г.Н. Прозрителев писал: «...Но вот настают времена христианства, и оно широкой волной идет с запада на восток, прорезает горы до самого Каспийского моря и оставляет следы на Северном Кавказе в виде древних церквей, крестов, могильных плит с надписями, гробниц и как свидетельство этого периода у нас, на нашей Ставропольской горе, бывшей Крепостной (ныне названа Соборной) находят каменный крест, доказательство жизни здесь первых христиан...»

Благодаря этой находке, утверждал Г.Н. Прозрителев, крепость у истоков Ташлы стала именоваться Ставропольской. Но название всем крепостям было дано Екатериной II задолго до прибытия русских войск на Северный Кавказ. И в то же время это наименование в дальнейшем оказалось исторически справедливым, ибо отразило не только факт находки здесь каменного креста, но и роль города в развитии православия на Северном Кавказе.

Драгуны Владимирского полка к 22 октября 1777 года закончили земельные работы по устройству крепости, внутри которой поставили походные палатки, выкопали землянки и даже возвели полковую деревянную церковь. Позже прибывшие хоперские казаки обосновались к востоку от Крепостной горы, основав здесь свою станицу.

Конфигурация Ставропольской крепости, окончательно отстроенной в 1778 году, отличалась от остальных крепостей Азово-Моздокской линии укреплений. Она в точности соответствовала рельефу местности. Многие исследователи считают, что автором проекта крепости был полковник Ладыженский.

В журнале «Северный архив» за 1828 год дается краткое описание упраздненной к тому времени Ставропольской крепости: «На горе, довольно возвышенной, находится старая крепость, которая окружена с одной стороны земляным валом, а с другой – ограждена от природы весьма крутою глубокою рытвиною, внизу которой протекает река».

Помимо земляного вала, который, по-видимому, имел каменный или деревянный бруствер с наиболее незащищенной рельефом юго-западной стороны, была устроена каменная крепостная стена с бойницами, толщиной до метра и высотой до двух метров. Стена эта частично сохранилась в начале улицы Суворовской и в глубине двора по ул. Советской, 1.

В плане крепость представляла из себя вытянутый с юго-запада на северо-восток неправильный многоугольник. Длина ее стен составляла 1630 метров. По оси она превышала 700 метров, в поперечнике 300, а в целом занимала площадь 10 гектаров. С южной стороны был устроен глубокий и широкий ров, заполненный водой из пруда, образованного путем перекрытия плотиной верховьев

Желобовского ручья. Из камня возводились и внутренние крепостные строения – два штаб-офицерских и одиннадцать обер-офицерских домов, казачьи казармы, шефский дом со службами, артиллерийский и соляной склады, гауптвахта... Внутри крепости были построены первые каменные здания для гражданских учреждений, в том числе уездное казначейство с рентерией – «золотой кладовой».

За крепостными стенами также стали возводить самые разные строения. С западной стороны, где начинался некогда знаменитый Черкасский тракт, находились конюшни для подменных лошадей и охранный пост – кордегардия.

К югу от крепостных бастионов под защитой медных и чугунных пушек построили аванкрепость, обнесенную рвом и деревянным палисадом. Ее конфигурация соответствовала направлению сегодняшнего проспекта Октябрьской революции, улиц К. Хетагурова и Дзержинского. Внутри аванкрепости находилось пять строений, где, возможно, хранились фураж и инструменты для земляных и каменных работ.

К востоку от крепости, как сообщают старые планы, находилась казачья станица, где поселились хоперские казаки. Она имела пять продольных улиц, в дальнейшем именуемых Станичными, а также две поперечные. Первая из них еще долго потом называлась Хоперской. Вторая – Казачья, одна из немногих улиц Ставрополя, сохранившая свое название до сегодняшнего дня.

В 1900 году военно-историческим отделением при штабе Кавказского военного округа была издана книга есаула 1-го Кубанского полка В. Толстова «История Хоперского – Кубанского казачьего войска (1696-1896 годы)». В книге этой дается описание строительства Ставропольской крепости, а также казачьей станицы при ней. «Из хоперских станиц, – сообщается в книге, – Ставропольская была усилена в нескольких местах даже каменной стеной с бойницами».

В легенде к одному из первых планов Ставрополя сообщалось: «Город Ставрополь, начатый укреплением, когда линия Кавказская заводилась при генерале Якоби, камнем одет с прибавлением некоторых временных укреплений по природному положению сего места, кое на каменной

горе лежит, приобретенных станицей и частью обнесенных палисадом, когда в оном командовал бригадир, что ныне генерал-лейтенант Апраксин, в 1782 году».

Всего найдено несколько планов Ставропольской крепости, на которых с трех сторон отмечены крепостные ворота. Главные находились в районе сохранившейся крепостной стены, откуда и начинались дороги к Черкасску и Георгиевску. И еще одни крепостные ворота – у восточной оконечности крепости – вели в казачью станицу. Как писал краевед Прозрителев: «После упразднения крепости здесь еще долго стояли два каменных столба, из тесаных камней на цементе, с железными крюками для ворот, которые отворялись наружу...»

Сегодня на сохранившейся части крепостной стены установлена мемориальная доска, сообщающая, что ее строителями были драгуны Владимирского и казаки Хоперского полков. Текст доски сообщает также, что Ставропольская крепость была основана 22 октября 1777 года.

Рядом с этим местом стоит памятник в виде символической палатки времен Кавказской войны, с таким же символическим барабаном тех лет и ключом от города. Немного в стороне к 200-летию города был воздвигнут величественный скульптурный портрет А.В. Суворова, выполненный по проекту архитектора В. Верховского. Это – наша память о человеке, который для всех поколений ставропольцев был одним из основателей крепости у Черного леса, откуда пошел Ставрополь. И, наконец, вблизи памятника Суворову поставлен еще один памятник на месте первой крепостной церкви – каменный крест.

Интендантство

В 1820 году на Крепостной горе был построен Главный вещевой магазин Комиссариатской комиссии, ведавший снабжением Кавказской армии вооружением, обмундированием, продовольствием и денежным довольствием. Для своего времени это было неординарное строение в два этажа с галереями и подвальными помещениями, откуда шли подземные ходы к пороховому подземному бункеру и бун-

керу с ядрами и гранатами, располагавшимися почти в центре бывшей крепости.

Одно из помещений вещевого магазина занимал склад образцов огнестрельного и холодного оружия Кавказской армии. В прочих помещениях хранилось в огромных количествах это самое оружие и обмундирование для всех родов войск, действовавших на Кавказе и в Закавказье. Все это доставлялось сюда как военными обозами, так и купцами-подрядчиками.

«Купцу Алексею Найтаки, – говорится в одном из многочисленных документов, – под залог его дома в Таганроге выделено 10 тыс. рублей серебром для приобретения у тульского купца Алексея Пономарева для вещевого магазина тульских ружей, пищалей, шашек и кинжалов».

Особо укрепленной и охраняемой частью вещевого магазина было казначейство с денежной кладовой-рентерией, где находился золотой и серебряный запас Кавказского войска и Кавказской области. И деньги эти были значительными. Как сообщает тот же архивный документ, главным смотрителем вещевого магазина Эдуардом Львовичем фон Вахом только в один транспортный заезд в кладовую было доставлено 100 тыс. рублей серебром и золотом.

Вещевой магазин в 1837 году посетил император Николай I, о чем сообщала долго висевшая здесь чугунная доска.

Возникновение Комиссариатской комиссии, как и Провиантмейстерской, ведавших снабжением войск, продовольствием и фуражом, связано с Петром I. По его указу были учреждены должности генерал-провиантмейстера и генерал-комиссара со службами. В честь Комиссариатской комиссии улица, образовавшаяся с южной стороны крепости, стала первоначально именоваться Комиссариатской (затем Соборной, а сегодня – ул. Суворова). В честь самого интендантства улочка с северной стороны крепости получила наименование интендантской (название сохранилось).

В 1864 году комиссии эти в связи с окончанием Кавказской войны были ликвидированы, а их функции были переданы Главному интендантскому управлению. Тогда же одноэтажное каменное здание с южной стороны бывшей

крепости было надстроено. Здесь разместилось Интендантское управление (сегодня – детская музыкальная школа по ул. Суворова). Были построены новые одноэтажные каменные склады-пакгаузы с северной стороны бывшей крепости. Такие же склады были устроены и с западной стороны, отчего образовался интендантский двор в форме неправильного пятиугольника.

Известный краевед Г. Прозрителев писал: «Двор интендантства имел трое ворот, двое с Соборной улицы (сегодня – ул. Суворова – Г.Б.), и одни – с площади от Александровской женской гимназии (сегодня – жилой дом по ул. Советской, 1 – Г.Б.). Обнесен каменной стеной из штучного камня. Главный корпус построен в 1820 году».

К концу XIX века общая стоимость всех строений Интендантства с вещевым магазином оценивалась в 158400 рублей серебром. Стоимость же хранящихся здесь военных запасов достигала более миллиона рублей.

К неординарным строениям бывшей крепости относился так называемый шефский дом. То было одноэтажное каменное строение у восточной стороны интенданства. С тамбуром, украшенным колоннами, прочими фасадными украшениями, дом этот предназначался для проживания именитых гостей крепости. Здесь жили первые начальники образованной Кавказской области – генералы П.Д. Горчаков и Г.А. Емануель, герой 1812 года Денис Давыдов, А.С. Пушкин и генерал Н. Раевский...

Кстати, как писал известный краевед прошлого Кувшинский в газете «Северный Кавказ» за 1899 год в № 63, в тот приезд в Ставрополь А.С. Пушкин с солдатом совершил далеко не безопасную прогулку в дремучий ташлянский лес, где зачастую подстерегали добычу «горские хищники».

В советское время интендантство продолжало выполнять свою функцию. Здесь хранилось вооружение и обмундирование Красной армии. В большинстве своем все это стало трофеями немецкой армии, 3 августа 1942 года внезапно овладевшей городом. При отступлении немцы подожгли интендантство, где сгорело много и немецкого обмундирования и вооружения.

В 60-е годы XX столетия интендантские службы были переведены в другие места города, а здесь, тогда на Ком-

сомольской горке, началось строительство плавательного бассейна. За исключением бывшего интендантского управления на ул. Суворова, все прочие строения были разрушены, в том числе и уникальное здание бывшего вещевого магазина. Но, видимо, сохранились подземные помещения с многочисленными переходами, в том числе сделанные еще при строительстве Казанского кафедрального собора, чему имеются многочисленные подтверждения.

Синагога

В северо-западной части Крепостной горы, почти у самого обрыва Ташлянской долины, возвышается белоснежное здание, где некогда находилась еврейская синагога, а сегодня – Дворец бракосочетаний.

Первые евреи в Ставрополе появились где-то в конце 60-х годов XIX столетия. То были мелкие торговцы, отставные солдаты. Селились они в западной части сегодняшней Подгорной улицы, где и возникла улица, именованная Еврейской, сегодня – пер. Интернациональный. Как сообщают архивные документы, в начале 70-х годов, помимо армянской школы, в Ставрополе возникла и еврейская начальная школа.

В 1869 г. позументщик Симон Зайдман, сын которого в дальнейшем стал «обувным королем» Ставрополя, и красильщик Мейсур Минц (внук которого заимел в городе привилегированную аптеку) обратились с письмом к наместнику Кавказа:

«Так как в настоящее время в обществе нашем более 150 еврейских семейств, мы до настоящего времени не имеем молитвенного дома. По общему нашему согласию имеем ревностное желание построить на собственные средства молитвенный дом на купленном нами месте на 2-й Воробьевской улице, против дома чиновника Бржезицкого» (на углу сегодняшних улиц Морозова и Ломоносова).

Однако лишь в 1879 году наместник Кавказа «...изволил разрешить проживающим в г. Ставрополе отставным нижним чинам из евреев иметь молельню».

В том же году еврейское общество избрало раввина, старосту и казначея. Каждый еврей сделал годовой взнос 25 рублей для устройства молитвенного дома, закупки метрических книг и др. Однако собственное здание построить не удалось, не хватило средств. Под молельню арендовали частные дома, пока не наступил XX век. К этому времени уже были найдены средства, как и место для синагоги, а затем и новой еврейской школы. То был участок земли в западной части Интендантского переулка.

Строительные работы по устройству синагоги были закончены в 1908 году. Здание синагоги напоминало большой двухэтажный дом с полукруглыми окнами верхнего этажа и еврейской символикой по фасаду здания. Внутри находились ряды колонн, делившие все помещение на несколько нефов. В середине находилась кафедра – альмемор – откуда читалось Священное Писание. У восточной стороны располагался ковчег, где хранились свитки Священного Завета. Здесь же были трубные рога и валторны, в которые трубили в Новый год, в дни новомесячья, в прочие еврейские праздники.

С восточной стороны синагоги и впритык к ней было построено двухэтажное здание еврейской школы, фасад которого украшала большая звезда Давида.

...13 апреля 1930 года вышло постановление за № 78 президиума Ставропольского окружного исполнительного комитета, в котором говорилось: «Принимая во внимание настоятельные и неоднократные ходатайства еврейского населения о закрытии синагоги, постановили: синагогу гор. Ставрополя как молитвенное здание ликвидировать с обращением ее в культурно-просветительное учреждение».

В закрытой синагоге вскоре устроили склад стройматериалов горкомхоза, а в еврейской школе поселили людей из Подгорненского предместья. К концу 30-х годов здание это дало широкую трещину, и его разобрали. Здание синагоги также пришло в упадок, и его не тронули даже немцы в период оккупации Ставрополя. В 1947 году здание синагоги полностью перестроили под двухэтажный особняк торговой элиты города. И, наконец, в нем устроили Дворец бракосочетаний.

Пожарное депо

Ставрополь в 1800 году, как писал краевед прошлого И. Бентковский, «за 70 рублей содержал 2 бочки и 4 пожарных лошади».

Этого было мало для растущего и в целом деревянного города. Дума пишет предписание: «Огласить жителей города Ставрополя, дворян и других разночинцев на покупку в Харькове двух медных пожарных труб первого разряда и прочих инструментов, и дабы собираемые деньги были доставлены в Думу».

В 1814 году местная инвалидная команда переводится в разряд пожарных города при городской полиции. Здесь же, в восточной части крепости строится пожарный сарай и конюшня для пожарных лошадей.

В 40-х годах позапрошлого столетия по инициативе генерал-губернатора Граббе в Ставрополе, на Крепостной горе, началось строительство полицейского дома, где должна была разместиться и пожарная команда. Всеми строительными работами руководил известный строительный подрядчик Дмитрий Соннов.

Помимо казармы для пожарных, был возведен сарай для инструментов и конюшни для пожарных лошадей. Была построена и колокольня, где в случае обнаружения пожара появлялись шары, предупреждающие жителей города о возникшем пожаре. Все строения в целом именовали пожарным депо. Во главе пожарной команды стоял брандмейстер штабс-капитан Воскресенский, слывший грозой для нерадивых домохозяев, не соблюдавших противопожарные требования. Рядом с пожарной командой находились полицейские службы с домом полицмейстера – одноэтажным вытянутым строением. С того времени улочка эта стала именоваться Полицейским переулком (сегодня ул. Ставропольская).

В начале 60-х годов XIX столетия полицейское управление с пожарной частью полностью перестраивают, на что потребовалось более 20 тыс. рублей серебром.

В 1908 году пожарный двор со всеми строениями вновь перестраивается. Газета «Наш край» за 1908 год писала: «Закончилась перестройка пожарного двора с каланчой на Соборной площади».

В советские 30-е годы вместо пожарного обоза на конной тяге появляются первые пожарные автомобили, созданные на базе грузовой автомашины АМО-Ф-15.

В период временной оккупации Ставрополя гитлеровцами здание пожарной команды на бывшей Крепостной горе было в значительной степени разрушено, в том числе и смотровая колокольня, затем здание восстановили, сделали с восточной стороны пристройку и возвели новую каланчу, тяжелую и уродливую.

Сегодня бывшее пожарное депо стало одним из подразделений пожарной службы города, оснащенным самой современной техникой.

Казанский кафедральный собор

Несмотря на построенный в XVIII веке Троицкий собор, в городе к началу XIX века стала особенно остро ощущаться нехватка храмов, что в первую очередь было связано с увеличившейся численностью жителей. Существование казачьей церкви отчасти восполняло этот недостаток, но с перенесением ее в станицу Суворовскую положение ухудшилось.

Еще в 1816 году горожане в память избавления города от эпидемии чумы решили построить церковь во имя святителя Николая на будущей Соборной горе. Но ходатайство жителей о ее постройке приняло благоприятный оборот только в 1839 году.

С перемещением казачьей станицы из г. Ставрополя намерения жителей относительно места и названия будущего храма изменились. Его решено было построить на том же месте, где прежде стояла казачья церковь. И назвать ее так же, как и прежнюю: во имя Казанской иконы Божией Матери.

15 февраля 1839 года Святейшим Синодом была разрешена постройка храма, и 25 мая того же года городскому обществу был возвращен утвержденный Синодом проект постройки. Окружной начальник полковник Масловский в своем представлении начальнику Кавказской области П.Х. Граббе от 18 ноября 1841 года просил удовлетворить первоначальное желание общества, указывая на то, что выбор

места на Крепостной горе был утвержден начальством и что местные дворяне и чиновники тоже одобрили этот выбор.

Павел Христианович Граббе с полным пониманием отнесся к этому делу и сразу же отправил ходатайство общества вместе с личным письмом архиепископу Новочеркасскому и Георгиевскому Афанасию, в ведении которого находилась тогда Кавказская область. В своем письме он сообщал, что «избранное обществом место на горе, между Гостиным рядом и Комиссариатскими зданиями, по положению своему есть самое благоприличное для храма и к допущению на нем постройки препятствий не встречается». Граббе также писал, что готов лично ходатайствовать об этом деле в Петербурге, и просит на это согласия и благословения Преосвященного. К письму прилагался также и новый проект храма, составленный известным художником Дурновым по желанию общества.

Энергично взявшись за решение этого дела, П.Х. Граббе воспользовался своим пребыванием в Петербурге для личного ходатайства перед графом Протасовым, которому подал записку с подробным изложением обстоятельств дела. Обер-прокурор, в свою очередь, доложил о нем государю, от которого последовало высочайшее соизволение, с одной лишь оговоркой, чтобы переделка фасада была поручена архитекторам А. Брюллову (брату художника К. Брюллова) или А. Тону.

Сделано это было потому, что государь радел о восстановлении древнего русско-византийского стиля, который к этому времени был утрачен в храмовой архитектуре России. Его возобновление в начале 40-х годов было связано с именами А. Брюллова, братьев А. и К. Тонов. По проектам последних были возведены храм Христа Спасителя в Москве, кафедральный собор в Ростове, Спасский храм в Пятигорске и другие храмы.

24 мая 1842 года Ставропольскому обществу было объявлено о том, что проект, измененный и доработанный профессором Академии художеств Александром Тоном, утвержден государем. Обществу также предлагалось организовать Строительный комитет и представить приговор об этом.

Уже 11 июля 1842 года от архиепископа Афанасия

была получена храмозданная грамота, в которой говорилось: «Божиею Милостию Смиренный Афанасий Архиепископ Новочеркасский и Георгиевский. По указу из Святейшаго Правительствующаго Синода и по власти, данной нам от великаго Архиерея Нашего Господа Иисуса Христа, благословляем мы, по прошению паствы нашей Кавказской области города Ставрополя, прихожан, соорудить в сем городе каменным зданием во имя Казанския Божия Матери... новую церковь».

Но ревностно взявшемуся за это дело П. Х. Граббе не пришлось увидеть его осуществления по причине перевода на другое место службы. Вместо него 19 мая 1843 года в управление областью вступил генерал-лейтенант Гурко. Он распорядился о том, чтобы все попечения о строительстве нового храма были возложены на городское общество, которое, однако, не в состоянии было самостоятельно осуществить постройку храма. Вследствие этого в течение почти полугода не было никаких подвижек в строительстве.

С учреждением в Кавказской области отдельной епархии дело о постройке храма перешло в ведение духовного ведомства. Обеспокоенный замедлением реализации этого дела, преосвященный Иеремия обратился к Гурко с просьбой назначить окружного начальника Масловского попечителем строительства. 18 июня Гурко уведомил Преосвященного, что «...разрешает полковнику Масловскому заняться столь богоугодным делом, как дело постройки церкви». Городское общество в свою очередь назначает купца Корнея Чернова помощником Масловского.

В июне того же года архитектором Бернштейном было произведено освидетельствование места предполагаемого строительства, по результатам которого 22 июня был составлен подписанный членами строительной комиссии акт. В акте говорилось, что почва здесь каменистая, крепкая.

Ободренное этим заключением комиссии Ставропольское городское общество представило Преосвященному свой приговор, согласно которому оно обязывалось на постройку собора «...собрать в течение будущих трех лет с каждаго капитала купцов первой гильдии по 60 руб., второй гильдии по 40 руб., в третьей гильдии по 30 руб. серебром, с мещан же каждаго рубля, следующаго в платеж

казенных податей и прочих общественных повинностей, по 20 коп. серебром».

Городской голова Никита Плотников в память умершего сына Георгия пожертвовал 2500 рублей на строительство храма. Сергей Лунев – 12 тысяч на возведение в нем Церковных врат с иконами Спасителя, Божией Матери, Святителя и чудотворца Николая, Св. Александра Невского. Офицеры Тенгинского полка также провели подписку пожертвований. От камер-фрейлины графини Анны Александровны Орловой-Чесменской поступило 9 тысяч рублей серебром.

22 июня 1843 года между Гостиным рядом и комиссариатскими строениями на восточной оконечности Крепостной горы было отведено место под закладку нового храма, что и произошло 8 июля в присутствии чуть ли не всего города. Закладку храма освятил епископ Кавказский и Черноморский Иеремия.

Первым строителем Казанского собора был известный ставропольский архитектор Бернштейн, затем – Григорий Ткаченко. Строительными подрядчиками стали известные купцы – Игнат Волобуев, Яков Леонидов, Петр Пахомов, Иван Алафузов.

Строительство храма было закончено в 1847 году, и указом Св. Синода от 20 августа он был наименован кафедральным. 22 октября того же года состоялось его освящение.

Казанский собор был спроектирован и построен в русско-византийском стиле, где такие элементы русского храмового зодчества, как кокошники, архитектурные пояса сочетались с элементами византийской архитектуры – капителями, нишами, эркерами... Крестообразный и симметричный в плане, с высоким световым барабаном центрального купола и четырьмя главками на восьмериках – в честь Иисуса Христа и четырех евангелистов, апсидами приделов во имя Николая Чудотворца и Александра Невского, центрального алтаря и притвора, четырьмя опорами, поддерживающими тяжелый свод, квадратный в плане, храм вмещал более 700 верующих. При этом он не отличался большими размерами – длиной в 35,7 м и шириной в 25,2 м, высотой до креста в 35 метров: однако нахождение храма на высшей точке города как бы увеличивало его в размере.

В ризнице собора со временем накапливались огромные ценности. Помимо большого числа серебряных, вызолоченных служебных священных предметов, здесь хранился саккос Павла Тобольского, посох епископа Игнатия из слоновой кости в серебряной оправе, архиерейское облаченье епископа Иеремии, привезенное им из Киево-Печерской лавры, серебряная, вызолоченная двухпудовая модель Казанского собора работы известного московского фабриканта Хлебникова.

Г.Н. Прозрителев так описывал Казанский собор: «Собор имеет калориферное отопление, пол вымощен чугунными плитами. Под всем собором имеется высокое подвальное помещение, хорошо освещенное с южной стороны, с несколькими отделениями. В одном из них погребен епископ Ставропольский Феофилакт, а в другом – А.Ф. Нестеров. (Останки епископа Феофилакта были обнаружены при раскопках на месте храма в 1992 году и с крестным ходом перенесены в в собор Св. Андрея Первозванного, а на месте самого собора установлен и освящен архиепископом Гедеоном восьмиконечный православный крест – Г.Б.). Вход в этот этаж с северной стороны, из него есть ход в собор».

Здесь надо добавить, что погребенный в подвальном помещении собора Александр Федорович Нестеров, умерший в возрасте 82 лет, являлся церковным старостой Казанского собора. Он был и купцом 1-й гильдии, известным своей благотворительной деятельностью. Так, для бедных города он подарил участок своей земли в 2500 десятин. В память о нем улица Александрийская в начале нового, XX века и была названа именем Нестерова (ныне ул. Советская).

Рядом с собором находились могилы наиболее выдающихся граждан Ставрополя, о чем писал и И.Д. Сургучев в книге «Губернатор». Это – могилы друга М.Ю. Лермонтова, героя Кавказской войны генерал-майора Л.И. Кусакова и его матери Надежды Ивановны, на средства которой в Ставрополе был построен самый величественный – Софиевский храм.

Здесь же находилась могила председателя Церковно-археологического общества Д. Успенского, оставившего богатое литературное наследие о христианстве на Кавказе. Он же был инициатором создания церковно-археологического

музея при Старом архиерейском доме, разграбленного в годы революции...

В 1860 году уже епископ Кавказский и Черноморский Игнатий обратился с письмом к ставропольскому гражданскому губернатору «о предложении Ставропольскому купеческому обществу сделать новое пожертвование на построение колокольни при Казанском соборе».

В том же году известный ставропольский архитектор Павел Воскресенский представил проект звонницы Казанского кафедрального собора высотой в 46 саженей 7 аршинов и 15 вершков, общим весом в 500 пудов. Колокольня должна была покоиться на дубовых сваях, что не было принято комиссией. Вместо этого решено было принять предложение архитектора Григория Ткаченко: вместо свай устроили каменный фундамент в виде усеченной пирамиды, на плоской вершине которого и началось возведение Царь-звонницы, как ее вскоре стали именовать. Колокольня стала своеобразной визитной карточкой города, она была запечатлена на многочисленных открытках, в рекламных проспектах и пр.

Царь-звонница поражала не только своей высотой, но и изяществом всех ярусов. На первый из них вели винтовые каменные лестницы, оканчивающиеся небольшими главками с вызолоченными крестами. Выше можно было подняться по деревянным лестницам, а в главу колокольни – по свисавшей корабельной цепи. Сама глава, луковичная, покрытая железом в виде чешуйчатых шашек, оканчивалась железным, обтянутым медью и вызолоченным в огне крестом с оцинкованными цепями.

На всех ярусах находились медные колокола, в том числе «басы», звон которых был слышен за многие десятки верст от Ставрополя. Их было три – меньший в 104 пуда, пожертвованный купцом Сергеем Луневым. Второй, уже в 525 пудов, отлитый на местном колокольном заводе Ефремова и пожертвованный православной церкви известным меценатом Лавром Ермоловичем Павловым. И, наконец, в 600 пудов – Царь-колокол, отлитый на средства ставропольского купечества, с трудом был поднят на первый ярус колокольни и подвешен к дубовым балкам. В 1909 году балки эти не выдержали огромного веса и были заменены инженером Г. Кусковым на металлические.

Казанский кафедральный собор и Царь-звонница, возведенные на высшей точке бывшей Крепостной горы, переименованной в Соборную, или Кафедральную, украсили город, став «главой» самого города.

В течение всех последующих дореволюционных десятилетий этот духовный центр посещали буквально все жители города, а также его гости. Здесь устраивали торжественные молебны, здесь отпевали самых уважаемых сограждан. Кафедральный собор славился своим церковным хором, регентом которого в конце прошлого века стал ставропольский композитор и дирижер, автор многочисленных музыкальных духовных произведений и известной всей России песни «Плещут холодные волны» («Варяг») – Василий Дмитриевич Беневский. Солистами хора были известные в дальнейшем премьеры Московской оперы Федор Братцыхин, Константин Белоус и Дмитрий Головин.

В 60-е годы позапрошлого столетия белокаменное великолепие нового духовного центра было оправлено в зелень Барятинского парка. К храму от Думской площади у Николаевского проспекта, по проекту архитектора Ткаченко, была устроена Парадная лестница, имевшая 100 ступеней и 7 площадок. Лестница проходила между двумя высокими ступенчатыми парапетами с арочными нишами на каждой площадке, где располагались иконы с горящими лампадами.

За парапетами с двух сторон росли пирамидальные тополя. По периметру Барятинский парк был огражден каменным узорным забором с арочным входом в начале Парадной лестницы. Вход был оформлен двумя белокаменными высокими квадратными столпами с острыми пирамидальными завершениями и ажурной кованой аркой между ними. Через эти врата к собору в православные праздники поднимались тысячи горожан и паломников. У верхней площадки уже в начале XX века был установлен памятник городу Креста – старинный суворовский крест, водруженный на каменный пьедестал и огражденный кованой решеткой.

Вот что о соборе с колокольней писали «Ставропольские губернские ведомости» в конце позапрошлого века: «Собор расположен на вершине высокой горы, откуда открывается прекрасный вид не только на восточную, северную и

южную части города, но даже на ближайшие к городу селения, лежащие за десятки верст. Видны селения Надеждинское, Михайловское, Палагиадское, Старомарьевское... Склоны горы – восточный и южный – неудобные по своей неровной крутой пологости для построек, обнесены с южной стороны решетчатой оградой, с восточной – такою же каменной и засажены деревьями. Сделано это было еще во время управления краем князем Барятинским, отчего и доныне сад этот называется царком Барятинского. Одновременно с постройкой собора и разведением парка от подошвы горы до вершины ее устроена прекрасная каменная лестница... Она имеет 100 ступеней и 7 площадок».

Судьба кафедрального Казанского собора с Царь-звонницей печальна. Собор не взрывали, а разобрали по камешку, в том числе подземный этаж. Накопленные в нем богатства канули в Лету, а все остальное – иконы, хоругви, киоты, облачение священников и прочее – просто уничтожили. Разрушили и надмогильные памятники у собора.

А как же погибла Царь-звонница? Автор этой книги обращался к архивным документам, но никаких сведений в них не обнаружил. Опрашивал старожилов города, свидетелей трагедии. Никто не мог точно назвать даже время гибели колокольни. Но вот в газете «Ставропольская правда» от 8 мая 1943 года на последней странице обнаружилось неприметное объявление коменданта Ставрополя: «10 мая 1943 года в семь часов утра в городе, на Комсомольской горке, будут произведены взрывные работы».

Да-да, именно это объявление предшествовало трагедии. В тот день всех жильцов соседних домов (в целях безопасности!) вывели на старое Варваринское кладбище. Правда, в тот день колокольня устояла. Но уже на следующий день рухнула от подложенных под нее 500-килограммовых трофейных фугасных бомб.

31 января 1991 года решением президиума Ставропольского городского Совета народных депутатов территория Крепостной горы была объявлена заповедной. Здесь начались археологические работы под руководством специалистов Ставропольского краеведческого музея им. Г. Прозрителева и Г. Праве. Об этом рассказал работник музея Владимир Петрович Гребенников:

«...Силами студентов Ставропольского пединститута и Московского гуманитарного университета здесь были начаты крупномасштабные раскопки. В результате их зафиксировано точное расположение находившегося здесь собора, определены его размеры в плане. При разрушении собора фундамент вынули практически полностью. Раскопки показали, что ширина фундамента достигала 2,3 м при глубине залегания 2,6 м. Здесь были найдены элементы строительной арматуры – гвозди, костыли, части оконных переплетов и ограды, устилавшие пол храма чугунные плиты и т. п. После окончания раскопок в центре бывшего храма был установлен восьмиконечный деревянный православный крест...»

Благодаря старанию главы города Ставрополя Михаила Владимировича Кузьмина в 1992 году был открыт специальный счет для сбора пожертвований на восстановление Казанского собора. С того же года территория Комсомольской горки стала вновь именоваться Крепостной горой. Площадка, где находился Казанский кафедральный собор, вновь получила наименование Соборной.

12–14 августа 1994 года, в праздник Изнесения Животворящего Креста Господня Ставрополь посетил глава Русской православной церкви, Патриарх Московский и Всея Руси Алексий Второй. На Крепостной горе им был освящен камень на месте, где начато возрождение кафедрального Казанского собора. По проекту вновь выстроенный собор сохранил основные архитектурные пропорции старого собора. Храм стал бесстолпным, хоры выдвинуты в пространство собора посредством балкона, в сравнении с бывшим он увеличен в 1,25 раза. В высоком цокольном этаже разместились Малый храм, крестильня, ризница и прочие помещения. Возрождается и Царь-звонница.

Суворовский крест

К 100-летию со дня кончины великого русского полководца и гражданина Александра Васильевича Суворова, с именем которого связано возникновение Ставропольской крепости, на Соборной горе, у верхней площадки знаме-

нитой Парадной лестницы, ведущей к Казанскому кафедральному собору, был открыт памятник в виде каменного креста на высоком пьедестале, ставший не только визитной карточкой Ставрополя, но и его символом.

Как сообщают архивные дела и воспоминания современников, крест этот был обнаружен при закладке самой Ставропольской крепости. В 1816 году после успешной ликвидации вспышки чумы в городе известный ставропольский купец Никита Плотников с позволения городского головы установил этот крест на восточной оконечности Крепостной горы. По сути, это был первый памятник в городе, который запечатлел на одном из своих рисунков известный художник России Никанор Чернецов. Отсюда хорошо просматривалась цепь дальних Кавказских гор с Эльбрусом, что привлекало сюда не только горожан, но и гостей Града Креста. И среди них были А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и многие другие известные сыны Отечества. С этой точки первый Ставропольский епископ Иеремия освятил Ставрополь.

«Владыка прибыл в богоспасаемый Ставрополь в Великую Субботу, 10 апреля 1843 года, в сумрак, в девять часов вечера, – писал И. Виноградов в книге «Преосвященный Иеремия», изданной в 1886 году в Петербурге. – У градской заставы встретили его хлебом и солью почетные граждане... Благословив с высокой Крепостной горы у древнего каменного креста весь град, архиерей повезен был к Троицкому собору...»

По инициативе епископа Иеремии, возглавившего Кавказскую епархию, на средства горожан вблизи креста был воздвигнут Казанский кафедральный собор, поднявшийся над городом своими золочеными куполами. Сама же Крепостная гора была переименована в Соборную. Тогда же древний крест был перенесен в специально выстроенную изящную каменную часовню, в народе получившую наименование Суворовской. Здесь в свете лампад и свечей тускло мерцали позолотой и серебром иконы и распятья, пожертвованные горожанами как в память возникновения Крестова Града, так и одного из его основателей – генералиссимуса Суворова.

Имя великого русского сына Отечества настолько вошло в жизнь Ставрополя, что не только простые люди,

но и представители интеллигенции приписывали Суворову главенствующую роль как в устройстве крепости, так и в установке того самого каменного креста. Как говорят документы, в 40-х годах XIX столетия комендант Ставрополя полковник Масловский докладывал в Петербург, что крест был поставлен по распоряжению Суворова. Некогда известный краевед, учитель истории Ольгинской женской гимназии И.П. Кувшинский уже в 90-х годах XIX столетия писал, что ему удалось в нижней части креста прочесть выбитую в замшелом камне надпись: «Поставлен Суворовым».

Более того, обнаружение древнего православного каменного креста связывали с самим названием города. Об этом, в частности, писал известный ставропольский краевед прошлого Г.Н. Прозрителев. Но вновь обнаруженные документы по строительству крепостей Азово-Моздокской линии укреплений сообщают, что названия им давались еще в Петербурге до того, как к тому же Черному лесу, где планировалось устройство крепости № 8, подошли хоперские казаки. К тому же восьмая крепость первоначально именовалась Московской, но в связи с упразднением Бийбилинской крепости получила № 7, став уже Ставропольской. И в то же время это наименование оказалось исторически справедливым с учетом роли города в истории Русской православной церкви.

Шли годы, десятилетия. Суворовская часовня все более и более хирела, что и послужило причиной обращения одного из церковнослужителей Казанского собора в городскую управу, о чем сообщает обнаруженное архивное дело «О разборке часовни и установлении памятника».

«Против алтарной стороны Ставропольского кафедрального собора, – сообщает в деле церковный староста Г.Я. Локтионов, – на расстоянии 17 саженей имеется небольшое каменное под железною крышею здание, в восточной стороне которого в стену вделан трехаршинный каменный старинной формы крест, по преданию служивший памятником основания города Ставрополя (Города Креста)... Кем устроено это здание, я, хотя и старожил, точно не знаю. Но так как это здание находится на самой видной части города, вмещает в себя крест – памятник основы города – и в то же время видом своим не отвечает

своему назначению, то я бы желал обратить на него внимание городской управы и просить сделать вместо часовни памятник».

Городская управа по вопросу разборки часовни и установки каменного креста на специальный пьедестал обратилась непосредственно к ставропольскому генерал-губернатору Николаю Егоровичу Никифораки, который не только одобрил предложение, но и выбрал само место установки памятника на Соборной горе, что незамедлительно и было сделано.

Вскоре известный ставропольский архитектор Михаил Бржезицкий докладывал в управу: «Сим имею честь довести до сведения управы, что по соглашению со ставропольским полицмейстером на пьедестале креста нами установлена доска с надписью: «По преданию поставлен распоряжением Александра Васильевича Суворова, 1780 г.».

Тогда же была устроена кованая железная изящная ограда, разбит цветник, вокруг высажены молодые бельбекские пирамидальные тополя, еще именуемые степными кипарисами, устроены скамейки. Одновременно был благоустроен и ниже расположенный Барятинский парк, занявший южный склон Соборной горы. Здесь были высажены новые деревья, разбита поперечная аллея, а сама Парадная лестница подновлена и украшена металлическими арками с иконами, где в ночное время загорались не менее изящные керосиновые фонари.

9 мая 1900 года, в день столетия кончины А. В. Суворова, под церковное песнопение, в присутствии ставропольского генерал-губернатора Николая Егоровича Никифораки, архиепископа Агафадора с сонмом духовенства, общественности города и тысяч горожан памятник был открыт. Заиграл сводный военный оркестр «Боже, царя храни!», раздался оружейный салют в память выдающегося гражданина России и во славу Града Креста.

Советские 20–30-е годы «знаменовались» уничтожением православных храмов, как и прочих центров вероисповедания. Улицы, площади Ставрополя, как и он сам, переименовывались во славу большевистских вождей. Вчерашняя Соборная гора теперь уже г. Ворошиловска стала именоваться Комсомольской. Рушится Казанский кафедральный собор, как и прочие храмы города, уничтожается сама

визитная карточка Крестограда, как и память о великом сыне русского народа А.В. Суворове, – крестовый памятник. А через какое-то время на обезглавленной Соборной горе, на месте некогда освященной Суворовской часовни, возводится склеп-памятник, где был захоронен участник Гражданской и Отечественной войн, генерал И.Р. Апанасенко.

Шли годы. Время перемен коснулось и города суворовских времен. Старая Крепостная гора вновь вернула себе былое имя. Патриархом Алексием II в присутствии владыки Гедеона и духовенства, множества горожан, был заложен камень возрождения поруганного и осквернённого Казанского собора. Теперь очередь восстановления должна была дойти и до Суворовского креста вблизи Парадной лестницы.

Но местные власти решили иначе – в день 223-летия г. Ставрополя новый православный крест был устроен на месте, где некогда стояла церковь Владимирского драгунского полка. Однако прекрасный пьедестал увенчал новый крест, мало достойный величия старого. Остается надеяться, что рядом с возрожденным Казанским собором хотя бы наши дети увидят и тот самый Суворовский крест.

Мавзолей

На восточной оконечности Крепостной горы находится мавзолей с прахом генерала Апанасенко. История его строительства такова: 5 августа 1943 года во время боя с немецкими войсками под Белгородом был смертельно ранен осколком авиабомбы генерал армии Иосиф Родионович Апанасенко. В кармане его гимнастерки была обнаружена записка, в которой он просил в случае своей гибели похоронить его в Ставрополе.

Апанасенко родился в 1890 году в селе Митрофановском Ставропольской губернии. Участвовал в боях на фронтах Первой мировой войны. В период Гражданской войны перешел на сторону красных, став командиром 6-й кавдивизии расформированной самими красными за бандитизм. Несмотря на это, в дальнейшем Апанасенко занимал крупные военные должности. В годы Великой От-

ечественной войны был назначен командующим Дальневосточным фронтом, откуда по личной просьбе направлен заместителем командующего Воронежским фронтом.

После гибели Апанасенко тело его было доставлено в Ставрополь. К тому времени на бывшей Крепостной горе, переименованной в Комсомольскую горку, по проекту архитектора А. Г. Арцебаньяна был устроен склеп-памятник. Здесь и состоялось захоронение генерала, под орудийный и винтовочный салют, при большом стечении народа.

В 1947 году склеп-памятник И.Р. Апанасенко был заново отделан, приняв сегодняшний вид. Тогда же здесь были высажены ели, разбит цветник, а позже устроена смотровая площадка с северной стороны памятника, а весь восточный склон Комсомольской горки был засажен молодыми деревцами, которые сегодня выросли, слившись с зеленым нарядом старых деревьев Крепостной горы.

Александрийская площадь

Район Крепостной горы от места, где стоит памятник буденновцу, до нынешнего проспекта К. Маркса, в дореволюционный период именовался Александрийской площадью. Здесь некогда стояла гауптвахта с медной пушкой, дающей ежедневный залп в 12 часов дня. В дальнейшем площадь эту облюбовали труппы бродячих циркачей, устраивавших здесь свои матерчатые балаганы. С восточной стороны площадь ограничивалась интендантскими постройками, а с западной – зданием Александровской женской гимназии.

В советские 20-е годы здесь была устроена братская могила красноармейцев, погибших в годы Гражданской войны. Над могилой был возведен курган, как это имело место у скифов. Внутрь кургана вел ход, с двух сторон украшенный барельефными композициями архитектора и скульптора Лаврова. То были изваянные в человеческий рост фигуры борцов за новую жизнь. Над входом располагались большие, подогнанные друг к другу мраморные плиты, на которых были выбиты имена погибших. По мраморной лестнице посетители могли спуститься вглубь кургана, где должна была находиться мраморная фигура

борца за революцию, на которую через круглое отверстие на вершине кургана должен был падать солнечный луч. Но эта идея так и осталась невоплощенной.

В 1938 году на месте братской могилы решено было построить новый советский кинотеатр «Родина». Строительство его приурочивалось к переезду в Ворошиловск (как тогда именовали Ставрополь, ставший краевым центром) правительства и краевых учреждений. Здание кинотеатра из красного кирпича возвели к 1939 году, но внутренние работы закончены не были. Так строение простояло до захвата города немецкими войсками, а после их изгнания оставалось недостроенным до конца 40-х годов.

Наконец, уже по проекту Юрия Васильевича Махрова отделывается фасад здания с четырьмя скульптурами, установленными по карнизу строения. Шли и внутренние отделочные работы в фойе и кинозале. И лишь в 1957 году кинотеатр «Родина» распахнул свои двери перед кинозрителями. В дальнейшем с западной и восточной сторон были сделаны пристройки для новых кинозалов, а в большом зала устроен широкоэкранный показ фильмов – впервые в крае.

В 90-е годы кинотеатр «Родина», как и прочие кинотеатры города, погасил свой экран, а в 2004 году был снесен.

Бывшая Театральная – Воронцовская

Сегодняшнее направление проспекту Октябрьской революции дала аванкрепость, или передовое укрепление, устроенное на южной стороне Ставропольской крепости. Границы аванкрепости составили рвы и деревянный частокол, которые тянулись от крепости в направлении сегодняшнего проспекта до ул. Дзержинского. Затем уже по направлению последней улицы доходили до сегодняшней ул. К. Хетагурова, где поворачивали в сторону крепости.

В дальнейшем рвы и частокол были убраны, но за ними уже возникли первые постройки рождающегося города. Располагались они хаотично, что и заставило начать работы по составлению архитектурного плана застройки всего города, в том числе и района бывшей аванкрепости. В 1833

1833-1

году архитектор Иван Гайваронский и землемер Иван Нечаев подготовили первый генеральный план застройки города Ставрополя, по которому планировалось устроить 18 продольных, с запада на восток, улиц и 14 поперечных. Одной из поперечных и должна была стать улица, сегодня именуемая проспектом Октябрьской революции.

По плану улица эта, уже частично застроенная, была «выпрямлена», когда часть строений убрали. Строились и новые здания, в том числе городской острог, где сегодня разместился лицей для глухонемых детей. От острога и улица первоначально стала именоваться Острожной.

В дальнейшем улица эта была разбита наименованием на два участка. Тот участок, который начинался от крепости до сегодняшней ул. Дзержинского, после строительства здесь первого русского театра (сегодня – Дом офицеров) был наименован Театральной улицей, позже – Л. Толстого. Второй участок до самого Мутнянского яра после Острожной именовали Почтовой (в честь возведенного здесь здания почты), а затем, в память наместника Кавказа князя Воронцова, – Воронцовской. Уже в советское время улицу переименовали в Пролетарский проспект, затем – проспектом Ворошилова, и наконец вся улица стала именоваться проспект Октябрьской революции.

Доходный дом Розановой

Бывшая Острожная улица (сегодня – проспект Октябрьской революции) в первой половине XIX века начиналась с саманного домика под тесовой крышей некоего Евсея Евдокимова. Предположительно, в своем доме он открыл что-то вроде корчмы для въезжающих в Ставрополь по Черкасскому тракту, который оканчивался именно здесь, у бастионов крепости. Затем его усадебное место перешло подполковнику, надворному советнику Давиду Розанову. Тот перестраивает доставшийся ему дом, сделав надстройку второго этажа с высокой железной крышей.

В 1889 году его дочь Евдокия Розанова с северной стороны отцовского дома делает двухэтажную пристройку, стоимостью в 27200 рублей серебром. Кроме того, внутри уса-

дебного места возводит строения стоимостью в 7600 рублей.

Образовавшийся большой доходный дом Розанова сдавала разным предпринимателям. Угловую часть строения занял Тимофей Тимофеев, устроивший здесь свою частную типографию с печатными станками из Германии, прессом, резальной машиной, брошюровальной и несколькими пудами самого разнообразного шрифта.

Типография «Т. Тимофеев» получила широкую известность не только в Ставропольской губернии, но и во всей России. И в первую очередь благодаря издаваемым здесь учебникам для церковноприходских и министерских школ, православных училищ и семинарий по богословию и истории Русской православной церкви, написанным архиепископом Кавказским и Ставропольским Агафодором. Здесь были опубликованы капитальные труды Дмитрия Петровича Афанасьева, несшего пастырскую службу в Ставропольской духовной семинарии: «Жизнь и труды святого пророка Иеремии», «Жизнь и труды святого пророка Исайи», получившие самую высокую оценку Святейшего Синода.

Здесь же печатались газеты: «Ставропольские епархиальные ведомости», «Северный Кавказ», а также газеты-однодневки 1905-1907 гг., такие, как «Равенство», «Свобода», «Голос», «Адская бомба» и другие. При типографии находились писчебумажный магазин и книжный склад разнообразных учебников, книг по медицине, педагогике и пр.

Первый этаж по Театральной улице (пр. Октябрьской революции) занимали купеческие лавки, например, винная лавка Согомонова, предлагавшая большой ассортимент – от прасковейских вин до многочисленных рябиновых, малиновых и кизиловых настоек и разнообразных водок российского водочного короля Шустова.

На протяжении десятилетий в помещениях Евдокии Розановой вели торг кондитеры и колбасники, виноделы и пивовары, ювелиры и часовых дел мастера, башмачники и белошвейки. Верхний этаж дома сдавался под жилье разному люду малого достатка.

Сегодня, как и прежде, слегка подновленный дом внизу заняли магазинчики и мастерские, аптека, в верхнем этаже живут люди.

Общественное собрание

Ниже бывшего дома Евдокии Розановой и сегодня стоит трехэтажный дом, где на протяжении долгих советских лет располагался крайсуд, а сегодня – многочисленные чиновничьи конторы. Дом этот был построен в 1847 году известным купцом 1-й гильдии Иваном Григорьевичем Ганиловским. Строил дом архитектор Григорий Леонтьевич Ткаченко под городские службы.

В том же 1847 году Иван Ганиловский умер, и дом перешел к его вдове Марии Парамоновне и сыну Андрею. Тогда же они сдают верхний этаж сначала под Благородное собрание, а через два года – под общежитие для девиц женского училища Св. Александры. Второй этаж арендовал выходец из Тифлиса провизор Федор Егорович Шенберг. После окончания в 1828 году Московского университета со званием провизора он открыл на родине первую привилегированную аптеку, снабжавшую все Закавказье медикаментами. В конце 40-х годов XIX столетия он обращается с письмом к ставропольскому гражданскому губернатору А.А. Волоцкому с просьбой о разрешении открыть вольную аптеку в Ставрополе.

Обосновавшихся в доме Ганиловских девиц училища Св. Александры Шенберг в первую очередь начал снабжать лекарствами бесплатно, за что в дальнейшем был удостоен ордена Св. Станислава 3-й степени.

Вольная аптека Ф. Е. Шенберга сыграла огромную роль в обеспечении жителей Ставрополя, в том числе больных из больницы Приказа общественного призрения, самыми разнообразными лекарственными препаратами.

Цокольный этаж дома Ганиловских был приспособлен под складские помещения, в том числе и для того же Шенберга.

В 1862 году училище Св. Александры перешло в новое здание, пожертвованное известным меценатом Лавром Ермолаевичем Павловым. Туда же перешло и женское общежитие. В освободившемся этаже дома Ганиловских обосновалось, как и ранее, Благородное собрание.

«Ставропольское Благородное собрание, – говорилось в его уставе, – имеет целью дать возможность своим

членам и их семействам приятно провести время, для чего, кроме ежедневных вечерних собраний, назначаются семейные, танцевальные и детские вечера, обеды, балы, маскарады и др. В помещении Собрания могут быть спектакли, концерты, литературные и музыкальные вечера...»

К этому времени провизор Шенберг перебрался в новое помещение, и под Собрание был арендован и нижний этаж. В цокольном обосновался трактир Павла Носова и пивной бар «Гордей Анненков».

Со смертью Андрея Ивановича Ганиловского и его матери дом перешел во владение внука Ивана Ганиловского Евгения, который быстро промотал все доставшееся ему состояние, в том числе и дом с Благородным собранием. Более того, после своей смерти он оставил и долг в 70 тыс. рублей.

Проданный с торгов дом попал в руки известного купеческого представителя и городского головы Сергея Деревщикова. Он, оставив за Благородным собранием верхний этаж, перестроил второй под магазин. Вход должен был быть с улицы, поэтому над всем этажом была устроена чугунная галерея, сломанная уже в советские 60-е годы. Было устроено и узорное чугунное крыльцо при входе в здание, украсившее его.

Последним хозяином старого дома стала все та же Евдокия Давыдовна Розанова. Третий этаж по-прежнему занимало бывшее Благородное собрание, переименованное в Общественное собрание. Подробно о жизни этого духовного центра города дореволюционного периода рассказал наш земляк, выдающийся писатель и драматург Илья Сургучев в повести «Губернатор».

Второй этаж здания, помимо магазинов, заняла с 1913 года «Земская аптека». Нижний, полуподвальный, оставался складским.

В советское время в здании долгое время находился крайсуд, где проходили громкие процессы над «врагами народа», в том числе, к примеру, над писателем Львом Разгоном, о чем он рассказал в своей книге «Непридуманное». Сегодня здание стало аварийным и ждет капитального ремонта.

Медопивоваренный завод «Салисъ»

Ниже здания Общественного собрания располагалось большое усадебное место, где рождался северный отвершек речки Желобовки, первоначально принадлежавшее тому же Ивану Ганиловскому, затем перешедшее Павлу Извозчикову. Последний продал все усадебное место швейцарскому подданному, пивовару Вацлаву Салису. Перед этим Вацлав Салис, которого здесь именовали Василием Васильевичем, открыл пивоваренное заведение в доме Андрея Стасицкого на Александровской улице (сегодня – ул. Дзержинского).

В 1880 году Салис обратился в городскую Думу с письмом: «Производя в настоящее время в арендуемом здании против Воронцовской рощи, принадлежащем Стасицкому, пивоварение, желаю для этой цели приобрести покупкою место против Николаевского проспекта, бывшее Ганиловского, ныне Извозщикова, где прошу разрешения построить новый пивоваренный завод».

План завода, который должен был расположиться несколько в глубине усадебного места, рядом с мощным родником, рождавшим Желобовский ручей, выполнил архитектор Георгий Федорович Прокопец. Чтобы склонить на свою сторону гласных Думы, Салис приложил к заявлению описание технологии производства разных сортов пива по старинным швейцарским рецептам.

Дума дала разрешение, и к 1890 году новый медопивоваренный завод фирмы «Салисъ», стоимостью 125000 рублей серебром, вступил в строй. Это было двухэтажное здание с цементными бродильными и заторными чанами, где и готовили пиво сортов «Богемское», «Венское», тогда же отмеченных Большими золотыми медалями на выставке в Таганроге.

В 1895 году Салис внезапно умирает, и его двум несовершеннолетним дочерям швейцарский посланник в Москве назначает в опекуны соотечественника Августа Шульца. Затем весь завод с ледником переходит в руки чеха Карла Эрнестовича Префета. Тот продолжает дело под той же вывеской «Салисъ». Главным пивоваром стал немец Адольф Фальке.

Новый владелец увеличил число сортов пива, таких,

как «Портеръ», «Мюнхенское», «Пльзенское», «Пель-Эль» и «Салисъ». Пиво разливалось как в специально изготовленные бутылки, так и в 20-40-ведерные дубовые бочки, опоясанные медными полосами с фирменным знаком.

Теперь уже, как сообщали рекламные проспекты, продукция завода награждалась престижными наградами на международных выставках в Париже, Праге, Брюсселе, Мадриде.

Наряду с пивом завод освоил выпуск медового напитка сбитня, а также более 20 сортов натуральных фруктовых вод, игристых лимонадов, сельтерской, содовой и знаменитого тогда ситро.

В 1911 году Префет в усадьбе завода устанавливает бур, который доходит до подземного газа. В целях рекламы теперь уже пиво варится на глазах посетителей на природном газе, а после охлаждения тут же разливается в специально доставленные из Германии баварские пивные кружки.

Фасадом на Театральную улицу он строит одноэтажный каменный дом, где предпринимателем Григорием Трояковым устраивается пивной бар «Биржа».

В канун Первой мировой войны Префет продал завод курляндке Вильгельмине Лакше, которая в начале войны с немцами была депортирована в Германию, а завод перешел в городское владение.

В советское время бывший завод Салиса стал выпускать только фруктовые воды, чтобы в конце концов прекратить свое существование.

Сегодня на месте старого завода устраивается проулок к монументу Ангела-хранителя, а по его сторонам возведены новые административные, торговые и и жилые здания.

Первый театр на Кавказе

В 1843 году купец Иван Ганиловский, известный меценат, на своем усадебном места на той же бывшей Острожной улице построил деревянное здание для первого на Кавказе театрального заведения. Однако здание это вскорости сгорело дотла, и купцу пришлось строить новое, уже каменное, по проекту и под наблюдением Григория Ткаченко, тогда архитектора Карантинной кавказской линии.

В 1845 году театр был выстроен, о чем сообщал московский журнал «Репертуар и Пантеон»: «Вместо старого, сгоревшего театра воздвигнуто новое каменное здание с прекрасным фасадом. Оно назначено для театра, имеет два яруса лож, в третьем ярусе устроена галерея. Это здание может быть украшением более обширного и лучшего города, чем Ставрополь. Сцена театра довольно обширна, но слишком высока. Внутренность театра отделана хорошо. Строитель его, голова здешнего купечества г. Ганиловский, не щадил ничего для его блеска. Театр освещен газом».

Со смертью купца Ганиловского здание театра перешло в руки купца Алексея Иванова. На протяжении последующих десятилетий на сцене ставропольского театра выступали многие из выдающихся артистов России. Это Ф. Шаляпин, Г. Федотова, В. Комиссаржевская, Л. Собинов, М. Писарев и другие. Здесь зрители, а это в большинстве своем чиновничий люд, студенты, военные чины, а также многие из сосланных на Кавказ за «вольнодумство», видели «Мещан» М. Горького, «Вишневый сад» А. Чехова, «Бешеные деньги» А. Островского, «Смерть Ивана Грозного» А. Толстого и пр.

В театре Иванова демонстрировались и самые первые «живые картины», предшественницы кинематографа. Газета «Северный Кавказ» в 1905 году писала: «Театр Иванова. Невиданное в Ставрополе зрелище. «Биоскоп» и «Парфияно» показывают «Пожар в Париже», «В дебрях Южной Америки» – 158795 фотоснимков на оригинальном электрическом аппарате...»

В связи с открытием в 1909 году нового театра братьев Меснянкиных («Пассажъ») Алексей Иванов перестраивает свое театральное заведение под престижную гостиницу «Россия». При этом зрительный зал бывшего театра был разделен на два этажа: в нижнем находились обычные гостиничные номера, а в верхнем – номера люкс и банкетный зал с рестораном.

Содержателем гостиницы «Россия» вскоре стал предприниматель Дмитрий Яковлев. Тогда же газета «Северокавказское слово» сообщала читателям: «С 1 августа 1909 года на Театральной улице, открылась гостиница «Россия», от 1,25 руб. до 5 руб. за номер в сутки. Прекрасный

ресторан с отличной кухней, бильярд. Освещение электрическое. В саду «Эрмитаж» при гостинице – летний ресторан и эстрада».

В 1920 году в национализированном здании, как и в рядом расположенном здании с аптекой, разместилась ставропольская ЧК. Затем – Дом Красной армии (ДКА). В период временной оккупации города в здании разместились немецкая военная разведка (абвер) и городская военная комендатура. При отступлении немецкие подрывники пытались взорвать здание, но группа местных подростков во главе с Михаилом Строгановым сумела перерезать уже зажженный бикфордов шнур, идущий к взрывчатке.

Сегодня в старом театрально-гостиничном особняке находится Дом офицеров...

Лечебница Шульца

Усадебное место за бывшим театром Ивана Ганиловского, где сегодня находится Дом офицеров, также принадлежало купцу Ганиловскому. В 60-х годах XIX столетия это тогда пустое место перешло во владение обрусевшего немца Юлия Федоровича Шульца.

Юлий Шульц, известный военный врач периода Кавказской войны, с 1870 года работал в Ставропольском казачьем юнкерском училище, где читал курс медицины. Однако свою карьеру он начинал с младшего ординатора Ставропольского военного госпиталя, став в дальнейшем его ведущим врачом. За свой труд был отмечен высшими орденами России и пожалован от царского дома бриллиантовым перстнем.

На приобретенном месте он строит двухэтажный каменный дом, где в ноябре 1880 года у него рождается сын Михаил. После окончания Ставропольской гимназии Михаил поступает в Императорский университет Св. Владимира в Петербурге, по окончании которого получает степень лекаря.

В 1897 году Юлий Шульц перестраивает дом по проекту и под наблюдением архитектора Михаила Иосифовича Бржезицкого, тогда же устроив ажурный балкон. Внутри

усадьбы под домом был устроен новый проезд, который сегодня занимает «Трактир».

Михаил Юльевич Шульц после окончания учебы в Петербурге вернулся в отцовский дом, где как «вольнопрактикующий врач-лекарь» занялся хирургической гинекологией. Гинекологическая лечебница Михаила Шульца стала известной не только в Ставрополе, но и во всей губернии. В 1905 году в связи с начавшейся войной с Японией Михаила Юльевича призывают на военную службу и отправляют в Харбин в отряд санитаров 75-го полевого военного госпиталя 1-й армии. Затем он был назначен врачом в 15-й Сибирский военно-санитарный поезд имени Великой княгини Татьяны Николаевны, курсировавший вблизи передовых позиций. За проявленное мужество и героизм был пожалован орденом Св. Анны с мечами.

С окончанием войны Михаил Шульц продолжил медицинскую практику в своем доме, одновременно открыв новый городской родильный приют. По его инициативе в городе создается и бактериологический центр, способствовавший борьбе со многими заразными болезнями, особенно с тифом и холерой.

В советское время дом Шульца, который не принял новую власть, был национализирован. Но он продолжал в период нэпа лечить людей в доме на Барятинской улице (сегодня ул. Комсомольская), купленном им тогда же. Одновременно читал курс медицины практически во всех учебных заведениях города, в том числе в фельдшерско-акушерском техникуме, на базе которого в 30-е годы был открыт мединститут. После войны судьба забросила его сначала в Германию, а затем в Аргентину, откуда на Родину еще долго приходили его письма.

«Макар Попов и К°»

В 1877 году известный ставропольский купец Иван Павлович Чувалов приобрел у наследников Ивана Ганиловского южную часть его усадебного места – на углу Театральной и Александровской улиц, где построил фасадом на Театральную двухэтажный каменный дом стоимостью в 25 тыс. рублей серебром. Дом этот он вскоре продал куп-

цу и предпринимателю Макару Варфоломеевичу Попову. По примеру своего отца, первого банкира города конца 40-х годов XIX столетия, Макар Попов решает устроить в новом здании банковскую контору. Однако здание было мало приспособленным для этого, потому, уже фасадом на Вельяминовскую улицу (ул. Дзержинского), он впритык к старому дому строит новый, второй этаж которого был специально устроен для банковских операций.

Компаньонами Попова были известные предприниматели, такие, как Маловичко, Жуков и другие. Они давали денежные ссуды под 18 процентов годовых, что давало возможность брать их только состоятельным клиентам. Таковыми были «тавричане», занимавшиеся разведением тонкорунных овец.

Банковский дом «Макар Попов и К°» под той же вывеской после смерти его основателя в 1894 году продолжал существовать под началом сына покойного – Арутюна Макаровича Попова. Прочие помещения дома сдавали разным клиентам. Так, нижний этаж восточного крыла первоначально сдавался Зинаиде Клестовой под книжный магазин, а затем – провизору Берку под 2-ю вольную аптеку. Потом аптека перешла провизору Лилиенкампфу, позже – Норману, потом Богдановичу. Так аптечное заведение просуществовало до сегодняшнего дня, сейчас это – аптека № 102.

Нижний этаж южного крыла здания долго занимал магазин Сергея Пахалова «Московский базар» с огромнейшим выбором гастрономических товаров. Здесь же размещался часовой магазин с мастерской инженера Юдолова. Во дворе дома находились склад швейных машин фирмы «Фуреръ», магазин семян и комнатных растений ставропольского садовника Бернарда Иосифовича Новака, склад писчебумажных товаров Т. Тимофеева и др.

В советское время в особняке Арутюна Попова первоначально разместилась ЧК, затем – судебные органы, в память о которых уже в наши 50-е годы в полузатопленном подвале обнаружили вделанные в стены кованые кандалы. Затем была возрождена аптека, устроены «Рабочая поликлиника» и станция разъездной помощи, их сменили детская поликлиника и травмпункт... Сегодня здание внутри перестраивается.

Усадьба Леонидовых

Территория, сегодня вобравшая перекресток улицы Дзержинского и проспекта Октябрьской революции, до устройства самих улиц являлась так называемым Татарским базаром, где шел торг, или «тусовка» (обмен товарами) между жителями города и приезжими горцами, которых русские именовали татарами. После того как здесь был построен дом командующего Кавказской военной линией и Черноморией, где обосновался первый ставропольский генерал-губернатор князь Петр Дмитриевич Горчаков, Татарский базар был переведен еще дальше к западу.

Тогда же на освободившейся территории начали возводить новые строения, образовав новую улицу, долго именовавшуюся Генеральской (участок сегодняшней ул. Дзержинского от пр. Октябрьской революции до пл. Ленина). На углу Генеральской улицы и бывшей Острожной купец 3-й гильдии Яков Леонидов строит деревянный одноэтажный дом. Здесь у него рождаются три сына – Спиридон, Александр и Василий, в дальнейшем ставшие известными купцами и предпринимателями. После смерти отца хозяином усадьбы стал его сын Василий Яковлевич. В 80-е годы он рядом с отцовским домом, фасадом на Воронцовскую улицу, строит большой одноэтажный каменный дом, украсивший всю улицу. С 1888 по 1893 годы здесь размещается Публичная библиотека, ставшая центром духовной культуры города.

В начале XX века в новом доме Василия Леонидова открылась столовая-кофейня, где предпочитали столоваться местные чиновники. В 20–30-е советские годы экспроприированный дом Василия Леонидова по-прежнему оставался одной из престижных столовых города.

В 1939 году на месте усадьбы Леонидова началась грандиозная для своего времени стройка – возводилось здание местного НКВД. До сегодняшнего дня здание это поражает строгостью архитектурных форм, фундаментальностью и изяществом. Правда, после изгнания гитлеровцев из Ставрополя (пять с половиной месяцев оккупации здесь находилось гестапо) здание оказалось сожженным, но было восстановлено. С этим зданием связана и страница истории сталинских репрессий. Но это – другая тема.

Кинематограф «Солей»

В конце 30-х годов XIX столетия в Ставрополе обосновался австрийский подданный, булочник Людвиг Траубе. На Большой Черкасской он возвел двухэтажный дом, где первоначально торговал сдобой, а затем – музыкальными инструментами. Внук его, Лев Владимирович Траубе, в конце 90-х годов покупает усадебное место на Воронцовской улице у купчихи Пакашевской, где на месте небольших строений в 1902 году возводит двухэтажный каменный дом стоимостью в 25000 рублей, а во дворе усадьбы строит впритык к части дома крытый манеж под столярную мастерскую.

В новом доме Лев Траубе открывает роскошный мебельно-музыкальный магазин, рекламный проспект которого предлагал «французские пианино, фисгармонии, граммофоны фирмы «Мирафонъ», швейцарские музыкальные шкатулки, музыкальные альбомы, полифоны, патентованные ручные органы, гармонифлюты, английские концертины, венские гармони «Победа», гитары, скрипки, балалайки, мандолины. А также медные инструменты и разнообразную мебель венской работы – буфеты, гардеробы, комоды, шкафы, обеденные, туалетные и письменные столы, кровати, умывальники, зеркала, стулья и пр. А также обивочные ткани, плюш, шелк, шерсть, волос для перин и пр.».

Вскоре Лев Траубе становится единственным в Ставрополе представителем фирм Я. Беккера, К. Шредера, бр. Дидерихс, бр. Оффенбазер.

Между тем по России начал победное шествие кинематограф. Л. Траубе решает устроить в сарае-манеже самый современный кинематограф, одновременно купив кинопроекционную аппаратуру фразцузской фирмы «О. и Л. Люмьер», а сам кинотеатр называет «Солей» (с французского – «солнце»).

С 1917 по январь 1920 года кинематограф «Солей» своими огнями рекламы приглашал горожан посмотреть фильмы западных фирм с участием Чарли Чаплина и прочих мировых артистов. Об оснащении кинематографа мы узнали из акта реквизиции «Солея» большевиками в 1920 году: «...В зале имеется 150 стульев и 60 стульев на бал-

коне. В зале также 42 простые скамейки и 6 на балконе, обитых плюшем. Киноаппарат «Патэ-4», нефтяной двигатель «Победа» завода «Зеферман» в г. Мелитополе. Рояль «Беккер».

В советские 20-е годы здесь продолжали идти в основном западные боевики с участием Сары Бернар, Макса Линдера, Чарли Чаплина, Дугласа Фербенкса, Мэри Пикфорд. И такие отечественные ленты, как «Отец Сергий», «Пиковая дама», «Красные дьяволята»...

В 30-е годы, когда «великий немой» заговорил, кинотеатр перестраивается, оборудуется новой, уже отечественной аппаратурой. Получает он и новое название – «Гигант», ибо не было кинотеатру равного на всем Ставрополье. «Гигант» стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве, был отмечен дипломом и награжден метровой копией скульптуры В. Мухиной «Рабочий и колхозница».

В кинотеатре «Гигант» работал Тихон Степанович Легоцкий, еще до революции прослушавший курс лекций основателя кино Луи Люмьера. В 1936 году, в дни празднования 40-летия со дня изобретения кино, Легоцкий направил в Париж на имя своего учителя письмо и получил ответ с благодарностью и наилучшими пожеланиями. Это ответное письмо было опубликовано в феврале 1936 года в газете «Власть Советов».

В 30-е годы в фойе кинотеатра, переименованного в «Гигант» и занявшего часть дома Льва Траубе, где некогда находился мебельно-музыкальный магазин, выступал джаз-оркестр, возглавляемый виртуозом-саксофонистом Соколовым.

Много испытаний выпало на долю кинотеатра «Гигант», в том числе в период временной оккупации Ставрополя немецкими войсками. Ими здесь был устроен бар с кинозалом, наименованным «Солдатским кино», где демонстрировались немецкие кинофильмы только для солдат и офицеров вермахта.

Послевоенный «Гигант» демонстрировал, помимо советских фильмов, немецкие трофейные ленты. То были «Девушка моей мечты», «Тарзан», «Индийская гробница» и другие, привлекавшие массу людей. В начале каждого вечернего сеанса здесь выступал джаз-оркестр под управлением трубача Ивана Тимофеева.

В 1985 году по проекту тогда еще молодого архитектора Виктора Маркелова кинотеатр «Гигант» был полностью перепланирован, превратившись из трех кинозалов с унылым и грязным внутренним двором в прекрасный дворец. Тогда же он стал именоваться «Орленком». Но людям сегодня нужны не орлята революции, а солнце над головой. И порядок в стране. Потому это здание, как и рядом расположенный алафузовский особняк, переданы УФСВ.

Алафузовский особняк

Дом этот старожилам больше был известен как магазин «Аленушка», а сегодня там расположен торговый центр Художественного фонда города. Первоначально это усадебное место принадлежало чиновнику Покашевскому, а в конце 70-х годов XIX столетия перешло во владение рода Алафузовых, родоначальник которого, Иван Антонович, появился в Ставрополе в 1827 году «без письменного вида по случаю возмущения греков против турецкого правительства».

В 1880 году сын Ивана Антоновича Алафузова, Иван Иванович, по проекту городского архитектора Г. Прокопца на месте сломанного старого дома строит новый, в два этажа, где верхний был деревянный, обложенный кирпичом, с двумя бельведерами по северной и южной стороне. Тогда же нижний этаж дома заняли аптекарский магазин С.Ф. Борисенко и известный магазин часов Г. Штенберга.

На втором этаже дома, куда с улицы вели две чугунные узорные лестницы от двух входных дверей с такими же чугунными крылечками, жил хозяин. В гостиной долго висели картины, принадлежавшие его брату Николаю, известному коллекционеру живописи. Среди них были картины И.К. Айвазовского «Вид Суданской бухты», Ю. Клевера «В парке Гатчинского дворца» и «Дача в Финляндии», А. Шильдера «Диана», О.А. Гофмана «Парижанка», Ю. Лемана «Буря на море» и другие шедевры русской и западной живописи.

Во дворе находился большой сад с прудом, питаемым родниковой водой рождавшегося выше Желобовского ручья. Здесь любили собираться представители греческой ди-

аспоры города, люди искусства. Но уже в начале XX века Алафузовы продали этот дом некогда широко известному общественному деятелю Раевскому-Буданову, постелившему по второму этажу паркет из ценного дерева, украсившему апартаменты различным антиквариатом, старинной мебелью.

Небезынтересно, что в 1911 году на первом этаже дома разместилась общественная библиотека, затем перешедшая на Вельяминовскую улицу, сначала в дом Стасенко, а затем – Добрянского. В настоящее время дом обветшал, особенно со двора, ставшего проходным к площади Ленина.

Дом полярного исследователя

Сразу за бывшим домом Алафузова стоит двухэтажный особняк стиля модерн, где среди прочих украшений фасада просматриваются стилизованные морские якоря. И не случайно: дом принадлежал некогда известному врачу и путешественнику Павлу Григорьевичу Кушакову.

Род Кушаковых появился в Ставрополе в 40-х годах XIX столетия. Глава рода, Алексей Семенович, заимев небольшой дом на Петропавловской площади, рядом с новой тюрьмой, открыл в нем торговую лавку, став купцом 3-й гильдии. Здесь у него родился сын Георгий, который купил усадебное место на Воронцовской улице у чиновника Зайчевского. Сын Георгия Алексеевича, Павел, после окончания ставропольской гимназии, а затем – ветеринарного университета в Санкт-Петербурге, на месте старого дома в 1911 году возвел новый, в стиле модерн, ставший украшением этой улицы. При отделке фасада здания на нем и появились стилизованные якоря.

Еще в студенческие годы Павел Георгиевич увлекся морем. Как член Петербургского яхт-клуба он совершил не одно путешествие по Финскому заливу и Балтийскому морю. Вернувшись в Ставрополь, где занялся ветеринарной практикой, в том числе открыв в Ставрополе первый врачебно-аналитический кабинет по лечению домашних животных, он много читал о путешествиях Амундсена, Скотта, Нансена. Здесь он узнал о готовящейся экспеди-

ции лейтенанта Седова к Северному полюсу на собачьих упряжках.

14 июня 1912 года газета «Ставропольские губернские ведомости» впервые сообщила читателям, что врач Кушаков после письма к Седову был включен в состав экспедиции, предоставив ей в безвозмездное пользование свою химико-бактериологическую лабораторию. А уже 27 августа того же года экспедиционное судно «Св. Фока» вышло из Архангельска, взяв курс к Земле Франца Иосифа, до которой добралось лишь после зимовки на Новой Земле. Кушаков, как врач экспедиции, отвечал за изучение животного и растительного мира по маршруту экспедиции.

В 1914 году Кушаков вернулся в Ставрополь уже известным арктическим исследователем, а в следующем году по предложению Морского министерства возглавил спасательные работы по вызволению из ледяного плена полярной экспедиции флигель-адъютанта, капитана 2-го ранга Вилькицкого, пытавшегося на судах «Вайгач», «Таймыр» и «Эклипсъ» пройти из Владивостока в Архангельск.

События, связанные со спасением экспедиции Вилькицкого, когда Кушаковым был заложен на Енисейской губе поселок Диксон, достойны целой книги. В 1916 году Кушаков стоит во главе комитета новых арктических исследований, но начавшаяся революция, а затем Гражданская война перечеркивают все начинания.

В 1920 году дом Кушакова был национализирован, а его хозяин вынужден был скитаться по стране, пока след его не затерялся в репрессивных 30-х годах. В самом же доме полярного исследователя сначала обосновалась воинская часть. В годы нэпа в нижнем этаже здания был открыт ресторан «Сан-Ремо», а в верхнем – детский дом. Затем здесь находилась краевая библиотека до оккупации Ставрополя немецкими войсками. В период оккупации в доме расположилась немецкая часть, а книги были перевезены оставшимися в городе библиотечными работниками в здание краеведческого музея. При отступлении немецкие подрывники попытались поджечь здание, но живущие по соседству жители, боясь распространения огня и на их дома, сумели затушить огонь. В том же январе 1943 года в здании обосновалась городская телефонная станция. Уже новые службы телефонной связи остаются здесь и сегодня.

Усадебное место Павловского и Аглинцова

За домом Кушакова, впритык к нему, стоит двухэтажный каменный дом, некогда принадлежавший адвокату Николаю Яковлевичу Павловскому. Само строение было возведено в 1907 году, в свою очередь соседствуя с усадебным местом некогда широко известного актера и друга Шаляпина Иосифа Аглинцова. Сегодня в глубине усадьбы стоит кирпичный двухэтажный дом, буквально дышащий на ладан. Именно в этом доме при посещении Ставрополя останавливался Шаляпин.

Фасадом на бывшую Воронцовскую улицу стоял еще один одноэтажный каменный дом с мезонином, вошедший в историю Ставрополя как фотоателье Трегубова. Николай Трегубов, до этого имевший свое фотозаведение в Москве, появился в Ставрополе в начале XX века. Именно тогда на мезонине дома появилась надпись «Фотография Н. Трегубова», дожившая чуть ли не до сноса в 1997 году. Трегубов, помимо изготовления черно-белых снимков на фотобумаге, переносил негатив на фарфор и металл, изготовлял раскрашенные стеклянные диапозитивы, которые широко использовались в учебных заведениях, при лекторских выступлениях. При этом он снимал улицы и площади Ставрополя, затаенные уголки природы окрестностей города, а также его рощи, сады и парки.

На основе фотографий Трегубова общество «Гранбергъ» в Стокгольме выпустило несколько серий открыток с видами Ставрополя. Сегодня в Ставропольской краевой библиотеке им. М.Ю. Лермонтова хранится большой альбом с видами Воронцовской рощи, выполненными Трегубовым вместе с фотографами Марксом и Тосуновым, его учениками. Кстати, фотоработы Семена Тосунова, фотография которого находилась буквально напротив фотографии Трегубова, в дальнейшем были удостоены Гран-при и Золотой медали на Римской международной выставке 1910 года.

Дом с бывшей фотографией Н. Трегубова простоял почти век. Нижний этаж в последнее время занимал физдиспансер, а в мансарде по-прежнему находилась фотография, где и начался пожар, что стало причиной сноса здания в 1997 году.

Особняк «короля недвижимости»

За усадебным местом Аглинцова с фотографией Трегубова расположились одноэтажные каменные строения, ранее принадлежащие известным ставропольским купцам – Петру и Владимиру Меснянкиным и Константину Владимировичу Капустину.

Усадебное место Меснянкиных отличалось ухоженностью и добротностью двух каменных домов. Помимо роскошного сада, здесь имелся большой водоем, питаемый водой Желобовского родника, находившегося выше, в бывшей Вельяминовской роще, с 70-х годов XIX столетия переименованной в Юнкерский сад (сегодня – стадион «Динамо»). В чистой проточной воде братья содержали различные породы рыб, начиная с осетров, для собственного стола. Здесь же была и водоплавающая птица. Кстати, сразу с западной стороны усадебного места, в Юнкерском саду, находился еще один ухоженный водоем со скамейками для отдыхающих, где, по преданию, сиживал Михаил Юрьевич Лермонтов.

Усадьба чиновника Константина Капустина не отличалась добротностью, здесь снимали комнаты мелкие чиновники. 3 августа 1942 года в усадьбу угодила немецкая бомба, разрушившая часть дома, выходящего на пр. Ворошилова (сегодня пр. Октябрьской революции). На этом месте был построен продовольственный киоск, доживший до наших дней.

К усадебному месту Капустина примыкал двухэтажный каменный особняк, принадлежавший одному из представителей рода Ивановых в Ставрополе – Ивану Тимофеевичу Иванову. Он был крупнейшим владельцем недвижимости в Ставрополе. Так, ему принадлежали четыре дома на Нестеровской улице, где располагались Присутственные места, в том числе казначейство (сегодня – ул. Советская, дома 3, 5, 7, 9).

Братья Ивана Тимофеевича – Георгий, Алексей и Николай – были не менее известными предпринимателями. Так, Георгий владел городской электростанцией, Алексей – городским театром. Николай был городским головой, депутатом Госдумы 3-го созыва. Закончив Петровско-Разумовскую земледельческую академию, он возглавил в

Ставрополе две опытные сельскохозяйственные станции и стоял во главе государственных хлебных магазинов и «монополек» (водочных магазинов).

В доме Ивана Тимофеевича на Воронцовской улице постоянно собирались местные предприниматели. Здесь устраивались музыкальные вечера, театрализованные представления, встречи с заезжими высокими гражданскими чинами и знаменитостями.

В советское время здесь обосновались штабисты 7-й кавдивизии, затем дом приспособили под квартиры работников местного НКВД. В 1984 году обновляется фасад здания, перестраиваются внутренние интерьеры. Тогда же здесь разместился Ставропольский комитет защиты мира, или «Дом дружбы».

Народный дом

Далее от особняка Иванова, за проходом на стадион «Динамо», стоит еще один двухэтажный каменный дом, принадлежавший Архипу Андреевичу Кордубану. Это был некогда известный предприниматель, бравший соляной откуп из озер Манычского района, доставлявший из Грозного нефть, из Карачая – лес...

Сразу за усадьбой Кордубана находится бывший Народный дом (сегодня – театр кукол, полностью перестраиваемый). Рождение его относится к 1903 году, когда здесь на средства общества распространения образования и был возведен дом для беднейших жителей Ставрополя. «Учредить Народный дом имени А. С. Пушкина, – было записано в решении общества, – который совместил бы в себе аудиторию для народного чтения, актовый зал со сценой, читальню, комнаты для занятий по рукоделию и др.».

Деньги на строительство здания выделили Министерство финансов и городская казна, всего более 20 тысяч рублей серебром. Стройка велась под наблюдением архитектора Михаила Иосифовича Бржезицкого и инженера Григория Павловича Кускова. В Народном доме проводились рождественские елки, где детям раздавали бесплатные подарки от Деда Мороза и Снегурочки, устраивали чаепития с бутербродами. Проводились бесплатные спектакли для

детей и взрослых, благотворительные вечера в честь дома Романовых и памятных дат Российского государства, православных праздников. Здесь постоянно работали различные кружки, в том числе по рукоделию, резьбе по дереву, балалаечников и другие. В библиотеке Народного дома можно было бесплатно брать книги для чтения на дому. Здесь же находилось справочное бюро о наличии рабочих мест на предприятиях, в частных домах (вакансии дворников, поваров, швейцаров, гувернеров и другие).

18 июля 1904 года в Народном доме им. А.С. Пушкина впервые прозвучала в исполнении хора под управлением Василия Дмитриевича Беневского созданная им на слова Я. Репнинского песня-гимн «Плещут холодные волны», посвященная мужеству моряков героического крейсера «Варяг». По этому поводу наш выдающийся земляк, педагог Л.В. Абрамов вспоминал:

«...Не могу не сказать, что я был растроган до глубины души, слушая нежные звуки, которые неслись в партер со сцены, которые заставили меня совершенно забыть о том, где я нахожусь. Я был унесен далеко-далеко, туда, где льется русская кровь и, кажется, в первый раз в жизни почувствовал с такою силою, что значит умирать за Родину, за ее честь... И по-видимому, то, что переживал я, слушая этот чрезвычайно красивый хор, разделялось всеми присутствующими, так как решительно вся зрительная зала замерла и затем ответила... бешеными криками, требуя повторения и выражая свой восторг».

Между тем со временем зал Народного дома уже не вмещал желающих посмотреть спектакли, музыкальные коллективы, выступления борцов и тяжелоатлетов и т.д. В 1908 году, как сообщает архивный документ, «театральный зал Народного дома был полностью перестроен. Была поднята сцена, опущена музыкальная яма. Вместо 350 мест устроено 500. Поставлены электровентиляторы, электрические люстры». Тогда же во дворе Народного дома был устроен сад с аллеями конского каштана, разбиты клумбы, поставлены ажурные чугунные скамейки...

В период Гражданской войны, когда Ставрополь оказался в руках Добровольческой армии, в Народном доме давали концерты уже для добровольцев, а сам Народный дом был переименован в честь Л.Г. Корнилова. Здесь вы-

ступали с лекциями белые военачальники, в том числе А.И. Деникин.

В советские 20-е годы Народный дом стал клубом строителей, где в воскресные и праздничные дни собирались чернорабочие, каменщики, штукатуры, маляры, кровельщики и прочий рабочий люд, слушая уже советские лекции, аплодируя выступлениям художественных коллективов. В 1936 году в бывшем Народном доме открылся городской Дом пионеров, став центром разнообразной внешкольной работы с детьми. Здесь работал с юными авиамоделистами один из первых русских летчиков Ф.Н. Комиссаров, прошедший курс воздухоплавания в Англии еще до революции.

В период временной оккупации Ставрополя немецкими войсками в здании разместилась немецкая часть, а после изгнания гитлеровцев, до 1949 года – театр музыкальной комедии. С переездом театра в Пятигорск здание вновь было отдано детям. В 70-е годы вестибюль был надстроен, в глубине усадебного места построен еще один двухэтажный дом. Но в конце следующего десятилетия дети перебрались в новое здание (сегодняшний Дворец детского творчества), а в старом обосновался краевой театр кукол. Сегодня здание капитально перестраивается.

Дом Краснова, баня Сорокина, доходные дома Глиндзевича и Глущенко

С южной стороны, впритык к бывшему Народному дому, стоит небольшой каменный дом с оригинальным фасадом. Здесь до 1915 года жил директор Ольгинской и Александровской женских гимназий, губернский предводитель дворянства, общественный деятель, журналист и писатель Михаил Васильевич Краснов. Его книги, такие, как «Просветители Кавказа», «Историческая записка о Ставропольской мужской гимназии», «Русское дворянство на Кавказе» и другие и сегодня бесценные документы прошлого.

Умер Краснов 30 июля 1915 года, на 74-м году жизни, в чине действительного статского советника (генерал-майора) и был похоронен на Успенском кладбище города.

За усадьбой Краснова, вплоть до угла улицы Госпитальной (сегодня – ул. Ленина), располагалось усадебное место предпринимателя Николая Михайловича Сорокина. В одном из двух одноэтажных каменных домов он устроил некогда широко известную в народе «сорокинскую» баню. Благо здесь, прямо в усадьбе, били мощные родники кристально чистой, но жесткой воды. Для ее смягчения Сорокин использовал щелочные растворы. От бани Сорокина в восточную часть города был проложен водопровод. В самой усадьбе Сорокин устроил металлический водосбор и керосиновое хранилище, что позволяло ему топить баню ежедневно.

Противоположный угол Воронцовской и Госпитальной улиц (сегодня ул. Ленина) принадлежал Государственному банку. Здесь в конце советских 30-х годов был построен огромный жилой дом для работников крайкома партии и НКВД.

И, наконец, вплоть до Ольгинской улицы (сегодня ул. Мира) тянулось два усадебных места Рудольфа Рудольфовича Глиндзевича и чиновника Глущенко. Здесь ими были построены два двухэтажных дома, которые они сдавали ксендзу напротив расположенного польского костела и его священникам. В том числе монахам доминиканского ордена, обосновавшимся в Ставрополе.

Сегодня в первом здании размещается прокуратура, а во втором, угловом, – медицинская часть управления внутренних дел. Между ними находится новострой – больница.

Квартал купцов Поповых

Восточная сторона бывшей Театрально-Воронцовской улицы началась от углового с Николаевского проспекта дома, о котором уже шел разговор и который со второй половины позапрошлого века перешел во владение купца и банкира Макара Попова. Здесь надолго обосновался Окружной суд с магазинами в нижнем этаже. Далее по Театральной улице до улицы Александровской (Дзержинского) уже сыном Макара Попова Арутюном были построены новые здания. В центральном, построенном в 1885 году, размещался огромный банкетный зал с музыкальной эстрадой и

кухней в нижнем этаже. В советское время здесь долго размещался Дом учителя, а сегодня – учреждение культуры, нижний этаж заняла общественная столовая.

В угловом двухэтажном каменном доме на пересечении пр. Октябрьской революции и ул. Дзержинского первоначально находилась гостиница «Тифлисъ», затем – типография Берка. В советское время здесь обосновалась столовая для комсостава Красной армии, а также пекарня с кондитерским цехом. После окончания оккупации города гитлеровцами здесь находилась хозчасть НКВД, а затем надолго обосновалась редакция газеты «Молодой ленинец». В конце 60-х годов угловой дом Поповых был сломан, и на его месте возведено одно из первых в городе высотное 11-этажное здание «Кавказтрансгаза».

Усадьба Бетаки

Противоположный от 11-этажки угол и сегодня занимает двухэтажный каменный дом, некогда принадлежавший штабс-капитану Ивану Гречанинову. Однако первым хозяином этого места был капитан жандармерии Бетаки. К сожалению, биография его нам совершенно неизвестна. Но именно ему принадлежал участок земли, где позже разместилось шесть домохозяев. Правда, его собственный дом на юго-восточном углу позже возникших улиц (Александровской, Вельяминовской, Театральной и Воронцовской) был построен неверно.

Так, обнаруженный документ по его дому говорил, что «...дом своим фасадом выходит за линию устроенной улицы с Домом командующего, что необходимо исправить». Здесь надо сказать, что хаотично строящиеся первые дома того времени потом приходилось ломать. Видимо, так поступили и с домом Бетаки. Какой дом был затем выстроен, мы также не знаем. Известно лишь, что при новом хозяине этого усадебного места – Иване Гречанинове в 1872 году по проекту Павла Никифорова строится новый дом в два этажа, где первый был каменный, а второй – деревянный. Позже второй этаж Гречанинов обложил кирпичом, и дом благополучно простоял до наших дней.

Как и большинство купеческих зданий, нижний этаж

сдавался внаем под различные магазины. Наиболее известным здесь был магазин натуральных кахетинских вин «М. Читаев и сыновья», где вина продовались оптом и в розницу. Впритык к дому Гречанинова, где сегодня разместился телефонный переговорный пункт, на месте, некогда принадлежавшем тому же капитану Бетаки, в 30-е годы XIX столетия строит дом чиновник Казенной палаты Николай Мережко. Дом его, как и капитана Бетаки, ломает новый хозяин усадебного места, некто Газиев. Он строит двухэтажный особняк, также доживший до наших дней. Верхний этаж дома занимал его хозяин, а в нижнем размещались то магазины, то конторские службы.

Здесь в начале XX века располагалась известная аптека Августа Нормана. Сам Норман был известным натуралистом, исходившим весь Кавказ и Крым. Его перу принадлежали многие книги, такие, как «Ставропольская флора», «Флора Южной России, Кавказа и Крыма». Самому Норману посвящена дореволюционная книга «Август Петрович Норман».

Сегодня это переговорный пункт.

«Почтамтъ»

За бывшим усадебным местом капитана Бетаки располагались усадьбы известных ставропольских купцов – Алексея Волобуева и Ефима Зенина. В 60-е годы XIX столетия оба усадебных места с небольшими строениями приобрел банкир Макар Попов. Именно в это время на Кавказе начала проводиться первая телеграфная линия от Тифлиса на Владикавказ, далее – на Пятигорск и Ставрополь. В январе 1863 года газета «Вестник Кавказа» сообщала, что «закончена подвеска линий между Тифлисом и Ставрополем».

К тому времени в Ставрополе, в одном из домов Макара Попова на Воронцовской улице была оборудована телеграфная контора со станцией, принимавшей сигналы аппаратами «Морзе» и «Витсон». После того как в том же году линия от Ставрополя дошла до Новочеркасска, Ставропольская телеграфная станция стала передавать сигналы как в сторону Тифлиса, – которые затем следовали в

Индию через Тегеран, Европу и Австралию, – так и на север – через Новочеркасск на Москву и Петербург. Так Ставрополь стал одним из звеньев Транскавказской телеграфной линии.

В конце 70-х годов XIX столетия уже сын Макара Попова, купец 1-й гильдии Арутюн Макарович, сносит часть старых строений на отцовском месте, в том числе телеграфную контору и станцию, и возводит самый современный и специально оборудованный дом под новую телеграфную контору со станцией и почту, тогда именуемую «почтамтом». Здание стоимостью в 50 тыс. рублей серебром стало украшением Воронцовской улицы, вскоре переименованной в Почтовую, но название это не прижилось.

Помимо телеграфа и почты, в начале XX века здесь же обосновалась городская телефонная станция, вторая на Северном Кавказе после Владикавказской. Во дворе усадебного места Арутюн Попов строит еще один двухэтажный дом – под складские помещения, конюшню и сарай для почтовых фургонов.

В советское время бывший дом Арутюна Попова продолжал выполнять старые функции. В 30-е годы здесь была устроена первая автоматическая телефонная станция (АТС), заработал и междугородный телефон и радиотелеграф.

В годы Великой Отечественной войны при отступлении немецких войск из Ставрополя почтамт был сожжен и взорван. Восстановление здания продолжалось до 1954 года по проекту архитектора Николая Чекмотаева. При этом к старому зданию с северной стороны были присоединены здания первых владельцев этого усадебного места – Волобуева и Зенина. В отделке фасада по сути нового здания принимал участие каменных дел мастер Андрей Голуб (часть украшений фасада, к сожалению, была сбита в 2002 году). В первозданном виде сохранился лишь внутренний складской корпус здания.

«Женевский часовой»

С южной стороны, впритык к сегодняшнему зданию почтамта как бы прижался двухэтажный каменный особнячок в стиле эклектики, в нем нижний этаж занимает кафе

«Ивушка». С самого начала XIX века это усадебное место принадлежало мещанину Никите Егорову. Затем новым хозяином стала губернская секретарша Марфа Антоновна Дробязгина.

Как сообщает архивный документ, в 1833 году Дробязгина в своей усадьбе возвела новый дом в два этажа, где нижний был каменный, а верхний – деревянный. Дом этот вместе с прочими усадебными строениями и садом секретарша Дробязгина с 1835 по 1839 год сдавала ставропольскому военному госпиталю. Все дело в том, что военный госпиталь, возникший чуть ли не сразу со строительством крепости, был тесным. Военные власти вынуждены были арендовать под палаты госпиталя частные здания. В 1837 году их было 11, но лишь в одном из них лечились офицеры, в том числе наш незабвенный поэт Михаил Юрьевич Лермонтов.

Именно в это время Ставрополь посетил император Николай I, которого и декабристы, и Лермонтов встречали с балкона гостиницы Найтаки. «Во время приезда в Ставрополь государя-императора, – писала Дробязгина, жалуясь, что в 1839 году офицерские палаты из ее дома были переведены в дом Щербины, – дом мой им был одобрен и назван был первым отделением госпиталя. Здесь лечились штаб- и обер-офицеры. При доме существовал родник с чистой и вкусной водой, признанный докторами полезнейшей».

Действительно, и сегодня здесь пробивается родниковая вода, некогда стекавшая в нижерасположенную Бабину рощу, где был устроен пруд, существующий и ныне.

Как известно, Михаил Юрьевич Лермонтов в 1837 году, оказавшись в Ставрополе, поселился в доме своего дяди генерала Петрова, располагавшемся рядом с домом командующего. В начале мая поэт выехал в свой полк, но по дороге заболел и вернулся в Ставрополь, где и был определен в военный госпиталь, в первую палату для офицеров, которая и находилась в доме Дробязгиной.

В 60-е годы XIX столетия усадьбу с домом Марфы Дробязгиной приобретает мещанин Никита Егоров, в глубине усадьбы строит он одноэтажный кирпичный дом, который сдает под жилье чиновникам почты. В нижнем этаже главного дома он устраивает магазин кавказских минеральных натуральных и искусственных вод.

В 90-е годы усадьбу покупает предприниматель И.А. Могильницкий, который открывает к 1902 году в полностью перестроенном доме Дробязгиной свой «Женевский магазин» с ручными, настольными и настенными часами марок «Лонгинъ», «Омега», «Гаванъватчъ», «Анкеръ», «Радиумъ», «Зенитъ», «Мозеръ и К°» – в серебре, золоте, хрустале. Вскоре здесь же Могильницкий открывает ювелирный отдел с изделиями лучших фирм России и Европы. Второй этаж дома занял магазин дамских шляпок некогда известных французских фирм, в том числе «Мезонъ Люксъ».

Сам хозяин дома – Ицхока Аронович Могильницкий – жил в собственном двухэтажном доме в начале Еврейского переулка, начинавшегося на стыке сегодняшних улиц Советской и Булкина (в прошлом Александрийской и Торговой).

В советские годы нэпа Могильницкий в арендуемом им доме еще держал часовой магазин, пока как «кровопийца» не канул в вечность.

«Варшавская молочная»

Сразу за усадьбой Могильницкого находились усадебные места с одноэтажными каменными домами, с конца XIX века принадлежавшие С.М. Тосунову и Меснянкиным. В первом доме находилось узнаваемое в городе и губернии фотоателье, в прошлом двора его величества, известное как обладатель Гран-при и Золотой медали Всемирной выставки в Риме. Помимо ателье здесь же находился художественный магазин, где можно было приобрести всевозможные художественные краски, кисти, багет, холст для картин, сами картины местных художников, простые и цветные карандаши и массу других предметов для учащихся гимназий, любителей живописи и маститых художников.

В советское время здесь долго находилась краевая детская библиотека. Дом Меснянкиных оставался жилым до самого сноса в конце XX столетия. Теперь на месте этих двух строений, как и прочих построек, а также фруктового сада, устроен проход в бывшую Воронцовскую рощу.

Но уже следующий, двухэтажный особняк с двумя флигелями, также перед вторым проходом в бывшую Воронцовскую рощу, сохранился. Это усадебное место начиная с 30-х годов XIX столетия принадлежало разным домохозяевам. Первым был некто Анатолий Кудимов, затем – чиновник губернского правления Владислав Эдуардович Бриткевич и, наконец, новыми хозяевами стали братья Шлейма и Моисей Эрлих.

Как явствует из документов, в 70-х годах XIX столетия в Ставрополе обосновался Мордох Шлимович Эрлих, который вместе с Израилем Герчиковым Дорштом и Ицхоком Ароновичем Могильницким взяли в свои руки ювелирное дело в городе. Дети Мордоха Шлимовича и возвели в 1909 году на месте дома Бриткевича новый – в два этажа, с двумя флигелями. Нижний этаж дома они сдавали предпринимателям под два магазина – хлебобулочный и ставший вскоре широко известным молочно-кефирный мадам С.Д. Пренской, который именовался «Варшавской молочной». Небезынтересно, что хлебный магазин дожил до конца 80-х годов XX столетия.

Верхний этаж дома помимо братьев занимали их родственники, в том числе семья Исая Эрлиха с сыном-гимназистом Ароном. Уже тогда Арон Эрлих увлекся поэзией; его первым учителем стал наш выдающийся драматург и прозаик Илья Дмитриевич Сургучев. Об этом он рассказывал в журнале «Юность», 1978 г., в рассказе «Опус №...»

«В пустынной Воронцовской роще, – писал Эрлих, – на спуске к старому пруду вдруг объявился передо мной человек, хорошо мне известный. Он поднимался мне навстречу, спокойный, светлый, в желтых, зеркально начищенных крагах и ботинках, в серых клетчатых бриджах, в элегантном светло-синем пиджаке с большими нашивными карманами, в серой шляпе с широкими полями, кривонакосо посаженной на крупной голове, с дымящейся трубкой в тонко очерченном и сочном рту... То был известный в те годы писатель, постоянно живший в нашем городе. Ежегодно он уезжал на месяц-другой в Москву и Петербург устраивать свои литературные дела...

Когда-нибудь я наберусь смелости, подойду на улице к этому счастливому, так щедро одаренному человеку,

скажу: «Простите. Мне бы очень хотелось поговорить с вами...»

И он действительно подошел к Сургучеву, а потом часто бывал в его небольшом доме на 1-й Ясеновской. В дальнейшем их судьбы, как и литературная деятельность, стали диаметрально противоположны. Сургучев эмигрировал в Париж, а Арон Эрлих оказался в Москве, став крупным советским писателем. Здесь он написал ряд книг, такие, как «Нас учила жизнь», «Молодые люди», «Куда зовут ракеты» и другие. Здесь же он близко познакомился с А. Толстым, М. Шолоховым, А. Корнейчуком, Ильфом и Петровым и многими другими выдающимися писателями, о чем он также рассказал в своих воспоминаниях.

Воронцовская роща

Первоначальное наименование сегодняшнего парка Центрального – Бабина роща. Поручик Матвей Бабин, владевший этим участком старого леса, некогда именуемого Черным, совершил, возможно, не думая об этом, великий подвиг – он не вырубил этот дубовый реликт, как сделали это домохозяева ниже по речке Желобовке. Но хотя сохраненный им участок Черного леса в народе именовался рощей, вплоть до 1837 года он представлял собой малопроходимые заболоченные чащобы, где, как вспоминали современники, иногда даже видели забредших туда волков.

В нижней восточной части своей рощи Бабин устроил небольшой винокуренный заводик, который, однако, вскоре сгорел. Раздосадованный поручик продал рощу с немногочисленными строениями некогда известному своей благотворительностью купцу 1-й гильдии Флору Тарасову за 3500 рублей ассигнациями.

В 1837 году Ставрополь посетил император Николай I, по воле и в присутствии которого здесь была открыта мужская гимназия на базе уездного училища. В то торжественное событие Флор Тарасов подарил купленную им у Матвея Бабина рощу новому учебному центру на Кавказе. С того времени роща стала именоваться Гимназическим садом; там были устроены первые аллеи, поставлены скамейки, через небольшой пруд, устроенный еще Матвеем Бабиным

по-над Желобовым ручьем, перебросили деревянный декоративный мост. На месте сгоревшего винокуренного заводика был разбит фруктовый сад, а рядом устроены гимназические огороды.

В 1849 году по воле наместника Кавказа графа Воронцова Гимназический сад переходит к городу в обмен на землю в южной части огромной Воробьевской, или Базарной, площади (сегодня – пл. Ленина), где еще по плану архитектора Ивана Гайворонского планировалось построить большое здание под учебный центр, что и было сделано уже в 60-е годы XIX столетия.

Между тем наместник Кавказа начал благоустраивать городскую рощу, как это он уже делал в Тифлисе, Владикавказе и других городах вверенной ему территории государства Российского. Архивный документ сообщает, что «из крымских имений князя Воронцова для Городского сада на военно-транспортном пароходе в Керчь, оттуда в Тамань и далее обозом в Ставрополь были доставлены: виноградная лоза – рислинг, мускат белый, франко-пино, красный бордо, траминер, опорт белый... Черенки яблонь, груш, сливы, вишни, черешни, абрикоса... Саженцы тополя черного, конского каштана, пирамидального или бельбекского тополя...»

Из знаменитого тифлисского питомника было привезено 500 привоев фруктовых деревьев, барбариса и пр. Одновременно из местного бюджета на устройство рощи было выделено 1000 рублей серебром. В помощь первому садовнику – статскому советнику Александру Полянскому – была придана рота солдат во главе с поручиком Григорьевым. Ими была благоустроена первая аллея с Александровской улицы, правда, тогда еще именуемой Грязной из-за многочисленных родников, бьющих как в самой роще, так и по улице.

В 1851 году старая роща получает имя Михаила Семеновича Воронцова. Этому предшествовало письмо командующего Кавказской линии генерал-лейтенанта Н.С. Завадовского к наместнику, где он, в частности, писал:

«В память Вашего пребывания в Ставрополе и устройства Вами Городского сада прошу разрешение на наименование его Воронцовским». Михаил Семенович на это дал свое согласие.

В крайархиве удалось обнаружить план Воронцовской рощи за 1857 год, где помимо пруда по-над Желобовым ручьем, был устроен еще один, где сегодня находится бывший фонтан «Лягушки», питаемый родниковой водой.

Отмечена и новая аллея от Воронцовской улицы, сегодня считающаяся главной. На плане указан и большой каменный дом купца Карапета Тумасова, именуемый «вокс-холлом» или «вокзалом», как в середине XIX столетия в Европе называли увеселительные заведения. Кстати, такой же центр был устроен и в России, у Царского Села, где проводились музыкальные и танцевальные вечера, банкеты, устраивались концерты и пр. Трудно сказать, каким был ставропольский «вокзал» Карапета Тумасова. Известно лишь, что был он деревянный и обошелся предпринимателю в круглую сумму – 4000 рублей серебром.

Шли годы. В 1870 году при садовнике Михаиле Иванове началась реконструкция Воронцовской рощи. По проекту архитектора Георгия Федоровича Прокопца через большой пруд перебрасывается уже каменный мост, доживший до наших дней. Неким Петром Сальцевым строится музыкальная раковина, где стали выступать как местные музыканты, певцы и прочие артисты, так и заезжие знаменитости.

Садовник Константин Ильич Стасенков строит теплицу и разбивает первые цветочные клумбы, придавшие старой роще новое звучание. При нем в роще появляется чайная Андрея Гудзинева, где стала собираться молодежь окраин города. Тогда же в нижней части рощи возникла аллея с лавочками для отдыха, презрительно именуемая посетителями «вокзала» Тумасова «босяцкой». Вслед за чайной открывается и первая пивная Мартына Месинева с бильярдным залом. Так уже тогда старая роща оказалась как бы поделенной между богатыми и бедными.

На смену Стасенкову пришел профессиональный садовник Бернард Иосифович Новак, отец которого был садовником у графа Альбрехта Вальдштейна из Вартенберга (Австро-Венгрия). Сначала Бернард Новак закладывал сады в имении князя Генриха Лабковица, затем стал садовником на вилле Швенингера в Баварских Альпах, и наконец, получил приглашение от императрицы Елизаветы на должность придворного садовника. Но волею случая

в 1894 году Новак попал в Петербург, где встретился со ставропольским епископом Евгением. В том же году он становится садовником при архиерейском доме в Ставрополе. А через два года – главным садовником губернского центра, в том числе и Воронцовской рощи.

Бернард Новак вместе со своими помощниками – Петром Буркотой, Федором Дубицким, Андреем Набириным и Георгием Соловьевым – буквально перекроили всю рощу, устроив новые аллеи, обрамленные знаменитым каштаном, причем высаживали в одну лунку по два-три деревца, отчего вырастали многоохватные близнецы-братья. Но самыми выдающимися стали клумбы Новака. То в виде причудливых восточных многоцветных ковров, то – гигантских цветочных ваз, то в виде дирижаблей, самолетов или паровоза, они поражали своим великолепием. О клумбах Новака писали не только местные, но и столичные газеты.

В нижней части рощи Новак устраивает Английский парк, разбивает маточный сад фруктовых деревьев, строит цветочную оранжерею, открывает цветочный магазин, где можно было приобрести цветы из Ниццы даже в лютые январские морозы. Благодарные горожане в день его 60-летия преподнесли Новаку «цепь золотую и 100 любимых сигар».

Между тем в роще строят легкие и красивые здания для Семейного собрания, летнего Коммерческого клуба и Дворянского собрания, где устраивались концерты, танцевальные вечера и решались многие торговые и прочие дела города и его сограждан. Строится еще одна музыкальная раковина, наименованная «Хрустальной», площадка для игр в кегли и «Циклодром» для велосипедистов. С северной стороны возводится трехэтажное здание летнего театра купца Мартына Пахалова, с большим зрительным залом, тремя ярусами лож, открытой галереей для прогулок в антрактах, с подпирающими ее чугунными фигурными опорами. Здесь же закладываются новые аллеи с садом «Буффъ».

Воронцовская роща с восточной стороны расширяется за счет присоединения к ней сада купца Деревщикова и садовника Стасенкова. Наконец с 1909 года аллеи рощи украсили изящные чугунные электрические столбы с разноцветными плафонами, с наступлением сумерек освеща-

ющими всю рощу. Здесь проходили праздничные гулянья, фейерверки, массовые игры...

В советское время роща, переименованная в рощу им. 1 Мая, затем – им. Горького, Ленинского комсомола, продолжала выполнять свою функцию. Но с годами она теряла то, что ее некогда украшало. Сгорели сказочные терема, был разрушен театр Пахалова и музыкальные раковины. Были уничтожены не менее сказочная цветочная оранжерея Новака и его неповторимые клумбы. Потихоньку умирали деревья, в том числе знаменитые дубы и каштаны. Наконец, роща стала парком «Центральным» – чисто казенное название, буквально перечеркнувшее саму историю Воронцовской рощи.

Ольгинская женская гимназия

За главным входом в сегодняшний парк «Центральный» стоит старое угловое двухэтажное здание, сложенное из серого камня-ракушечника, где до революции располагалась женская Ольгинская гимназия. Но еще раньше здесь находились неприметные бараки, в которых был устроен острог для мужчин. С постройкой в начале 40-х годов позапрошлого столетия нового здания тюрьмы на южном выгоне города, в старом стали содержаться подследственные и осужденные женщины, отчего тюрьму еще тридцать лет именовали «бабьим острогом».

31 декабря 1860 года в Ставрополе открылось женское училище для детей разных сословий в доме мещанина Соннова на Комиссариатской улице (сегодня – ул. Советская, платная поликлиника). Здание мало отвечало своему назначению, поэтому в городе начался сбор средств на устройство собственного здания.

В 1876 году училище перевели в разряд гимназии, хотя оно по-прежнему оставалось в доме Соннова, к тому времени приобретенном городом за 13 тыс. рублей серебром. Между тем архитектором Соколовским на месте «бабьего острога», купленного городом за 6500 руб. серебром, проектировалось построить для женской гимназии собственное здание. На его строительство Ольга Федоровна Романова пожертвовала 40 тыс. рублей серебром.

Когда в 1897 году здание было наконец окончательно выстроено, женская гимназия стала именоваться (в честь главной жертвовательницы) Ольгинской. Само здание занимало угол Воронцовской и Барятинской улиц, где, помимо классных комнат, учительской комнаты, гимназического большого зала, буфета и пр., имелась домовая церковь в честь Рождества Богородицы. Однако вскоре со стороны Воронцовского сада по проекту архитектора Прозоровского была сделана двухэтажная пристройка, отчего здание сверху напоминало большую букву П.

В Ольгинской женской гимназии работали многие талантливые педагоги, такие, как учитель биологии Николай Яковлевич Динник, отечествовед Иван Поликарпович Кувшинский и другие. Да и директорами гимназии были многие талантливые педагоги, например, Михаил Васильевич Краснов, автор многих книг по народному образованию.

Среди воспитанниц гимназии было много известных в дальнейшем женщин России. Здесь училась Ольга Форш, автор таких известных книг, как «Первенцы свободы», «Радищев», «Сумасшедший корабль», «Одеты камнем», «Михайловский замок».

Гимназию закончила Римма Михайловна Иванова, в годы Первой мировой войны ставшая сестрой милосердия и за героизм награжденная посмертно офицерским Георгием IV степени. Здесь учились дочери архитектора Григория Кускова, писателя Ильи Сургучева и др. Гимназию закончила и М. Вальяно, в годы Гражданской войны ставшая в ряды ЧК.

В советское время в здании одно время обосновалась воинская часть, затем музыкальное училище и, наконец, школа 2-й ступени. Здесь работали не менее известные педагоги, такие, как Евгений Ефимович Родионов, Серафима Сергеевна Белоусова, Вячеслав Игнатьевич Горецкий, Иван Иванович Челядинов и другие.

В годы временной оккупации в школе разместился солдатский бордель. При отступлении гитлеровцы взорвали центральную часть здания. Несмотря на это, в северном крыле сразу после освобождения разместилась 1-я женская школа, а в южном – мужская. После восстановления школа долгое время оставалась смешанной,

пока весь ее коллектив не перешел в новое здание по Зеленому переулку. Теперь в школе лицей для глухонемых детей.

Здесь останавливался Шамиль

За Ольгинской женской гимназией, от угла Барятинской улицы до угла Мавринской (сегодня – улицы Комсомольская и Ленина), тянулось усадебное место Воскресенских, некогда известных горожан, в лице архитектора Павла Григорьевича Воскресенского, его братьев и сестер. В 1927 году, когда отмечалось 150-летие Ставрополя, на фасаде двухэтажного углового дома Воскресенских была установлена мемориальная доска, сообщавшая, что в этом здании в декабре 1859 года по пути в Петербург останавливался имам Шамиль.

Действительно, 1 декабря того года на имя ставропольского губернатора К. Пащенко пришло секретное предписание о начале следования под конвоем Шамиля из крепости Темирхан-Шуры через Ставрополь и далее в Петербург. Уже 4 декабря Шамиль со всем своим большим семейством на многочисленных санных экипажах, в сопровождении усиленного казачьего отряда во главе с поручиком Гузей Разумовым прибыл в Ставрополь.

«Шамиль, – писал краевед Г.Н. Прозрителев, – квартировался на углу Воронцовской и Госпитальной». Здесь он был неточен. Дело в том, что сегодняшняя ул. Ленина от проспекта Октябрьской революции на восток именовалась Мавринской, а на запад – Госпитальной. Из имеющихся здесь построек лишь дом Воскресенских был большим двухэтажным строением, где могли разместиться не только Шамиль с семьей, но и казачья охрана.

На следующий день после пребывания в Ставрополе, где Шамиль совершил в экипаже экскурсию по городу, посетил штаб Кавказской армии, Воронцовскую рощу (там в его честь был дан ужин с фейерверком), имам проследовал далее на Новочеркасск.

В 80-х годах XIX столетия старый особняк Воскресенских перешел во владение к адвокату Андриевскому, который сдал нижний этаж дома туркам под хлебопекарню и

хлебный магазин, славившийся своими лавашами и сладкой выпечкой.

В советские годы домом владели разные военные и гражданские службы, потом верхний этаж заселили семьи советских работников, а в нижнем по-прежнему находился магазин – то продуктовый, то мануфактурный. Наконец, дом был сломан, а на его месте возведен четырехэтажный жилой дом, где нижний этаж заняла детская стоматологическая поликлиника.

Генеральская гостиница

Там, где сегодня расположено восточное крыло высотного дома – «дома со шпилем» – вплоть до конца 40-х годов прошлого века стоял большой двухэтажный каменный дом чиновника 8-го класса Позе. Дом был построен по проекту архитектора Григория Леонтьевича Ткаченко в 1853 году. С того времени здесь останавливались приезжающие или проезжающие через Ставрополь высшие чины русской армии, в том числе и генералы. Оттого и называли гостиничный дом «генеральским». В 1862 году Позе продал этот дом Квартирной комиссии «под помещение приезжающих в Ставрополь по делам службы штаб-офицеров и генералов».

Позже домом владели мещане, сначала некто Демьяновский, затем – Барабаш.

В советское время дом стал обычной коммуналкой, простояв до 1948 года. В тот год из Москвы прибыла группа архитекторов и инженеров, которые получили в Москве задание возвести в Ставрополе Дом трестов, приурочив строительство к юбилею Сталина, отмечавшемуся в следующем, 1949 году (70-летие).

К строительству дома был привлечен известный ставропольский архитектор Анатолий Георгиевич Лысяков. То должен был быть административно-жилой дом (по примеру высотных зданий в Москве, таких, как МГУ и другие).

Дом трестов возводили местные каменщики. Фасадные украшения (лепнину и прочее над главным входом и по карнизам дома) выполняла бригада А.Н. Голуба. В 1949 году дом был сдан в эксплуатацию.

В 1960 году на бывшем Доме трестов был установлен первый в городе ретранслятор, принимавший телевизионные передачи из Пятигорска (в тот год такие же ретрансляторы были установлены в Кисловодске, Черкесске, Невинномысске и пос. Затеречном). С этого времени Ставрополь стал принимать устойчивые телесигналы. И хочется надеяться, что на здании будет установлена мемориальная доска, сообщающая о рождении телевидения в г. Ставрополе.

Костел

От противоположного угла Мавринской улицы до Ольгинской тянулось старое польское кладбище. Здесь хоронили поляков, оказавшихся в плену в Отечественную войну 1812 года, когда Польша воевала на стороне Франции. Многие из них были сосланы на Кавказ, в том числе в Ставрополь. В Ставрополе проживали и поляки, принимавшие участие в восстаниях против России в 30-е и 60-е годы XIX столетия. Здесь, в Ставрополе, они образовали диаспору, или римско-католическое общество, с собранием и прочими атрибутами подобных объединений.

Обществом и был поднят вопрос об устройстве у старого польского кладбища костела. Средства на его возведение жертвовали поляки, находившиеся не только в Ставрополе, но и в Кавказской области. «Командир Кавказского линейного батальона подполковник Попандопуло, – сообщает обнаруженный архивный документ, – способствовал сбору пожертвований на строительство костела от своих нижних чинов римско-католического вероисповедания».

Строителем костела, что в переводе с латинского означает «крепость», был известный ставропольский купец 1-й гильдии, уже построивший в Ставрополе Тифлисские ворота и военный госпиталь, Гавриил Тамамшев. Как сообщает архивный документ за 1845 год, «производимая в г. Ставрополе постройка римско-католической церкви усердием и на средства небольшого числа католического общества, совершенно закончена».

Костел впечатлял, как вспоминали современники, своим внешним видом в стиле готики, с четырьмя величе-

ственными входными колоннами, поддерживающими портик, изяществом всей наружной отделки, чугунными узорами тамбуров и окон, изящной колокольней, устроенной на крыше. Внутреннее убранство, подчиненное той же готике, отличалось строгостью и в то же время изяществом. Солнечный свет, входящий через высокие и узкие окна с цветной мозаикой стекол, преломлялся цветной радугой, играющей на вызолоченном иконостасе, стенах и сводах костела.

В том же 1845 году в Ставрополь прибыл ксендз Викарино из Могилевской римско-католической епархии, к которой был причислен Ставропольский костел. Тогда же сюда, как сообщают недавно обнаруженные документы, прибыли монахи Доминиканского ордена и первый настоятель костела Ипполит Стоклинский. Они начали вести службы, крестить детей и отпевать ушедших в мир вечности.

В ограде костела хоронили наиболее достойных представителей римско-католического общества города. Здесь нашли свой последний приют известный ставропольский архитектор В.Э. Лобановский, купцы 1-й гильдии Л.В. Траубе и К.И. Новотни, ставропольский генерал-губернатор Я.М. Янушевский. Римско-католическое кладбище с многочисленными склепами, часовенками, распятиями, гранитными и лабрадоритовыми памятниками, мраморными бюстами почивших, с разбитой рощей и ухоженными тропинками, с огромным фруктовым садом к востоку от костела считалось не менее богатым, чем армянское по-над Члой или Успенское у Ярмарочной площади.

С установлением советской власти костел оставался действующим до начала 30-х годов. Потом потихоньку началось растаскивание надмогильных памятников (большинство ушло на фундаменты строящихся вблизи двух жилых домом НКВД и одного – для работников компартии). Само здание костела долго оставалось заколоченным, пока местные власти не решили перестроить здание костела в жилой дом для высших партийных чинов края во главе с товарищем Сусловым. При этом был сбит купол здания с колокольней, убраны последние памятники старого польского кладбища, но сохранены колонны здания, которые и сегодня украшают его.

ГЛАВА IV. ОТ СТАРОЙ КРЕПОСТИ К БЫВШЕМУ ВЕРХНЕМУ БАЗАРУ

Нестеровская улица

Сегодняшняя улица Советская, как и большинство улиц старого Ставрополя, за свою историю имела несколько названий. Первоначально это был отрезок некогда знаменитого Черкасского тракта, начинавшегося от западных бастионов Ставропольской крепости. Первыми строениями здесь, как сообщают старые планы города, были конюшни для подъемных лошадей, слесарная изба с кузницей и временный госпиталь. Кроме этого, здесь же располагался Татарский питейный дом, что-то вроде огромного трактира, где собирались ямщики, приехавшие в Ставрополь мелкие торговцы, отставные солдаты из Солдатской слободы и казаки из Ставропольской станицы.

С образованием в крепости Комиссариатской комиссии в южной части крепостных строений для нее было построено здание, где сегодня размещается детская музыкальная школа № 2. С того времени сегодняшние улицы Суворова и Советская стали именоваться Комиссариатской. В дальнейшем восточную часть улицы переименовали в Соборную, а западная стала называться сначала улицей Присутственных мест, затем – Нестеровской, в память известного мецената Александра Федоровича Нестерова, похороненного в цокольном помещении кафедрального собора Казанской Божией Матери.

С начала XX века это уже Александрийская улица. С начала советских 20-х годов в большинстве зданий бывших Присутственных мест, располагавшихся на этой улице, как и в старых купеческих особняках, стали жить семьи милиционеров и работников многочисленных советских учреждений. С того времени улицу переименовали в Советскую.

Александровская гимназия

В сентябре 1862 года в начале Комиссариатской улицы (сегодня – улица Советская, 1) известный ставропольский

купец и благотворитель Лавр Ермолович Павлов, которому принадлежала некогда известная в городе «Павлова дача», построил каменный, в два этажа с цокольными помещениями дом, пожертвовав его женскому училищу Св. Александры.

История этого женского учебного заведения, одного из первых на Кавказе, берет свое начало с 1849 года. В тот год императрица Александра Федоровна по ходатайству княгини Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой рескриптом от 6 июня 1849 года «изволила согласиться на учреждение в г. Ставрополе женского благотворительного общества Св. Александры».

12 октября того же года учрежденное благотворительное общество, куда вошли все местные великосветские дамы, открыло в губернском центре училище для благородных девиц с 6-летним сроком обучения. Под училище был снят дом в три этажа интендантского чиновника Серова на углу Большой Черкасской и Афросимовского переулка (сегодня – пр. К. Маркса и ул. К. Хетагурова), один из самых больших домов того времени.

Шли годы. Арендуемое строение уже не отвечало возросшему числу учениц. И вот в 60-е годы XIX столетия местный благотворитель и предприниматель Лавр Ермолович Павлов начал строительство в начале Комиссариатской улицы большого двухэтажного каменного дома с подвальными помещениями, который и подарил женскому училищу Св. Александры. Это было прекрасное большое и светлое здание с классными комнатами, кабинетами, учительской, шинельной, самоварной и пр. В цокольных помещениях разместились кухня, столовая, прачечная и прочие службы. Часть второго этажа заняли спальни. В вестибюле здания тогда же был установлен портрет Л. Е. Павлова в полный рост в золоченой раме, а рядом была установлена мраморная доска со словами благодарности в адрес дарителя...

В 1898 году по проекту архитектора Степана Осиповича Савицкого с двух сторон к зданию были сделаны такие же двухэтажные пристройки. Верхний этаж в угловой части заняла гимназическая церковь во имя Св. Елизаветы, правда, без надстройки купольной части. И вот тогда, как сообщает архивный документ: «Ктитор церкви при гим-

назии, потомственно почетный гражданин г. Ставрополя Федор Александрович Леонидов, в заботливости о благоустройстве и благолепии гимназического храма заявил попечительному совету, что он желает на свои личные средства устроить над серединой храма купол со стеклянным просветом, а также переделать иконостас и два заклиросных киота, переписать в них иконы и вообще произвести полный ремонт храма, дабы придать ему наилучший внутренний и внешний вид». Тогда же над домовой церковью Св. Елизаветы был установлен величественный вызолоченный крест (сегодня над этим местом, как издевательство над прошлым, красуется большевистская звезда).

На северной стороне усадебного места, где сохранился отрезок крепостной стены с бойницами, был возведен двухэтажный корпус под новое общежитие, с южной стороны в который вошла та самая стена. В образовавшемся внутреннем дворе разбили прекрасный фруктовый сад с главной аллеей, дорожками и беседками для отдыха.

Из стен Ставропольской женской гимназии, как с 1880 года стало именоваться бывшее девичье училище, вышло немало известных в дальнейшем женщин России. Но уже в 1918 году гимназия была закрыта, правда, временно продолжив свое существование после освобождения Ставрополя Добровольческой армией. Уже в марте 1920 года в бывшем девичьем училище расположилась красноармейская кавалерийская часть. Затем власти облюбовали здание под советскую партийную школу (совпартшкола), где готовили кадры политработников и комиссаров. Таким здание было до захвата города войсками вермахта, устроившими здесь один из своих многочисленных штабов. Этому зданию суждено было стать первым в городе, сожженным отступающими гитлеровцами. Потом его восстановили, надстроив еще один этаж и приспособив под жилой дом. Таким он остается на сегодняшней ул. Советской, 1.

«Афанасьевское братство»

Сразу за зданием бывшей Александровской женской гимназии сегодня начинается улица К. Цеткин, в прошлом – Приютский переулок. С Советской улицы на изгибе ули-

цы К. Цеткин хорошо просматривается одноэтажный дом с мезонином, некогда принадлежавший настоятелю Казанского кафедрального собора в Ставрополе Дмитрию Петровичу Афанасьеву. Выпускник Казанской духовной академии, он в выстроенном доме постоянно собирал не только единоверцев, но и близких по духу сограждан, отчего в народе сам дом называли «Афанасьевским братством». Здесь, кстати, Дмитрием Петровичем были написаны знаменитые труды: «Жизнь и труды святого пророка Иеремии», «Жизнь и труды святого пророка Исайи», высоко оцененные Св. Синодом.

После смерти Афанасьева здесь стал жить зять Дмитрия Петровича – Иоанникий Васильевич Петров, также выпускник Казанской духовной семинарии.

Иоанникий Васильевич со своей супругой Еленой Дмитриевной вновь разожгли огонь в погасшем камине дома. И вновь здесь собирался весь духовный и интеллектуальный цвет города, в том числе краевед Г. Прозрителев, зоолог Н. Динник, композитор В. Беневский. Кстати, именно здесь впервые прозвучали произведения композитора Беневского: «С нами Бог и Царь державный», «Ангел», «Ветка Палестины», «Кантата к 300-летию Дома Романовых». Здесь читал свои произведения Илья Сургучев, выступал с политическими памфлетами член ЦК партии эсеров Капильгородский.

Иоанникий Васильевич Петров первоначально читал курс законоучения в местных гимназиях, а в период начавшейся смуты 1918 года стал настоятелем Варваринской церкви. Благодаря ему в 20-е годы «обновленцы» не смогли захватить в свои руки не только эту церковь, но и большинство других. Он попытался возродить ставропольскую духовную семинарию, но вместо этого попал в таежную глухомань Сибири, а затем – Предпамирья, где и оборвалась его жизнь.

Присутственные места

Сразу за улицей К. Цеткин в начале 40-х годов XIX столетия были возведены строения под Присутственные места. Первым владельцем этого большого усадебного места был полковник Масловский, выполнявший обязан-

ности областного начальника в 20-е годы. В начале 30-х годов этот, тогда незастроенный пустырь он продал купцу 1-й гильдии Игнату Волобуеву под планируемое здесь строительство здания Присутственных мест – областных и городских служебных зданий.

«В Ставрополе, – сообщает архивный документ, – предложено построить здания для помещения областных и окружных Присутственных мест по высочайше утвержденному плану, препровожденному от Министерства внутренних дел в 1829 году».

Но прошли годы, прежде чем Главное управление путей сообщения и публичных зданий, возглавляемое графом Толем, направило на утверждение императору Николаю I смету постройки зданий. Она была возвращена уже новому начальнику Главного управления – генерал-адъютанту графу Строганову, который сообщил, что средств нет, а потому к строительству следует подключить местное купечество.

Архитектор Неклюдов составил новый план и проект зданий по Комиссариатской улице стоимостью в 808974 рубля серебром. По тем временам это была астрономическая сумма. Новый проект зданий и смету на 256080 руб. 90 копеек серебром готовит архитектор Александр Иванович Бернштейн. Одновременно архитектор Иван Гайворонский «привязывает» проект к местности.

Торги на строительство трех зданий Присутственных мест выигрывает Игнат Волобуев, на земле которого они и стали возводиться. Первый дом изящной архитектуры с проходом для тротуара – под областное казначейство – сразу украсил этот район города. Два следующих – двух- и трехэтажный дома – из-за нехватки средств уже не отличались внешней броскостью. Правда, их объединяла каменная стена с двумя арочными каменными воротами. Окончательно здания были отстроены к 1843 году. В 1850 году к ним добавились еще два каменных двухэтажных строения, возведенные уже по проекту архитектора Красевича.

Во вновь устроенных зданиях разместились: канцелярия обер-прокурора и типография, Кавказская казенная палата с типографией, Присутствие Кавказской палаты уголовного и гражданского суда, Присутствие Кавказского

приказа общественного призрения и сиротского суда, Приказ казенной врачебной управы и Уездный земский суд.

Возведенные здания Присутственных мест дали и новое наименование бывшей Комиссариатской улице – улица Присутственных мест. Правда, в дальнейшем она была переименована в Нестеровскую, а затем в Александрийскую. Между тем со смертью Игната Волобуева все строения Присутственных мест перешли к его сыновьям: Ивану, Александру и Василию. Последние из-за финансовых затруднений вскоре продали все строения Присутственных мест купеческому роду Ивановых.

Новые владельцы «начали заделывать камнем сквозные проходы, арки входов, боковые просветы дверей из-за проникающего в здания холода». По существу, после всех переделок Присутственные места в значительной мере потеряли свой первоначальный наружный облик, который все же дошел до нас благодаря литографии, опубликованной в «Кавказском календаре» за 1855 год.

В 1906 году в третьем, трехэтажном здании губернского Присутствия был размещен музей Северного Кавказа, создателем которого стал Григорий Николаевич Прозрителев. Здесь разместилась уникальная коллекция по археологии, этнографии и истории Ставропольской губернии, которая в дальнейшем слилась с экспонатами музея Г.К. Праве.

В годы Гражданской войны первое здание Присутственных мест, где находилось казначейство, сначала было разграблено, а затем сожжено. Восстановленное уже в конце 20-х годов, стало местом пребывания горисполкома. В период временной оккупации Ставрополя здесь находилась городская управа, возглавляемая Кривохацким, а затем Меркуловым. Здесь же находилось и полицейское управление. При отступлении из города немецкие подрывники заложили взрывчатку внутрь здания, но патриоты города, возглавляемые Владимиром Косиновым, вскоре убитым гитлеровцами, сумели обезвредить заряд, и здание осталось целым. В нем после изгнания гитлеровцев обосновались крайком и горком партии.

Прочие строения, где жили люди, остались целыми. В настоящее время все эти строения несколько утратили свой первоначальный вид, но по-прежнему составляют ансамбль зданий бывших Присутственных мест.

Усадьба Реброва

Предпоследним строением этой северной стороны улицы был дом, принадлежавший известному предпринимателю и общественному деятелю Алексею Реброву. Само усадебное место Ребров получил чуть ли не из рук императора Николая I. Произошло это в 1837 году, когда он посетил Ставрополь. К этой дате здесь была устроена первая на Кавказе выставка ремесленных и мануфактурных изделий. За представленное на выставку шипучее вино из имения Реброва «Ребровское полушампанское», образец кавказского золотого руна и ребровский шелк-сырец Алексей Федорович Ребров был пожалован орденом Св. Станислава со звездой и в вечное пользование – усадебным местом в Ставрополе. «По указу Его Императорского Величества, – говорилось в выданном ему документе, – Кавказскому областному предводителю дворянства А.Ф. Реброву отводится в вечное и потомственное владение место между бывшим военным госпиталем и Комиссариатской комиссией».

В то время еще не было возведенных позже зданий Присутственных мест, но в самом конце улицы находился первый военный госпиталь, состоящий из небольших одноэтажных строений, с юго-восточной стороны защищенных рвом и частоколом.

А. Ф. Ребров родился в дворянской семье в Астрахани. Оказавшись в Георгиевске, он получает место одного из секретарей канцелярии командующего Кавказской линии генерала и будущего героя Отечественной войны 1812 года Ираклия Моркова. Женившись в 1817 году на дочери известного кавказского генерала Савельева, получил в приданое за женой богатое имение на реке Куме – Владимировку. Там он и начал заниматься сельским хозяйством, в том числе разведением «ребровских мериносов», производством шелка-сырца, винами.

В 1838 году Алексей Федорович пишет письмо в ставропольские Присутственные места: «Желая построить в городе Ставрополе приличной наружности по фасаду дом и развести при оном тутовый сад согласно утвержденному городом плану, избрал я удобное для того усадебное место – против угла бывшего сада чиновника Рослякова, а ныне

купца Игнатия Волобуева, в смежности с временным военным госпиталем».

В 1843 году по проекту и под наблюдением архитектора Бернштейна и был построен каменный дом в два этажа буквально у самого обрыва к Ташлянской долине, откуда он чем-то напоминал старинный замок. С южной стороны дом в какой-то мере повторял дом Реброва в Кисловодске, описанный М.Ю. Лермонтовым в «Княжне Мэри», – те же фасадные украшения, четыре колонны, к сожалению, не сохранившиеся. За обрывом находился тутовый сад Реброва с деревьями, доставленными им из провинции Тараскона, с юга Франции. Сад занял площадь в 1509 кв. саженей. Небезынтересно, что часть шелка-сырца со ставропольской плантации демонстрировалась в 1851 году на Всемирной мануфактурной выставке в Лондоне, и «ребровский шелк» был удостоен Большой Золотой медали.

После смерти Алексея Федоровича его дом перешел во владение губерского дворянского собрания, которое, кстати, посещали все ставропольские генерал-губернаторы, начиная с Николая Егоровича Никифораки.

В 1918 году здесь, как и в соседнем доме генерала Кусакова, обосновалась ЧК, о зловещей деятельности которой нужен отдельный разговор.

Усадьба генерала Кусакова

На стыке сегодняшних улиц Советской и Булкина с конца XVIII века располагался временный военный госпиталь, упраздненный в начале 40-х годов XIX столетия. Именно здесь по ходатайству генерал-губернатора Павла Христофоровича Граббе и с согласия императора Николая I, получил усадебное место в то время дежурный штаба войск Кавказской линии и Черномории майор Лев Иванович Кусаков.

Л.И. Кусаков родился в 1803 году в дворянской семье в Курской губернии. Образование получил домашнее. В 1818 году избрал военную карьеру. В 1833 году он впервые прибыл в Ставрополь, где снимал комнату в доме купца Игната Волобуева на Комиссариатской улице. Участвовал в двух крупных экспедициях против горцев, за проявлен-

ное мужество получил награды и должность дежурного штабного офицера. Тогда же он обратился с прошением к Граббе о предоставлении ему усадебного места в районе упраздненного временного госпиталя.

В 1843 году Кусаков заканчивает строительство своего дома «рядом с возводимым домом Реброва», как говорилось в архивном документе.

В 1857 году Лев Иванович Кусаков стал начальником штаба Черноморского казачьего войска, а с 1860 года он уже его атаман. Однако в мае следующего, 1861 года из-за ухудшения здоровья уходит в отставку и возвращается в Ставрополь.

«Был он громадного роста, – писали современники, – тучный. Огромный живот и большая голова делали его похожим на медведя. Всю жизнь оставался холостым. До беспредела любил свою мать, жившую все время в Ставрополе, – Надежду Ивановну». Кстати, она была известной благотворительницей, к примеру, пожертвовала более 20000 рублей на строительство Софиевского, самого большого в Ставрополе храма. В память об этом благодарные горожане со смертью Надежды Ивановны сделали ей усыпальницу в ограде кафедрального Казанского собора. Там же, рядом с матерью нашел свое упокоение и генерал-майор, бывший атаман Черноморского казачьего войска Лев Иванович Кусаков. Над их могилами вплоть до советских 20-х годов стояли два больших, прекрасно выполненных чугунных памятника.

В 1872 году дом генерал-майора Кусакова перешел городу и был продан за 20000 рублей серебром, как и соседний дом Реброва, Дворянскому депутатскому собранию, которое размещалось здесь до начала советских лет.

Советский период истории этого усадебного места начинался с обосновавшейся здесь «чрезвычайки», когда в стенах двухэтажного особняка Кусакова допрашивали «зеленых» и прочий нежелательный для большевиков элемент, а в одноэтажном каменном длинном сарае расстреливали (многочисленные останки замученных были обнаружены в 60-е годы прошлого века при реконструкции дома Кусакова).

В 30-е годы в усадьбе Реброва-Кусакова была открыта противочумная станция, где работали многие известные

вирусологи. Так, здесь Магдалина Петровна Покровская впервые в мире создала противочумную вакцину, испытав её на себе. Ей в те годы были посвящены книги и кинофильмы, теперь, к сожалению, забытые. Когда немецкие войска входили в Ворошиловск (Ставрополь), среди них были и вирусологи, пытавшиеся захватить документы станции. Но буквально у них из-под носа Магдалина Петровна на старенькой полуторке сумела выбраться из города и продолжить свою работу за Уралом.

Верхний базар

Первый городской базар, который «вредил чистоте города», располагался у южного склона Крепостной горы. В связи с этим в начале 50-х годов XIX столетия базар был перенесен в район старого «Татарского базара» на пустырь, именуемый Воробьевской площадью (13 ноября 1851 года ставропольское купечество приняло решение здесь, в районе бывшего кинотеатра «Экран», построить «четыре корпуса лавок каменных, одноэтажных. Кроме того, четыре лавки в два этажа за городской общественный счет»).

Строения образовали правильный четырехугольник, дав направление двум улицам – Базарной и Торговой (сегодня – маршала Жукова и Булкина).

Внутри квадрата базар застраивался хаотично. Об этом говорит документ за 1865 год:

«Существующие на Александровской площади внутри гостиного двора лавки – частью тесовые, а частью лубочные – представляют сплошные ряды, небезопасные для пожара».

Вскоре все лавки снесли, и по проекту архитектора П. Воскресенского возвели 56 деревянных лавок общей стоимостью в 5037 рублей 92 копейки серебром.

Верхний базар, как он стал именоваться, просуществовал до 60-х годов XX столетия, когда был полностью снесен, и на этом месте началось строительство кинотеатра «Экран».

Сегодня территория бывшего Верхнего базара вновь перекраивается, здесь поднялся памятник града Креста – Ангел-хранитель.

Гостиница «Москва»

Сразу за бывшим базаром, на углу сегодняшних улиц маршала Жукова и Советской, возведен современный торгово-жилой дом. До 60-х годов XX столетия здесь был колхозный заезжий двор, который возник в усадьбе братьев Меснянкиных, экспроприированной в советские годы.

Далее по ул. Советской расположился Дом физической культуры, а за ним – двухэтажный с улицы и трехэтажный со двора каменный дом – когда-то престижная гостиница «Москва».

Первым владельцем этого усадебного места, некогда находившегося на северной стороне большого водоема, образованного за счет устроенной плотины, перегородившей речку Желобовку, был штабс-капитан Росляков, родоначальник известного в дальнейшем рода интеллигенции Ставрополя. В начале 30-х годов XIX столетия Росляков умирает, а его усадебное место переходит во владение Игната Волобуева.

«На приобретенном мною месте, – пишет Волобуев в Присутственные места, – ранее принадлежавшем штабс-капитану Николаю Рослякову, построил я в 1836 году напротив Присутственных мест двухэтажный дом с погребами. Дом каменный, с фасадной стороны в два этажа, а с надворной стороны – трехэтажный, с галереями, под домом – сводчатый подвал. В усадьбе – каменный флигель с погребами и двумя лавками. Еще дом с галереей. Место огорожено забором. Дом оценен в 26000 рублей серебром, прочие постройки в 3500 рублей. А всего в 29500 рублей...»

Из этого же архивного документа выяснилось, что дом строил архитектурный помощник Славянский. Известно, что Петр Славянский, в дальнейшем губернский архитектор, построил в Ставрополе не один дом, в том числе сказочный терем под городскую Думу на юго-западном склоне Крепостной горы.

В 1864 году дом наследников Игната Волобуева был сдан ими в аренду предпринимателю Сергею Новикову, который сделал полную перепланировку здания под гостиницу «Москва». Предназначалась она не для торгового люда, оккупировавшего район Верхнего базара, а для многочис-

ленных просителей Присутственных мест, где главными были канцелярия губернатора, контрольная палата, казначейство. То есть для людей состоятельных.

Между тем род Волобуевых после смерти Игната Юдовича начал хиреть, а принадлежавшая им собственность стала переходить в другие руки. Гостиница «Москва» оказалась у представителя новой волны предпринимателей – Степана Александровича Саломатина. Он перестраивает старый дом, одновременно закупив самое современное гостиничное оборудование.

В 20-е советские годы хозяевами гостиничного комплекса стали семьи милиционеров города. Он становится достаточно престижной коммуналкой. Но сегодня здание бывшей гостиницы «Москва» уже не вписывается в окружившие ее новые строения.

Новое девичье училище

За зданием бывшей гостиницы «Москва» еще вчера находились два небольших одноэтажных дома, некогда принадлежавших Генриетте Гринфельд, по преданию – опальной курляндской графине, сосланной на Кавказ за вольнодумство. Затем усадебное место перешло не менее загадочному греку Эксархопуло, ведшему замкнутый образ жизни. К сожедению, оба этих строения пошли под снос.

Далее следуют еще два двухэтажных особняка, где сегодня размещается платная поликлиника. Принадлежали они Михаилу Петровичу Гахаеву, грузину, некогда известному виноторговцу, устроившему в своей усадьбе что-то вроде грузинского подворья с многочисленными мангалами для шашлыков и бочками цинандали... Затем усадьба перешла в руки соплеменника хозяина, некоего Микеладзе, продолжившего дело своего предшественника.

В середине XIX столетия новым хозяином усадьбы становится известный строительный подрядчик Николай Соннов. Он подновляет приобретенные строения, разбивает сад, который тянулся почти до Желобовского ручья. В 1860 году Соннов продает всю усадьбу за 13000 рублей серебром под новое девичье училище, в дальнейшем – Ольгинскую женскую гимназию. До того это было обыкновен-

ное второразрядное училище с небольшим числом воспитанниц – дочерей местной интеллигенции. Вместе с тем уже тогда здесь начали формироваться первые традиции этого женского учреждения – празднование первого и последнего звонка, встреча Нового года с родителями в Воронцовской роще с катанием на санках и пр.

В 1876 году училище преобразовали в гимназию и перевели в новое помещение по Воронцовской улице (в дальнейшем гимназия стала именоваться Ольгинской). В освободившемся здании расположились службы губернского казначейства, главный корпус которого находился на противоположной стороне улицы. Но уже в конце XIX века усадьба переходит в частные руки. Первоначально здесь обосновался владелец двух типографий в городе – Тимофей Иванович Тимофеев. Затем дом приобрел предприниматель Микеладзе, открывший в нем книжный и писчебумажный магазины.

Сегодня здесь находится платная поликлиника...

Бывшая Торговая

В конце сегодняшней улицы Советской на юг к площади Ленина отходит небольшая улочка, в прошлом Торговая, сегодня – Ивана Булкина. Рождение ее относится к возникновению здесь Верхнего базара в 1851 году. Именно в тот год здесь, на большом пустыре, было устроено четыре корпуса лавок каменных, одноэтажных. Кроме того, четыре лавки в два этажа.

Противоположная сторона Торговой улицы застраивалась заезжими домами и прочими строениями, где выделялся двухэтажный дом Якова Крутицкого (в начале здесь же начинавшегося Еврейского переулка, сегодня – Интернационального), которого еще именовали «угольным королем».

Особняк «угольного короля»

В 1829 году итальянским архитектором Иосифом Бернардацци по поручению начальника Кавказской области Емануеля, изучавшего верховья Кубани, были обнаруже-

ны выходы каменного угля. «На дороге к Хумаринской крепости, – писал архитектор, – при подошве означенной горы, обнаружил я слой превосходного каменного угля».

Вскоре «хумаринский» уголь появился на ставропольской ярмарке. С 1846 года по указанию наместника Кавказа князя Воронцова началось изучение выходов угля под наблюдением горного инженера Рейнеке. Изыскания показали наличие значительных запасов угля. Разработкой их занялся мало кому известный предприниматель из Пятигорска Яков Николаевич Крутицкий.

За 12 лет аренды он стал одним из самых богатых людей, к тому же получив богатое приданое за дочерью ставропольского купца Анпеткова Варварой Александровной. Тогда же Крутицкий перебрался в Ставрополь, где его друг Лавр Ермолович Павлов безвозмездно отдал ему свое усадебное место с небольшим строением в начале Торговой улицы, сегодня – ул. И. Булкина. Здесь Крутицкий решил построить новый дом.

«На принадлежащем мне месте, – писал Яков Николаевич Крутицкий в управу, – состоящем во второй части на базарной Александровской площади, желаю я построить каменный двухэтажный дом со службами под железной крышей, под наблюдением за правильным производством в искусном отношении работ капитана Шефюра».

Однако строительство усадьбы дома сузил начинавшийся здесь Еврейский переулок. «Осматриваемое усадебное место, – говорилось в акте обследования, подписанном архитектором Воскресенским, – принадлежит потомственному почетному гражданину города Ставрополя Якову Николаевичу Крутицкому, против Нового Гостиного ряда и по переулку, ведущему в Подгорное предместье. Сам переулок гористый и по местоположению имеет недостаточную двухсаженную ширину для свободного разъезда двух встречных повозок, а потому недостающую одну сажень до поворота в Подгорное поселение отрезать от места Крутицкого...»

В 1866 году дом был построен, став украшением Торговой улицы. С западной стороны по уровню второго этажа была устроена веранда, поддерживаемая массивными каменными колоннами. Отсюда открывался прекрасный вид на долину Ташлы с Архиерейским лесом (сегодня – Таманским).

К этому времени Крутицкий взял подряд на доставку в губернию соли из соляных озер Приманычья. Его компаньоном стал Лавр Ермолович Павлов, в дальнейшем известный благотворитель, владелец знаменитой «Павловой дачи». Он же стал владельцем дома Крутицкого, который вернулся в Пятигорск. Павлов несколько перестроил дом и продал его известному ювелиру Могильницкому, который прожил в нем до 1920 года. Затем в экспроприированном доме обосновались семьи чекистов...

Сегодня дом этот сломан, а на его месте московские «новые русские» строят свой терем.

Гостиница «Коммерческая»

От дома Крутицкого на юг шли неприметные одноэтажные строения неких Кузнецова и Якубовского. Далее располагались усадебные строения, принадлежавшие Ивану Андреевичу Иванову и Александру Федоровичу Нестерову – известному предпринимателю, благотворителю и почетному гражданину Ставрополя. Был он и почетным мировым судьей, директором попечительского совета о тюрьмах, ктитором Михаило-Архангельской церкви мужской гимназии и ктитором Покровской церкви епархиального женского училища, гласным городской Думы. Жертвовал средства в пользу бедных. За свой труд был отмечен золотой медалью «За усердие» на Станиславской ленте, орденами Св. Станислава и Св. Владимира. А после его смерти в 1911 году улица Александрийская (ул. Советская) стала именоваться Нестеровской.

Второй этаж своего дома Александр Нестеров одно время сдавал под Музей наглядных пособий Г. К. Праве, затем под частную прогимназию.

Иван Андреевич Иванов, владелец второго усадебного места, в своем доме открыл торговую лавку, строит двухэтажную торговую лавку.

Уже сын Иванова, отставной полковник Александр Иванович, став хозяином той лавки, вернее, магазина, женится на дочери своего соседа – Марии Александровне Нестеровой, а после смерти ее отца становится хозяином и этого дома. С 1912 года второй этаж дома он отдает под

часть классов 2-й мужской гимназии, обосновавшейся в угловом доме купцов Меснянкиных (сейчас это место занято СШ № 5).

Тогда же Иван Андреевич Иванов перестраивает свой первый дом под гостиницу «Коммерческую», арендатором которой стал Григорий Павлович Трояков, владелец «Гранд Отеля».

К началу Первой мировой войны гостиница «Коммерческая», как и бывший дом Александра Нестерова, перешла во владение крупного чиновника Ставропольской контрольной палаты, затем губернского Попечительства о бедных Карла Андреевича Соколова. Карл Андреевич в 1913 году полностью перестраивает фасады двух домов, отчего они превращаются как бы в единое строение. Перестраиваются и интерьеры под ту же гостиницу «Коммерческую». Сам Соколов за беспорочную службу был удостоен ордена Белого Орла, стал гласным городской Думы. И, наконец, возглавил продовольственную комиссию по снабжению горожан продовольствием (расстрелян красными как «мироед» в 1921 году).

В 20-е годы в экспроприированном здании были устроены коммуналки, каким оно частично остается и сегодня. Правда, в нижнем этаже разместились небольшие магазинчики.

ГЛАВА V. ПРОГУЛКА ПО БЫВШЕЙ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ

Третья улица

Сегодняшняя улица Дзержинского с момента своего рождения имела разные наименования. От бывшей Ярмарочной площади до сегодняшнего пр. Октябрьской революции первоначально именовалась Третьей Мещанской, или просто Третьей. В связи с обилием родниковой воды, пробивавшейся здесь, неофициально получила наименование Грязной.

В 1851 году с одобрения наместника Кавказа Михаила Семеновича Воронцова Ставропольский генерал-губернатор Николай Степанович Завадовский подписал указ, где говорилось:

«Дабы сохранить на вечные времена в сердцах жителей Ставрополя благоговейшую память о посещении его в прошлом, 1850 году, Государем Наследником Цесаревичем, господин Наместник Кавказа по представлению моему от 28 июня 1851 года за № 2322 разрешить изволил Третью улицу, где находится занимаемый мною казенный дом, в котором изволил остановиться Государь Наследник, наименовать Александровскою, а большой площади, на которой Его Императорскому Высочеству были представлены некоторые части войск, дать наименование Александровской...» (сегодня – пл. Ленина).

Второй отрезок улицы – от Верхней аптеки до сегодняшней площади Ленина – первоначально именовали Генеральской, в память ставропольских генерал-губернаторов, живших на том отрезке улицы в Доме командующего. Затем она стала именоваться Вельяминовской – в честь губернатора Алексея Александровича Вельяминова, много сделавшего для города.

Третий и последний отрезок улицы – от храма Св. Андрея Первозванного – первоначально назвали в память первого поселенца этого района Андрея Воробьева – Воробьевской. К 100-летию со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова городская Дума приняла решение переименовать Первую Воробьевскую (Второй была сегодняшняя ул. Морозова) в Лермонтовскую, опять-таки в память про-

живания здесь в 1840-41 годах великого русского поэта.

В 20-е советские годы первый отрезок улицы сначала переименовали в им. Парижской коммуны, затем – 8 Марта, наконец, им. Розы Люксембург. Второй отрезок стал именоваться Первомайской улицей. Третий оставался Лермонтовским до 1937 года, когда наименования всех трех отрезков улицы были заменены именем одного человека, ведомства которого здесь же и находились, – Дзержинского.

Пивной король

Третья улица Ставрополя чуть ли не с момента своего возникновения начиналась от усадебного места купцов Месиновых у Ярмарочной площади (сегодня – пл. Ермолова).

Мартын Максимович Месинов, вошедший в историю города Ставрополя как один из представителей рода русских пивоваров, в 1879 году писал в городскую управу: «На принадлежащем мне месте, состоящем во второй части Ставрополя, желаю я построить каменный двухэтажный дом под наблюдением архитектора Прокопца».

Вблизи дома, сохранившегося до наших дней по ул. Дзержинского, 4, он строит медопивоваренный завод, благодаря чему образовался переулок, ведущий к речке Желобовке, получивший наименование Месинского, в дальнейшем именуемый Транспортным.

Сам род Месиновых появился в Ставрополе в начале XIX века, когда здесь обосновался обрусевший немец Максим Месинов. У него было три сына: старший, Иван, 1823 года рождения, затем Мартын и Густин. Все трое стали пивоварами, кем, по-видимому, был и их отец. Иван Месинов открыл свой пивоваренный заводик на Госпитальной улице, где ему помогал брат Густин. Мартын открыл свой заводик у Ярмарочной площади.

Помимо пива, завод Месинова производил различные фруктовые напитки и знаменитый русский медовый сбитень. Сыновья Мартына – Николай, Петр и Василий – помогали отцу сбывать продукцию завода в селах губернии. Сам Мартын Максимович, к тому времени купец 2-й гиль-

дии, был удостоен серебряной медали «За полезное» и ордена Св. Анны 3-й степени.

В Госархиве удалось найти любопытный документ, связанный с усадьбой Месинова. Так, некто Николай Яковлевич Кирагор пытался найти здесь клад, зарытый еще казаками. По этому поводу он 8 августа 1877 года писал в городскую Думу: «Узнав недавно по рассказам старожилов из донских казаков, имевших жить в Ставрополе 60 лет тому назад, в земле на Александровской улице, между домами московского мещанина Аникеева и купца Мартына Месинова, зарыто золото и серебро. Прошу разрешения поиска клада за свой счет».

В деле говорилось, что такое разрешение он получил. Но вот нашел ли он что, – неизвестно.

Со смертью Мартына Месинова его пивоваренный заводик перешел во владение главы купеческого рода Алафузовых – Василия Ивановича, который модернизировал производство. Кстати, в Ставропольском краеведческом музее хранятся бутылочные этикетки нескольких сортов уже «алафузовского» пива.

С начала XX века новым хозяином завода Месинова становится немец Эдуард Рейх. Завод его просуществовал до 1914 года, до начала Первой мировой войны, когда был национализирован. Тогда же завод был переоборудован для производства спирта для нужд фронта.

В советское время завод стал выпускать водку и дешевое вино. Здесь же был открыт колбасный цех крайпотребсоюза. Но время брало свое – здание все больше ветшало, как и оборудование завода. В конце 70-х годов прошлого столетия его закрыли, одновременно переоборудовав под мастерские, в том числе по ремонту холодильного оборудования – «Арктику».

Особняк в стиле модерн

Выше дома Месинова, как с левой, так и с правой стороны, до сегодняшнего дня дожило немало старых особнячков, как убогих, так и завидно добротных. В них жили разные люди, в разное время. Все они достойны памяти, но она-то как раз и не сохранилась. Поэтому остается про-

должить наш сказ о самых броских строениях, хозяева которых оставили о себе память. Среди них были братья Озеровы, дом которых в «модерновском стиле» дожил до наших дней.

Здание это в два этажа, с фасадом, отделанным голубой голландской плиткой, модерновым узором входных дверей и окон, растительным орнаментом стен, с декоративными вазами по карнизу здания, не может не привлекать взора.

К сожалению, точной даты строительства этого уникального сооружения пока найти не удалось. Предположительно дом был построен в самом начале XX столетия братьями Озеровыми на усадебном месте, до этого принадлежавшем братьям Скомороховым – старожилам города.

Стефан и Арефий Константиновичи Озеровы являлись чиновниками губернского правления при генерал-губернаторе Брониславе Мстиславовиче Янушевиче. Круг обязанностей их был широк – от финансово-хозяйственной деятельности до доставки в Ставрополь из Москвы бюста Александра II, который и был установлен напротив Дома губернатора в 1911 году.

В 1913 году Стефан Константинович Озеров внезапно умирает в возрасте 47 лет, найдя последний приют на Успенском кладбище, где и сегодня стоит чудом сохранившийся памятник из черного лабрадорита.

Арефий Константинович в том же году становится председателем ставропольского уездного земского управления, всецело посвятив себя вопросам здравоохранения, народного образования и пр. Здесь, в Ставрополе, в его прекрасном доме с большими и светлыми комнатами, обставленными прекрасной мебелью, с великолепным садом, где был устроен небольшой пруд с водой из Желобовского ручья, собирались служащие ставропольского земства, городской Думы и управы, губернского правления; в непринужденной обстановке решались многие проблемы жизни Ставрополя и всей губернии.

В советское время в экспроприированном доме Озерова первоначально обосновался госпиталь, затем – советские учреждения здравоохранения и, наконец, 1-я горбольница.

«Обувной король»

Буквально напротив дома Озерова стоит неприметный дом в два этажа, некогда принадлежавший местному «обувному королю» Якову Семеновичу Зайдману.

В 1887 году Зайдман по ул. Михайловской (сегодня – ул. Орджоникидзе) построил дом в два этажа стоимостью 12 тыс. рублей серебром, где и открыл обувную фабрику. Разбогатев, уже со стороны улицы Александровской в 1913 году строит еще один двухэтажный дом, объединив его с первым, и открывает еще один цех. Продукцией его фабрики стала самая разнообразная мужская и женская обувь – прюнелевая и хромовая, опойковая и юфтевая, шевровая и платовая, гамбурская и шагреневая, – соперничавшая с лучшими европейскими производителями.

В рекламном проспекте фабрики обуви Зайдмана говорилось: «Постоянно огромный выбор готовой мужской, дамской и детской обуви всех номеров и новейших фасонов. Вся покупаемая в моем магазине обувь изготавливается из лучшего, тщательно лично мною выбранного материала моими собственными мастерами под личным моим наблюдением».

Яков Семенович под магазины обуви арендовал помещения в лучших домах по Николаевскому проспекту. В 1910 году он обратился с письмом в городскую Думу с просьбой разрешить ему построить собственный Дом обуви вблизи той же Думы. К письму был приложен план дома с фасадом, украшенным буквами «Я.С. Зайдман» и барельефом огромного сапога. Однако Дума отказала предпринимателю в выбранном месте, предложив подыскать другое. С начала Первой мировой войны фабрика Зайдмана полностью переключилась на изготовление офицерских сапог и солдатских ботинок.

В советское время национализированная фабрика продолжала выпускать как военную, так и гражданскую обувь. С возникновением новой фабрики обуви в доме братьев Тарасовых на бывшем Николаевском проспекте (в дальнейшем – фабрика «Кавказ») фабрика обуви Зайдмана стала одним из ее цехов, просуществовав до начала 90-х годов прошлого столетия.

Музыкальный салон

Дом купцов братьев Леонидовых на бывшей Александровской улице, ставший жемчужиной в градостроительном ожерелье Ставрополя, являлся и его музыкальным центром, не потерявшим своего первоначального назначения и сегодня – здесь находится детская музыкальная школа № 1.

Основателем рода купцов и почетных граждан был калужский крестьянин Федор Леонидов, заимевший торговую лавку в старом Гостином ряду. Его сыновья Вячеслав и Николай умножили отцовский капитал, возведя на Николаевском проспекте огромный каменный дом с модногалантерейным магазином на нижнем этаже и кредитно-банковской конторой на втором (теперь – дом на К. Маркса, 76, БММТ «Спутник» и магазины нижнего этажа).

На южной стороне своего усадебного места, выходящего на Александровскую улицу, братья – ценители искусства и меценаты – решили построить здание специально для музыкальных вечеров. В 1889 году архитектором Дурбановым был составлен проект здания, которое и возвели в следующем году под наблюдением архитектора М. Бржезицкого.

Фасад здания в классическом стиле с элементами эклектики отличался легкостью и изяществом. Лепной орнамент пилястров, изящный, словно воздушный карниз; полуколонны портика венчала кровля с кольчужными башенками из штампованных металлических пластин, с золочеными шпилями. Массивные, с резными бронзовыми накладками двери открывались в тамбур с беломраморным полом, затейливым, из античной жизни, шлифованным рисунком стекол внутренних дверей и шатрообразным потолком, где на лазуритовом узоре искрились бронзовые звезды.

Просторный и светлый коридор с тем же мраморным рисунком полов, лепниной, некогда вызолоченной, огромными венецианскими, во всю стену зеркалами, винтовой лестницей, ступени и перила которой, литые, узорные, вели на хоры парадного зала. Холл дома с дубовым рисунком паркета, та же лепнина, прекрасной работы мраморный камин с высоким зеркалом, огромный бронзовый потолочный фонарь, через который лился дневной свет,

некогда стоявшая здесь венская мебель, гобелены и картины, бронзовые подсвечники, настенные часы – все это делало холл изысканно привлекательным.

Из многочисленных покоев выделялся концертный зал – тем же дубовым и красного дерева паркетом (сегодня поверх него положен ширпотребовский унылый паркет), некогда стоявшими здесь креслами, обитыми кашемиром, изящной эстрадой, хорами балкона, обрамленного сверкающей сусальным золотом лепниной в виде стилизованных лир и нот, огромной хрустальной люстрой и многочисленными бра. Все это придавало концертному залу особое великолепие.

«Парижский виолончелист и композитор Давид Поппер, скрипачи Леопольд Ауэр и Михаил Эрденко, клавесинистка Ванда Дандовска дают концерт в музыкальном салоне братьев Леонидовых», «Премьеры столичных опер – Севастьянов и Лабинский только один день в доме Леонидовых». Эти и другие анонсы постоянно мелькали на афишных тумбах и страницах местных газет.

В 1911 году особняк Леонидовых перешел во владение Алексея Прокофьевича Меснянкина, одного из владельцев «Пассажа», известного мецената. Новый хозяин градостроительную жемчужину «оправил» в зелень разбитого им в усадьбе парка с цветочными клумбами и романтическими беседками, водоемом и летней эстрадой. Сад во время концертов был иллюминирован цветными электрическими фонарями.

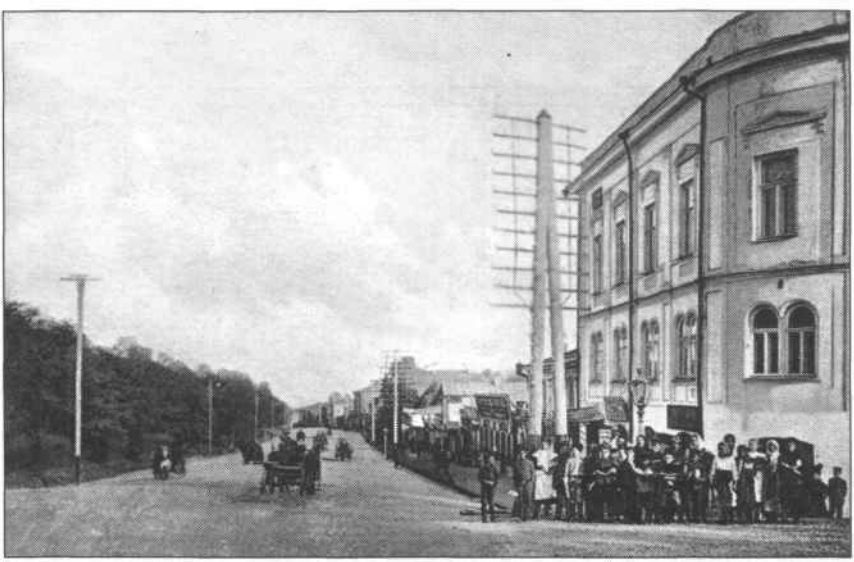
В советское время бывший особняк Леонидовых, с годами терявший свою внешнюю и внутреннюю красоту, занимали медицинские, затем служебные конторы. Как осколки времени, чудом сохранились лишь некоторые фрагменты старого интерьера, такие, как прекрасный камин, винтовая лестница... В период временной оккупации города здесь находилась немецкая районная военная комендатура.

В настоящее время дирекция детской музыкальной школы пытается возродить первоначальный облик здания, сохранить то, что еще дошло до нас от бывшего великолепия его внутренней обстановки. Но еще больше нужно восстановить память об этом некогда великолепном очаге культуры купеческого Ставрополя.

ГЛАВА I. ПО ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ ГОРОДА

Николаевский проспект.

Здание окружного суда.

Губернаторский дом.

Дома губернатора, Егора Найтаки, Владимира Траубе.

«Красная» аптека, усадьба Траубе.

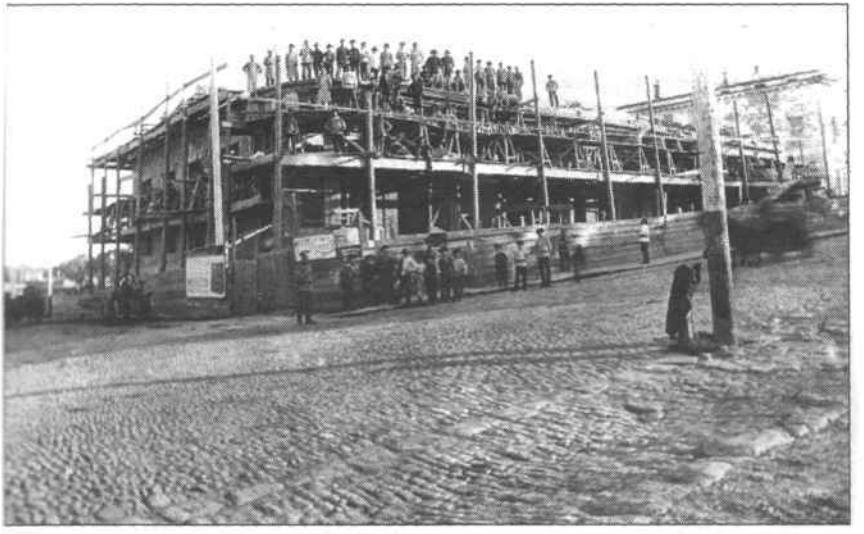
Угловой дом Чеглакова, далее – Янковского и Никольского.

Дом Никольского, далее – Филимонова, Леонидова и Тимофеева.

Здание бывшего общества Взаимного кредита (Леонидова). 1960 г.

Строящееся здание типографии Тимофеева. 1911 г.

Старая гимназия

Справа – старая гимназия, слева – старый Гостиный ряд.

Бывшая «Московская кондитерская». 1960 г.

Дом с медальоном. 1960 г.

Гостиница Найтаки. 1960 г.

«Биоскопъ». 1960 г.

Дома Рощина (художественный кружок), Меснянкиных, Тарасовых (товарищество мануфактур). 1960 г.

Дома Ерганжиева и Зарифьянца (Медовый улей).

Николаевский проспект.

«Ерганжиевский угол».

Аптека Байгера.

Аптека Байгера.

Училищный центр.

Троицкий собор (вид с севера).

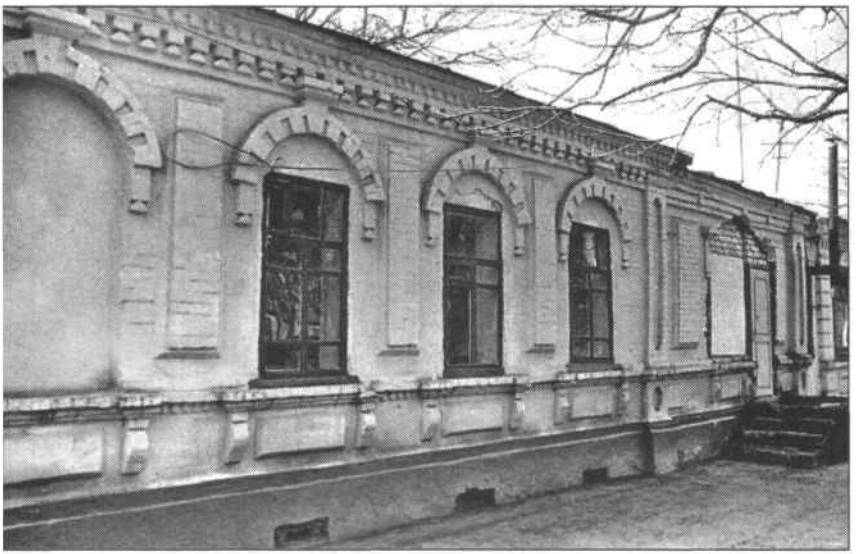
Троицкий собор (вид с юга).

Усадьба Рублевых.

Особняк Маловичко-Бадмаева.

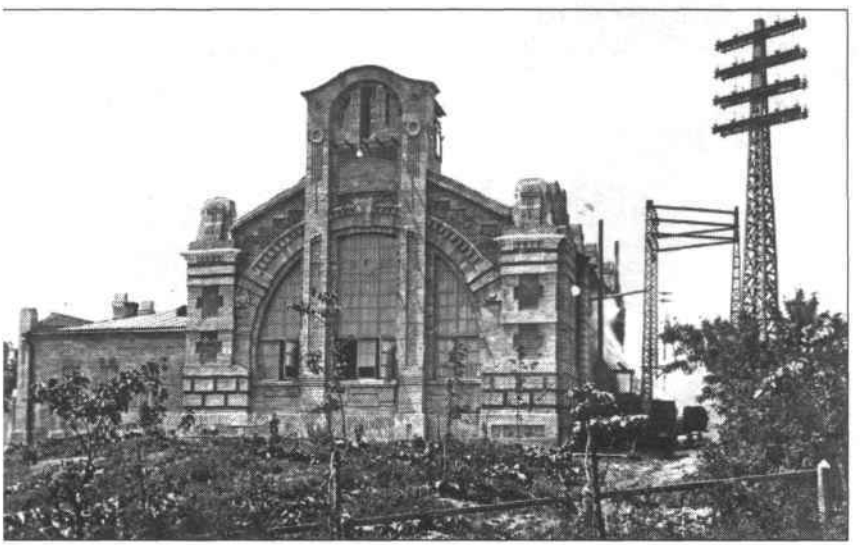
Здание штаба казачьего Линейного войска.

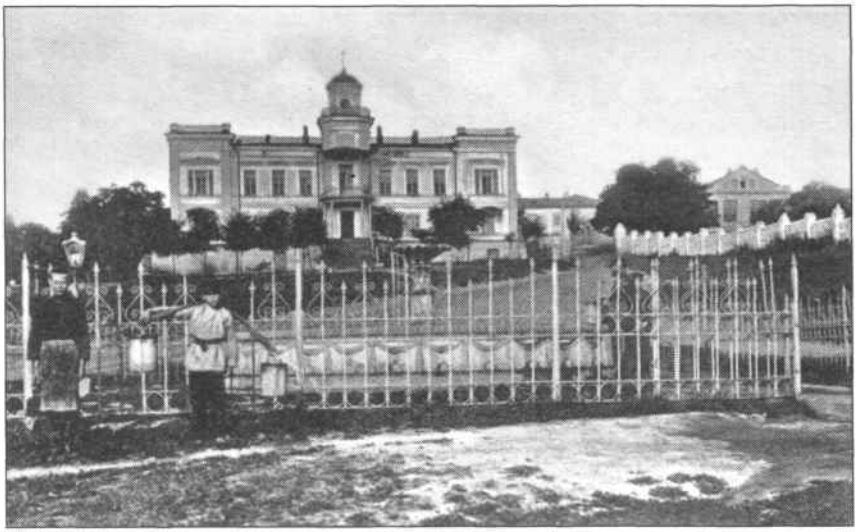
Бывший областной архив.

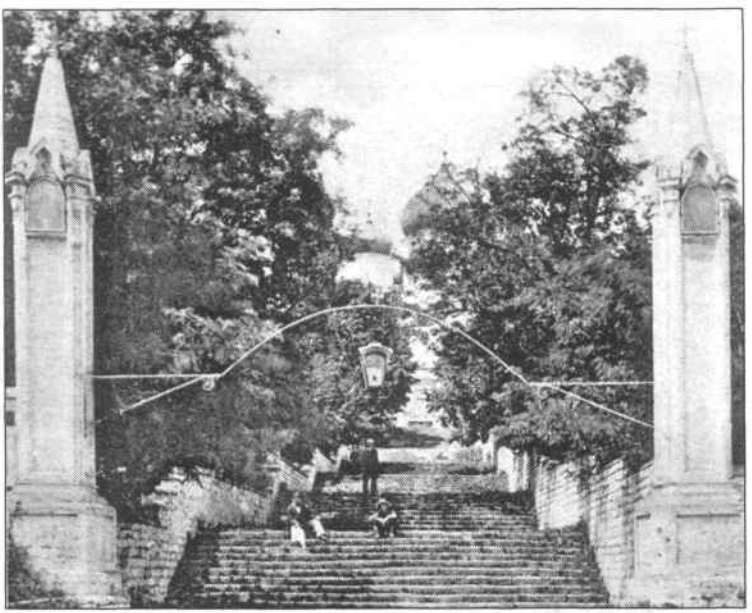
Здание Думы и электростанции.

Здание городской электростанции.

Бассейн водопровода у Думы.

Вход в Барятинский парк к Казанскому собору.

Старый Гостиный ряд.

Старый Гостиный ряд с церковью Спаса Нерукотворного Образа.

Храм Спаса Нерукотворного Образа.

Вид города с колокольни Казанского собора.

Здание бывшего ночлежного дома.

Первый каменный дом.

Угловой дом Попова и (выше) гостиница «Тифлисъ».

В начале улицы Хоперской. Дом Поповых (слева), дом Алафузовых с гостиницей «Лондон» (справа).

Пассаж братьев Меснянкиных.

Дом бывшего «обувного короля» И.В. Пастухова.

Здание бывшей конторы В. Штейнгеля.

Уголок «Нижнего города».

Восточная оконечность
Николаевского проспекта.

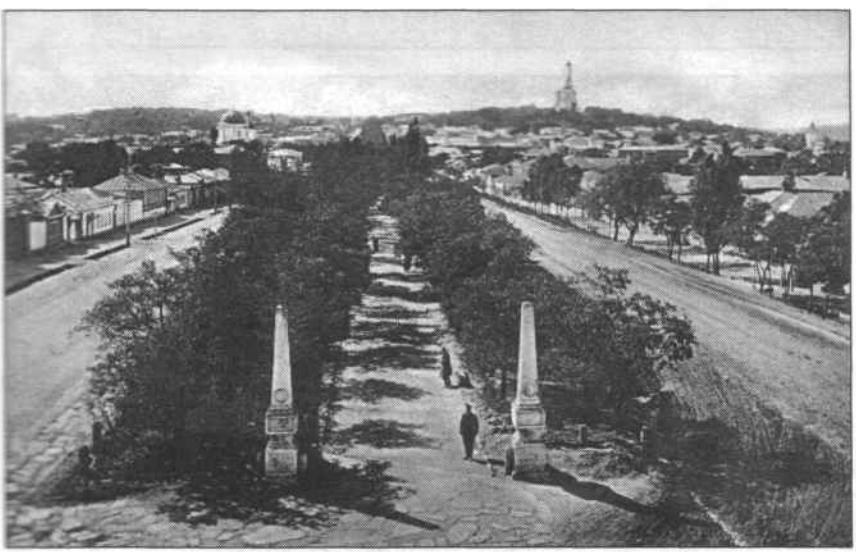
Доходные дома «бриллиантового короля».

Земство. Снимок 1935 г.

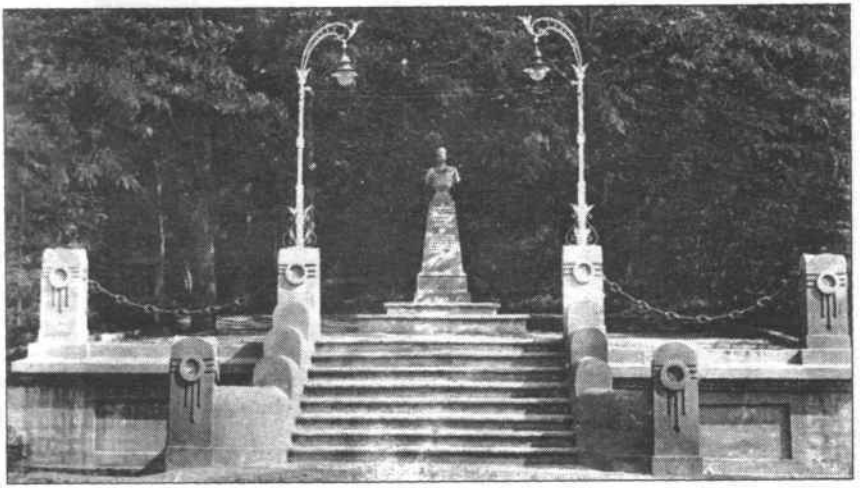
Техническая контора «И.Т. Руднев».

Ставропольский бульвар.

Бульвар от Тифлисских ворот.

Памятник Александру II на бульваре.

Тифлисские ворота.

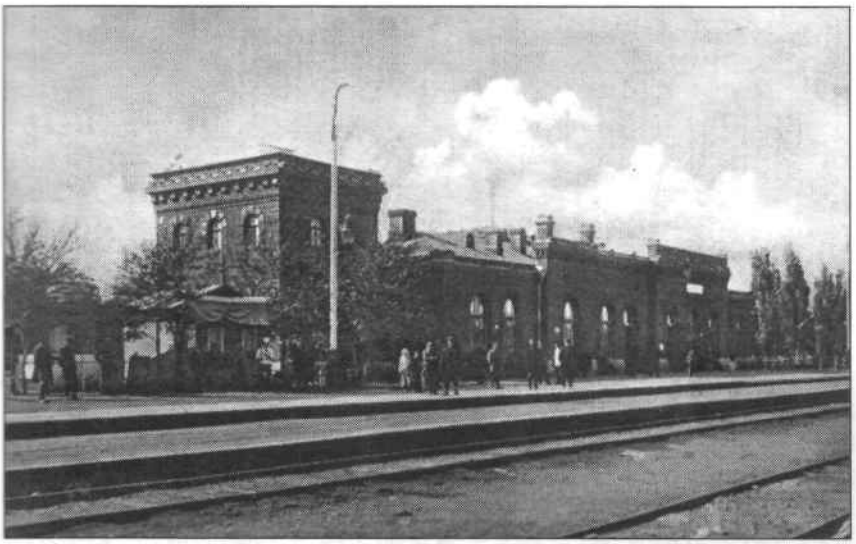

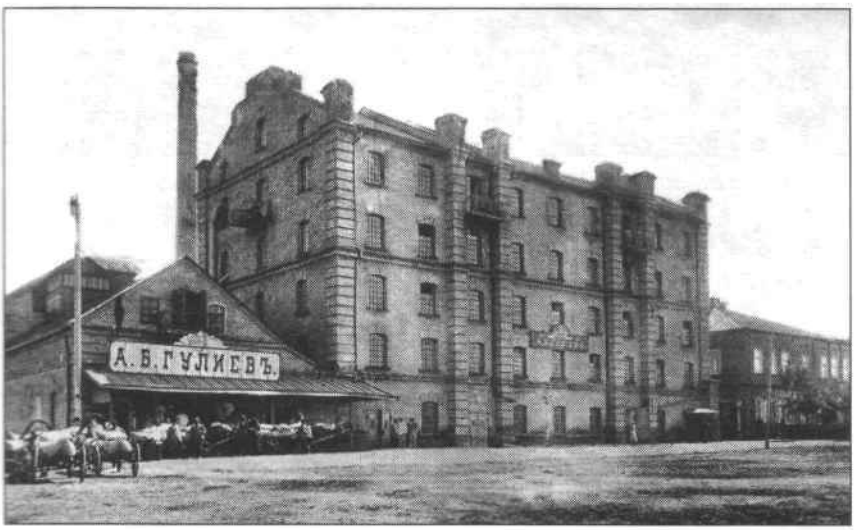
Начало Ярмарочной площади.

Хлебные ссылки у Ярмарочной площади.

Железнодорожный вокзал.

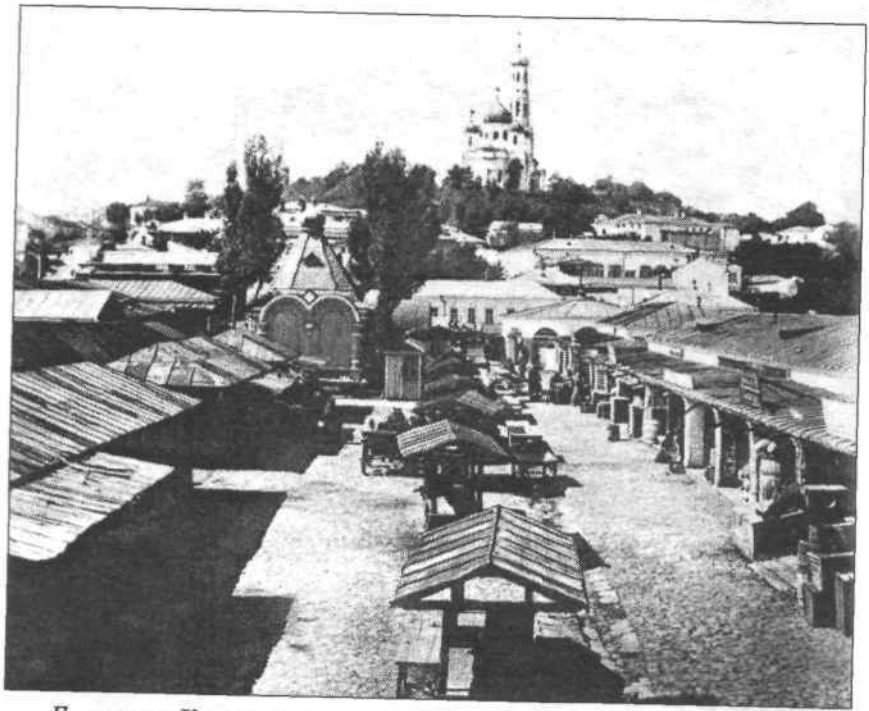

Мельзавод А.Б. Гулиева.

Церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы.

ГЛАВА II. АРМЯНСКИЙ КВАРТАЛ

Базар на Казанской площади.

Особняк Волобуева в начале Армянской улицы (ул. Шаумяна).

Убежище св. князя Владимира.

Калужское подворье.

Доходный дом Ягоянца.

Первая вольная аптека.

Асмаевский торговый ряд.

Усадьба Поспелова.

Усадьба Сахацкого-Синельщикова.

Обжорный ряд.

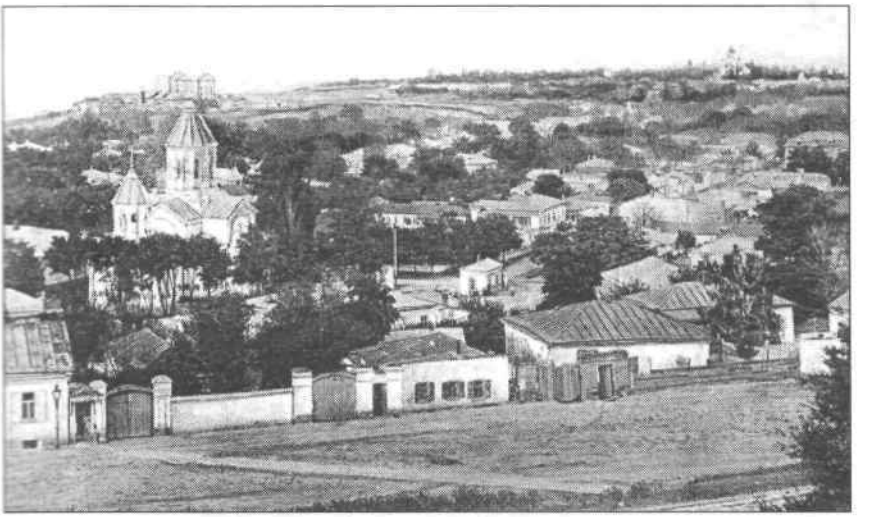
Гостиница братьев Строгановых («Эльбрус»).

Гостиница «Варшава».

Церковь Св. Георгия.

Армянский район г. Ставрополя.

Александровское училище.

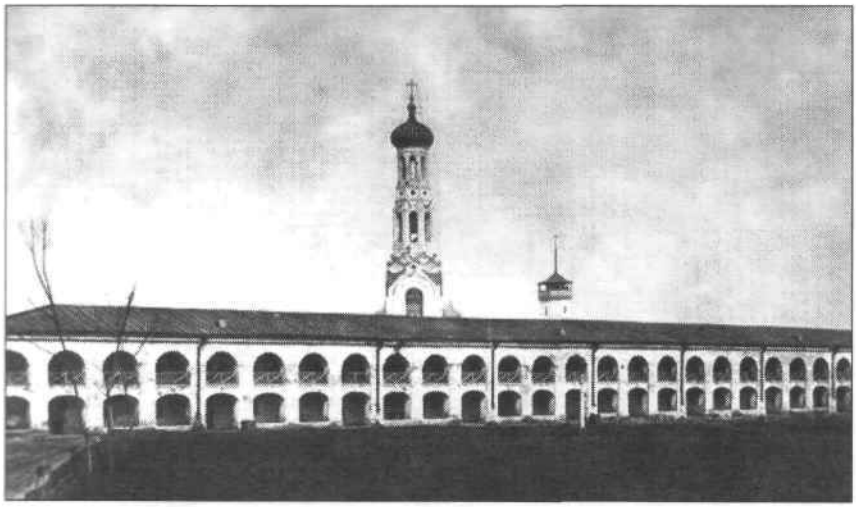

Духовное училище.

ГЛАВА III. ОТ КРЕПОСТИ НА ЮГ

Территория бывшей крепости, преобразованной в Интендантство.

Главный интендантский склад.

Перестроенное здание бывшей синагоги (сегодня Дворец бракосочетаний).

Суворовский крест.

Казанский кафедральный собор
с Царь-звоницей.

В начале Театральной-Воронцовской улиц. Справа – дом Розановой.

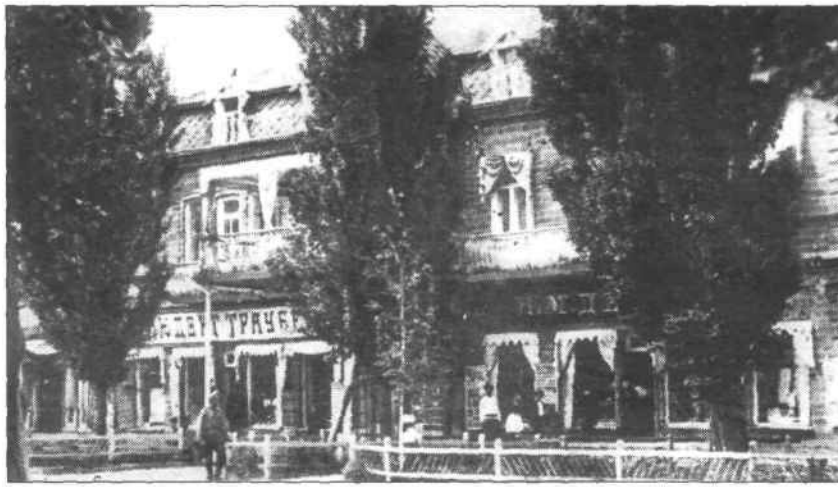
Общественное собрание.

Банк Попова, лечебница Шульца, здание театра.

Справа – дом купцов Леонидовых.

Кинематограф «Солей».

Алафузовский особняк.

Дом полярного исследователя Кушакова.

Дома Меснянкиных (слева), Аглынцева, Павловского. 1947 г.

Бывший Народный дом.

Улица Театральная.

Начало бывшей Воронцовской улицы. 1929 г.

Гостиница «Тифлисъ».

Угловой дом Гречанинова, Мережко, Попова (почта).

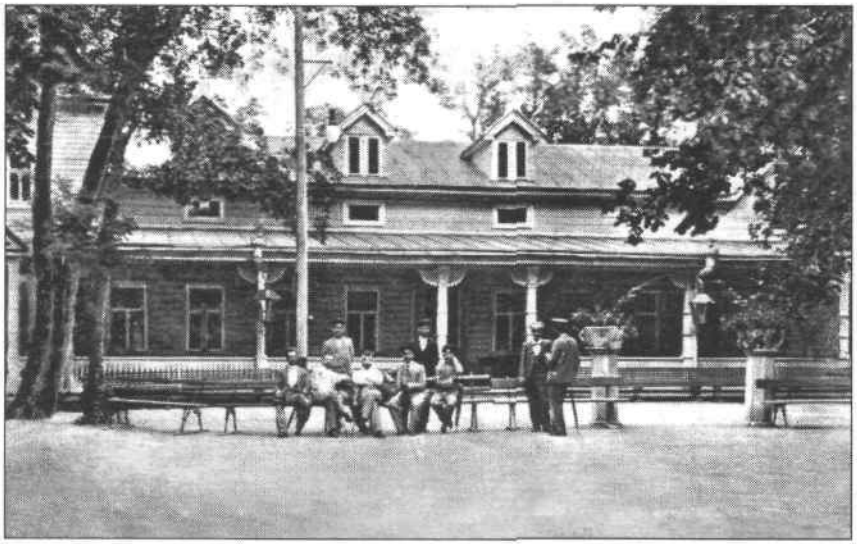
«Женевский часовой».

«Варшавская молочная».

Аллея Воронцовской рощи.

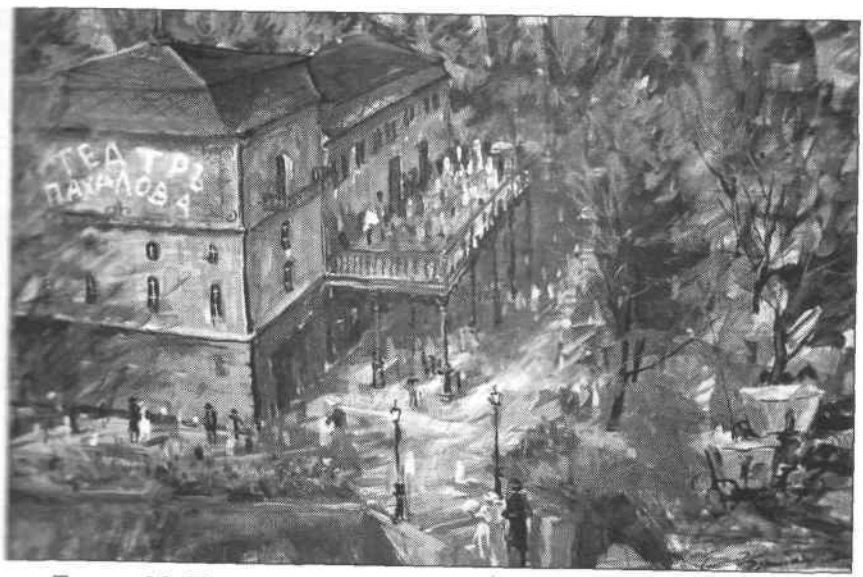
Ротонда в роще.

Коммерческий клуб в роще.

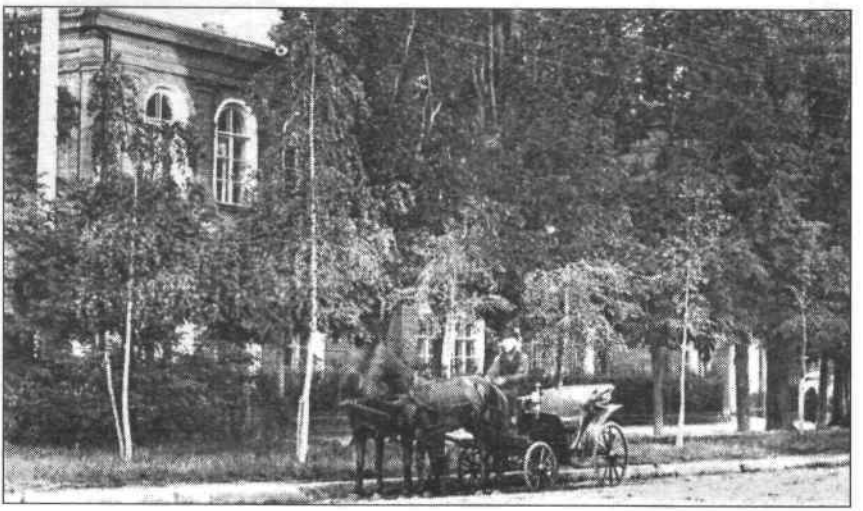
Одна из аллей Воронцовской рощи.

Театр М. Пахалова в Воронцовской роще. Рис. Вл. Грибачева.

Ольгинская гимназия.

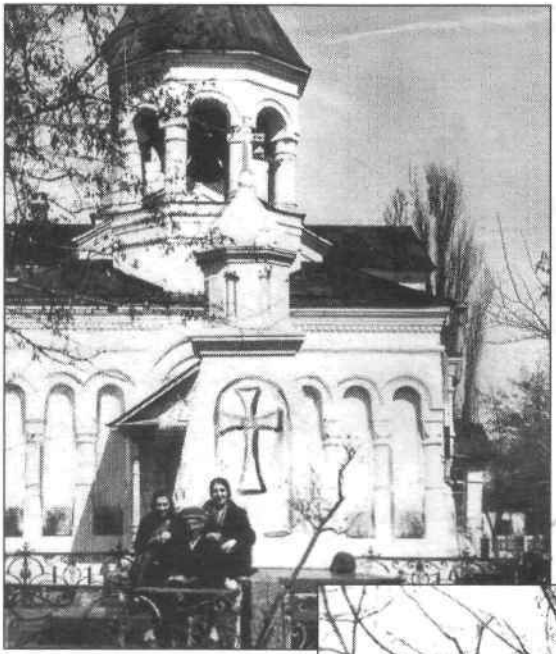
Извозчик у Ольгинской гимназии.

Улица Воронцовская.

Дом, где останавливался Шамиль.

Костел.

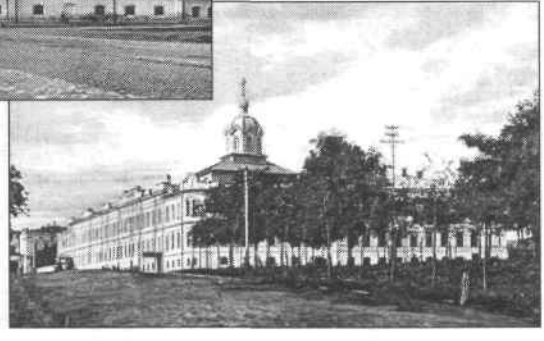
Уголок Польского кладбища.

ГЛАВА IV. ОТ СТАРОЙ КРЕПОСТИ К БЫВШЕМУ ВЕРХНЕМУ БАЗАРУ

Нестеровская улица.

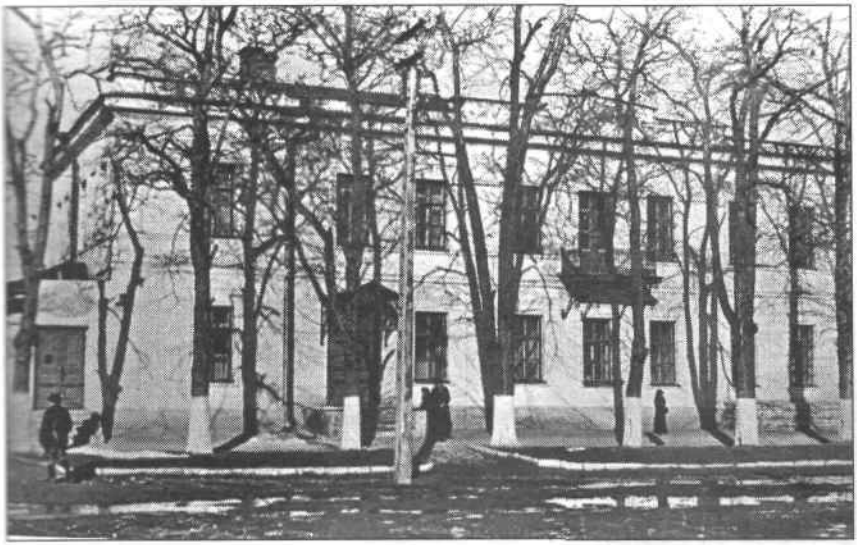
Александровская женская гимназия.

Здание Присутственных мест.

Усадьба Реброва.

Дом генерала Л.И. Кусакова.

Гостиница «Москва».

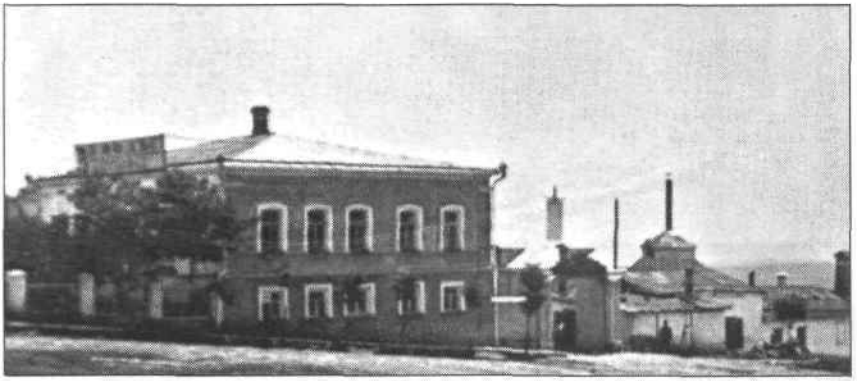

Особняк «угольного короля.

Бывшая гостиница «Коммерческая».

ГЛАВА V. ПРОГУЛКА ПО БЫВШЕЙ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ

Пивзавод Алафузовых.

Особняк в стиле модерн.

Фабрика «обувного короля».

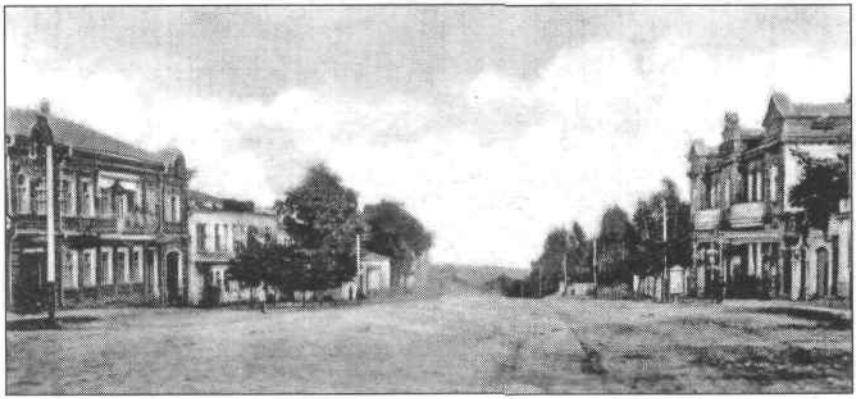
Музыкальный салон купцов Леонидовых.

Слева – дом Манжоса-Белого.

Дом художника Смирнова.

Справа – гостиница «Центральные номера», слева – три усадьбы.

Три усадьбы.

Особняк генерала И.С. Кравцова.

Начало улицы Вельяминовской.

Усадьба Панова.

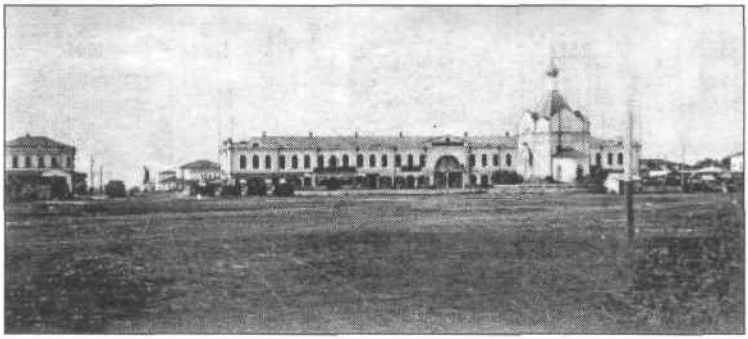
Гостиница «Европа».

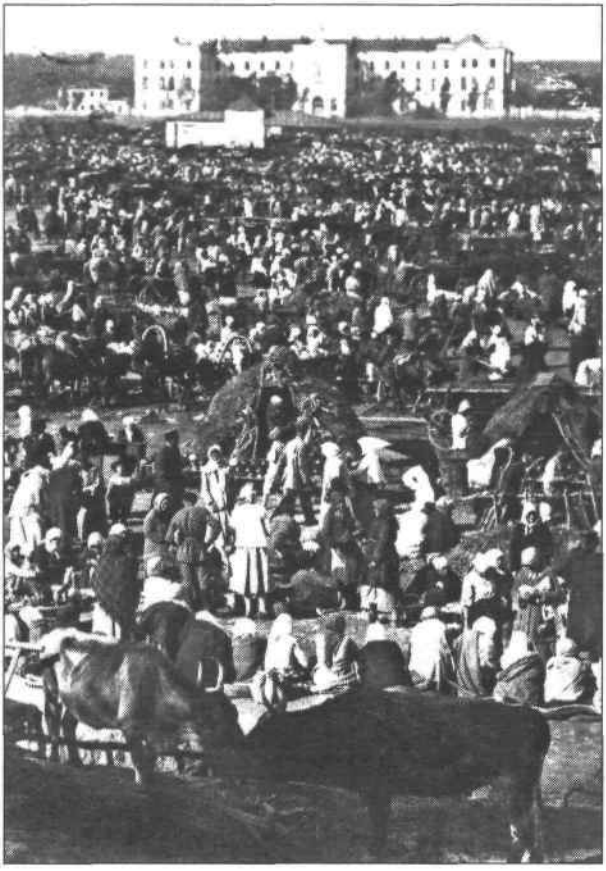
Здесь собиралась интеллигенция.

Здание бывшего дома командующего.

Александровские торговые ряды.

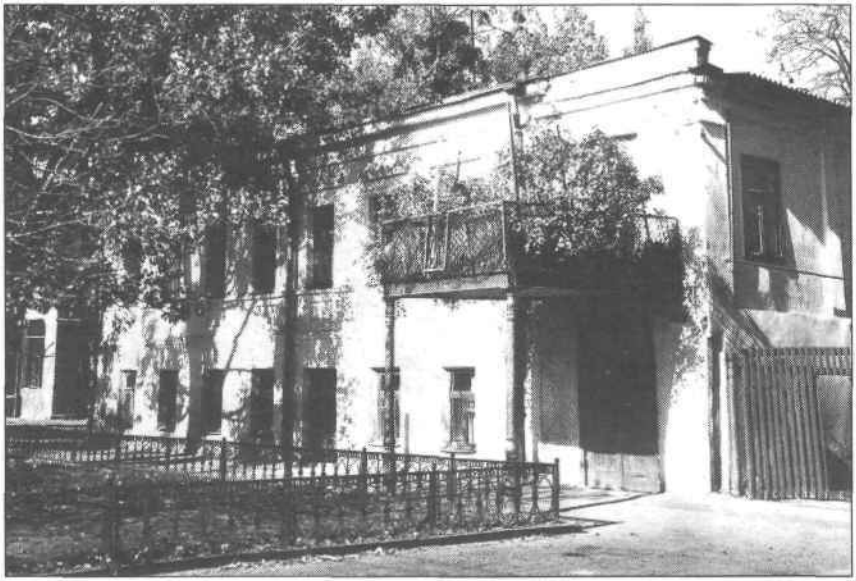
Александровская (Базарная) площадь.

Часовня в память великомучеников земли Русской.

Новый Гостиный ряд.

Заезжий двор на Флоринке.

Особняк Крутицкого (в центре) (сегодня радиотелецентр).

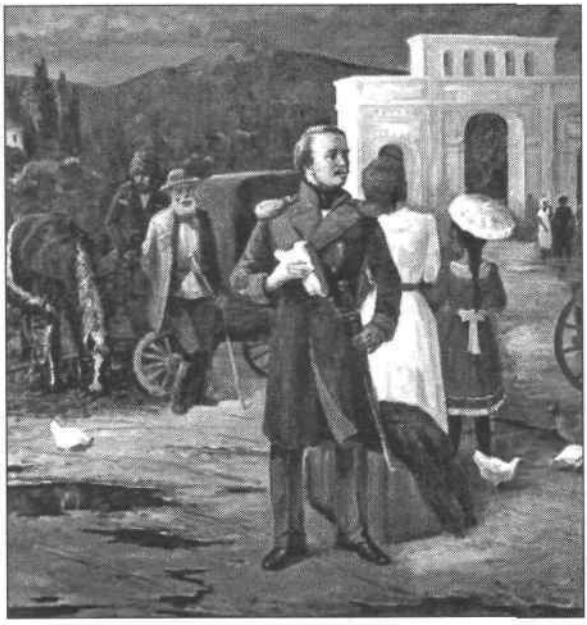
Начало Воробьевского предместья.

Андреевская церковь.

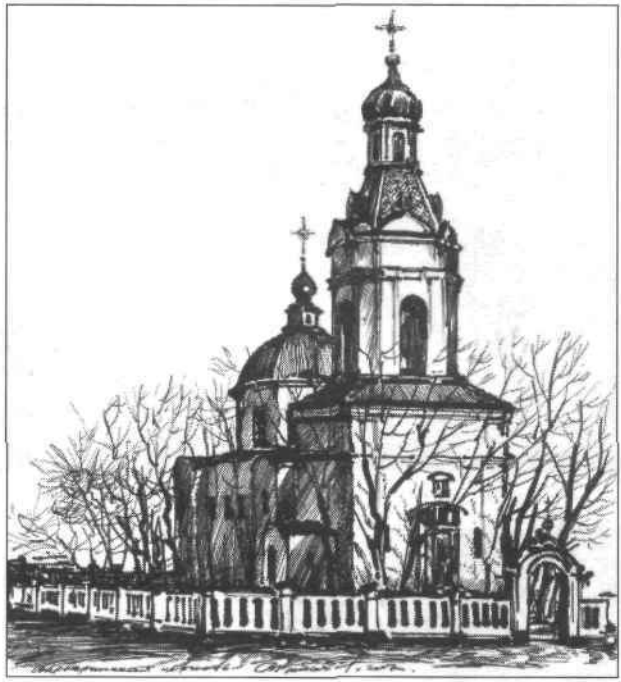

Лермонтовский домик.

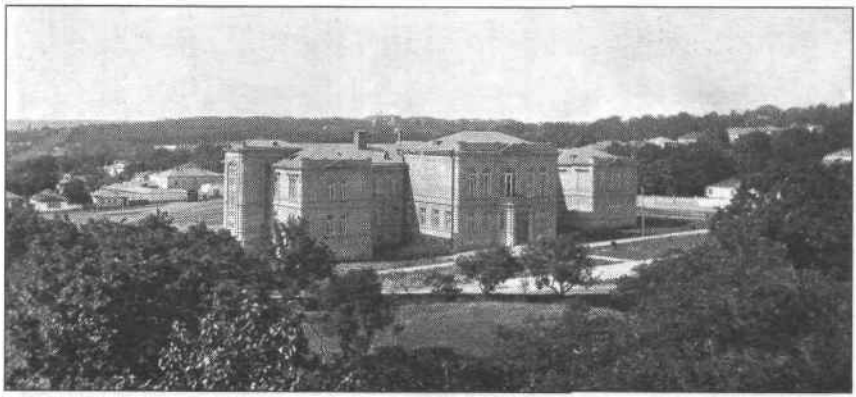

М.Ю. Лермонтов у Тифлисских ворот Ставрополя. Художник В.В. Семенов.

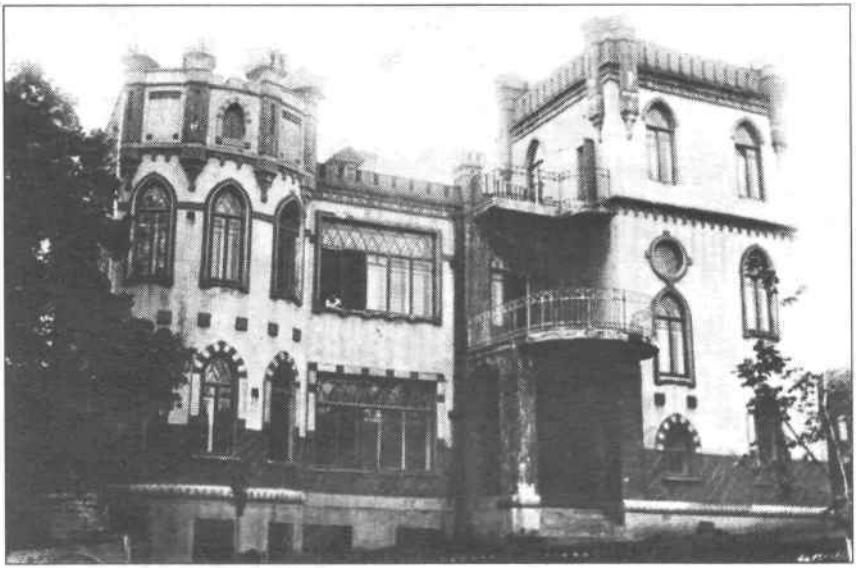
ГЛАВА VI. БЫВШИЕ БАРЯТИНСКАЯ, МАВРИНСКАЯ, ГОСПИТАЛЬНАЯ

Церковь Св. Варвары. Рис. Вл. Грибачева.

Третья женская гимназия.

«Замок привидений». 1930 г.

Усадьба Лопатиных.

Дом Торбиных.

Усадьба Кускова.

Частично сохранившийся вокзал Туапсинской железной дороги. 2009 г.

Дом ставропольского Фенимора Купера.

Театральный салон Ивановых.

Бывшая Третьяковская баня.

Дом жандармского полковника.

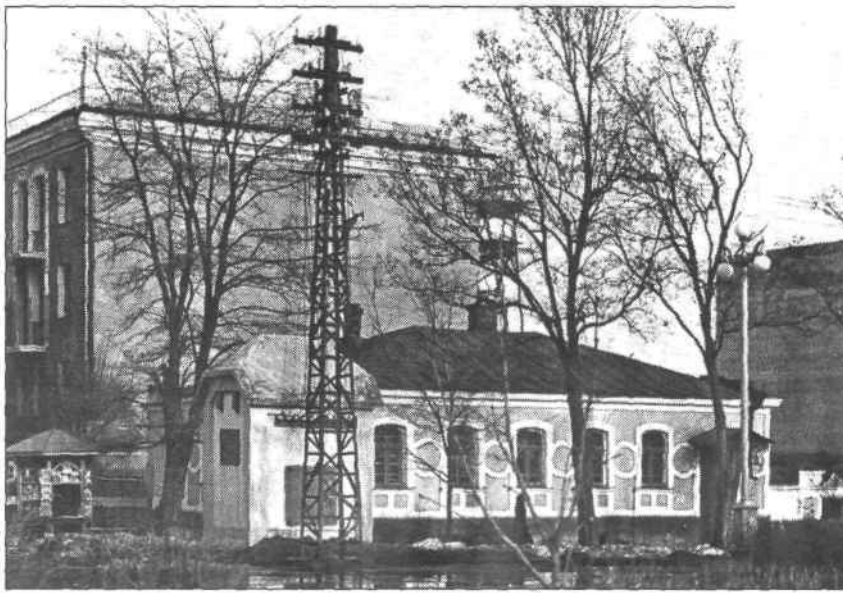
Бывший особняк «электрокороля».

Инородческое управление.

Маслозавод Ломагина.

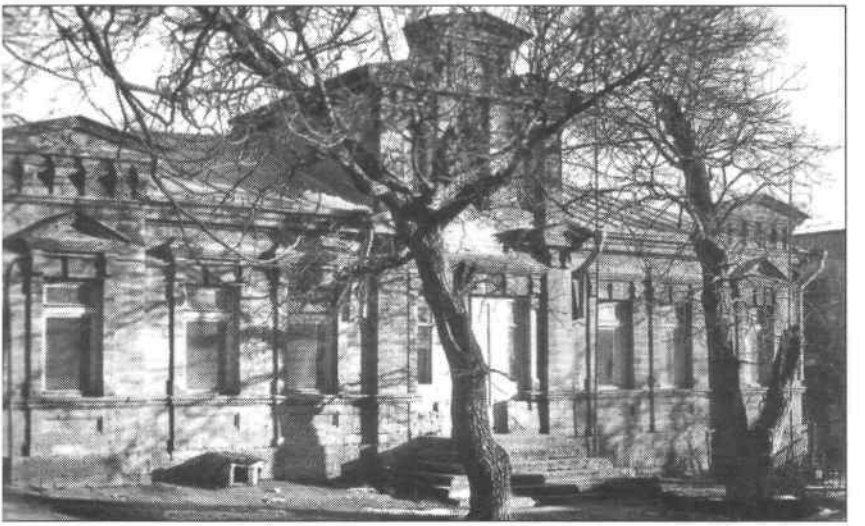

Дом с кладом купцов Меснянкиных.

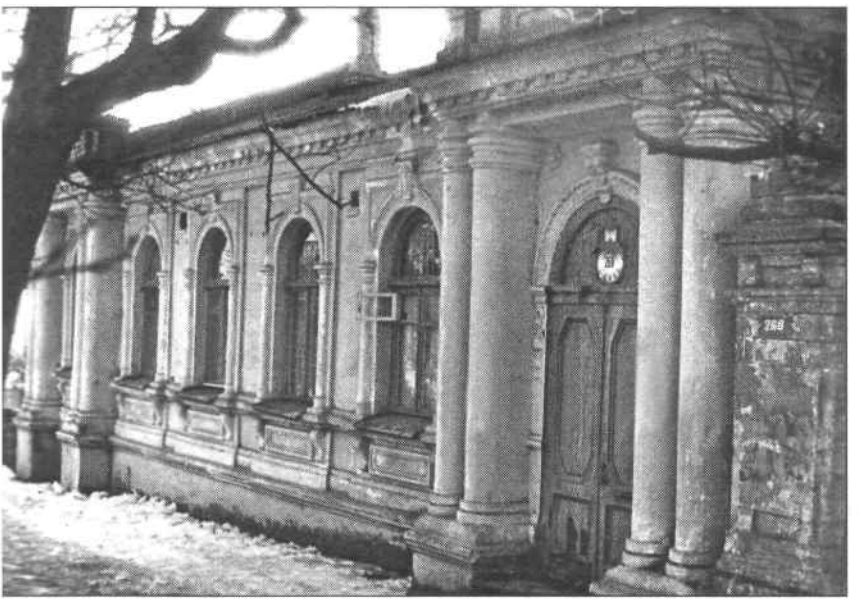

Психиатрическая больница.

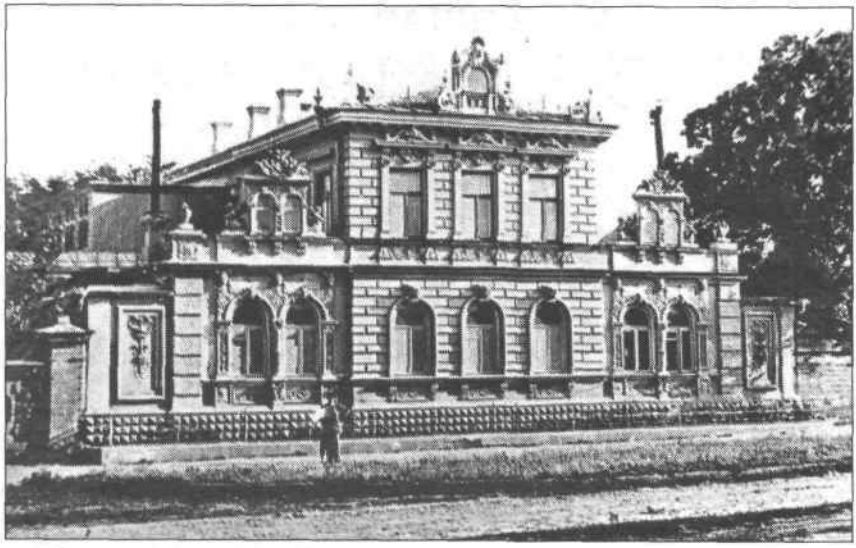
ГЛАВА VII. ЮЖНАЯ МАГИСТРАЛЬ

Дом с мезонином.

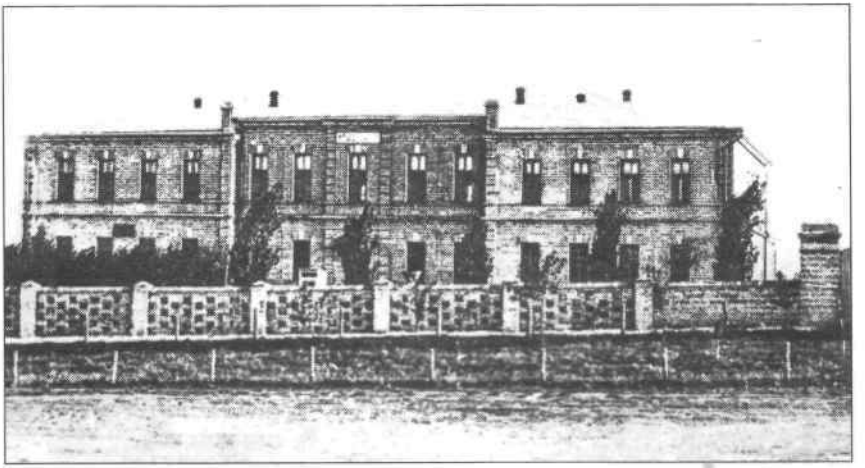
Усадьба Нечмирова.

Великокняжеский дом.

Генеральский особняк.

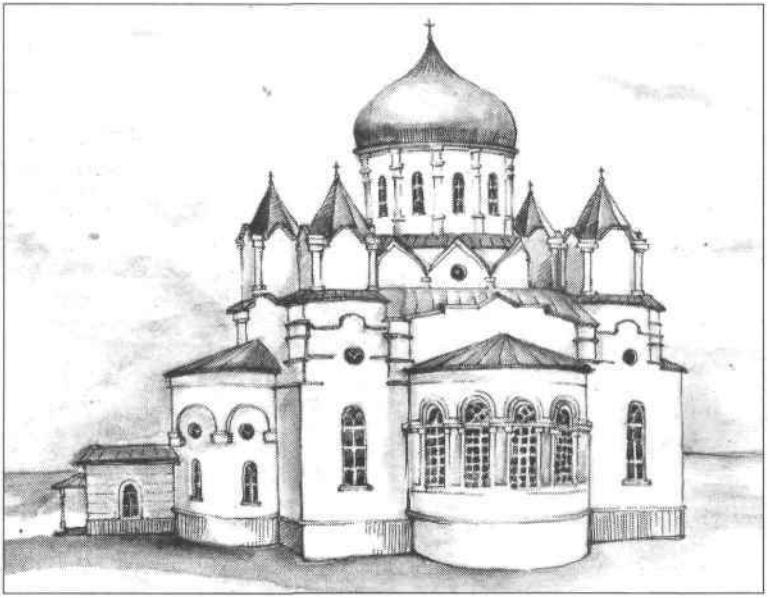
Учительская семинария.

Епархиальное женское училище и школа Св. Синода.

Софиевский храм.

Софиевский храм. Рис. Ольги Орловой. 2009 г.

ГЛАВА VIII. МАЛЫЕ УЛИЦЫ ГОРОДА

Здание бывшего офицерского собрания.

Соматическая больница.

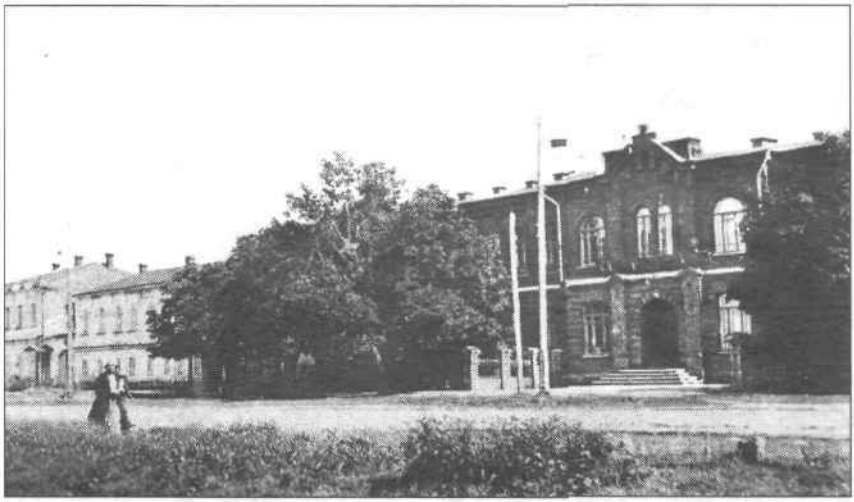
Церковь Св. Даниила Столпника.

Дом дежурного штабного офицера.

Мужская классическая гимназия.

Здания духовного центра и железнодорожного училища. 1930 г.

Мусульманская мечеть. 1915 г.

Дом, где жил В.Д. Беневский.

Семинарское общежитие и больница.

Духовная семинария.

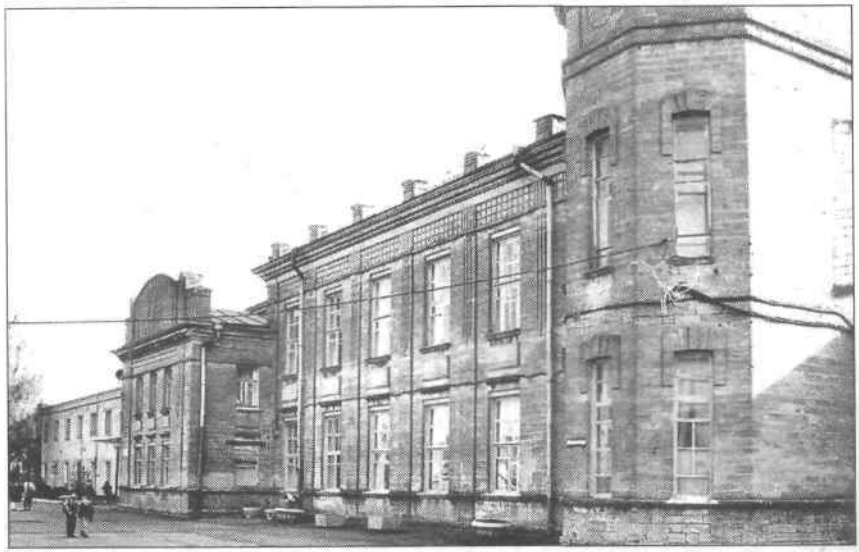
СГУ

Здание винокуренного завода.

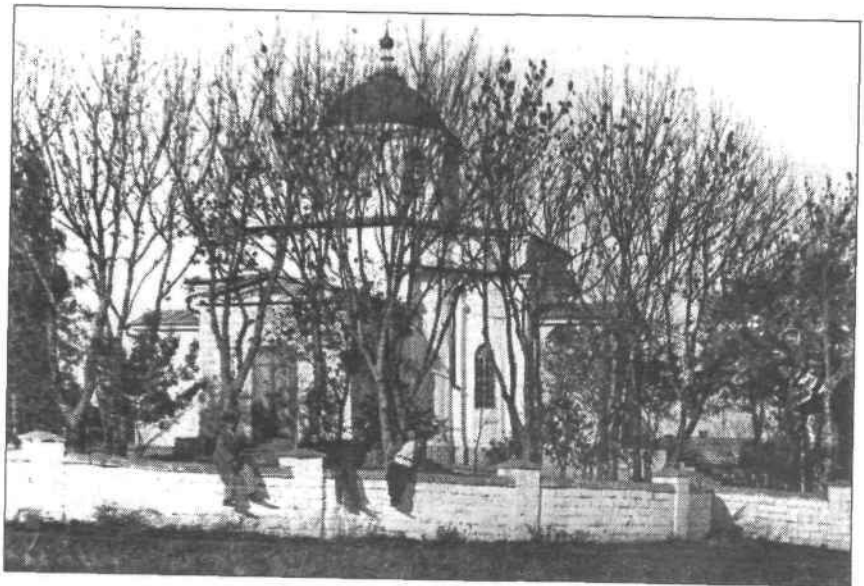
Верхний пруд Павловой дачи.

Здание бывшего Павловского начального училища (сегодня СШ № 10).

Церковь Преображения Господня при Епархиальном свечном заводе.

Церковь Св. Георгия на Мамайке.

Церковь Св. Георгия. Рис. Ольги Орловой. 2009 г.

ГЛАВА IX. СЕВЕРНЫЕ ПРЕДМЕСТЬЯ СТАВРОПОЛЯ

Ташлянское предместье.

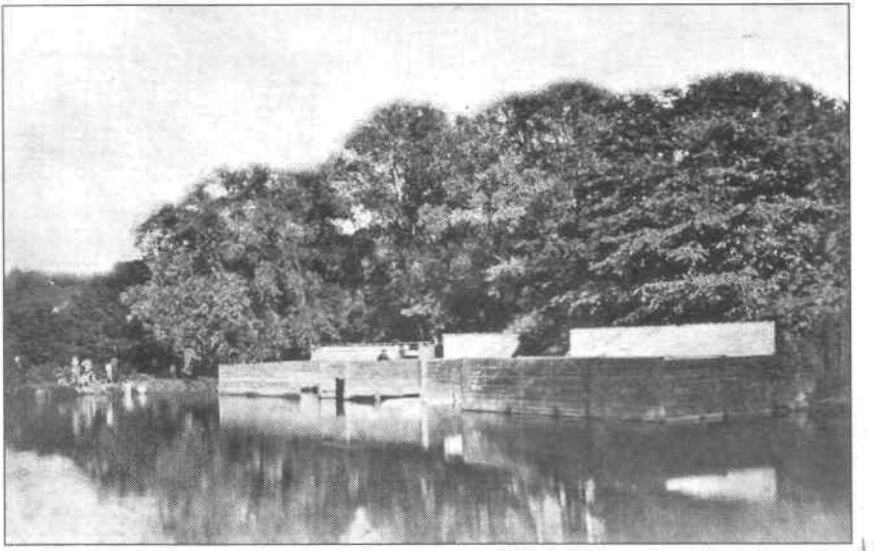
Улица Подгорная.

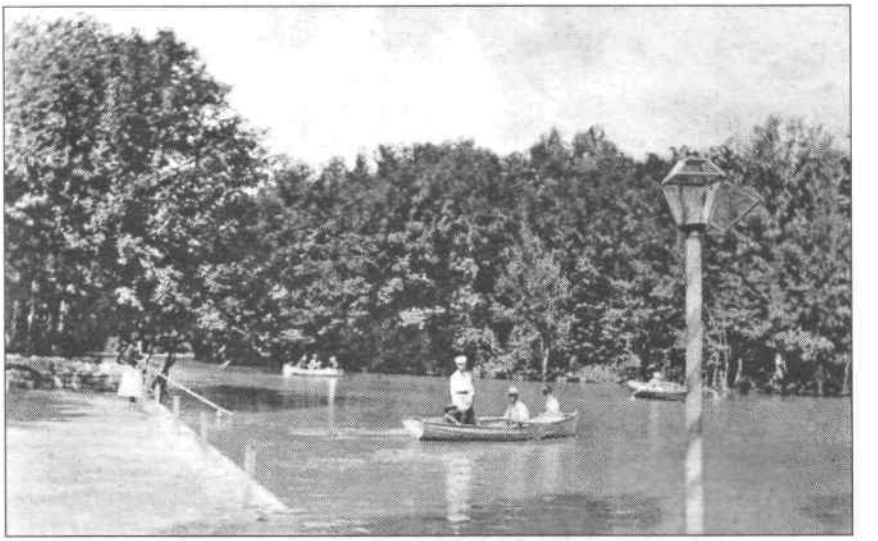
Начальное Властовское училище.

Мельница Сипягина.

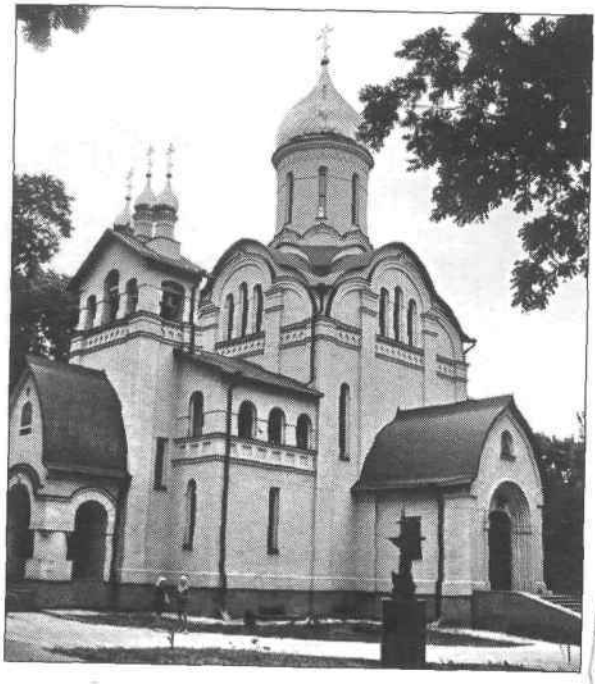
Сипягин пруд.

Ртищева дача с прудом.

Туберкулезная больница.

Новая церковь Св. Александра Невского.

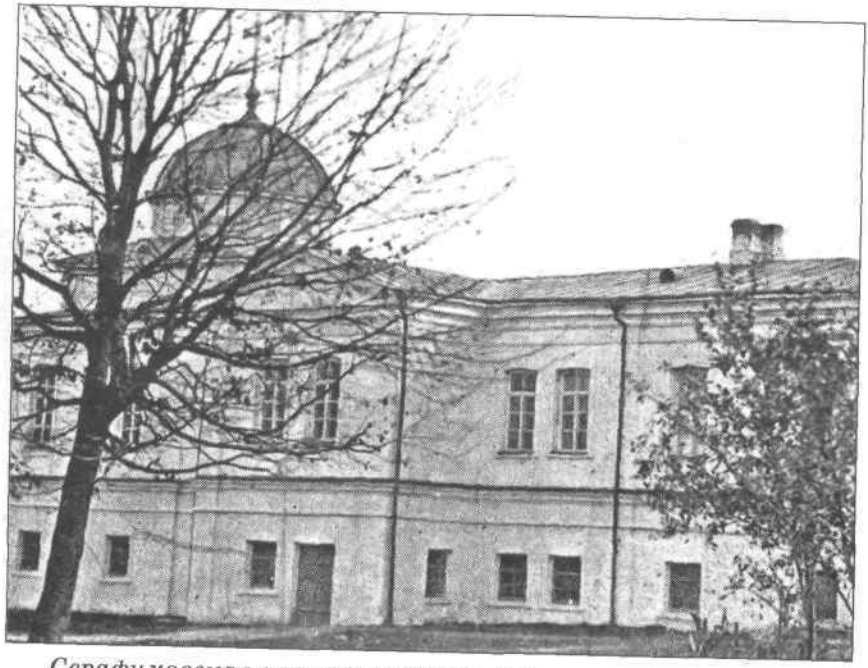
Общий вид Иоанно-Мариинского женского монастыря.

Храм во имя Св. Иоанна Предтечи и Св. Марии Магдалины.

Покровская церковь.

Серафимовская церковь и трапезная.

Колбасный завод

На северо-западном углу сегодняшних улиц Дзержинского и К. Хетагурова стоит двухэтажный жилой дом, некогда принадлежавший роду Конюховых, известных в городе и губернии колбасно-ветчинных дел мастеров. Сам род брал свое начало от Николая Николаевича Конюхова, обосновавшегося в Ставрополе в середине XIX столетия. Его сыновья – Василий, Севастьян, Гурий и Корней – стали промышленниками, построив по-над Члой и Мутнянкой кожевенные заводики. Старший из сыновей, Василий Николаевич, на пересечении Александровской улицы и тогда Европейского переулка приобрел усадебное место, где построил одноэтажный каменный дом. Здесь у него родились трое сыновей – Иван, Николай и Петр – и три дочери – Мария, Анна и Елизавета.

Со смертью Василия Николаевича усадебное место с домом и большим фруктовым садом перешло двум его старшим сыновьям – Ивану и Николаю, где они в 1909 году на месте старого, разобранного отцовского дома построили новый, в два этажа, из штучного камня, с фасадным украшением в стиле эклектики. В новом здании братья устроили самый современный по тем временам колбасно-ветчинно-сосисочный завод.

Рекламный проспект завода гласил: «В собственном доме братьев Конюховых на углу Александровской улицы и Европейского переулка открыт электрический колбасный завод, который предлагает оптовым покупателям окорока копченые, колбасу вареную и польскую, сальтисон, сосиски венские, колбасу балыковую и краковскую, ветчину, грудинку копченые, сало соленое, белое и топленое в пузырях».

В том же 1909 году Иван Васильевич Конюхов внезапно умирает, найдя упокоение на Успенском кладбище города (склеп Конюховых сохранился). Николай Васильевич Конюхов продолжил дело, начав выпуск копченой птицы: перепелов, фазанов, гусей, цесарок, индеек, куропаток, дроф, а также зайцев. Здесь приготавливали и разные паштеты, студни, котлеты, пельмени, тефтели, рулеты и прочее. При заводе открылся и магазин розничной торговли.

С начала Первой мировой войны, а вернее, второй Оте-

20 Заказ 630

чественной, колбасный завод Конюхова начал выпуск твердокопченых колбас и копченостей для армии. Во дворе усадьбы под наблюдением архитектора Лаханова была построена самая современная коптильня и сушильня. Сам Николай Васильевич Конюхов за бесперебойный выпуск продукции для армии, в том числе бесплатной, был награжден орденом Св. Анны.

События, связанные с революцией, обернулись для семьи Конюхова, как и для прочего купечества, трагедией. К тому времени семья предпринимателя состояла из супруги, Александры Николаевны, трех дочерей и двух сыновей – Василия и Сергея. С начала Гражданской войны сыновья стали под знамена Добровольческой армии. Позже эмигрировали. След Сергея затерялся во Франции. Василий оказался в Болгарии, где и сегодня живут его дети и внуки.

Судьба хозяина завода Николая Васильевича сложилась не менее трагично. Еще в 1918 году красногвардейцы попытались разграбить колбасный завод, но рабочие завода сумели его отстоять. В 1920 году завод был реквизирован, а в 1927-м перестроен уже под названием «Октябрьский». Сам бывший хозяин, о чем сообщает короткая заметка в газете «Власть Советов» за октябрь 1921 года, в числе 13 заложников, взятых за налет на город повстанческого отряда есаула Беззубова, был расстрелян.

Бывший колбасный завод Конюхова функционировал до 3 августа 1942 года, когда во время бомбардировки города немецкими самолетами одна из бомб попала в здание. После ухода немецких войск здание восстановили уже под жилой дом. При этом прекрасный рисунок фасада здания полностью заштукатурили, сделав его чисто советским – безликим и унылым.

Дом художника Смирнова

Усадьба по улице Дзержинского, 105 (ранее – Александровская улица, 16) принадлежала с 1891 г. Василию Ивановичу Смирнову (1840-1922), русскому художнику-академисту, преподавателю рисования Ставропольской мужской классической гимназии.

До приобретения усадьбы Смирновым дом принадлежал

фотографу Волкову. После его смерти вдова Екатерина Волкова продала дом Смирновым за 2 тысячи рублей, без оформления купчих документов, в длительную рассрочку.

В.И. Смирнов родился в 1840 году в Ярославской губернии, в семье священника. Учился по настоянию отца в духовном училище. Но, желая стать художником, против воли отца, без денег и протекции, Василий Иванович поехал поступать в Петербургскую Императорскую академию художеств. Ему посчастливилось учиться у профессора П.П. Чистякова. За хорошие познания в живописи Академия художеств наградила В.И. Смирнова двумя серебряными медалями второго и третьего достоинства. По окончании Академии он несколько лет был свободным художником, а в 70-х годах был назначен в Ставропольскую мужскую классическую гимназию на должность учителя рисования. Работе в гимназии Василий Иванович отдавал много энергии, ежегодно устраивал выставки ученических рисунков.

Каждое утро он ходил на этюды, но все же для личного творчества времени оставалось меньше и меньше – нужно было заботиться о большой семье, дать образование детям. Почти у всех детей Смирнова были способности к рисованию, и нередко под руководством отца они брались за кисти и краски. Василий Иванович старался как можно больше времени уделять детям. Одна из дочерей художника, Нина Васильевна, вспоминала: «В мои годы детства достатка семья уже не имела, но детство свое я вспоминаю как праздник. Наш дом, наш сад были для меня весь мир! Мне казалось, что мы богаче всех. Этот мир был создан руками отца и матери. Нас окружали любимые картины отца. Его любовь к музыке не прошла бесследно, мы все любили музыку, мы много слышали ее дома, засыпали под ноктюрны, сонаты, прелюдии Шопена, Бетховена, Баха...»

Жена Василия Ивановича, Анисья Федоровна, играла на рояле, чудесно пела. И свой талант она передала дочерям Галине и Елизавете. В доме Смирновых не смолкали соло скрипки, виолончели, мелодекламация. Здесь всегда собиралось много людей – это были коллеги Василия Ивановича, его друзья.

Частыми гостями были Николай Васильевич Волобуев, учитель музыки мужской классической гимназии, первый

учитель Гали Смирновой – Никифор Илларионович Ларионов, – учитель ремесленного училища, общественный деятель, сотрудник газеты «Северный Кавказ».

История этого дома, этой семьи связана и с именем К. Хетагурова, который здесь часто бывал, а в период ссылки 1893-1894 годов жил в течение нескольких месяцев. До смерти для Коста самыми близкими и дорогими были Смирновы.

В мае 1922 г. В.И. Смирнов умер, его похоронили на Успенском кладбище. Его дети сохранили и передали в дар музею коллекцию живописных и графических работ отца, предметы быта, семейные фотографии.

Сегодня здание художника В.И. Смирнова стало филиалом Ставропольского краеведческого музея – заповедника им. Г. Прозрителева и Г. Праве.

Гостиница «Центральные номера»

На противоположной стороне от музея изобразительного искусства стоит двухэтажное каменное здание, где сегодня размещается краевое управление внутренних дел. За свою более чем вековую жизнь это усадебное место неоднократно меняло хозяев. Первым его владельцем был полковник Николай Бетаки, возглавлявший в городе жандармское управление. В 70-х годах XIX века вдова полковника продала восточную часть усадьбы с небольшим строением и большим садом, сливавшимся с Воронцовской рощей, купцу и предпринимателю Андрею Митину.

В 1893 году Андрей Леонидович Митин направляет в городскую управу письмо с просьбой разрешить ему построить каменный двухэтажный дом. «Представляя при сем проект на предполагаемую мною постройку каменного двухэтажного дома, – писал он, – покорнейше прошу городскую управу утвердить означенный проект».

Проект был утвержден, и уже в следующем году здание по ул. Александровской под № 5 было выстроено. Здесь Митин открывает гостиницу «Центральные номера», в дальнейшем именуемую просто «Центральной». В 1897 году Митин, по проекту архитектора Семена Лазарева, возводит внутри усадебного места различные подсобные

купбы, в том числе баню, питаемую здесь же бившей родниковой водой. Наконец, на месте вырубленного фруктового сада Митин строит деревянное здание для летнего театра. Тогда же зять Митина, известный в городе инженер Иосиф Годзевич, устанавливает динамо-машину, давшую свет всем усадебным строениям, а также двум каштановым аллеям вблизи театра.

Гостиница «Центральная» с роскошным банкетным залом на втором этаже, куда вела широкая чугунная лестница, специально отлитая на чугунолитейном заводе «Лимарев и К°» в Армавире, с первоклассными номерами, стала излюбленным местом встреч, юбилеев и банкетов как местной театральной, так и заезжей богемы.

Вскоре Митин сдает в аренду все усадебные строения известному ставропольскому купцу и предпринимателю Мартыну Пахалову, обрусевшему армянину, владельцу гастрономического магазина «Московский базар». Но при Пахалове сгорает театр Митина, оставив без работы труппу актеров из Москвы.

В 1911 году уже сын Мартына Пахалова Сергей вместо сгоревшего деревянного строит кирпичное здание театра. Зал на две с половиной тысячи мест, прекрасные ложи, артистические уборные, самая современная сцена, полностью механизированная для быстрой смены декораций, буфет и широкая чугунная галерея по уровню второго этажа с нижерасположенным садом «Буфф» – все это делало новый летний театр местом, где собиралась интеллигенция города, учащаяся молодежь, гости Ставрополя.

В канун Первой мировой войны купец Митин продает все усадебное место со строениями Арутюну Попову, который, в свою очередь, арендатором гостиницы и театра оставляет Сергея Пахалова. Последний превращает гостинично-театральный комплекс в высокодоходное предприятие.

В годы Гражданской войны в театре по-прежнему шли постановки, а в гостинице «Центральной» располагались штабы то Красной, то Добровольческой армий.

В советские 20-е годы Сергей Пахалов в числе тринадцати заложников новой власти был расстрелян. Летний театр стал носить имя комиссара Луначарского. В бывшем здании гостиницы «Центральная» разместился Дворец

Труда, где проводилась массовая работа по формированию нового советского человека – лекции, выставки, встречи с командирами Красной армии, устраивались пролетарские праздники и пр. Но уже в начале 30-х годов здесь обосновался НКВД, вплоть до занятия города 3 августа 1942 года немецкими солдатами. Именно тогда горожане впервые узнали о кровавых делах этого ведомства. Трудно сказать, почему, но при отступлении немцев здание осталось целым, туда вернулись прежние хозяева. Но теперь оно стало для них тесным. С южной стороны, чуть ли не впритык к полуразрушенному гитлеровцами зданию летнего театра (вскоре оно было разобрано), делается пристройка, а с восточной стороны бывшего гостиничного дома – еще одна, точно повторившая фасад здания. Позже и к западной стороне делается такая же пристройка.

Теперь здесь расположились службы милиции края. У центрального входа в здание поставлен памятник сотрудникам внутренних дел с именами павших в военное и мирное время. Это памятник тем, кто достойно стоял на службе защиты Отечества и его граждан, кто не запятнал себя и свой мундир борьбой с «врагами народа».

Три усадьбы

Сегодняшний музей изобразительных искусств вобрал в себя три здания с усадебными строениями. Первоначально эти усадьбы, начиная с западной стороны, принадлежали чиновнику Федору Прокопцу, отставному солдату Сергею Стасицкому и купцу Леденеву.

В дальнейшем первое усадебное место перешло во владение статскому советнику Дмитрию Ковалеву.

Дмитрий Ковалев был чиновником 5-го класса, что соответствовало званию генерала и потомственного дворянина. Как и большинство его современников из военных периода Кавказской войны, он избрал место для своего небольшого дома вблизи Дома командующего войсками Кавказской линии.

С конца 70-х годов XIX столетия, со смертью генерала, дом его перешел во владения Исая Григорьевича Арутюнова, известного армянского виноторговца. Он на месте

старого дома возвел новый – в два этажа, с двумя надкрыльниками из кованого железа, где до сегодняшнего дня сохранились его инициалы – «ИГА». В нижнем этаже дома, который он украсил чердачным «головным убором» из металлических пластин, Арутюнов открыл роскошный для своего времени трактир с кахетинскими и кизлярскими винами, а в верхнем этаже – «меблированные комнаты».

Второе усадебное место бывшего солдата Андрея Стасицкого стало не менее известным в городе благодаря открытому им здесь медопивоваренному заводу. В 1872 году по этому поводу он писал в управу: «Прошу Ставропольскую городскую управу разрешить мне устроить медопивоваренный завод на принадлежащем мне месте, состоящем во 2-й части на Александровской улице».

Однако пивовар из отставного солдата не получился, ибо он вскоре сдал свой заводик в аренду предпринимателю из Чехии Вацлаву Салису (в дальнейшем Салис построил собственный завод в начале Театральной улицы). А вскоре он продал и всю усадьбу известному купцу и предпринимателю Карпу Цирюльникову, который, в свою очередь, перепродал дом с усадебным местом Григорию Павловичу Троякову, который сносит старый дом и возводит новый, в два этажа, в котором открывает гостиницу «Гранд-Отель» с рестораном и роскошными номерами.

Во дворе усадьбы, где протекал один из Желобовских ручьев, он устроил бассейн с лебедями и беседками для отдыха. Здесь же он открыл и летний пивной бар (еще один пивной бар он открыл в усадьбе пивоваренного завода Салиса на Тетральной, наименовав его «Биржевым»). В местных газетах тогда же запестрели объявления о новой гостинице: «Получены водка Смирновка и белая рябиновая; ежедневно блины с икрой зернистой; уха с расстегаями; получена семга двинская, навага и рябчики; ежедневно – дамский струнный оркестр под управлением мадам Луизы при участии г-жи Реры Виолетты...»

В 1908 году Григорий Павлович Трояков умирает, и его «Гранд-Отель» переходит к его сыну Владимиру, главному редактору газеты «Северо-Кавказское слово». Владимир Григорьевич на первом этаже устраивает редакцию своей газеты, второй этаж по-прежнему занимали номера гостиницы...

Последний из трех домов, а вернее, его усадебное место первоначально принадлежало купцу Леденеву. Затем это место с небольшим домом перешло к полковнику Есаулову, построившему на месте старого новый дом в два этажа. К сожалению, первоначальное предназначение этого здания остается неизвестным. Лишь к началу Первой мировой войны, когда вся усадьба перешла в руки Самуэля Даниловича Островского, полностью перестраивается фасад здания, ставший украшением улицы Александровской. Перепланируются и внутренние интерьеры, а в самом здании разместился Коммерческий клуб, где собирались банкиры и промышленники, купцы и адвокаты, решая многие проблемы губернского Ставрополя и всей губернии.

В 20-е годы советской власти все три дома были экспроприированы. В первых двух разместились службы коменданта города и многочисленных воинских частей. В третьем обосновался клуб сначала ЧК, а затем НКВД, который стал носить имя погибшего чекиста Гофицкого. Наконец в этом здании обосновался музей изобразительных искусств, «отпочковавшийся» от краеведческого музея Г.К. Праве. Основой музея, его главным богатством стали полотна западно-европейской живописи начиная с XVII века, античные мраморные скульптуры, коллекции японского, английского и прочего фарфора. Здесь же собраны работы известных русских художников Д. Левицкого, И. Левитана, В. Поленова, А. Васнецова, В. Верещагина, И. Репина, К. Брюллова, А. Куинджи и др.

Музею с каждым годом становилось все тесней в доме Островского, именно поэтому ему было передано соседнее здание Троякова и уже сегодня – дом Арутюнова. Так три дома стали выполнять одну функцию – дарить людям радость общения с прекрасным.

Дом летописца военной истории Кавказа

Буквально напротив сегодняшнего музея изобразительных искусств строит небольшой каменный с мансардой дом с фасадом в стиле эклектики. Ранее это усадебное место принадлежало жандармскому капитану Василию Афанасьевичу Бетаки. Затем здесь построил дом один из сы-

новей капитана, продавший его генерал-майору в отставке Ивану Семеновичу Кравцову.

Кравцов впервые оказался в Ставрополе в 1845 году, тогда в чине хорунжего. Сам из старинного казачьего рода, обосновавшегося у Новохоперской крепости. Сначала служил в Хоперском полку, затем в 1-м Ставропольском казачьем. Затем уже он исправляет должность дежурного штаб-офицера войскового дежурства Кавказского линейного казачьего войска. Кстати, штаб войска тогда размещался в первом каменном доме Ставрополя на Большой улице. Наконец, с 1861 года он командует 4-й Хоперской бригадой Кубанского казачьего войска.

Выйдя в 1871 году в отставку, Иван Семенович Кравцов отдался изучению истории Линейного, а затем и Кубанского казачьего войска. В 1881 году у Кравцова выходит первая капитальная книга «Наказные атаманы бывшего линейного казачьего войска». Через год выходит новый его труд «Очерк о начале Терского войска». Затем исторический очерк «Старейшие в Кубанском казачьем войске хоперские казаки»...

Иван Семенович Кравцов умер в Ставрополе в 1899 году и со всеми воинскими почестями был похоронен на Успенском кладбище.

Дом генерала Кравцова был продан с торгов городом наследникам Гречанинова...

Усадьба Панова

Второй отрезок сегодняшней улицы Дзержинского начинался с двух противоположных домов – банкира Попова, где сегодня расположена Верхняя, или 103-я аптека, и предпринимателя Леонидова, где в конце 30-х годов было возведено здание НКВД. Об этих строениях, как и об их хозяевах, уже шел разговор. Выше бывшего дома Попова сегодня стоит физиолечебница, некогда вобравшая в себя два усадебных места. Первое, с одноэтажным домом, принадлежало известному благотворителю Ивану Баранову, имевшему свою «барановскую» мельницу. С его смертью дом перешел провизору Минцу.

Второе усадебное место с таким же одноэтажным домом

было приобретено в 80-х годах XIX века Андреем Федюшиным. Это усадебное место в 1901 году купил Иван Николаевич Панов, чиновник по особым поручениям в Казенной палате. Вместе со своей супругой, дочерью известного кавказского генерала и историографа Ивана Диомидовича Попко Ниной Ивановной, Панов на месте вскоре снесенного им дома Федюшина строит новый.

Дом Панова, как сегодня удалось установить, проектировал некогда широко известный архитектор Адриан Петрович Булыгин, а строительство велось под наблюдением младшего архитектора Александра Борисова в 1914 году. Фасад вновь возведенного здания в стиле модерн, частично сложенного из ракушечника, частично оштукатуренного, с большими и высокими окнами, арками и нишами, пилястрами и наличниками, фронтонами и карнизами, полуколоннами и прочими архитектурными украшениями, в том числе тремя не повторяющимися замысловатыми башенками, придавал зданию особую нарядность и устремленность в небо; здание это стало еще одной градостроительной жемчужиной в белокаменном ожерелье Ставрополя.

Чета Пановых заняла верхний этаж дома, там же разместилась часть огромнейшей библиотеки генерала Попко, его уникальная коллекция кавказского оружия, реликвии кавказской войны... Иван Диомидович имел и неплохое собрание работ российских и европейских художников, картин с батальными сценами.

Нижний этаж дома сдавался внаем то под нотариальную контору, то под первую в губернии комиссионную контору Т. Манукяна и И. Манчурова, то даже под лечебницу...

В начале 20-х годов в экспроприированной усадьбе Пановых разместилась «рабочая поликлиника» физиотерапевтического направления с грязе-, электро-, свето- и водолечением. Во флигеле обосновалась «Выездная каретная служба», прообраз «Скорой помощи». Возглавил это лечебное заведение выпускник медицинского факультета Московского университета Дмитрий Тулинов, проработавший здесь всю свою долгую жизнь. Во главе «Каретной службы» стал такой же энтузиаст, врач Т. Богданов.

При бомбардировке Ставрополя гитлеровцами 3 августа

1942 года в здание попала небольшая бомба, разрушившая западную чердачную башенку. При восстановлении здания вместо того, чтобы восстановить разрушенное, строители «для симметрии» разрушили башенку и в восточной части здания, отчего здание сразу потеряло свою устремленность ввысь. Позже были убраны балконы, карнизные украшения, огромные корабельные стекла заменили на решетчатые рамы с обыкновенным стеклом...

Наконец в середине 80-х годов прошлого столетия с восточной стороны, на месте тогда же снесенного дома Баранова – Минца, сделали к дому двухэтажную пристройку, повторившую фасадный рисунок старого дома. Из-за этого, а также из-за снесенных башенок здание не только потеряло свой первозданный облик, но и стало приплюснутым, блеклым...

Гостиница «Европа»

За бывшим домом Панова некогда тянулось длинное одноэтажное здание, построенное в 70-х годах XIX столетия под учебные классы для Ставропольского казачьего юнкерского училища, занявшего в 1872 году и бывший Дом командующего войсками Кавказской линии и Черномории. В советское время здесь находился крайвоенкомат, пока власти не решили на этом месте построить новое здание ЦУМа. За ним сегодня стоит угловой трехэтажный дом с магазинами на первом этаже и школой юных художников на верхнем.

Генерал-лейтенант, писатель Ф.Ф. Торнау в своих «Воспоминаниях о Кавказе и Грузии», помещенных в журнале «Русский вестник» за 1869 год, дал краткое описание Ставрополя конца 40-х годов XIX столетия. Упомянул он и об угловом доме на Генеральской улице (сегодня – ул. Дзержинского), где в конце того же века была открыта гостиница «Европа».

«Посреди ряда построек, очертивших восточный фас Воробьевской площади (сегодня – пл. Ленина), – писал Ф. Торнау, – открывалась главная улица, фланкированная по углам каменными домами, справа – длинным одноэтажным строением, в котором жил командующий войсками, сле-

ва – горделиво глядевшими на своего приземистого собрата двухэтажными хоромами советника казенной палаты З.».

Как удалось установить, хозяином углового дома в то время был статский советник Василий Иванович Золотницкий. Дом этот он начал строить в 1840 году по проекту архитектора Александра Ивановича Бернштейна, строительным подрядчиком был Дмитрий Кириллович Соннов. Дом стоимостью в 7000 рублей серебром был окончательно отстроен в следующем, 1841 году.

В 50-х годах XIX столетия полковник Золотницкий сдал свой дом в аренду под Генеральный штаб войск Кавказской линии и Черномории. И когда 4 декабря 1859 года в Ставрополь под конвоем был доставлен плененный Шамиль, его привезли и сюда. Об этом, в частности, писал краевед Г.Н. Прозрителев: «Шамиль, как почетный пленный, был принят офицерами Генерального штаба войск Кавказской линии, который в то время занимал угловой двухэтажный дом напротив Дома командующего».

Где-то в 90-е годы XIX столетия дом перешел во владение купца Николая Алексеевича Леонидова, сдавшего все строение предпринимателю А. Михайлову. Последний после ремонта и перепланировки внутренних интерьеров открыл здесь гостиницу, первоначально именовавшуюся «Европейской».

Затем арендаторами здания были Василий Сырицын, Иван Кузнецов и Иван Алехин. Он же переименовал гостиницу в «Европу». В подвальном помещении все это время располагались разные заведения: кофейня Дмитрия Маринина, трактир Сергея Вартанова, посудный магазин С.Ф. Яворского, английский тир «Монте-Кристо», наконец, типография Бориса Минкина, а затем – Вайнблата.

С 1911 года хозяином дома, помимо Леонидова, стал и Сергей Пахалов, арендатор летнего театра в Воронцовской роще и владелец ряда гастрономических магазинов.

В советское время верхний этаж был приспособлен под жилье, а в нижнем располагались различные торговые точки. Последним здесь был продуктовый магазин с винно-водочной продукцией, отчего получил дурную славу и наименование «Пьяный угол». В конце 80-х годов XX столетия дом вновь перестроили, надстроили третий этаж. Таким он остается и сегодня.

Меблированные комнаты Стасенкова

Противоположная сторона бывшей Генеральской улицы, а позже Вельяминовской, начиналась с углового дома купцов Леонидовых, о котором мы уже говорили, совершая экскурсию по Воронцовской улице. К усадьбе Леонидовых с внутренними строениями сегодня примыкает здание, где размещаются РОВД и ГАИ Ленинского района. Как сообщает обнаруженный план этого района начала 40-х годов XIX столетия, здесь размещался штаб Кавказской линии с казармой для писарей.

Где-то в начале 50-х годов это усадебное место перешло к купеческому роду Стасенковых, ведущему свое начало от купца 3-й гильдии Григория Ивановича Стасенкова. Само усадебное место на протяжении последующих лет сохраняло свое первоначальное лицо, и лишь в конце 70-х годов здесь фасадом на Вельяминовскую был выстроен новый дом.

«На своем усадебном месте, – пишет в Думу Григорий Петрович Стасенков, праправнук основателя рода, – по улице Генеральской желаю построить каменный дом с мезонином под наблюдением архитектора Прозоровского». К документу прилагается и план дома фасадом на улицу, рядом со старым строением. В глубине усадьбы располагались еще два одноэтажных строения, теплицы, различные службы и колодец.

В конце века Стасенков вновь обращается в Думу с просьбой о разрешении перестроить и соединить оба дома, выходящие на бывшую Генеральскую улицу, переименованную в Вельяминовскую, надстроить второй этаж, где он хочет открыть меблированные комнаты. С начала XX века здесь открылся ресторан «Германия», ставший известным всему городу своим превосходным струнным оркестром и пивом «Русско-баварского пивоваренного общества».

Наследники Григория Стасенкова надстраивают и внутриусадебные строения, где с 1911 года расположилась общественная библиотека. Затем в здании обосновался кинематограф «Наука и жизнь», где крутили учебные и видовые фильмы для учащихся гимназий.

В период нэпа здесь вновь заиграла музыка уже совет-

ского ресторана, продолжал работать и кинематограф. В 30-е годы здесь обосновались службы НКВД. Уже в 60-е годы здание почти полностью сгорело. После его восстановления был надстроен третий этаж.

«Здесь собиралась ставропольская интеллигенция»

«Дом ставропольской интеллигенции» – так еще именовали два строения, объединенные каменным арочным въездом, снесенные при строительстве высотной гостиницы.

Первое упоминание об этом строении относится к 1846 году, когда здесь решил построить дом надворный советник Василий Алексеевич Добрянский. Об этом в архивном деле говорится:

«В гор. Ставрополе возле штаба Кавказских войск в 1846 году возведен постройкою дом г. Добрянского на принадлежащем ему месте по проекту архитектора Карантинной Кавказской линии Ткаченко. Хозяин решил строить и каменную галерею, но возвел деревянную».

В 1855 году в новом доме Добрянского, таком же – в два этажа, также выходящем фасадом на бывшую Генеральскую улицу, переименованную в Вельяминовскую (один из ставропольских губернаторов), поселилась семья наместника Кавказа Николая Николаевича Муравьева, прожив здесь до 1862 года. Сам наместник Кавказа неоднократно приезжал из Тифлиса к своей семье, по каким-то причинам не пожелавшей жить в Тифлисе.

В середине 60-х годов XIX столетия дом Добрянского стал местом общения интеллигенции города, возглавляемой известным педагогом Януарием Михайловичем Неверовым. На этих вечерах неоднократно присутствовали генерал-губернатор Петр Александрович Брянчанинов и его брат Дмитрий Александрович, возглавлявший в то время Ставропольскую епархию (епископ Игнатий). На вечера приглашались (по инициативе Неверова) и старшеклассники-гимназисты, чтобы, как говорил Неверов, «приобщить их к государственным делам».

В 1869 году в доме Василия Алексеевича Добрянского разместилась Публичная библиотека (в восточном

доме). В другом здании размещался Ставропольский статистический комитет, возглавляемый Г. Прозрителевым.

С начала 80-х годов дома Добрянского в связи с его смертью переходят во владение рода Венециановых. Первые этажи были ими сданы под магазины: Мокина – лакокрасочный и Федорова – железоскобяной. В дальнейшем магазины меняли своих хозяев. Вторые этажи сдавались офицерам расположенного рядом штаба Кавказской линии.

Где-то в начале XX столетия все усадебное место со строениями переходит к известному собирателю древностей и нотариусу Георгию Константиновичу Праве, который вскоре основал музей наглядных пособий. В советские 20-е годы в национализированном здании обосновалась торговая база, а позже дома приспособили под коммуналки, какими они оставались до слома зданий.

Штаб Кавказской армии

Сразу за домами Добрянского – Праве стоял одноэтажный каменный дом в пять окон по фасаду, где в 30-е годы XIX столетия размещался штаб Кавказской линии. Дом этот вошел в историю Ставрополя и как «дом генерала Петрова», дяди Михаила Юрьевича Лермонтова.

Сам дом первоначально принадлежал надворному советнику Павлу Тимофеевичу Петрову, однофамильцу генерала, который и сдавал его с 1834 года в аренду военному ведомству. В приобретенном доме разместилась канцелярия штаба и апартаменты самого начальника, каковым в 1837 году был генерал-майор Павел Иванович Петров.

Петров был женат на Анне Акимовне Хастатовой, дочери известного генерала А.В. Хастатова, приходившейся племянницей бабушке Лермонтова.

К приезду в Ставрополь Лермонтова генерал овдовел, и Лермонтов неоднократно посещал его. Так, в «Русском архиве» за 1867 год № 7 были опубликованы воспоминания сына генерала Петрова Аркадия: «В 1837 году, во время служения в Нижегородском драгунском полку, он (Лермонтов – **Г.Б.**) находился в Ставрополе, перед приездом туда государя Николая Павловича, ежедневно навещая в

Дом командующего

То, что на месте Дома книги некогда находился Дом командующего войсками Кавказской линии и Черномории, известно лишь старожилам. То был угловой одноэтажный каменный дом с пристройками. Первоначально считалось, что он был построен архитектором Бернардацци. Однако последние исследования показывают, что дом этот был построен задолго до того, как Ставрополь стал военным центром на Северном Кавказе. Затем дом этот был куплен казной, о чем в начале 20-х годов позапрошлого XIX столетия проконсул Кавказа Алексей Петрович Ермолов писал кавказскому архитектору Ивану Францевичу Руско:

«Необходимо Вам немедля осмотреть купленный казною дом для начальника Кавказской линии и буде необходимо какие починки и пристройки, сделать служебные предписания».

Архитектор Руско вскоре прибыл из Тифлиса в Ставрополь, где подготовил чертежи по укреплению старого дома «сквозь который и дождь проходит», а также запланировал различные пристройки – конюшню и каретный сарай, кухню, амбары, баню, прачечную и даже клетки для оленей, которых с Кавказских гор доставили в Ставрополь. Изменил свой облик и главный дом, заново обшитый деревянными плахами, с переложенной крышей. Здесь были устроены приемная, зала и гостиная, кабинет для командующего, спальня, детская... Сам дом был выкрашен «красной мумией» (минеральной краской), а вся усадьба обнесена каменным забором с въездными воротами и будками часовых. К югу от усадьбы Дома командующего, где сохранился участок старого дубового леса, была устроена роща с аллеями, цветочными клумбами, беседками, танцевальной площадкой с помостом для оркестрантов, большой декоративный пруд с рядом скамеек.

Все работы были окончены в 1828 году, правда, в дальнейшем продолжались. В тот год Ставрополь посетил персидский принц Хозров Мирзе по пути в столицу России. С ним был и венгерский путешественник Янош Бессе, оставивший воспоминания о том посещении, в которых имелись восторженные описания устроенных здесь балов и парадов на прилегающей к Дому командующего площа-

21 Заказ 630

ди, тогда наименованной Парадной (сегодня пл. Ленина).

В 1831 году командующий Кавказской линией Алексей Александрович Вельяминов приложил немало усилий для придания блеска роще, где устраивались грандиозные празднества с фейерверком по случаю приезда в Ставрополь великосветских особ, высших воинских чинов и в честь побед русского оружия в Кавказской войне. С того времени роща надолго стала именоваться «Вельяминовской» (вырублена в 1920 году под стадион, с 30-х годов именуемый «Динамо»).

Генерал Вельяминов к Дому командующего сделал пристройку. Это же делали и последующие командующие линией – генералы П.Х. Граббе и В.О. Гурко.

Г.И. Филипсон, начальник генерального штаба Кавказской линии, в своих «Воспоминаниях» писал:

«Во время Емануеля командующий войсками помещался в одноэтажном каменном доме, отделенном от последнего деревянного десятисаженным переулком. Вельяминов, купив соседний деревянный дом, соединил его со своим. Это соединение образовало огромный зал в 33 аршина длиной. Генерал Граббе пристроил еще несколько комнат. Преемник его, Гурко, еще прибавил от себя, так что образовалось громадное, но неуклюжее помещение...»

С Домом командующего в разные периоды истории связаны имена многих выдающихся сыновей России. Достаточно сказать, что здесь останавливались император Николай I и цесаревич, будущий император Александр II.

Здесь на обедах у ставропольских губернаторов перебывали практически все выдающиеся личности России, оказавшиеся в Ставрополе, в том числе Петр Багратион, Лев Пушкин, Михаил Лермонтов и прочие.

В 1870 году в Доме командующего было устроено казачье юнкерское училище. За более чем 25-летнее существование из его стен вышло немало в дальнейшем талантливых военачальников, таких, как, например, войсковой атаман Терского казачьего войска генерал-лейтенант Герасим Андреевич Вдовенко или будущие генералы Николай и Василий Щербина, князья Петр Орбелиани и Александр Эристов.

С закрытием училища здесь располагались различные штабы войск, в том числе Осетинский конный дивизион,

вырубивший под плац часть деревьев бывшей Вельяминовской рощи.

В советское время все строения Дома командующего были приспособлены под унылые коммуналки. Наконец на месте углового здания был построен Дом книги, а на месте восточных строений, в том числе дома Добрянского, – здание высотной гостиницы «Континет».

Александровская площадь

Сегодняшняя площадь имени Ленина, некогда простиравшаяся на юг чуть ли не до бывшего тюремного замка, первоначально именовалась Воробьевским предместьем, застроенным лишь по первой Воробьевской улице. По генеральному плану развития города, составленному архитектором Гайворонским, площадь должна была быть ограничена с юга зданиями Присутственных мест (вместо них *была построена мужская гимназия*), *с запада – зданием* Кавказской духовной семинарии, с севера – зданием нового штаба Кавказской линии (вместо штаба был возведен новый Гостиный ряд). В центре намечалось возвести величественный кафедральный собор, отчего площадь уже тогда наименовали Соборной.

В 1851 году с согласия наместника Кавказа Михаила Семеновича Воронцова площадь получила наименование Александровской «в память пребывания здесь Цесаревича наследника, будущего императора Александра II».

На Александровской площади на протяжении всех последующих десятилетий проводились базары, когда сюда из ближних и дальних сел и станиц съезжались крестьяне с плодами своего труда. Горожане здесь могли купить по низким ценам продукты питания: мясомолочные изделия, овощи, фрукты, рыбу, мед, зерно, муку, крупы и т.д. Каждый базар издали представлял собой людское столпотворение, хотя вблизи это были достаточно четкие ряды торгующих со снующими покупателями. От базаров и площадь получила свое второе название – Базарная. Из капитальных строений были на ней два керосиновых каменных ларя да весовая с метровыми чашами, подвешенными на цепях к кованому трехметровому коромыслу. На

чаши с пудовыми гирями укладывали мешки с тем же зерном или гору арбузов. Ближе к новому Гостиному ряду находилась часовня в память убиенных – Михаила Тверского и Александра Николаевича Романова, где крестьяне могли удовлетворить свою духовную потребность.

С установлением советской власти Александровская площадь была спешно переименована в площадь Луначарского. Базары здесь вновь ожили с приходом нэпа. Правда, весовой уже не было, а в часовне мучеников земли Русской товарищи устроили общественный туалет. Вскоре саму площадь переименовали в память самого главного из товарищей. К тому времени крестьяне, вчера еще везшие сюда продукты, умирали от голода, начавшегося с первых сталинских пятилеток. Да и площадь настолько заросла бурьяном, что кроме как добывать здесь камень, ничего другого не осталось.

18 августа 1962 года старую Александровскую площадь вслед за постройкой Дома Советов «украсил» памятник «вождя всех народов». В 1975 году здесь был установлен памятник Герману Лопатину, который, как известно, не принял октябрьский вооруженный переворот, поняв, какие страдания принесет он России.

Часовня в память великомучеников земли Русской

Напротив нового Гостиного ряда на Александровской площади вплоть до конца 20-х годов прошлого столетия стояла оригинальная каменная часовня. Ее посещали приезжающие в Ставрополь на Базарную, или Александровскую площадь крестьяне.

Рождение этого небольшого духовного центра связано с убийством царя-реформатора Александра II, чьим именем называлась площадь. Вся православная Россия подняла голос протеста против цареубийц, стремящихся толкнуть народ в хаос революционных потрясений. В Ставрополе, куда некогда приезжал будущий Александр II, тогда еще Цесаревич, во всех церквах и храмах прошли панихиды по новомученику земли Русской. Именно тогда решено было на той же Александровской площади возвести часовню в

память убиенного императора и св. Александра Невского, некогда спасшего Отечество.

3 апреля 1881 года городская Дума приняла решение: «В память в бозе почившего Государя Императора Александра Николаевича открыть при городской управе подписку на постройку в гор. Ставрополе часовни во имя Св. благоверного князя Александра Невского и в память Императора Александра II». Деньги на постройку часовни жертвовали все, от окраинного мещанина до купца 1-й гильдии, от простого чиновника до губернатора.

Между тем комиссия по стройке, созданная из почетных граждан – А. Нестерова, М. Меснянкина, О. Третьякова и других, – решала вопрос о месте возведения часовни. В справке в Управу они писали: «Правая сторона Александровской площади, где планируется возведение часовни, вся занята трактирами, питейными заведениями и постоялыми дворами, а задняя – открытыми торговыми столами и возами продаваемого мяса, рыбы, всякого старья и еврейскими лавками. Здесь нет места для молитвы и спокойного содержательного настроения. Суетные споры, нужда и разгул не просят этого места. Лучшее место для часовни – напротив Гостиного ряда...»

Часовня была окончательно отстроена в 1890 году по проекту известного ставропольского архитектора Федора Кнорре и обошлась обществу в 4877 руб. 26 коп. серебром. Иконостас был выполнен Дундукиным из привозного кипарисового дерева. Иконы св. Александра Невского, св. Николая Чудотворца, св. Андрея Первозванного были доставлены из Москвы.

Новая часовня, устроенная в память великомучеников земли Русской, была освящена в присутствии многотысячной толпы горожан и приезжих крестьян епископом Кавказским и Екатеринодарским Евгением и причислена к Казанскому кафедральному собору. Тогда же на имя Ставропольского генерал-губернатора Никифораки пришла телеграмма из Министерства внутренних дел России, где сообщалось: «По случаю открытия в Ставрополе и освящения часовни во имя святого Благоверного князя Александра Невского и в честь памяти императора мученика Александра II получена всемилостивейшая благодарность от государя императора Александра III».

Часовня на Александровской площади оставалась действующей до середины 20-х годов прошлого столетия, пока рьяные атеисты Ставрополя не превратили ее в общественный туалет, чтобы затем она разделила участь большинства церквей города.

Новый Гостиный ряд

В 1852 году городская Дума решила устроить на Александровской площади каменный в два этажа новый Гостиный ряд. «Обьявить торговцам, – говорилось в заявлении Думы, – буде они желают устроить на новой Базарной площади новый Гостиный ряд, то подавали бы об этом просьбу до апреля следующего года».

Желающих оказалось более чем достаточно, но прошло еще 20 лет, прежде чем задуманное было осуществлено. Так в 1872 году на северной стороне Александровской площади, до этого имевшей разные наименования – Воробьевская, Соборная, Парадная, а в советские годы – им. Луначарского и, наконец, Ленина, на средства ставропольского купечества по проекту архитектора Павла Григорьевича Воскресенского и архитектурного помощника П. Никифорова, строительным подрядчиком Г. Масловым был возведен каменный в два этажа новый Гостиный ряд.

Новый Гостиный ряд украсил огромную Александровскую площадь.

Здесь торговали самые известные ставропольские купцы – Стасенковы, Плотниковы, Деревщиковы, Меснянкины, Конюховы... При этом их торговые лавки располагались на первом этаже здания, а товар они держали на втором.

Между тем проектировщик Гостиного ряда П. Воскресенский писал в местную газету «Ставропольские губернские ведомости»:

«Я строю не только для настоящего, но и для будущего: может быть, когда-нибудь город вздумает устроить здесь концертный зал, народную аудиторию или что-нибудь в этом роде».

Действительно, если первоначально в здании обосновались местные купцы, открывшие свои торговые лавки с

товарами на втором этаже, то в 1911 году верхний этаж занял музей наглядных пособий Праве, до этого ютившийся в небольшом помещении. Правда, на перестройку потребовалось 37000 рублей серебром. При этом были сделаны железобетонный пол восточного крыла верхнего этажа, внутренний балкон для осмотра экспозиций, поставлены специально изготовленные витрины и шкафы, устроено паровое отопление, электрическое освещение... Тогда же «...из прохода, что посреди здания, служившего местом торговли мелких торговцев и коробейников, сделали великолепный вестибюль...»

Наряду с учебными пособиями основателя музея Г.К. Праве в экспозиции музея находились коллекции, собранные зоологом Н. Динником, ботаником А. Норманом, историком И. Кувшинским. Коллекционер-любитель Вл. Евсеев пожертвовал музею древнее индо-персидское оружие: стальной шлем, такую же кольчугу, щит, налокотники, шашку с золотыми насечками и серебряной рукояткой, меч, секиру и булаву, употребляемые в ритуальных праздниках, коллекцию персидских серебряных монет...

С начала Первой мировой войны фонды музея пополнились экспонатами музея Самурского пехотного полка, ушедшего из Ставрополя на фронт. То были награды самурцев – георгиевские трубы, разнообразные награды за победу над персами и турками, за взятие Хивы и Бухары, за пленение Шамиля и пр. Была здесь и уникальная коллекция кавказского оружия, ставшая основой «оружейной палаты» музея. Уже позже в музее были размещены экспонаты военно-исторического музея «Храм Славы» из Тифлиса, перевезенного сюда в связи с возможным вторжением Турции в Грузию.

В советские годы музею Г.К. Праве был передан и нижний этаж бывшего Гостиного ряда. Тогда же его экспонаты пополняются картинами известных мастеров и произведениями искусства, экспроприированными у буржуазии. Так сюда попали экспонаты некогда знаменитой картинной галереи наследников купца Алафузова. В 1921 г. из Пролетарского музея Москвы была доставлена партия картин, изъятых у московских буржуа.

В 1925 г. в музее создается художественный отдел, куда в том же году из Московского центрального хранили-

ща музейного фонда доставляется 111 предметов: картины Левитана, Брюллова, Поленова, Левицкого; художественные изделия из венецианского стекла, саксонского фарфора и пр.

В 1927 г. музей им. Праве сливается с музеем Северного Кавказа им. Г. Прозрителева с его богатейшими этнографическими и прочими экспонатами.

В период временной оккупации Ставрополя немецкими войсками краеведческий музей подвергся частичному разграблению. Были похищены кавказское оружие, коллекции древних монет и целый ряд картин, в том числе – И.К. Айвазовского, В.В. Верещагина, А.А. Писемского и других. При отступлении немецкие поджигатели попытались поджечь здание, но группа юных патриотов во главе с Владимиром Косиновым сумела предотвратить этот варварский акт (вся группа из пяти человек погибла в тот день).

В 2005 г. краеведческий музей имени Г. Прозрителева и Г. Праве отметил свое 100-летие. Сегодня это уже музей-заповедник с тысячами уникальных экспонатов от скифского золота до скелета мастодонта...

Заезжий двор на Флоринке

К западу от бывшего нового Гостиного ряда, от сегодняшней улицы Булкина до ул. Кавалерийской, вся территория с середины прошлого века принадлежала роду купцов Меснянкиных. Там, где сегодня находится здание СШ № 5, раньше располагался их угловой двухэтажный каменный дом, в нижнем этаже которого находились торговые лавки, а весь второй этаж занимала 2-я мужская гимназия.

Противоположный угол с Флоринским переездом (сегодня – улица Кавалерийская, где некогда жил чиновник Флоринский) занимал еще один угловой двухэтажный каменный дом, известный как заезжий двор, принадлежавший Прокофию Ивановичу Меснянкину. Сам дом был построен в 1882 году под наблюдением архитектора Георгия Федоровича Прокопца, центральная часть дома выходила на Александровскую площадь, а боковое крыло – на Флоринку.

Дом Прокофия Меснянкина не отличался наружным блеском, украшением его стал лишь большой балкон на чугунных опорах да железное крыльцо внутри двора с сохранившимися до наших дней инициалами «П.И.». Внутренние апартаменты представляли собой две застекленные галереи, объединенные между собой дубовыми лестницами с такими же перилами, превосходно сохранившимися до наших дней. Из галерей можно было попасть в номера, а также в гостиную, где вечерами выступали «арфянки», как именовали исполнительниц народных песен в сопровождении балалаечников.

Со смертью Прокофия Меснянкина заезжий дом перешел его сыновьям – Семену, Василию, Михаилу, Ивану и Алексею. Наследники сдали заезжий дом в аренду предпринимателю Кириллу Вонифатьевичу Спичкову. «Заезжий двор Спичкова, – сообщает архивный документ, – довольно обширный. Имеются прилично обставленные номера, общий зал, особая комната – «чайный буфет», кухня, прачечная... Во дворе навес для лошадей, загоны для скота...»

В советское время бывший «Двор на Флоринке» стал сначала «общагой для новобранцев», потом жэковской коммуналкой, каковой остается и поныне.

Особняк Крутицкого

Этот неординарный старый особняк сейчас занимает ставропольский радиотелецентр. История этого здания берет свое начало с 50-х годов XIX столетия, когда это, тогда еще пустое место, приобрел известный ставропольский предприниматель Яков Николаевич Крутицкий. За глаза, да и в глаза его еще именовали «угольным королем», ибо он был арендатором, вместе с Лавром Ермоловичем Павловым, Каракентского каменноугольного рудника на Кубани, недалеко от сегодняшнего Карачаевска.

Разбогатев на поставках каменного угля, Яков Крутицкий решает на приобретенном в Ставрополе усадебном месте возвести дом-дворец. Белокаменный, в два этажа, с боковыми надстройками третьего этажа, большим центральным балконом и боковыми выдвинутыми остеклен-

ными лоджиями, двумя парадными входами, дом этот стал украшением города.

Вновь выстроенный дом Яков Крутицкий вскоре сдал в аренду под Ставропольскую духовную семинарию, занявшую и соседний двухэтажный дом Петра Тутова. Помимо учебных классов, здесь же была размещена и домовая церковь в честь св. Димитрия.

В 1889 году Крутицкий продает свой дом купцу Даниле Петровичу Извозщикову, являвшемуся статским советником и возглавлявшему канцелярию ставропольского генерал-губернатора Арнольда Львовича Зиссермана. Со смертью Данилы Петровича хозяином дома стал его сын Павел, офицер русской армии. В доме отца он устроил что-то вроде офицерского собрания, где собирались местные офицеры, в том числе братья Ртищевы – Петр и Павел. И когда в Ставрополе была провозглашена советская власть и началась «охота» на вчерашних офицеров, дом Павла Даниловича Извозщикова стал штабом по подготовке восстания против большевиков. В ночь с 27 на 28 июня ими был поднят мятеж, вошедший в историю как «офицерский», закончившийся поражением восставших. Как сообщали современники, последним оплотом восставших был дом Павла Извозщикова, засевшие в нем офицеры отчаянно, до последнего человека сражались с большевиками...

В 20-е годы бывший особняк Крутицкого-Извозщикова пугал обывателей пустыми глазницами окон и внутренним мраком. После того страшного боя окрестные жители растащили оставшуюся мебель, а двери, полы и прочее дерево пошло на отопление. И лишь в 1930 году дом этот приспособили под общежитие для студентов Ставропольского педагогического института.

В 1987 году в старом особняке обосновался Ставропольский радиотелецентр. Затем был надстроен третий этаж. Сегодня к дому, с западной стороны, где еще вчера находилось два одноэтажных каменных дома, принадлежащих до революции купеческой династии Рудневых, сделана пристройка в точности повторившая фасад старого дома. Получилось неплохо, а главное, расширился сам центр телевещания. И все же жалко, что мы постоянно теряем первоначальный облик города, в том числе и здесь.

Лермонтовский сквер

Западная часть бывшей Александровской площади, где сегодня раскинулся сквер-дендрарий, неофициально именуется Лермонтовским сквером. Здесь в начале 60-х годов прошлого столетия по проекту архитектора И. Лысяковой городским трестом «Горзеленстрой», руководимым И.И. Бурымом, началось устройство сквера-дендрария. Иван Иванович Бурым из Кисловодска привез декоративный боярышник, который и сегодня своим нежно-розовым цветом радует глаз. Из Нальчика доставили голубые ели, а из Армавира – восточный платан. Вместе с Василием Васильевичем Скрипчинским он ездил в Архызский заповедник за березами, но таких, какие нужны были для главной площади, – стройные, ровненькие, одного «роста», – в горах не нашли, пришлось везти из Брянска.

Так буквально на сплошном камне поднялся сказочный сад, где представлены деревья и кустарники чуть ли не всей России. Сквер-дендрарий стал неповторимым цветком в зеленом ожерелье Ставрополя.

В 1964 году закончилось строительство нового драматического театра имени Михаила Юрьевича Лермонтова. В сквере-дендрарии в октябре 1994 года, в канун 180-летия со дня рождения великого русского поэта, был установлен скульптурный портрет Лермонтова, выполненный скульптором Н.Ф. Санжаровым. Автор этой книги неоднократно обращался к городским властям с предложением украсить имеющийся здесь безликий фонтан чугунными скульптурами героев произведений Михаила Юрьевича Лермонтова, но даже не получил ответа. Наконец, общественность города не раз поднимала перед властями вопрос об официальном наименовании этого уголка бывшей Александровской площади Лермонтовским сквером, но он так и не решен.

Воробьевка

С устройством Ставропольской крепости вокруг нее возникли и первые поселения будущего города – станица хоперских казаков и солдатские слободки. Одна из них рас-

положилась к западу от крепостных сооружений, первым поселенцем был отставной солдат Воробьев. Его фамилией стала именоваться не только сама слобода, обосновавшаяся на плато долины речки Члы (в дальнейшем – Ташлы) с дремучим лесом, но и весь равнинный западный участок будущего города. В юго-западной части этого пустыря возникло и одно из первых городских кладбищ, долго именуемое Воробьевским (район медицинской академии). Площадь перед домом командующего также именовалась Воробьевской.

Согласно плану Ставрополя за 1815 год, обнаруженному в Госархиве, Воробьевская слобода начиналась за табачной плантацией (где много позже была построена церковь Св. Андрея Первозванного с прилегающей к ней территорией). Первоначально то был один ряд строений, в 1840 году дополненный вторым, отчего образовалась целая улица, наименованная Воробьевской.

В «Кавказском календаре» за 1855 год говорилось о Воробьевской улице: «Эта часть города, расположенная на возвышенной равнине и признанная в климатическом отношении самой здоровой, состояла из одной улицы, которая простиралась в длину не более как на целую версту. Постройки приносили жителям значительный доход, будучи отдаваемы медикам или другим лицам внаем, искавшим во время лета успокоения от городского шума и жары».

Первыми владельцами усадебных мест на Воробьевке были в дальнейшем известные ставропольские купцы Тутовы, Росляковы, Поваляевы, Леденевы, Воротниковы, Крупицкие, Меснянкины, Черновы... Род Воробьевых, к сожалению, в дальнейшем ничем себя не проявил, оставив о себе память лишь в наименовании этой улицы. Правда, в 60-х годах XIX столетия параллельно 1-й Воробьевской улице возникла 2-я Воробьевская, с устройством в начале ее мужской гимназии переименованная в Гимназическую (сегодня М. Морозова).

Первоначальный облик 1-й Воробьевской улицы в какой-то мере дошел до нас благодаря сохранившимся здесь некоторым строениям первой половины позапрошлого века. Это были деревянные срубы, обмазанные глиной или обшитые тесом, с небольшими оконцами со ставнями.

В усадьбе имелись хозяйственные постройки, обязательно – выложенный камнем колодец и, конечно, большой сад.

Из значительных строений первой половины позапрошлого века здесь сохранилось здание Комиссариатского депо, где складировался армейский провиант, доставляемый сюда подрядчиками-купцами. Это – зерно и мука, различные крупы, солонина, масло и жиры, а также фуражное зерно.

На протяжении долгих десятилетий на Воробьевке проживали многие и многие выдающиеся сыны России. Так, в доме по сегодняшней ул. Дзержинского, 189, в 1832-1833 годах жил выдающийся русский композитор, автор знаменитого «Соловья» – Александр Александрович Алябьев. Здесь он устраивает первый в городе музыкальный салон, посещаемый местными и всеми приезжими музыкантами. Здесь он пишет целый ряд музыкальных произведений, таких, как «Черкесская песня», на слова Дениса Давыдова – романс «Сижу на береге потока», «Французскую кадриль» и др.

В самом конце Воробьевской улицы, где находились мощные родники и где позже возникла знаменитая Мойка, располагался огромный этапный двор в усадьбе купцов Росляковых. Здесь содержались заключенные, которые затем этапировались в тюрьмы губернии.

Наконец, самым значительным заведением здесь был Воробьевский питейный дом. Деревянный, в два этажа (предположительно, сегодня – ул. Дзержинского, 177), он был наиболее старым строением и принадлежал известному откупщику питейных заведений Чернову, а затем его наследникам. Кстати, Чернову принадлежал и большой питейный дом на Большой Черкасской. Вполне возможно, что в доме этом не раз бывали М. Ю. Лермонтов и его друзья.

С конца XIX и в начале XX века Воробьевская улица стремительно меняла свое лицо. Вместо пришедших в ветхость деревянных строений возводились новые, каменные или из красного кирпича. Фасады зданий украшала лепнина, резные ставни и парадные двери с обязательной кованью, как именовались надкрылечники, фигурные водосточные трубы и надфасадные сооружения, чердачные окна и арочные въездные ворота с узорными калитками. Что ни дом, то фантазия в камне, металле, дереве и цвете.

Все это, а также зеленое раздолье и тишина делали Воробьевскую улицу, с 1914 года переименованную в Лермонтовскую, самым прекрасным районом города.

Сегодня от былого великолепия этого уголка Ставрополя почти ничего не осталось. Часть строений была уничтожена, другие пришли в ветхость, третьи изуродованы людьми, в них живущими. Конечно, далеко не все сохранившиеся строения этого района достойны внимания. Но все же – это дома купцов Меснянкиных, Воротниковых, Черновых, Волобуевых, Молчановых, полковника Гладкосадцатского и ряда других. Но их состояние, в том числе фасадов, вызывает горечь. Увидели бы их хозяева до чего обезобразили эти небольшие жемчужины градостроительства новые жильцы из светлого вчерашнего и дня сегодняшнего. К тому же как грибы вырастают огромные домовые монстры, подминая всю нашу историю, в том числе этого заповедного уголка Ставрополя.

Андреевская церковь

Первая церковь Св. Апостола Андрея Первозванного, как писал краевед Бентковский, «была построена в 1847 году за общественный счет под наблюдением Преосвященного Иеремии с той целью, чтобы основать здесь со временем архиерейский дом и мужской монастырь».

Архивных документов по устройству этого духовного центра пока найти не удалось. Лишь в одной из консисторских описей говорилось, что вновь устроенному храму были пожертвованы местными церквами «одежды из красного штофа с позументом, из голубого штофа; воздухи, покровы из серебряной парчи с бахромой и вензелями, ризы из бархата, парчовые с белыми, красными и зелеными фигурами, с крестами и звездами, шитыми золотом, такие же пояса; поручи из цветной шелковой материи... Лампады, кадило, святые чаши, серебряные и позолоченные, семисвечники, ставники, дарохранительницы и дароносительницы, паникадила, серебряное блюдо для благословения, венцы серебряные вызолоченные брачные, крест серебряный... иконы Нерукотворного Образа Спасителя, Св. Апостола – Андрея Первозванного».

В 1897 г. принимается решение о переустройстве старой Андреевской церкви, вмещающей не более 500 прихожан, в новую, для 1500 молящихся. Предстояло разобрать все стены церкви, кроме подпирающей новый Архиерейский дом, пилоны и купол. Затем уже «возвести стены на новых местах, возвести новые пилоны, увеличить их толщину и высоту, все части церкви внутри должны иметь цилиндрические своды, опирающиеся на наружные своды и на подпружные арки».

Над проектом этого переустройства, а по существу нового храма, работали известные ставропольские архитекторы – сначала Бржезицкий, затем Гут, а потом Кусков. Именно благодаря Григорию Кускову внешний и внутренний облик храма (стоимостью в 175000 рублей серебром) вобрал в себя лучшие черты русского церковного зодчества. Фасад здания, разделенный карнизами на три яруса, украшали полукруглые окна с декоративными коваными решетками и арочными наличниками. Над тамбуром возвышались вытянутые главки. Восьмигранный барабан храма с большими, тоже полукруглыми окнами, капителями, венчался куполом из штампованных железных пластин, увенчанным вызолоченным крестом на удлиненной луковице, который как бы парил в голубизне неба.

Внутренние своды опирались на 12 колонн, декорированных пилястрами с вазами и капителями. На хоры, огражденные точеными балясинами тонкого рисунка, вели узорчатые чугунные ступени винтовой лестницы. Между приделами в честь Св. Казанской Божией Матери и Св. Николая Чудотворца располагался центральный престол с кипарисовым, полностью вызолоченным трехъярусным иконостасом, вмещавшим более 50 икон. В росписи храма, отличавшейся необыкновенной одухотворенностью, участвовал осетинский поэт и иконописец Коста Хетагуров.

«14 декабря 1897 года, – сообщали «Епархиальные ведомости», – совершилось торжественное освящение епископом Агафодором новоустроенного храма во имя Св. Андрея Первозванного при Ставропольском Архиерейском доме».

Новое Архиерейское подворье с церковью Св. Андрея Первозванного и здесь же возведенной церковью Св. Владимира с двухъярусной звонницей, с новым зданием Ар-

хиерейского дома, воздвигнутое к 900-летию христианства на Руси, стало главным духовным очагом огромной Ставропольской епархии.

С восточной стороны ограды храма Св. Андрея Первозванного и церкви Св. Владимира хоронили самых достойных граждан города. Здесь был погребен генерал-губернатор Н.Е. Никифораки, национальная героиня Первой мировой войны Римма Михайловна Иванова, купец 1-й гильдии Меснянкин и другие. Здесь же было погребено более 120 русских офицеров, представителей городской интеллигенции, гимназистов, замученных большевиками в 1918 году.

С собором Св. Андрея Первозванного связан и проходивший здесь Юго-Восточный русский Поместный собор, где, в частности, выступал с пламенной речью Антон Иванович Деникин, призывая народ прекратить братоубийственную войну. На соборе был избран Временный церковный совет с целью приложить все усилия по возрождению православной России.

В советское время храм Св. Андрея Первозванного не подвергся разрушению (была лишь сбита двухъярусная звонница с церкви Св. Владимира, сегодня возрождаемая), в нем было устроено архивное хранилище. В период немецкой оккупации храм вновь стал действующим, а после Собора Русской православной церкви 1943 года началась новая страница его истории.

Консистория

К неординарным по своему назначению строениям бывшего Воробьевского предместья относится и двухэтажное каменное здание напротив Андреевской церкви, занимаемое библиотекой Ставропольского государственного университета.

На обнаруженном в крайархиве плане этого района Ставрополя за 1845 год, выполненном рукой некогда известного ставропольского архитектора А. Бернштейна, первым хозяином этого усадебного места, примыкавшего к участку, отведенному еще в 1833 году под строительство Кавказской духовной семинарии, был указан из-

вестный ставропольский строительный подрядчик Тутов.

В начале 70-х годов позапрошлого столетия дом перешел во владение малоизвестной ставропольской купчихи Марии Шуриной. Но именно в те годы Кавказская духовная семинария из арендуемых частных домов нижней части города перебирается к Воробьевскому предместью, где находилась церковь во имя Св. Андрея Первозванного и где предполагалось строить новое Архиерейское подворье. Именно тогда под семинарию снимаются дома Петра Тутова, Якова Крутицкого и Марии Шуриной.

В 1889 году дом Марии Шуриной приобретается на деньги Св. Синода под Ставропольскую духовную консисторию, каковой она оставалась до установления здесь советской власти.

В первые советские годы в бывшем здании консистории обосновались школа 1-й ступени, или начальная школа, затем – детприемник. С образованием в Ставрополе на базе экспроприированного здания духовной семинарии Ставропольского агропедагогического института, в дальнейшем просто педагогического, старый консисторский дом заняло общежитие для девушек-студенток. Таким оно и оставалось до начала Великой Отечественной войны. С того времени здание занял один из госпиталей, где лежали тяжелораненые бойцы и командиры Красной армии.

С конца 40-х годов в бывшей консистории разместился Институт иностранных языков, отделившийся как факультет от Ставропольского педагогического института. С переездом института в Пятигорск в 50-е годы здание это вновь отошло к пединституту (сегодня – Ставропольский государственный университет). Здесь расположилась его богатейшая научная библиотека.

В настоящее время закончена надстройка еще двух этажей, что позволило расширить университетскую библиотеку.

Лермонтовский домик

К наиболее значимым строениям бывшего Воробьевского предместья относится и одноэтажный деревянный дом по сегодняшней улице Дзержинского, 183-185. Пер-

выми хозяевами этого усадебного места была семья Щербаковых. Александр Щербаков, в ту пору гимназист, а в дальнейшем – кутаисский генерал-губернатор, вспоминал:

«В Ставрополе моя мать имела дом на Воробьевке, в котором жили такие личности, как декабрист Палицын (тогда уже поручик Тенгинского полка), доктор Майер, рядовой или, кажется, унтер-офицер Бестужев, носивший синюю со шнурками венгерку, незабвенный поэт наш Лермонтов и красивый и бравый Колюбакин в толстой солдатской шинели...»

Дом этот, где жил М.Ю. Лермонтов, автору этой книги пришлось искать долго. Хотя было известно, что на нем краеведом Г. Прозрителевым была установлена в 1927 году, когда отмечалось 150-летие Ставрополя, мемориальная доска. Но она не сохранилась.

И вот старожил города П.С. Марков письменно сообщил: «В 1928 году, обучаясь в школе на бывшей Параллельной улице (сейчас Ломоносова), мы с учительницей Е.А. Макеевой ходили к Архиерейскому пруду через калитку дома по сегодняшней улице Дзержинского, 183. На доме находилась мемориальная доска, что в нем жил М.Ю. Лермонтов. Вблизи дома рос дуб, под которым учительница читала нам лермонтовские стихи.

Так был найден Лермонтовский домик.

Первоначальный облик здания до нас не дошел. Но, как видно сегодня, это было деревянное строение, оштукатуренное и побеленное, под тесовой или камышовой крышей. С западной стороны находилась веранда, дошедшая до нас. Как вспоминают старожилы этого района, в глубине усадебного места, у обрыва к Ташлянской долине, находился еще один дом под камышовой крышей. Вниз по склону тянулся большой фруктовый сад, который переходил в дремучий Архиерейский лес.

В конце 40-х годов XIX столетия усадьба Щербаковых перешла во владение коллежского советника полковника Щербины, сдавшего всю усадьбу под филиал военного госпиталя, где помещались обер-офицеры. Об этом, в частности, писала Марфа Дробязгина: «Госпиталь из моего дома (находился на Воронцовской улице) переведен в

1849 году в дом коллежского советника Щербины на Воробьевке».

В конце 60-х годов XIX столетия усадьба перешла во владение губернского чиновника по особым поручениям Якова Динника. Здесь у него рождается сын Николай, который после учебы в местной гимназии заканчивает Московский университет. С дипломом естествоиспытателя он возвращается в Ставрополь, став преподавателем в местных гимназиях. В летнее время он совершал поездки по всему Северному Кавказу, результатом которых стали его научные статьи в журналах России – «Природа», «Известия Кавказского отделения географического общества» и других. Его перу принадлежит двухтомник «Звери Кавказа», отмеченный Академией наук России почетной Ахматовской премией.

В своем доме Николай Яковлевич Динник устроил зоологический музей с многочисленными сделанными им чучелами животных и птиц, отчего в народе дом стал именоваться «Охотничьим домиком». Памятью об исследователе стал пик Динника в горах Кавказа, обнаруженный им неизвестный ранее тур Динника, кавказская ласка Динника, предкавказский земляной зайчик.

В 1927 году, когда Ставрополь отмечал свое 150-летие, на здании была установлена мемориальная доска, сообщавшая, что в этом здании в 1840-41 гг. жил Михаил Юрьевич Лермонтов.

ГЛАВА VI. БЫВШИЕ БАРЯТИНСКАЯ, МАВРИНСКАЯ, ГОСПИТАЛЬНАЯ

Барятинская улица

С устройством Ставропольской крепости к югу от нее, за массивом Черного леса начали селиться отставные солдаты. Тогда и возникла Первая Солдатская, или Слободская улица (сегодня ул. Комсомольская). Застраивалась она турлучными домами под камышовыми крышами, затем – уже более добротными, но, как правило, одноэтажными строениями.

С победным окончанием Кавказской войны, когда вождь горцев имам Шамиль был пленен нашими войсками во главе с генерал-фельдмаршалом князем Александром Ивановичем Барятинским, Первую Солдатскую переименовали в Барятинскую.

Александр Иванович Барятинский, князь, выпускник Петербургской юнкерской школы, в 1835 году был направлен в Отдельный Кавказский корпус, где получил первое ранение. Первоначально попал в Ставропольский госпиталь, откуда на дальнейшее лечение выехал во Францию, а затем в Англию. Здесь он увлекся собирательством книг, которые потом в количестве 42 тысяч томов попали в московский Исторический музей и Румянцевскую библиотеку.

В 1845 году он вновь на Кавказе, где под началом М.С. Воронцова участвует в многочисленных сражениях с мюридами Шамиля. В чине генерал-адъютанта он возглавил штаб Кавказской армии, став затем главнокомандующим всех вооруженных сил. С 1856 года он уже по воле Александра II становится наместником на Кавказе. И, наконец, возглавляемые им войска взяли штурмом неприступную крепость Гуниб, где был пленен сам Шамиль.

Александр Иванович Барятинский, кроме участия в военных действиях, много сделал для процветания Кавказа. При нем была устроена Военно-Грузинская дорога, на Кубани открылось пароходное движение. Он начал крестьянскую реформу, способствовал росту промышленности, торговли.

В дореволюционном Ставрополе берегли память о выдающемся сыне Отечества. Его именем был назван новый парк на Соборной, бывшей Крепостной горе. Первая Солдатская также получила имя Барятинского, в память как о его победах в Кавказской войне, так и о его вкладе в развитие губернского Ставрополя.

Название улицы в честь генерал-фельдмаршала Александра Ивановича Барятинского просуществовало до 30-х годов прошлого столетия, когда с плана Ставрополя начали стираться старые, еще сохранившиеся названия улиц в честь российских генералов, побед русского оружия в многочисленных сражениях с недругами России, выдающихся горожан и др. Тогда и стала Барятинская улица Комсомольской, возможно, в честь райкома комсомола, облюбовавшего дом Торбина на этой улице под свое партийное заведение. Так была стерта память как еще об одном выдающемся согражданине, так и о Кавказской войне.

И еще одна маленькая деталь – в период временной оккупации Ставрополя немецкими войсками, начавшейся 3 августа 1942 года, улица стала именоваться улицей Третьего августа. Кстати, тогда же все советские наименования улиц города были заменены на новые или получили свои исконные дореволюционные названия.

Варваринское кладбище

Улица Барятинская начиналась от старого Варваринского кладбища, устроенного чуть ли не с момента закладки Ставропольской крепости. Здесь находили вечный покой первые поселенцы города, военные чины, чиновники, купцы. В 1848 году известный ставропольский купец и благотворитель Федор Стасенков начал здесь строительство церкви в честь Св. Варвары, о чем сообщает найденный архивный документ:

«...С архипастырского благословения Вашего Господь Бог сподобил меня устроить храм во имя Св. Великомученицы Варвары над прахом моих родителей. Как я в настоящее время делаюсь слаб и дряхл и потому скоро должен переселиться в Страну Вечности, то, чтобы храм сей в дальнейшем не встретил какого-либо недостатка, я по-

ложил в Московский опекунский Совет 10000 рублей серебром на вечное время с тем, чтобы проценты были употреблены на ремонт или украшение церкви...»

Краевед И.В. Бентковский писал о самой церкви:

«...Церковь эта, хотя и не так обширна, но по внутренней своей отделке и наружной красоте занимает видное место среди церквей города. В ней есть замечательный образ Великомученицы Варвары во весь рост, украшенный богатою серебряной ризой известного московского художника-ювелира Сазикова...»

В 1866 году в нижнем этаже Варваринской церкви была устроена греческая церковь во имя Св. пророка Ильи. При церкви возвели каменный церковно-причтовый дом, здание трапезной для богомольцев и дом сторожа, где к тому же изготовляли просфоры.

На территорию Варваринского кладбища, представлявшего из себя вытянутый с запада на восток прямоугольник, ограниченный линиями сегодняшних улиц Спартака, Голенева, Комсомольской и Р. Люксембург, можно было попасть с западной стороны через арочные, украшенные иконами ворота. Отсюда к церкви шла каштановая аллея. С южной стороны имелась каменная калитка с постоянно горящей лампадой под иконой Богородицы. Масло для лампад «на все времена» было пожертвовано купцом Никитой Плотниковым. Между калиткой и церковью находился бассейн, где в Крещение освящалась вода.

Между тем уже с конца XIX века закрытое Варваринское кладбище быстро разрушалось, о чем с тревогой писал краевед Г.Н. Прозрителев:

«...В Ставрополе на старом Варваринском кладбище имеются прекрасные памятники из мрамора, часто художественной работы, но их постигает печальная участь. Несмотря на величину памятников и вес, куски мрамора отбивают и увозят для производства из него различных поделок.

Прекрасный памятник полковнику Бражникову, стоящий на кургане, совершенно разрушен, и глыбы мрамора валяются вокруг. А ведь это памятник 1826 года. В памяти старожилов сохранилось предание, что Бражников был декабристом, сосланным в гор. Ставрополь.

Здесь же ряд чугунных надмогильных досок семьи Ста-

ванковых, старожилов города, сделавших для него много доброго. Там же стоит довольно красивая часовня, запертая висячим замком. Кому она принадлежит и для чего возведена – неизвестно. Рядом лежит массивная каменная плита, судя по грубой отделке и грубой надписи, очень старая».

Как вспоминает старожил Ставрополя Г.И. Петров, отец которого уже в советские годы был настоятелем Варваринской церкви: «...наиболее плотные захоронения были в юго-западной части кладбища. Особенно мне запомнилось величественное чугунное надгробие с надписью: «Генерал-майор Иванов, 1810 год...»

Как явствует из документов, при сносе могил под первые, еще дореволюционные постройки, был обнаружен скелет мужчины с золотой монетой в челюсти. Оказалось, что это греческий стотер. Известно, что греки верили, что душа умершего должна была быть переправлена через святую реку Стикс, чтобы попасть в Царство Теней. И вот за переправу через реку надо было платить золотую монету. Родственники покойного, заботясь об его участи, положили монету в рот покойного, которую он должен был уплатить перевозчику...

Судьба старого кладбища с Варваринской церковью в советские годы стала еще более печальной. Газета «Власть Советов» от 24 декабря 1929 года писала: «...по городу Ставрополю проходят рабочие собрания, единогласно выносящие постановления о закрытии городских церквей и передаче их под культурные учреждения. Так, общее собрание рабочих пивзавода, хлебокомбината, горпо и учащихся девятилетки обратилось в горсовет с ходатайством о закрытии Варваринской и Архиерейской церквей и переделке их под клубы...»

Закрытая Варваринская церковь с колокольней, лишенной колоколов, простояла до второй половины 30-х годов прошлого столетия, когда была разобрана. Вконец запущенное Варваринское кладбище с кое-где белевшими надмогильными плитами с начала 60-х годов прошлого века начало застраиваться зданиями строительного техникума, Дворца культуры им. Ю.А. Гагарина, газетного издательского корпуса. Да, время берет свое. Но необходим какой-то мемориальный знак, который бы напоминал о людях,

некогда здесь захороненных, и об одной из церквей города. Правда, греческая диаспора возводит здесь часовню.

Третья женская гимназия

С южной стороны старого Варваринского кладбища в 1912 году был возведен белокаменный дом для третьей женской гимназии Ставрополя, неофициально именуемой Варваринской.

История строительства этого учебного заведения берет свое начало в 1904 году, когда городская управа направила письмо в Кавказский учебный округ:

«...Ввиду ежегодно увеличивающегося числа детей, желающих поступить в местные гимназии, и полной переполняемости заведений необходимо открыть третью женскую гимназию в г. Ставрополе».

Ответ был неутешительным: «В настоящее время рассчитывать на пособие от казны нельзя, ибо новых кредитов на развитие женской гимназии нет».

Между тем управа изыскивает средства и открывает новую гимназию в арендуемом доме Ртищева на Гимназической улице (сегодня – стоматологическая поликлиника на ул. Морозова).

Шли годы. Город по-прежнему искал возможность постройки для гимназии собственного здания. Был создан попечительский совет гимназии, куда входили известные педагоги, такие, как Н. Динник, В. Кувшинский и другие. В 1908 году архитектор Адриан Петрович Булыгин составил проект здания стоимостью в 115000 рублей серебром, привязав его к пустырю у Варваринского кладбища.

Здание возводили из специально обработанного кремнистого ракушечника – традиционного для Ставрополя строительного материала. Клали камень не спеша, добротно, на новороссийском цементе.

В 1912 году гимназия распахнула свои двери, выгодно отличаясь от Александровской и Ольгинской женских гимназий не только изяществом и легкостью всей наружной отделки, но и интерьерами. Из тамбура посетители и учащиеся попадали в просторный вестибюль с шинельной. Высокие, полные света коридоры и классные комнаты,

прекрасный актовый зал, оборудованные кабинеты, библиотека, две учительские с кабинетом директора, а также кабинет врача, мастерская для рукоделия, самоварная с кухней и столовой в цокольном помещении – все это делало новый духовный центр Ставрополя высокопрестижным.

В советское время в здании Варваринской гимназии одно время находилась Первая советская музыкальная школа, созданная по инициативе Николая Грязнова, затем – образцовая школа № 3. С началом Великой Отечественной войны здесь разместился военный госпиталь, а с захватом гитлеровцами города – их воинская часть. При отступлении немцы попытались разрушить здание, но мощный взрыв лишь сбросил перекрытие актового зала. Затем здание было восстановлено, а в 70-х годах к нему с южной стороны пристроили новый корпус, в сравнении со старым – серый и убогий по фасаду, уныло-типовой внутри...

«Замок привидений»

Бывшая Барятинская, и сегодня утопающая в зелени садов и еще сохранившихся деревьев-великанов по самой улице, к сожалению, застраивалась малоприметными, как правило, одноэтажными строениями. Хозяевами их были в основном достаточно обеспеченные люди – чиновники и купцы, военные и мещане. Но и сегодня здесь находится строение, равного которому нет как по архитектуре, так и по количеству легенд, с ним связанных. То дом под № 100, именуемый «замком привидений».

По одной из сохранившихся легенд, дом этот был построен «хлебным королем» Кавказа Гулиевым для своих любовниц. По другой – возвела его одна из грузинских княгинь, ставшая второй царицей Тамарой, и тени ее убитых любовников до сих пор не покинули дом.

К сожалению, никаких архивных документов по строительству этого дома пока найти не удалось. Известно лишь, что это усадебное место первоначально принадлежало купцу 1-й гильдии Игнатию Юдовичу Волобуеву, построившему здесь (под № 102) два доживших до нас кирпичных дома с арочными воротами. Затем усадьба перешла его дочери Анне Игнатьевне Волобуевой, вышед-

шей замуж за известного предпринимателя, почетного гражданина города и городского голову – Сергея Федоровича Деревщикова.

Рядом с отцовскими домами молодожены решили возвести новый, в четыре этажа, своей архитектурой напоминающий древний замок. Вскоре здание было возведено, но тут Деревщиков внезапно умирает, и Анна Игнатьевна продает дом. Новая владелица сдает дом постояльцам, среди которых был бакинский миллионер, владелец самых крупных мельниц на Кавказе – Ага Балы Гулиев. Несколько комнат снимала игуменья Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря Феофила. Здесь же верхний этаж занимали какие-то монахи из Закавказья, пугая обитателей дома черными сутанами с капюшонами и своими заросшими щетиной лицами.

С того времени в городе появились домыслы, что в доме-замке происходят непонятные бесовские деяния, сопровождаемые странными звуками, напоминающими то хохот, то рыданья...

Во время русско-японской войны в здании разместился госпиталь, где и выздоравливали или умирали от ран русские солдаты и офицеры, доставленные сюда из Манчжурии. С того времени здесь как бы поселился дух смерти. Затем был госпиталь Первой мировой войны, наконец – гражданский. Здесь несколько горских офицеров из «дикой дивизии» Добровольческой армии перерезали горло более 30 раненым красноармейцам, этим еще более усилив дурную славу дома. И когда в советские 20-е годы здесь же разместился один из многочисленных репрессивных аппаратов большевиков, люди стали обходить этот дом стороной. Правда, вскоре здесь обосновался туберкулезный диспансер, что, однако, не придало дому привлекательности. Более того, в городе муссировались слухи о якобы появлявшихся здесь по ночам привидениях с душами некогда умерших от ран или погибших от рук бело-красно-зеленых «мстителей».

Сегодня дом-замок, где в последнее время находилось общежитие медицинских работников, стремительно разрушается. Обрушились его уникальные балконы. Над карнизом западной квадратной башни дома еще сохранилось стилизованное под крепостную «зубчатку» каменное

ограждение, но над восточной округленной башней оно давно снесено. Нет и междубашенного каменного ограждения с огромными вазами для цветов. Некогда большие квадратные и узкие «готические» окна с зеркальным блеском стекла, давно выбитого и замененного на «бутылочное», уныло однообразны своей «новой» полусгнившей «столяркой» и грязными стеклами. Изуродован тамбур. Как и во всех апартаментах, о которых до нас дошли воспоминания современников, с мозаикой из красного и черного дерева и мрамором полов, вызолоченной лепниной стен и потолков, гобеленами, персидскими коврами и дорожками, хрусталем люстр и бра, роскошью каминов, бархатом гардин, венской мебелью, – от этого убранства ничего, естественно, не осталось. Теперь здесь все серо и уныло, как в жэковской коммуналке 30-х годов. Снаружи дом вообще смахивает на покойника от архитектуры, да так оно и есть. Давно погиб и роскошный сад в глубине усадьбы.

Дом-замок буквально взывает о помощи, но она, видимо, возможна только при новом хозяине этого исторического здания. Услышат ли этот крик власти?

Усадьба Лопатиных

Почти напротив «Замка привидений» стоит одноэтажный каменный, уходящий вглубь усадебного места «Г»-образный дом, вошедший в историю Ставрополя как «дом семьи Лопатиных».

Глава рода – Александр Иванович Лопатин – после окончания с золотой медалью Казанского университета по словесному отделению одно время работал библиотекарем в местной гимназии. Затем вел уроки истории и географии в Казанском Родионовском институте благородных девиц, где давал также уроки французского языка. Потом стал инспектором Нижнегородской гимназии, уже с чином коллежского секретаря. Позже, в чине надзорного советника, что соответствовало 7-му классу табеля о рангах и военному чину полковника, Высочайшим приказом был определен в Департамент государственного казначейства чиновником особых поручений. И, на-

конец, 24 января 1850 года был переведен чиновником особых поручений в Ставропольскую палату государственных имуществ.

Здесь, в губернском центре, проявив себя как исполнительный и деловой работник, он продолжал подниматься по служебной лестнице, к 1856 году став статским советником, что давало право на потомственное дворянство. Здесь, в Ставрополе, на Барятинской улице он строит дом, где у него рождаются сыновья – Герман и Всеволод. К этому времени семья Лопатиных, помимо дома с усадьбой, имела еще три имения с годовым доходом в 300, 1000 и 3000 рублей серебром.

И вот в благополучной семье, где дети проявили большой интерес к знаниям, появилась та самая «тифозная вошь», по образному выражению писателя Ильи Сургучева, «от укуса которой начиналась горячка, именуемая русским революционным бешенством». Начитавшись всех горе-утопистов, начиная с Томаса Мора и Кампанеллы, через Пестеля и далее Сазонова, Каляева, Бакунина, Ткачева, наконец, Герцена, Чернышевского и прочих, братья встали на революционную стезю, изредка посещая отцовский дом в сопровождении жандармских чинов и этим доставляя отцу и матери невыносимые страдания. Вместо того чтобы отдать свой талант, энергию на благо великой России, они оказались в лагере ее разрушителей, о чем позже очень сожалел Герман Лопатин. Надо сказать, что брат его, Всеволод, быстро разобрался в происходящем, став опорой отцу в последние годы его жизни.

Александр Николаевич Лопатин умер в 1888 году и был со всеми почестями похоронен на Успенском кладбище (уже в советские годы его могила, как и могилы многих других достойных граждан Ставрополя, была стерта с земли потомками «народовольцев»).

Общественность города Ставрополя добилась открытия в бывшем доме Лопатиных мемориального музея. Между тем жизнь семьи Лопатиных, как и многих других интеллигентных семей дореволюционного Ставрополя, – яркий пример жизни того времени, когда отцы и дети зачастую совершенно по-разному представляли себе будущее своего Отечества.

Сегодня здесь музей природы.

Дом Торбиных

На противоположной стороне бывшей Барятинской, чуть ли не напротив дома Кускова и сегодня стоит двухэтажный каменный дом, внешне во многом повторяющий дом губернатора на бывшем Николаевском проспекте.

Первоначально это усадебное место принадлежало известному ставропольскому купцу, предпринимателю и общественному деятелю Марку Павловичу Алафузову. Супруга Алафузова, Варвара Андреевна, на которую был записан дом, продает его в 1903 году Адриану Георгиевичу Торбину за 11 тысяч рублей.

Как явствует из архивных документов, Адриан Торбин чуть ли не пешком пришел в губернский центр из Вологодской губернии. Сначала работал в торговой лавке купцов Деревщиковых, затем – в артели каменщиков подсобным рабочим, а потом уже и каменщиком. Собрав деньжат, сколотил бригаду, первоначально строя дома на окраинах города. Не имея никакого образования, сам постиг искусство градостроения.

Вскоре Адриан Григорьевич Торбин, агенты которого доставляли из Новороссийска цемент лучшего качества, лес из Карачая, железо с Урала, сантехнику из Москвы, стекло из Германии, кафельную плитку для облицовки зданий из Голландии, уже строил самые престижные здания губернского центра. В приобретенном доме ему с семьей (жена и четыре дочери – Валентина, Елизавета, Ксения и Галина) было тесно, поэтому он решает на месте старого дома возвести новый.

В это самое время на противоположной стороне улицы, рядом со зданием Ольгинской гимназии, закончил строительство собственного дома известный ставропольский архитектор Григорий Павлович Кусков. У него тоже было четыре дочери – Галина, Ирина, Александра и Нина. Дочери Кускова, как и Торбина, учась в Ольгинской гимназии, сдружились, а с ними – и их родители. С этого времени Адриан Торбин становится одним из строительных подрядчиков зданий, проектируемых Г. Кусковым. Это – новое общежитие семинаристов на Гимназической улице (сегодня – штаб воинской части на ул. Морозова), там же – здание мечети, а также церкви и храмы в Ставропольской епархии.

Григорий Павлович Кусков спроектировал новый дом Адриана Торбина, который он и построил в следующем, 1904 году. Фасад здания, в какой-то мере повторяющего рисунок дома губернатора, украсил балкон с литой решеткой, отделанный стилизованными растениями и животными и инициалами хозяина дома, сохранившийся до наших дней. Дом украсили и две кариатиды, чуть ли не копии тех, что поддерживали балкон губернаторского дома, что так возмутило губернатора Янушевского, подавшего на Торбина в суд. Но кариатиды уцелели и были разрушены лишь в советское время.

Поражала богатством и внутренняя отделка здания. Это – пол первого этажа из метлахских плиток. На второй этаж вела чугунная литая с узорами и рифленой поверхностью лестница (сохранилась до наших дней). Гостиный зал был декорирован лепными филенками с растительным орнаментом. Все прочие комнаты также украшали лепные, расписанные красками, потолочные украшения и хрустальные люстры. Паркетные полы, изразцовые печи с лепными, барочного типа рисунками, прекрасная домашняя обстановка – все говорило о достатке семьи...

С установлением советской власти семья Торбиных была изгнана из своего дома, где сначала обосновалась какая-то воинская часть, затем – Кагановический райком комсомола г. Ставрополя, возглавляемый большевичкой А. Бахтиной. Потом здесь обосновалось краевое управление связи во главе с Л.А. Тер-Григоряном. После войны в бывших апартаментах Торбиных расположился краевой комитет радиовещания, возглавляемый сначала С. Бросовым, затем И. Лукьяновым. В разные периоды оттуда вели радиопередачи дикторы Б. Данильченко, Л. Черная, М. Кандыбко, З. Поздняева, Э. Каравинская...

Сегодня дом Торбиных занимают службы радиокомитета и электросвязи.

Усадьба Кускова

На противоположной стороне Барятинской улицы, сразу за восточным крылом Ольгинской гимназии, находи-

лась усадьба архитектора Кускова, которого при жизни именовали «творцом прекрасного».

Григорий Павлович Кусков родился 10 января 1871 года в ст. Новошерстобитовской Темрюкского отдела Кубанской области. После окончания в 1889 году Кубанского реального училища в Екатеринодаре, как лучший ученик, он получил право учиться в Петербургском институте гражданской инженерии.

«В институте в Петербурге, – вспоминал Кусков, – я получал Кавказскую стипендию, 25 рублей в месяц, зарабатывал и личным трудом, чертежами и рисунками, на строительных работах в качестве практиканта – и благодаря этому докончил образование».

В 1894 году Кусков был направлен в губернский Ставрополь, где вскоре получил должность губернского инженера. Он строит по всей губернии мосты, дороги, мельницы, водопроводы и прочие сооружения. В 1897 году перестраивает, а по существу, заново возводит в Ставрополе храм Св. Андрея Первозванного, затем возводит колокольню при Софиевском храме, мусульманскую мечеть. В губернии он возводит более 40 православных храмов, 5 мусульманских мечетей, 7 буддийских храмов (хурулов).

В 1899 году на усадебном месте своей супруги на Барятинской улице по собственным чертежам Кусков строит одноэтажный дом с большими светлыми комнатами, с любовью украшая фасад замысловатым каменным рисунком, кованым крыльцом и резной парадной дверью. Внутренняя планировка дома предусматривала все удобства для большой семьи архитектора. Гостиную украшал рояль, там музицировали четыре дочери архитектора. В рабочем кабинете главенствовали большой дубовый резной стол и большое резное кресло, кстати, сохранившееся до наших дней.

В первые же годы советской власти Кускова как «церковного строителя» со всей семьей вышвырнули из его дома, и он вынужден был поселиться в двух маленьких комнатушках старенького флигеля своего усадебного места.

Несмотря на то, что в годы советской власти Григорий Павлович Кусков работал на руководящих должностях в строительном отделе Ставропольского Совета народно-

го хозяйства и губисполкома, читал лекции на Красных архитектурно-дорожных курсах «десятников» и в Ставропольском институте сельского хозяйства и мелиорации, ему не только не позволили возвести хотя бы одно строение в городе или крае, но и не разрешили вернуться в свой дом.

Григорий Павлович Кусков скончался в полной безвестности в 1937 году, и могила его надолго затерялась на старом Успенском кладбище. И лишь не так давно она все же была найдена. На ушедшей в землю надгробной плите удалось прочесть: «Инженер Григорий Павлович Кусков, скон. 9.1.1937 г.».

Дочери Григория Павловича, а затем и его внучка Натэлла Захаровна сумели сохранить многое из рабочего кабинета нашего выдающегося земляка, а также вещи из гостиной, в том числе и старый рояль. Все это необходимо было бы вернуть в дом Григория Павловича Кускова и открыть в нем музей памяти всех архитекторов старого Ставрополя.

Мавринская – Госпитальная

Сегодняшняя улица Ленина в дореволюционный период имела, как и прочие улицы Ставрополя, разные наименования. На восток от сегодняшнего пр. Октябрьской революции она первоначально именовалась 2-й Солдатской, или Слободской, затем вплоть до революции – Мавринской от имени одной из дочерей наместника Кавказа М.Н. Романова.

К западу от сегодняшнего проспекта улица именовалась Соляным переулком, в связи с расположенными здесь соляными складами. С 40-х годов XIX столетия, с устройством нового военного госпиталя, образовалась целая улица, наименованная Госпитальной. Наконец, в канун 300-летия дома Романовых эта часть сегодняшней улицы Ленина стала называться Романовской. И, естественно, большевики сразу переименовали Мавринскую и Романовскую в честь своего «нового бога и государя» – Ленина.

Несмотря на большую протяженность, улица эта застраивалась небольшими усадебными строениями, в на-

шем понимании то был «спальный район» местного чиновничества, интеллигенции, офицерства. Среди этих людей было много достойных памяти потомков, о чем и пойдет далее сказ.

И все-таки бывшая Мавринская начиналась не с купеческих особнячков и мещанских хат, а от некогда знаменитой Туапсинской железной дороги. Правда, до этого район из-за своей заболоченности, а отсюда по изобилию всякой водяной живности именовался Лягушевкой.

Устройство железнодорожного ответвления от Ростово-Владикавказской железной дороги – ст. Кавказская – Ставрополь лишь в какой-то мере решало вопрос вывоза сельхозпродукции из Ставропольской губернии как во внутренние регионы России, так и за рубеж. Нужна была новая дорога, напрямую соединяющая Ставрополь с портами Черного моря, и новые железнодорожные колеи вглубь самой губернии. И такой дорогой должна была стать новая железнодорожная нить от порта Туапсе на Ставрополь и далее – на Петровское, Благодарное и Винодельное.

В 1908 году статским советником Петром Николаевичем Перцовым с подачи Министерства внутренних дел и Департамента железнодорожных дел создается акционерное общество по устройству Армавирско-Туапсинской железной дороги, которая, несмотря на сложные горные условия, что потребовало строительства многочисленных мостов и тоннелей, к 1913 году была построена.

Раньше, в 1910 году, в Ставрополе по инициативе И.Д. Сургучева, писателя и общественного деятеля, была создана губернская железнодорожная комиссия, поднявшая вопрос об устройстве железнодорожной ветки от Армавира до Ставрополя и далее, в хлебные районы губернии.

28 мая 1911 года была утверждена смета линии Армавир – Ставрополь – Петровское, с ветками на Благодарное и Винодельное. Общая протяженность линии составила 334 версты, а проектная стоимость – 25683920 рублей серебром.

От Ставрополя до Армавира трасса дороги в 114 верст проектировалась и строилась инженерами Александром Эдмундовичем Лашем и Иосифом Митрофановичем Годзевичем.

Дорога проходила по местности со сложным рельефом

с оползневыми проявлениями, что требовало устройства сложных инженерных сооружений, в том числе мостов, которые – Немецкий, Новокавказский, Михайловский – и сегодня поражают своей грандиозностью и добротностью. Каждая верста этой дороги обходилась государству и акционерам в 60 тысяч рублей серебром.

В Ставрополе, в районе Лягушевки, как еще именовали восточную заболоченную часть города, где сходились речки Желобовка и Мутнянка и куда упиралась улица Мавринская, началась огромная стройка по устройству железнодорожной станции «Ставрополь-2»: железнодорожного вокзала и депо, водонапорной башни с подведением сюда «мягкой» воды из-под Холодногорской горы, что находилась вблизи усадьбы братьев Деминых, мастерских, дома для кондукторов и прочих служб.

К самой станции укладывались рельсы от ст. Николаевской Ростово-Владикавказской железной дороги, по западному склону горы Недреманной, далее – через речку Егорлык к селению Татарскому, по-над речкой Мамайкой на Мутнянский водораздел, наконец, к железнодорожной станции «Ставрополь-2».

От станции составы могли попасть на станцию «Ставрополь-1», поднявшись по склону Ставропольской горы (сегодня – ул. Объездная), пройдя по каменному тоннелю под Старомарьевской дорогой, а далее проследовать к станции «Ставрополь-1», а уже оттуда по Михайловскому мосту через речку Ташлу и далее, в сторону Винодельного и Петровского.

В 1916 году по новой железнодорожной ветке, именуемой в народе «Туапсинской», пошли составы с зерном и прочей сельхозпродукцией, как во внутренние регионы России, так и в новый порт на Черном море – Туапсе. Но начавшаяся Первая мировая война, когда в Черное море прорвались немецкие броненосцы «Бреслау» и «Тебен», затормозила зарубежную торговлю.

Между тем в 1917 году губернская железнодорожная комиссия подготовила проект продолжения Туапсинской дороги до Дивного и далее на Астрахань. Дорогу намечалось построить, и построили бы в самые сжатые сроки, но началась революция, затем Гражданская война... Все начинания были перечеркнуты. Более того, несмотря на

разрушения на участке железной дороги Ставрополь – ст. Николаевская Ростово-Владикавказской железной дороги (был взорван пролет моста через Егорлык), дорогу можно и нужно было восстановить. Но властями было совершено самое настоящее экономическое преступление – были разрушены все строения станции «Ставрополь-2»: депо, водокачка, уникальный тоннель, мастерские и прочие. Сама дорога оставалась неухоженной, а дожди и жители окраин способствовали разрушению домов обходчиков, когда на дрова пошли шпалы, когда оползни разрушили полотно дороги... Памятниками той преступной политики до сегодняшнего дня остаются сохранившиеся железнодорожные мосты, из которых самыми крупными были Немецкий, Егорлыкский и Михайловский.

С устройством Туапсинской железной дороги бывшая Лягушевка стала именоваться Туапсинкой, отсюда и начиналась бывшая Мавринская.

Дом ставропольского Фенимора Купера

Так еще именовали Павла Кузьмича Белецкого, автора многочисленных приключенческих книг, которыми некогда зачитывалась вся Россия.

Родился Павел Кузьмич 17 мая 1871 года в Ставрополе, на Мавринской улице, в семье отставного унтер-офицера. Дом Белецких сохранился до наших дней, это ул. Ленина, 220. Юный Павел учился в четырехклассном городском училище (сегодня – вечерний лицей по пр. К. Маркса, 44), но не закончил его из-за смерти отца. Получив казенное содержание в Тифлисской военно-фельдшерской школе, по ее окончании стал фельдшером в Грозненском военном госпитале.

С 1897 года, продолжая фельдшерскую службу в земских больницах, на железных дорогах и водных путях, начал публиковать рассказы обо всем им увиденном на бескрайних просторах России, в газетах «Новости», «Неделя», «Русский труд». В мае 1898 года Павел Белецкий отправляется в Восточную Сибирь в качестве члена гео-

логической партии Я. А. Макерова, проведя два года в дебрях Даурской тайги. Затем едет в Забайкалье на постройку Амурской железной дороги, проехав за два года все протяжение Амура, Уссурийского края, часть Монголии и Манчжурии. Как писали о нем ставропольские газеты тех лет: «Белецкий постоянно кочевал, живя у костра, в юрте бедного дикаря, в горной пещере, шалаше золотоискателя».

В перерывах между своими скитаниями он возвращался в Ставрополь, где писал повести и романы, основанные на им увиденном и услышанном. «В Ставрополе отец работал в саду дома, – вспоминал его сын Борис Павлович. – Здесь стоял его стол, несколько стульев, кипы бумаг и обязательно ящик отличного ставропольского пива, холодные закуски и консервы, которые он привозил из экспедиций».

Перу путешественника и писателя Павла Белецкого принадлежат многочисленные рассказы, такие, как «Баргузинские Орочены», «Таежный бродяга», «В глуши Сибири», «На жизненном пиру» и прочие.

В 1911 году выходит его роман «Король тайги», а в следующем – «В горах Даурии», сразу вошедшие в золотой книжный фонд России под рубрикой «Мир приключений». Книгами этими зачитывалась молодежь не только дореволюционных лет, но и советского времени, эти романы неоднократно переиздавались массовым тиражом, а за их автором укоренилось прозвище «Российский Фенимор Купер».

В 20-е годы Павел Белецкий на рыболовецком траулере бороздил моря Северного Ледовитого океана, но болезнь заставила вернуться в отчий дом. Здесь в 1934 году он и умер, найдя последний приют на Успенском кладбище. Сегодня, к сожалению, имя отважного путешественника и выдающегося писателя совершенно неизвестно жителям Ставрополя. И памятью о нем остается лишь дом Белецких на бывшей Мавринской, № 220 – кирпичный, в один этаж, с пятью окнами по фасаду и чудом сохранившимся старым садом, где еще растут столетние груши и где некогда писал рассказы, романы и повести наш выдающийся земляк, достойный особой памяти – Павел Кузьмич Белецкий.

Театральный салон

Одним из значимых строений дореволюционного Ставрополя по Мавринской улице был одноэтажный каменный терем почти в самом конце улицы, где в советские годы долго располагался горвоенкомат, а сегодня находится Центр детского творчества Ленинского района.

Как явствует из документов, первым хозяином этого усадебного места был отставной солдат Якушкин, а затем чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Н.Е. Никифораки – некто Позе. На месте сегодняшнего углового дома «со шпилем» он имел двухэтажный каменный дом, который сдавал внаем проезжающим через Ставрополь или временно останавливающимся в нем высшим офицерам Русской армии. В конце XIX века восточную часть своего усадебного места он продал известному предпринимателю и благотворителю Иванову.

Николай Тимофеевич Иванов родился в 1861 году в Ставрополе в семье известных предпринимателей, имевших свои торговые лавки в старом Гостином ряду. На углу Госпитальной и Поперечной находился родительский дом, где он жил с братьями Иваном, Алексеем, Георгием и сестрой Олимпиадой.

Закончив Ставропольскую мужскую гимназию (старую), он поступил в Харьковское инженерное училище (в Харькове жил родной брат его отца), а затем отправился в Санкт-Петербург, где поступил в Петровско-Разумовскую академию. Уже со степенью действительного специалиста сельского хозяйства вернулся в Ставрополь, где вскоре возглавил губернскую сельскохозяйственную опытную станцию (прообраз селекционной станции). На этом поприще он снискал большую известность как организатор и ученый, занимаясь вопросами выведения новых сортов злаковых и прочих с/х культур для потребностей производителей Северного Кавказа.

Человек не только высокообразованный, но и высоконравственный, он вскоре стал членом городской управы, с 1896 года – городским головой, затем депутатом Государственной Думы. Общественную и государственную работу он сочетал с предпринимательской деятельностью, скупая и отправляя зерно через Новороссийск за границу. Заимел

большой капитал, который начал вкладывать в недвижимость. Так, он приобрел дома по Нестеровской улице, где до этого находились Присутственные места города. Купил у Ярмарочной площади мельницу, здесь же построил большой двухэтажный дом.

На приобретенном усадебном месте по Мавринской улице он в начале XX века построил одноэтажный белокаменный терем, ставший еще одним купеческим театральным салоном. Для приезжих знаменитостей и любителей театрального искусства города были предоставлены два зала, отделанные, как и вестибюль, фойе и прочие помещения, росписью, лепниной, мрамором, дорогим паркетом, бархатными шторами и прочим. Небезынтересно, что на сцене салона выступал и сам хозяин дома, большой любитель театрального искусства.

С западной стороны к дому примыкала остекленная галерея, где росли многие виды тропических растений. Зимний сад Иванова с бассейном для аквариумных рыб, диковинными птицами, перелетающими с пальмы на пальму, разнообразием не менее диковинных цветов охотно посещали не только гости дома, но и школьники-гимназисты, просто горожане. Кстати, Николай Тимофеевич Иванов был и меценатом. Достаточно упомянуть, что он построил большой двухэтажный каменный дом в Митрофановском переулке под приют для девочек-сирот (сегодня – пер. Зоотехнический, СШ № 25).

В советское время в экспроприированном здании размещались советские учреждения – тогда и погиб сказочный зимний сад, а интерьеры дома потеряли всю свою привлекательность. В последнее время здесь, как говорилось выше, находился горвоенкомат, а сейчас – центр работы с детьми.

«Третьяковка»

Сегодняшние горожане хорошо знают старую «Верхнюю» баню, некогда именуемую в народе «Третьяковкой». Чуть ли не с момента устройства первых слобод вокруг Ставропольской крепости здесь располагался большой тесовый амбар, где хранилась соль, являющаяся стратеги-

ческим товаром в условиях Кавказской войны. От этого амбара-склада и начинавшийся здесь переулок, как мы уже говорили, именовался Соляным. Правда, для хранения соли место это было погибельным, ибо отовсюду на поверхность пробивались родниковые воды. Именно поэтому соляной склад в конце 20-х годов XIX столетия перенесли на территорию только что построенного Гостиного ряда на Большой Черкасской улице.

С переносом склада место это приобрел участник Отечественной войны 1812 года драгунский капитан Хрисанфоди. В 1855 году он продал все усадебное место с саманным домиком известному садовнику Петру Николаевичу Нечмирову. Именно постоянное наличие хорошей воды и стало причиной покупки Нечмировым этого места, где он решил устроить еще один фруктовый сад, который и был высажен.

В 1865 году новым хозяином усадебного места стал надворный советник Михаил Сорокин, который в свою очередь решил построить баню на собственной воде. «Сорокинская» баня выходила фасадом (дом в один этаж) на Воронцовскую улицу, о чем мы уже писали. В конце XIX века баню Сорокина купил Иосиф Степанович Третьяков, один из представителей большого купеческого рода. Третьяков фасадом уже на Госпитальную улицу, как стал именоваться бывший проулок Соляной, решил построить самую современную для своего времени общественную баню. В 1897 году он пишет в Думу: «Желаю приступить к работам по постройке новой торговой бани на собственном усадебном месте – на углу Воронцовской и Госпитальной».

Новую баню Третьяков возводил из красного «железистого» кирпича – с мансардой и сводчатыми потолками, полом, выложенным голландской плиткой. Из Германии был доставлен паровой котел фирмы «Сименсъ и Гальске» (был взорван в январе 1943 г. немецкими подрывниками при отступлении), дизель «Поляръ» и динамомашины. Все это вместе с насосом для «бездонного» колодца, им же устроенного, позволяло не только работать в полной автономии, но и осветить все службы электрическим светом. С восточной стороны здания, которое окончательно было построено в 1893 году, были устроены металлические резервуары с керосином и нефтью для дизеля (один сохранился до наших дней). Наконец, баню

украсила высочайшая дымовая труба, вторая после мельницы Гулиева.

Рекламный проспект нового банного заведения, с 1914 года перешедшего сыновьям Иосифа Третьякова Ивану и Михаилу, сообщал, что имеются «дворянские нумера с ваннами и душами по 1 р. 50 коп. за час, мужские и женские отделения по 10 коп. за вход». К услугам клиентов были белье, простыни, полотенца и мыло разных сортов. У бани постоянно дежурили извозчики, бравшие за проезд по городу от 15 до 30 копеек.

В советское время «Третьяковская» баня продолжала оставаться лучшей в городе, даже после устройства в конце 30-х годов «нижней» бани на сегодняшней улице Голенева.

Гитлеровцы, отступая из Ставрополя, взорвали машинное отделение, где с начала века исправно работали тот же паровой котел и прочая техника... После восстановления и модернизации «Третьяковка» продолжает обслуживать граждан.

Государственный банк

На противоположной стороне от бывшей «Третьяковской» бани и жилого трехэтажного дома, построенного перед войной для работников НКВД, находится здание государственного банка.

Как известно, первые банковские конторы, а затем и различные банки начали возникать в г. Ставрополе со второй половины XIX века. Так, в 1853 году Варфоломей Яковлевич Попов в первом Гостином ряду открыл ссудную контору, по существу – первый частный банк. Уже его сын Макар Варфоломеевич в 1868 году открыл новый банк, начав свою деятельность, как писали современники, с 3 тысяч рублей серебром. А в 1896 году он уже имел капитал в 18 миллионов рублей.

В 1868 году в Ставрополе открывается первый Общественный банк с основным капиталом в 60000 рублей. Вслед за этим распахиваются двери новых банков – Азово-Донского торгово-промышленного, Камско-Волжского и других. И, наконец, в доме купца Филимонова на Нико-

лаевском проспекте открывается филиал Государственного банка России. Однако дом этот был мало приспособлен как для безопасного хранения ценностей, так и для обслуживания клиентов. В этой связи Думой решено было возвести специальное здание для этих целей на Госпитальной улице. Тогда же над проектом Государственного банка начал работать известный ставропольский архитектор Адриан Петрович Булыгин.

К тому времени Булыгин возвел в Ставрополе аптеку Байгера, здание 3-й женской гимназии, дом Панова (сегодня – физиолечебница), северный корпус епархиального женского училища (сегодня – сельхозакадемия) и еще ряд уникальнейших строений.

Проектирование здания Государственного банка усложнялось тем, что практически вся территория будущего строительства представляла собой непролазную трясину из-за множества источников родниковой воды. Архитектору пришлось начинать с дренажной системы и отводного тоннеля в долину Мутнянки.

Затем началась закладка подвального хранилища для ценностей из новороссийского сверхпрочного цемента и железных решеток, брусьев и плит, доставленных с Урала. Одновременно устанавливалась самая современная сигнализация фирмы «Сименсъ и Гальске».

Все работы были закончены в 1912 году. На открытии филиала Государственного банка России присутствовали многочисленные представители общественности города во главе с губернатором Брониславом Мстиславовичем Янушевичем.

В советские годы экспроприированный банк продолжал свою банковскую деятельность до появления над Ставрополем немецких самолетов и начала бомбежки города. Это было 3 августа 1942 года. В сохранившихся воспоминаниях бывшего управляющего Ставропольской конторой Госбанка М. Поляничко есть такие строки: «В момент загрузки автобуса ценностями звено вражеской авиации сбросило на двор Госбанка несколько фугасных бомб, была разрушена конюшня, убиты конюх и заместитель главного бухгалтера... Но автобус с ценностями в сумме 15 миллионов рублей и материалами бухгалтерского учета был благополучно отправлен на Невинномысскую».

С первых дней освобождения города чудом уцелевший от разрушения Госбанк продолжал свою деятельность. Была сделана пристройка с западной стороны здания, при этом были воспроизведены фасадные украшения, повторяющие рисунок украшений старой части здания. Сегодня фасад здания подновлен, устроена спецограда из художественного чугунного литья.

Арестный дом

Сразу за Дворцом детского творчества (на этом усадебном месте до недавнего времени стоял дом в два с половиной этажа, известный тем, что здесь находилась типография Ивана Тимофеева «Энергия») стоит двухэтажный дом военного гарнизона. Мемориальная доска на здании сообщает, что здесь в 1918 году формировались части Красной гвардии. Между тем здание было построено для так называемой арестантской роты под № 51. Произошло это в 1854 году, о чем сообщает архивный документ:

«На возведение казармы со службами для находящейся в Ставрополе военно-арестантской роты № 51, построение которой предполагается на Александровской площади по линии Госпитальной улицы. Гарнизонный инженер подпоручик Чижов отвел место под казарму и составил план».

В следующем году двухэтажное здание военно-арестантской роты было построено, в нем находились проштрафившиеся военнослужащие. Рота принимала участие в различных работах по благоустройству города, а также в возведении строений и пр.

С первых советских дней в здании разместилась часть 7-й кавдивизии, прославившейся в годы Гражданской войны как на Северном Кавказе, так и в Закавказье. Потом уже здесь, как и всех строениях вблизи, расположились солдаты ставропольского гарнизона.

Дом жандармского полковника

На северо-западном углу улиц Ленина и Коминтерна сегодня стоит чудом сохранившийся старый двухэтажный

дом, где до недавнего времени находилось кафе «Русский чай». Дом этот на протяжении долгих десятилетий принадлежал семье обрусевших немцев, родоначальником которой был губернский секретарь Андрей Иванович Брун. В 1862 году Брун подает заявление в Присутственные места: «На принадлежащем мне месте, состоящем во второй части города Ставрополя на Госпитальной улице, желаю я построить каменный дом со службами».

Дом строился известным ставропольским архитектором Георгием Федоровичем Прокопцом. Одновременно был разбит и большой фруктовый сад.

Между тем Андрей Иванович Брун, строя свой дом, устремил свой взор на большой пустырь к юго-востоку от своего дома. По его инициативе в том же 1862 году был заложен первый камень евангелистско-лютеранской церкви.

В устройстве лютеранской церкви принимали участие немцы, проживающие как в самом Ставрополе, так и во всей Ставропольской губернии. Деньги жертвовали и великосветские особы, в том числе члены царской семьи. Так, на письмо ставропольского генерал-губернатора Пащенко на имя наместника на Кавказе последовал ответ:

«Вследствие ходатайства Вашего Превосходительства об оказании пособия на постройку в городе Ставрополе Лютеранской церкви, Их Императорское Высочество Государь Великий Князь Михаил Николаевич и Государыня Великая Княгиня Ольга Федоровна соизволили пожертвовать на означенное предприятие 5000 рублей серебром».

В годы Первой мировой войны лютеранская церковь была закрыта распоряжением генерал-губернатора, а после установления в городе советской власти долгое время оставалась заколоченной, потом была разобрана.

В конце XIX столетия хозяином дома Бруна становится его сын, Анатолий Андреевич, жандармский полковник. Человек высокообразованный и энергичный, он вошел в историю города как ярый борец с местными революционерами, в основном гимназистами и гимназистками, такими, как М. Акулов, В. Косенко, Г. Грабенко, В. Бредихин, М. Родолицкий и другие.

В советское время особняк был приспособлен под коммуналку, затем началась его многократная реконструкция.

Бывший особняк «электрокороля»

Многим горожанам этот дом на углу сегодняшних улиц Артема и Ленина известен как бывшее кафе «Курсантское». Между тем первым хозяином этого здания был некогда известный предприниматель Тимофей Николаевич Иванов. Так, в 1866 году он пишет прошение в Думу:

«Желаю построить на принадлежащем мне месте двухэтажный каменный дом под наблюдением за правильным производством работ коллежского советника Воскресенского».

Проект дома был выполнен тем же Павлом Григорьевичем Воскресенским, построившим в Ставрополе не одно строение, в том числе знаменитую Царь-звонницу на Соборной горе.

В выстроенном доме у Тимофея Николаевича рождаются сыновья Иван, Алексей, Георгий и дочь Олимпиада. После смерти отца хозяином дома и всей усадьбы становится Георгий Тимофеевич, который в 1897 году строит в глубине усадебного места с разрешения местных властей небольшую электрическую станцию, приобретает в Германии динамо-машину, а на Урале – паровой двигатель. С разрешения городской Думы Иванов устанавливает электрические деревянные столбы от своего дома до банкирского дома Попова на углу Вельяминовской и Театральной улиц (сегодня – верхняя аптека № 102). Тогда банковский дом «Попов и К°» осветило около 50 электролампочек накаливания мощностью в 25 Вт каждая. Электроток пошел и на близлежащие маслозавод Ломагина, Инородческое управление, а также на первые электрофонари по трассе электролиний.

В 1903 году Георгий Тимофеевич Иванов у южного склона Соборной горы, рядом с городской Думой, строит новую мощную электростанцию, давшую ток многим административным, торговым и частным зданиям, а также осветившую Николаевский проспект и Театральную улицу. Именно тогда Тимофеева наименовали «электрокоролем».

В советское время дом Иванова, как и большинство старых особняков, был заселен семьями пролетариев; таким он и оставался долгие десятилетия. Совершен-

но не приспособленный для десятков семей, здесь живущих, он в конце концов из жилищно-коммунального хозяйства перешел в другое ведомство, став одним из городских кафе. Сегодня здесь разместился банк «Юниаструм».

Инородческое управление

Выше бывшего кафе «Курсантское», ныне банка, было снесено старое здание, вошедшее в историю города как пивоваренный завод, а затем – Инородческое управление.

С начала XIX века место это принадлежало обрусевшему немцу, а затем ставропольскому купцу 3-й гильдии Максиму Месинову. Здесь Месинов построил небольшой саманный домик, где у него родились трое сыновей – Иван, Мартын и Густин. Все сыновья занялись пивоварением. Старший из них, Иван, став наследником отцовского дома, решает перестроить его. В 1865 году он пишет в Думу, на что чиновники записали в постановлении:

«Иван Максимович Месинов, купец 2-й гильдии, просит разрешение на постройку собственного дома с размещением в нем медопивоваренного завода. Противодействия этому нет».

Уже в следующем году дом был построен, а затем запущен в производство и медопивоваренный заводик – но не в доме, а в пристройке к дому. Здесь у Ивана Месинова родились четверо сыновей – Николай, Иван, Вячеслав и Михаил. Со смертью отца они продали дом и поделили деньги от продажи. Это произошло в начале уже XX века. Дом был приобретен губернским Инородческим управлением, возглавляемым генералом Польским, жившим поблизости.

Ставропольская губерния в то время административно делилась на уезды. Кроме того, в состав губернии входили земли кочующих народов – калмыков, туркмен и ногайцев, – Ачикулакское и Туркменское приставства и Больше-Дербетовский улус. Уже в 1825 году в Кавказской области было создано Главное приставство кочующих народов, занимающееся управлением делами

кочевников. Первоначально во главе этого органа стоял известный полковник Коневский, а потом – генерал Польский.

Возникшее в Ставрополе Инородческое управление, обосновавшееся в доме Месиновых, занималось самыми разнообразными вопросами жизни родовых объединений приставств – по земле, опеке, тяжбе, развитию промыслов. Так, например, в Летней Ставке был создан центр по разведению чистокровных каракульских овец. Там же началось строительство буддийского храма.

В Инородческом управлении родилась идея сбора средств для строительства в условиях начавшейся войны с Японией эскадренного миноносца. Уже скоро в Риге на заводе Ланге и Сынъ» был построен миноносец стоимостью 780568 руб. серебром, названный «Туркменец Ставропольский». Вооруженное двумя четырехдюймовыми орудиями, двадцатью пятью минными аппаратами, четырьмя пулеметами и двумя прожекторами, при пяти офицерах и восьмидесяти трех членах экипажа, судно было зачислено в списки судов военного флота России.

Сегодня на месте снесенного здания Инородческого управления новый современный дом с банковской конторой.

Маслозавод Ломагина

На пересечении ул. Ленина и Пушкина расположились магазины под общим названием «Перекресток». Некогда большинство из этих строений, в том числе «Дом обуви», принадлежали преуспевающему ставропольскому предпринимателю Гавриилу Семеновичу Ломагину. Выходец из крестьян Владимирской губернии, здесь, в Ставрополе, он приобретает кусок усадебного места купцов Рудневых с примитивным маслобойным заводиком. Здесь после небольшой реконструкции Ломагин из привозимого крестьянами сырья изготавливал различные масла – конопляное, подсолнечное, маковое, ореховое, льняное, кунжутное, горчичное.

Скопив капитал, Ломагин в 1881 году пишет в Думу: «Желаю построить паровой маслобойный завод на углу Го-

спитальной и Семинарского переулка» (дореволюционное наименование ул. Пушкина).

Новый, самый мощный в губернии завод строил известный архитектор Георгий Федорович Прокопец, закончив его в следующем году. Не остановившись на этом, через шесть лет Ломагин модернизирует завод, приобретает за границей новое оборудование фирмы «Г. Паук» и «Борман Шведе и К°». Теперь наряду с пищевым маслом Ломагин выпускает и масло техническое – льняное (олифа), касторовое, сезамское и другие. В сутки завод перерабатывал до 300 и более пудов сырья. Продукция фирмы «Г. Ломагин и сын» завоевывала почетные золотые и серебряные медали сначала на выставках России, затем за рубежом. Сын Ломагина Алексей Гаврилович изучил производство сарептской горчицы и открыл ее производство на заводе отца.

К 1914 году завод Ломагиных стал крупнейшим на Ставрополье. К тому времени из Германии должно было прийти новое маслобойное оборудование, которое, однако, с начала военных действий застряло где-то в портах Средиземноморья. Да и сын Ломагина ушел защищать Отечество. Потом были Гражданская война, разруха и голод. Лишь с начала нэпа завод ожил, чтобы вновь обеспечивать как горожан, так и крестьян губернии разнообразным растительным маслом. Затем завод полностью перешел государству, получив название «Октябрь». При этом количество наименований продукции сократилось до минимума – подсолнечное и горчичное масло. Да еще мезга, жмых и жидкое мыло.

3 августа 1942 года при отступлении, а вернее, паническом бегстве из города находившихся здесь воинских частей, маслобойный завод был взорван и подожжен отступающими. Кстати, такая же участь постигла и бывшую «аппетковскую» мельницу, сегодня – мельзавод № 5.

После восстановления завод продолжал выпускать продукцию, но дни его были сочтены. Устаревшее оборудование и малые площади не позволили вернуть его к жизни. Сегодня в старых помещениях бывшего ломагинского маслозавода разместились торговые лавки, к которым добавились новые, образовав тот самый «Перекресток».

Золото купцов Меснянкиных

Напротив бывшего завода Ломагина по Госпитальной улице, где сегодня возвышается жилой дом с магазином «Алмаз», вплоть до 70-х годов стоял одноэтажный каменный дом купцов Меснянкиных. Похожий на прочие добротные купеческие особняки города, он таил в себе припрятанное теми же купцами золотишко, обнаруженное при его сносе.

В газете «Ставропольская правда» за 1972 год по этому поводу за подписью журналиста М. Маяцкого вышел материал под названием «Клад».

«9 марта 1972 года в Ставрополе, на месте, где стоял снесенный дом № 117 по улице Ленина, строители обнаружили клад – 93 золотые монеты и 744 серебряных».

Автору книги удалось установить, что дом этот на месте сегодняшнего жилого дома с магазином «Алмаз» некогда принадлежал клану купцов Меснянкиных. Небезынтересно, что вместе с кладом был обнаружен обрез и заряженный винчестер, что еще раз напоминает о Гражданской войне. Видимо, хозяева особняка не успели воспользоваться оружием, разделив печальную судьбу практически всех из того рода...

Казармы Крымского, Тенгинского и Самурского полков

На месте сегодняшнего Дворца культуры и спорта в начале 40-х годов XIX столетия были построены казармы для Крымского пехотного полка, отчего улочка, пересекающая Госпитальную улицу, надолго стала именоваться Крымским переулком (сегодня – пер. Зоотехнический).

Вслед за Крымским полком здесь располагались проходившие через Ставрополь воинские соединения или дислоцировавшиеся в губернском центре полки 19-й Кавказской дивизии – Ставропольский, Кабардинский, Севастопольский – и 20-й драгунской дивизии – Северский и Переяславский. Здесь стоял и знаменитый Тенгинский полк, в составе которого находился наш незабвенный поэт и воин Михаил Юрьевич Лермонтов. Кстати, о Лермонтове-воине

мы практически ничего не знаем. Но вот строки из книги Д.В. Раковского, изданной в 1900 году под названием «Тенгинский полк на Кавказе»:

«Уже 17 июля 1840 года отряд Галафеева двинулся на штурм аула Шали... Здесь Лермонтов принял от раненого Дорохова его отряд «охотников». Эта команда головорезов, именовавшаяся «лермонтовским отрядом», рыскала впереди главной колонны, открывая присутствие неприятеля, как снег на голову сваливалась на аулы чеченцев и, действуя исключительно холодным оружием, не давала никому пощады. Лихо заломив белую холщовую шапку, в вечно расстегнутом и без погон сюртуке, из-под которого выглядывала красная канаусовая рубаха, Лермонтов на белом коне не раз бросался на завалы. Минуты отдыха он проводил среди своих головорезов и ел с ними из одного котла, отвергал излишнюю роскошь. В походе Лермонтов не обращал внимания на существующую тогда форму – отпустил баки и бороду и носил длинные волосы».

За бесстрашие, смелость и расторопность князь Голицын сделал представление императору о награждении Лермонтова золотой саблей с надписью «За храбрость». Но, как известно, Михаил Юрьевич этой награды, как и той, к которой был представлен ранее – Владимира 4-й степени, так и не получил.

В 1911 году в старых казармах Крымского полка расположился знаменитый 83-й Самурский пехотный полк. Сформированный в 1845 году по личному указанию Николая I и получивший наименование от реки Самур в Дагестане, полк принимал участие в штурме неприступной крепости Шамиля на горе Гуниб. Затем было покорение Бухары и Хивы, участие в японской войне 1905 года и в Первой мировой. Полк был отмечен Георгиевскими знаменами, серебряными Георгиевскими трубами, а офицеры и солдаты – различными наградами России. С начала Гражданской войны Самурский полк вернулся в Ставрополь в свои казармы, чтобы затем влиться в Добровольческую армию.

После поражения последней большинство самурцев навсегда покинули Родину, найдя пристанище во Франции, Чехии, Болгарии...

В советские 20-е годы в бывших казармах Самурского

полка расположились отряды Красной армии. Уже в 30-е годы вся территория казарм была приспособлена под концентрационный пересылочный лагерь для «врагов народа». Отсюда они эшелонами с местного железнодорожного вокзала отправлялись по лагерям ГУЛАГа.

С захватом Ставрополя немецкими войсками здесь расположилась их воинская часть, а после освобождения Ставрополя территорию со старыми барачными строениями облюбовал местный колхоз имени Сталина. По-над самой Госпитальной улицей располагались небольшие одноэтажные строения еще дореволюционной постройки.

В конце 80-х годов по инициативе М.С. Горбачева, в то время возглавлявшего ЦК КПСС, здесь началось строительство межреспубликанского Дворца сельского хозяйства, который, по сути, строила вся страна. Были снесены все старые постройки и возведен прекрасный Дворец культуры и спорта, который и сегодня украшает бывшую Госпитальную улицу.

Военный госпиталь

В 1844 году в Ставрополе на юго-западном выгоне Воробьевской площади был возведен самый современный для своего времени военный госпиталь. До последнего времени в старых зданиях, как и во вновь выстроенных, размещался военный летный институт, сегодня закрытый.

Как известно, первые лазареты и госпитальные строения в Ставрополе возникли с момента закладки Ставропольской крепости. «Я осмотрел находящиеся в Ставрополе войска, – писал в 1837 году граф А.Х. Бенкендорф, – а потом военный госпиталь, который размещен в казармах и частных домах. Необходимо поскорее выстроить для военного госпиталя большое собственное здание».

Строительство нового военного госпиталя началось в 1840 году. Предположительно автором проекта был архитектор Александр Бернштейн, а строительным подрядчиком – Гавриил Тамамшев. В строительстве принимали участие местные воинские команды, руководимые инженер-капитаном Гавриловым и полковником 5-го округа корпуса инженеров военных поселений Вильманом.

Новый военный госпиталь, окончательно отстроенный в 1844 году, был оснащен самым современным для того времени медицинским оборудованием. Центральное место занимали две круглые, с многочисленными окнами для дневного освещения, хирургические комнаты, сохранившиеся до наших дней. К моменту открытия госпиталя главным доктором здесь был Родион Адамович Ясинский, а смотрителем – Ульян Фомич Красевич. Это были врачи от Бога, спасшие сотни раненых солдат и офицеров Кавказской армии.

В начале 1847 года здесь впервые в медицинской практике делал показательные операции с применением эфирного наркоза выдающийся врач России Николай Иванович Пирогов.

С южной стороны госпиталя находилось военное кладбище. Здесь хоронили умерших в госпитале солдат и офицеров. Для их отпевания в самом госпитале, который представлял из себя три двухэтажных корпуса, соединенных между собой двумя остекленными галереями с двумя пристроенными круглыми операционными комнатами, была открыта церковь во имя Богоматери Всех Скорбящих Радости. 24 декабря 1844 года церковь была освящена первым ставропольским епископом Иеремией. Но так как в церкви было недостаточно хороших икон для иконостаса, то в Москву выезжал Тамамшев, доставивший из Академий художеств Петербурга иконы прекрасного письма. Кстати, инициатором их приобретения был командующий Кавказской линии генерал-лейтенант Николай Степанович Завадовский.

В честь устроенного военного госпиталя еще не сформировавшаяся новая улица получила наименование Госпитальной.

На протяжении последующих долгих десятилетий здесь трудилась целая когорта талантливых врачей, спасших тысячи солдат и офицеров во время не только Кавказской войны, но и русско-японской, Первой мировой, в период Гражданской войны. В дальнейшем на территории старого госпиталя обосновалась красноармейская кавалерийская часть, хотя некоторые помещения по-прежнему оставались за медиками.

«Осетинская поляна»

Название это с начала XX века закрепилось за пустырем на западной окраине города, застройка которого началась лишь с 50-х советских годов (район площади 200-летия до 3-й горбольницы). Между тем название «Осетинская поляна» лишь в некоторой мере справедливо, ибо «освоение» поляны началось русскими коннозаводчиками еще 14 июня 1850 года. В тот день здесь прошли первые конные скачки шестиверстовой дистанции по кругу с преодолением различных препятствий. Лошади были представлены 21-м конным и заводами Северного Кавказа. Победителей ожидало два приза – императорский (500-рублевая серебряная ваза) и губернаторский – в 150 рублей серебром.

В дальнейшем ежегодно в день св. Троицы здесь проходили скачки и джигитовка лучших наездников Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей, гостей из Закавказья, с Дона и других мест, всего от более ста конезаводов. Однако лишь с 1881 года к скачкам стали допускаться лошади, записанные в российский Студъ-Букъ, т. е. племенные чистокровные лошади. С 1872 года в скачках стали принимать участие юнкера Ставропольского казачьего юнкерского училища, имевшие свой конный плац под селом Надежда.

Каждый год скачки превращались в большой народный праздник: для зрителей была устроена деревянная галерея с буфетами. Здесь же, сменяя друг друга, выступали военные оркестры местного гарнизона, 249-го Майкопского резервного батальона, юнкерского училища.

В 1909 году в здании бывшего Дома командующего обосновался Осетинский конный дивизион. Тогда же часть Вельяминовской рощи была вырублена под конный плац (сегодня – территория стадиона «Динамо»). Но он был тесен, поэтому осетины начали проводить занятия на огромной поляне, где по-прежнему раз в год устраивались конные скачки. Здесь ими были построены конюшни для лошадей, прочие хозяйственные постройки. С этого времени и появилось наименование этого района «Осетинская поляна».

С 20-х советских годов на «Осетинской поляне» к со-

ветским праздникам вновь начали устраиваться конные скачки, соревнования по рубке лозы, джигитовка. Вновь гремела музыка и вручались награды победителям. Так как в городе находились в основном кавалерийские части, то и в будни поляна наполнялась ржаньем лошадей и указаниями командиров...

С начала 50-х годов прошлого столетия старая поляна стала застраиваться примитивными строениями в два, реже три этажа, которые и сегодня, несмотря на реконструкцию, уродуют этот район города. К старым постройкам прибавился микрорайон «Ботанический сад» с площадью 200-летия Ставрополя и мемориалом в память о воинах, погибших в Афганистане, Чечне и прочих «горячих точках» планеты...

Ставропольская психиатрическая больница имени императора Александра III

Сегодняшняя улица Ленина как бы упирается в старую психиатрическую больницу, история которой началась в 1894 году. В тот год ставропольский генерал-губернатор Николай Егорович Никифораки в связи со смертью императора Александра III обратился с воззванием к жителям Ставропольской губернии, предложив всем миром построить психиатрическую больницу. И действительно, старая больница была тесна, ветха и уже не отвечала требованиям времени.

Этот призыв нашел широкий отклик среди всех слоев населения как города Ставрополя, так и всей губернии. Был создан Комитет по устройству больницы, который возглавил вице-губернатор А. С. Ключарев. Целью строительства было не только устройство самого современного медицинского центра для душевнобольных, число которых стало значительным, но и «увековечение незабвенной и славной памяти в Бозе почившего Императора Александра Александровича Великого Миротворца».

Всего было собрано 250 тысяч рублей серебром. И вот 16 июля 1901 года был заложен первый камень больницы у западной кромки Казенного леса, куда была проложена мощенная кремнистым камнем дорога, обсаженная дерев-

цами акации, частично дожившими до наших дней. Губернский инженер Савицкий строил больницу из местного камня-ракушечника. Помимо главного корпуса, возводились прочие службы – трапезная, баня, электрическая станция, водокачка. Была устроена и вместительная, на 200 человек, домовая церковь во имя Св. Александра Невского.

В октябре 1907 года состоялось открытие больницы, ставшей крупнейшим лечебным центром Северного Кавказа, где ежегодно проходили курс лечения у опытных врачей более 200 больных. Старшим врачом здесь был И.О. Зубов, затем – В.П. Доброхотов, имевший большой опыт работы с душевнобольными. Заботами больницы и после ее открытия по-прежнему занимался вице-губернатор Ключарев, способствовавший открытию электролечебного кабинета, медицинской библиотеки, самой современной для того времени лаборатории и хирургического отделения. В 1913 году Ставропольская психиатрическая больница была отмечена Большой золотой медалью Петербургского медицинского общества.

В советское время психбольница продолжала выполнять свою главную функцию – лечение душевнобольных. Она была расширена за счет передачи ей территории со всеми строениями бывшего Иоанно-Мариинского женского монастыря.

Особенно тяжелое испытание медперсоналу больницы выпало в период временной оккупации города немецкими войсками. В канун захвата ими города в больнице находилось около 800 больных; в том числе красноармейцы с расстройством психики. Как вспоминал главврач больницы Давид Степанович Гамбаров, «4 августа 1942 года от немецкого командования поступил приказ: подготовить всех без исключения больных к эвакуации для дальнейшего лечения в селах Донском и Пролетарском».

Гамбаров, почуяв неладное, отпустил из больницы группу выздоравливающих, их приютили родственники. На всех остальных были составлены списки, которые представили вскоре прибывшим сюда гитлеровцам во главе с обер-фельдфебелем Герингом. А вскоре во дворе больницы появились огромные закрытые машины фирмы «Зауэр»,

или «душегубки» с солдатами Эйнзат-команды 12 СД, которые стали буквально запихивать больных в машины. Через два часа машины возвращались. Так 660 больных ушли в вечность. При отступлении больница частично была разрушена, уничтожено все медицинское оборудование, медикаменты...

Сегодня Ставропольская психиатрическая больница имени императора-миротворца Александра III по-прежнему остается крупнейшим лечебным центром не только Северного Кавказа, но и всей страны.

ГЛАВА VII. ЮЖНАЯ МАГИСТРАЛЬ

Ольгинская – Невинномысская

Сегодняшняя улица Мира, как и большинство улиц города, в разные периоды его истории имела разные названия. К востоку от упирающегося в нее пр. Октябрьской революции улица первоначально именовалась 3-й Солдатской, или Слободской, затем в честь Ольги Федоровны – супруги наместника Кавказа Михаила Романова – Ольгинской. К западу находился Жандармский переулок (здесь располагался жандармский манеж), затем уже Невинномысская улица, так как она вела к началу дороги Ставрополь – Невинномысская.

В советское время это улица имени товарища Молотова, затем – Мира. Но как в дореволюционное, так и в советское время была она застроена небольшими одноэтажными строениями, в большинстве малоприметными. И лишь ближе к центру возводились заметные строения, с которыми, как правило, были связаны неординарные страницы истории нашего города. И первым таким строением был дом с мезонином по сегодняшней улице Мира, 295.

Дом с мезонином

Здание это находилось сразу за двумя в три и четыре этажа серыми домами, построенными до войны для семей работников НКВД по северной стороне сегодняшней улицы Мира, 295, где до революции располагалось старое польское кладбище. Оканчивалось оно у одноэтажного дома с мезонином из «дикого» камня, на месте которого сегодня красуется вновь построенный двухэтажный из полированного камня-ракушечника дом (в старом доме до последнего времени находился детский сад).

Это усадебное место вошло в историю Ставрополя благодаря тому, что здесь некогда проживала известная украинская писательница Марко Вовчок, а перед Великой Отечественной войной – сосланный в Ставрополь (тогда Ворошиловск) последний президент независимой Латвии Карлис Ульманис.

Впервые Марко Вовчок попала в Ставрополь весной 1876 года. Здесь уже читали ее «Народные рассказы» и повесть «Живая душа», опубликованные в «Отечественных записках». В губернском Ставрополе предстояло работать ее мужу Лобач-Жученко.

Ставрополь своим зеленым раздольем сразу понравился писательнице. Как писал ее сын Борис Маркович в книге «Марко Вовчок на Кавказе», они поселились в доме отставного генерала, в прошлом атамана Терского казачьего войска Христофора Егоровича Попандопуло. За большим старым садом генеральского дома протекала речка Мутнянка, а на краю балки возвышался завод Алафузова. (Дом находился на бывшей 1-й Мутнянской, № 31, сегодня ул. Лермонтова).

Прежде несколько слов о самом Попандопуло. Профессор, лермонтовед Андрей Васильевич Попов в книге «Лермонтов на Кавказе» писал, что Попандопуло, являясь в 1840 году старшим адъютантом при командире 20-й пехотной дивизии, рука об руку с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым сражался в битве при Валерике.

Дослужившись до генерала, Христофор Егорович поселился в Ставрополе, дожив до почтенного возраста. На старом Успенском кладбище стоит гранитный памятник с надписью: «Генерал-лейтенант Христофор Егорович Попандопуло. Родился 24 декабря 1809 года; скончался 19 января 1893 года».

Мария Александровна обставила комнаты дубовой мебелью, в том числе были шкафы с большой библиотекой. В тот первый период жизни в Ставрополе, длившийся почти три года, она вела уединенный образ жизни, воспитывала младшего сына Бориса. В сентябре 1878 года в связи с тяжелым заболеванием старшего сына Богдана семья Марко Вовчок переехала в Москву.

Прошло пять лет, прежде чем писательница вновь оказалась в Ставрополе. На этот раз они сняли дом на Ольгинской улице (сегодня – улица Мира). Как писал Борис Маркович: «Это был небольшой, но хороший дом из «дикого» камня с большим садом, к которому примыкал парк при католическом костеле».

Костел стоял на углу улиц Воронцовской и Ольгинской. Ниже и находился дом с мезонином из «дикого» камня,

где до последнего времени размещался детсад № 1 (дом сегодня перестроен).

В этом доме семья Марко Вовчок прожила более года. На этот раз гостями дома были многие ставропольчане, особенно часто здесь бывал краевед Григорий Николаевич Прозрителев. В этом доме состоялось празднование 50-летия писательницы. Здесь она начала составлять первое собрание своих сочинений.

В ноябре 1884 года Марко Вовчок вызвали в Ставропольское жандармское управление и сообщили, что ее старший сын попал в Харьковскую политическую тюрьму. Вновь Мария Александровна стала паковать чемоданы.

С этим же домом связано имя Карлиса Ульманиса. В конце июля 1940 года в Латвии была установлена советская власть. Президент Латвии Карлис Ульманис, занимавший этот пост в 1918-1921 гг. и в 1936-1940 гг., сразу же был сослан в Ворошиловск, как тогда назывался Ставрополь. Имея академическое образование, полученное в США, а также агрономическую практику в штате Небраска и самой Латвии, Ульманис стал консультантом крайсельхозуправления. Отсюда он писал друзьям в Латвию: «Я административно высланный под особым режимом... Я живу здесь в частной квартире со свободой передвижения в границах города... Сегодня у меня очередной день полиции, но и на это не жалуюсь...» Обратный адрес на письме гласил: «Ворошиловск. Орджоникидзевский край, ул. Молотова, 271. Ульманис К.И.». Сегодня – это ул. Мира, 295.

4 июня 1941 года Карлис Ульманис был арестован и препровожден во внутреннюю тюрьму НКВД Ворошиловска, где находился до захвата города гитлеровцами. При этапировании он умер в Красноводске и был похоронен в братской могиле узников...

Кстати, латвийское правительство в 1990 году собиралось купить это здание для устройства в нем музея памяти К.И. Ульманиса, направив сюда целую делегацию ученых и общественных деятелей во главе с будущим президентом Латвии Гунтисом Ульманисом, родственником К.И. Ульманиса. Но вскоре наступил развал СССР...

Сегодня лишь старая фотография доносит до нас первоначальный облик этого здания.

Усадьба Нечмирова

Почти напротив дома с мезонином находится усадьба некогда известного ставропольского садовника, в прошлом чиновника Комиссариатской комиссии, коллежского асессора Петра Николаевича Нечмирова.

Нечмиров, бывший выпускник Петербургского кадетского корпуса, увлекшийся растениеводством, появился в Ставрополе в 40-х годах XIX столетия. Здесь по просьбе владыки Иеремии он на восточном склоне Варваринской горы устроил «Образцовый рассадник фруктовых деревьев», где семинаристы духовной семинарии должны были изучать курс «Практической школы обучения садоводству».

Тогда же Нечмиров становится заведующим городским тутовым садом по-над речкой Ташлой, где было построено здание для шелкомотальной фабрики. Для фабрики Нечмиров приобрел несколько шелкомотальных машин.

«Он, Нечмиров, – сообщает архивный документ, – пожертвовал школе пять новых шелкомотальных машин с принадлежностями, сделанными по французским моделям. Передал в тутовый сад свой собственный питомник шелковых червей. Построил в городском тутовом саду, которым заведовал четыре года, каменный дом для школы...»

Конец 40-х годов ознаменовался для Нечмирова посещением его усадебного места на Ольгинской улице, где он высадил более 1000 фруктовых и декоративных деревьев, доставленных ему из Крыма, наместником Кавказа князем Воронцовым, до которого дошли слухи о садовнике-энтузиасте. Тогда же по пожеланию князя Петр Николаевич Нечмиров становится городским садовником.

Шли годы. В 1859 году совместно с архитектором Воскресенским он закладывает парк на южном склоне Соборной горы, получивший имя нового наместника Кавказа князя А.И. Барятинского. Тогда же с архитектором Красевичем Нечмиров благоустраивает нижнюю часть знаменитого Ставропольского бульвара, упиравшегося в Тифлисские ворота, или Триумфальную арку, в память побед русского оружия в Отечественной войне 1812 года и Кавказской войне. Тогда же эта часть бульвара получила

имя героя тех же Отечественной и Кавказской войн ставропольского генерал-губернатора Николая Степановича Завадовского.

Нечмиров продолжал благоустраивать свой огромный сад на Ольгинской, превратив его в парк с аллеями, цветниками, декоративными прудами, с цветочной оранжереей и питомником роз. Перестроил он и старый дом, обложив его кирпичом, украсив фасад дома колоннами, полукруглыми оконными проемами и прочим декором.

В 1864 году Петр Николаевич Нечмиров по приглашению царского двора уезжает в имение Звягинцева в Воронежской губернии, известное поставками сельхозпродуктов к царскому столу. Его усадьба в Ставрополе переходит во владение сына Леонида Петровича, подполковника в отставке, который приложил немало усилий к сохранению отцовского сада.

В советское время в доме Нечмирова жили партийно-советские работники и военные чины, последним из которых был некогда известный Василий Иванович Книга, генерал и общественный деятель...

Великокняжеский дом

Дом этот, находившийся на месте сегодняшнего магазина «Изобильный» по ул. Мира, 280, достоин того, чтобы о нем рассказать подробно.

Первоначально это усадебное место принадлежало все тому же садовнику Нечмирову с его огромным садом. В 60-х годах место это перешло ставропольскому управлению удельного ведомства, занимавшемуся вопросами землепользования угодьями, принадлежавшими здесь, на Ставрополье, царствующему дому.

Тогда же фасадом на Ольгинскую улицу был построен дом оригинальной архитектуры в стиле эклектики, где слились воедино барокко и рококо, с мраморными вазами и крылатыми ангелами, скульптурами древнегреческих богов и прочими фасадными украшениями. Дом этот стал для Ставрополя эталоном красоты.

Со стороны двора, помимо прочего, дом украшали нарядные капители с изящными портиками входных дверей,

ведущих во внутренние апартаменты. Об убранстве многочисленных комнат, залов и веранд здания ходят легенды, как и о том, кому предназначалось это великолепие. По одной из легенд, дом был построен для одного из опальных Великих князей семьи Романовых. По другой – на случай посещения Ставрополя по дороге на Кавказ или в С.-Петербург наместником на Кавказе Великим князем Михаилом.

В народе дом этот, именуемый не иначе как Великокняжеский, породил немало легенд и домыслов о своем предназначении. Между тем в 1893 году Ставропольское удельное ведомство было упразднено. В связи в этим появилось решение в доме этом устроить апартаменты для губернатора взамен губернаторского дома, к тому времени обветшавшего. Идею поддержал генерал-губернатор Никифораки.

«Дом этот, – сообщает архивный документ, – решено было купить у Удельного ведомства за 12000 рублей серебром, потратив дополнительно *60000* рублей на ремонт». Архитектор Прозоровский подготовил проект переустройства дома на 75000 руб. Но тут от князя Вяземского, стоявшего во главе Управления департамента уделов, пришло письмо, в котором он отказывался от продажи дома, желая оставить его для других целей. Поэтому губернатор Никифораки поручил тому же Прозоровскому подготовить проект постройки нового дома губернатора на старом месте.

Между тем от князя Вяземского пришло согласие на продажу дома, который и был вскоре приобретен городом. Теперь в нем планировалось разместить городскую публичную библиотеку, музей Г. Праве и церковно-археологический музей протоиерея С. Никольского. На усадебное место претендовала и Опытная станция, возникшая в 1901 году в Ставрополе.

Станция уже имела два большие опытных поля – Западное и Восточное. После долгих рассмотрений вопроса городская Дума отдала предпочтение Опытной станции, значение которой в развитии сельскохозяйственного производства в губернии все возрастало. Опытная станция в глубине усадебного места среди великолепия нечмировского сада построила полностью остекленную теплицу, хим-

лабораторию и хранилище для элитных семян зерновых и пропашных культур.

Во главе станции стал некогда известный агроном из Одессы, специально приглашенный в Ставрополь В. Таланов, который организовал не только высоконаучную опытническую работу по выведению новых сортов зерновых и прочих сельхозкультур, но и снабжение этими семенами не только Ставропольской губернии, но и всего Северного Кавказа. И в этом ему помогал Российский департамент земледелия.

С начала Первой мировой войны в Ставрополе стали открываться госпитали для раненых, прибывающих с турецкого и германо-австрийского фронтов. Тогда и было решено на средства горожан и управы открыть новый госпиталь в бывшем Великокняжеском доме. Как сообщает архивный, только что обнаруженный документ, открытие госпиталя «в бывшем дворце Великого князя Николая Константиновича произошло 26 октября 1914 года».

В том же документе сообщалось, что в нижнем этаже здания расположилась столовая на 80 человек, а также четыре палаты для нижних чинов по 15 кроватей, одна палата для офицеров, читальня, кабинет врачей, ванная и прочие помещения. В верхнем этаже находилось еще девять палат, операционная, рентгенкабинет, а также музейная комната, где экспонировались извлеченные при операциях пули и осколки снарядов, трофейное оружие и обмундирование немецких, австрийских и турецких солдат.

Заведующим военным госпиталем был врач А.И. Перекропов: ему помогали еще два врача – А.А. Близнер и В.В. Мухин, а также десять медсестер Красного Креста из числа вчерашних гимназисток, прошедших курсы сестер милосердия, и 12 человек прислуги из австрийских военнопленных.

Раненые и больные поступали в госпиталь по 25-40 человек прямо из санитарного поезда. С начала ноября 1914 года по 1 января 1916 года сюда поступило три раненых врача, 40 офицеров и 842 нижних чина. Умерли от ран 11 человек. После лечения часть раненых продолжала лечение на Кавказских Минеральных Водах, на курортах Черноморского побережья Кавказа.

С начала революционных потрясений в стране хирурги-

ческий госпиталь в Великокняжеском доме был закрыт, а в период Гражданской войны – в значительной мере разрушен. В 1927 году здесь расположился один из отделов для Северо-Кавказского химико-бактериологического института им. академика Красевича, целью которого была разработка и производство различных вакцин как для людей, так и для животных.

Биофабрика, как позже стали именовать этот центр, в 60-е годы XX столетия была переведена на юго-восточную окраину Ставрополя. Тогда же на месте усадьбы Великокняжеского дома были построены девятиэтажки и магазин «Вина Ставрополья» (сегодня – «Изобильный»). Но и сегодня в глубине усадебного места сохранились столетние груши, по-прежнему плодоносящие. Это – последняя память «о днях давно забытых»...

Жандармский манеж

Территория к западу от Великокняжеского дома, где до последнего времени находился магазин «Океан», а также территория сегодняшнего автовокзала вплоть до ул. Лермонтова в 40-х годах XIX столетия старанием архитекторов Суслова, Гайворонского и Полескина была превращена в «казарменный городок». То были некогда известные в городе «Красные» и «Белые» казармы для запасного батальона местного гарнизона (название дано было по цвету кирпича и камня-ракушечника). Кстати, одна из казарм сохранилась, в ней сегодня размещается военкомат Ленинского района. Был построен вместительный цейхгауз для военного обмундирования и вооружения.

И, наконец, на том месте, где сейчас находится магазин «Океан», был возведен огромный деревянный манеж для местной жандармской команды, проводившей здесь конные учения. Для начальства и зрителей в манеже была устроена смотровая галерея «с буфетом и самоваром». Здесь устраивались смотры и соревнования прочих конных команд с джигитовкой, скачками с рубкой лозы и уколами чучел.

С 70-х годов манеж перешел во владение Ставропольского казачьего юнкерского училища, готовившего буду-

щих казачьих офицеров. Затем, после закрытия училища в 1898 году, манеж со всеми прилегающими строениями перешел во владение Осетинского конного дивизиона: теперь здесь проводили джигитовку и другие воинские команды, квартировавшие в Ставрополе.

С потерей Ставрополем своего значения как военного центра многие строения начали использоваться для городских нужд. Так, в манеже в конце прошлого века обосновался Народный театр. «Имею честь покорнейше просить Строительное отделение, – пишет в мае 1899 года известный общественный деятель и краевед Григорий Николаевич Прозрителев, – осмотреть сделанные мной в бывшем здании манежа приспособления для Народного театра согласно плану, утвержденному 14 апреля настоящего года...»

По заключению губернского инженера Кускова, «здание удовлетворяет своему новому назначению». И уже 4 мая того же года здесь был дан первый спектакль, подготовленный энтузиастами местного драматического кружка.

В дальнейшем в старом манеже шли выступления как местных театральных и музыкальных коллективов, так и заезжих российских и заграничных актеров и музыкантов, а также цирковых коллективов.

Манеж просуществовал до окончания Гражданской войны, когда начал рушиться потолок. Советские власти вместо реконструкции этого огромного деревянного строения пустили его на дрова для своих многочисленных контор.

Генеральский особняк

Одноэтажный каменный дом на северо-западном углу перекрестка сегодняшних улиц Пушкина и Мира вошел в историю города как дом генерала Попко.

Иван Диомидович Попко, уроженец станицы Тимошевской на Кубани, закончив духовное училище, а затем Московскую духовную академию, приняв духовный сан, стал рядовым 10-го полка Черноморского казачьего войска. В сражениях дослужился до генеральского чина, мундир его украсили многие высшие боевые награды России. Но не этим в дальнейшем прославился генерал. Его увлекла история казачества.

После отставки он в 1878 году поселился в Ставрополе, на углу бывшей Невинномысской и Семинарской улиц построил большой каменный дом, ставший не только «его последней гаванью», как писал сам Попко, но и местом, где стали собираться военные и гражданские историки. Все шкафы в доме были забиты собираемыми Попко документами о Кавказской войне, Черноморском и Терском казачестве.

К тому времени Иван Диомидович был автором ряда книг, таких, как «Статистическое описание Черноморского казачества» и капитальный труд «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту», изданный в Санкт-Петербурге. В Ставрополе он пишет еще одну уникальную работу «Терские казаки со стародавних времен», сделавшую автора широко известным в России.

Иван Диомидович в Ставрополе становится предводителем дворянства Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей, почетным шефом Ставропольского казачьего юнкерского училища, возглавляет различные благотворительные фонды. Иван Диомидович безгранично любил русский народ, повторяя: «Мы мало знаем свою Родину, мы слишком мало ценим своих тружеников».

В 1893 году жизнь его оборвалась в Харькове, в раковой клинике профессора Грубе. Тело генерала было по его завещанию предано земле на старом Солдатском кладбище с устройством здесь церкви во имя Св. Даниила Столпника; кладбище было переименовано в Даниловское.

После смерти Ивана Диомидовича его дочь Нина Ивановна вышла замуж за известного предпринимателя Панова, а отцовский дом продала Юлию Федоровичу Шульцу, крупному чиновнику Ставропольского окружного суда, имевшему сына Федора. Уже внук Юлия Федоровича, Константин Федорович, после окончания местной гимназии поступил в Морской корпус и как лучший его выпускник принимал участие в кругосветном путешествии на парусно-моторном корвете «Витязь» под командой тогда капитана 1-го ранга Макарова.

Константин Федорович постоянно приезжал в Ставрополь в дом своего деда, ранее принадлежавший генералу Попко. Здесь он рассказывал о своем участии в первом плавании первого в мире ледокола «Ермак» по спасению

25 Заказ 630

севшего на мель броненосца «Адмирал Апраксин» и о том, как он, тогда еще мичман, стал любимым учеником будущего адмирала русского флота Степана Осиповича Макарова.

После назначения императором Николаем II Макарова командующим Тихоокеанским флотом, в разгар русско-японской войны 1904 года, флагманским минным офицером штаба Макарова стал уже инженер-полковник Константин Федорович Шульц. Здесь надо сказать, что к тому времени Константин Шульц прославился изобретенным им противоминным тралом, на базе которого позже возникли суда-тральщики.

31 марта 1904 года русская эскадра во главе с броненосцем «Петропавловск», на борту которого находился, как всегда рядом с Макаровым, Константин Шульц, наткнулась на минную банку. Над «Петропавловском» взвилось гигантское облако черно-бурого дыма. Вздыбилась палуба, броненосец накренился на правый борт и начал стремительно погружаться носом в воду. Погибли адмирал Макаров, художник Верещагин, 29 офицеров, в том числе Константин Шульц, и 620 матросов.

В советское время в национализированном доме Попко-Шульцев обосновался сельхозтехникум, который в конечном итоге перерос в сельскохозяйственную академию (сегодня здесь – одна из кафедр академии).

На самом здании по инициативе ставропольского казачества установлена скромная мемориальная доска в память о выдающемся сыне России – Иване Диомидовиче Попко.

Кавказское епархиальное женское училище

Сегодняшнее здание Ставропольской сельскохозяйственной академии было построено (корпус, выходящий на ул. Мира) в 1887 году под Кавказское епархиальное женское училище. История училища берет свое начало с 1875 года, когда по инициативе епископа Кавказского Германа правительственным Синодом с соизволения императора Александра II в Ставрополе было открыто первое на Кавказе среднее женское духовное учебное заведение.

Под новый учебный центр был арендован дом купца Ивана Ртищева на Гимназической улице (сегодня – ул. Морозова, 6), который, однако, оказался тесным. В связи с этим после длительной переписки решено было возвести собственное здание училища на Невинномысской улице, к северо-востоку от Софиевского храма. Автором проекта этого для своего времени грандиозного строения стал Федор Карлович Кнорре. Здание в три этажа, полное солнечного света, с домовой церковью в честь Тихвинской иконы Божией Матери, стало одним из лучших в городе.

В 1908 году архитектор Адриан Петрович Булыгин подготовил проект пристройки к дому со стороны Митрофановского переулка (сегодня – пер. Зоотехнический), который и был одобрен Св. Синодом. Строительство пристройки, полностью повторявшей фасадный рисунок первого строения, началось в 1910 году. Впервые в городе здесь были установлены лифты завода «Альфред Гутман и К°». Обогрев здания осуществлялся с помощью калориферов немецкой фирмы «К. Зигель». Общая стоимость здания превысила 500 тыс. рублей, что по тем временам было астрономической суммой.

Уже по проекту архитектора Григория Павловича Кускова был несколько перестроен верхний этаж первого строения, где вместо домовой церкви Тихвинской Божией Матери была устроена церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы (сегодня в этом помещении – библиотечный зал академии). Тогда же над церковью был устроен купол с вызолоченным крестом.

В епархиальном училище стало обучаться более 500 воспитанниц, которые получали здесь не только духовные знания, но и обучались точным наукам, истории и географии, нескольким иностранным языкам, получали музыкальное образование.

Вскоре часть здания была отдана под один из госпиталей, затем здесь были госпитали «красных» и «белых». С окончанием Гражданской войны опустевшее здание заняли разные советские учреждения и сельхозтехникум с отделением инженерной мелиорации. С 1927 года это уже Зоотехнический институт, от наименования которого Митрофановский переулок стал Зоотехническим.

Сожженный при отступлении немецких войск из горо-

да (в период оккупации сельхозинститут был вновь открыт немецкой администрацией, здесь же находился и немецкий госпиталь), он был отстроен заново и, пережив тяжелое время, стал сельхозакадемией.

Учительская семинария

С постоянным ростом числа начальных училищ и прочих учебных заведений как Министерства народного образования, так и находящихся в ведении Св. Синода, ощущалась острая нехватка учительских кадров. В связи с этим в 1902 году в Ставрополе на бывшей улице Гимназической (сегодня – ул. Морозова) в доме купца Алафузова, где сегодня находится стоматологическая поликлиника медакадемии, в торжественной обстановке в присутствии епископа Агафодора и генерал-губернатора Никифораки была открыта учительская семинария. Во главе семинарии стоял известный педагог Апостолов, который приложил немало усилий, чтобы ее выпускники способствовали развитию образования и православной веры не только в церковно-приходских, но и в светских школах губернии. Кстати, многие выпускники становились чиновниками в уездных структурах власти. Однако арендуемое здание оказалось тесным для новых наборов учащихся.

В 1905 году буквально напротив Ставропольского женского епархиального училища было построено первое собственное здание для учительской семинарии. В два этажа, из местного камня-ракушечника, с большими светлыми *аудиториями, огороженное узорным каменным забором*, с большим участком земли (тут же был разбит фруктовый сад). Здание это стало образцовым учебным заведением.

Вскоре позади первого строения было построено еще два таких же дома, где были устроены большая библиотека, актовый зал, лаборатория, а также общежитие для учащихся. Тогда же с восточной стороны усадебного места, выходящего на Семинарскую улицу (сегодня – ул. Пушкина) был выстроен еще один двухэтажный дом из такого же камня – уже для преподавателей семинарии, где, кстати, находилась и квартира учителя пения, автора «Варяга» Василия Дмитриевича Беневского. (Сегодня на этом зда-

нии мемориальная доска в память сомнительной партизанки Абрамовой. Но вот о том, что здесь жил Беневский, как и другие некогда известные педагоги, – ни слова).

В советские 20-е годы вся территория бывшей учительской семинарии была передана перебравшемуся сюда бывшему Михайловскому ремесленному училищу, где готовили рабочие кадры для промышленности города и края. В середине 30-х годов здания перешли к Ставропольскому сельскохозяйственному институту, в настоящее время сельхозакадемии.

Образцовая школа Св. Синода

На противоположном углу бывшего Митрофановского переулка и Невинномысской улицы (сегодня – пер. Зоотехнический и ул. Мира) в 1901 году было построено неординарное двухэтажное здание из полированного камня-ракушечника, в котором расположилась образцовая женская школа Св. Синода.

Проект школьного здания стоимостью в 20 тыс. рублей серебром подготовил архитектор Григорий Павлович Кусков. Непосредственным строителем был подрядчик Никита Степанович Мокин. Как сообщают архивные документы, на строительную площадку было завезено 50 тысяч штук строительного, специально обработанного камня, 25 тысяч кубометров бутового камня, 2 тысячи пудов пятигорской извести. Кроме того, сообщает тот же документ: «...был доставлен сосновый лес, без табачных, гнилых и злокачественных сучьев, без синевы и совершенно здоровый», который пошел на столярные работы, настил полов и прочие надобности. Из московской фабрики Мальцева было доставлено «бемское» стекло, с Урала – рельсы, железо кровельное, скобы и т. д. Кирпич поставляли местные заводчики – Меснянкин, Крупинский, Скоморохов. Из Петербурга по железной дороге были доставлены железные корпуса голландских печей и изразцовые облицовки для простых печей, а также трубы для подачи в дом колодезной воды и еще много другого заморского оборудования».

Возведенное здание было похоже на терем, будто пришедший из далекой сказки. Здесь обучалось одновремен-

но более ста девочек, как правило, из семей духовенства. Занятия проводили опытные педагоги. Здесь же давали свои первые уроки и воспитанницы рядом расположенного епархиального женского училища.

Уже в 1920 году школа прекратила свое существование, как и епархиальное женское училище. И все же зданию повезло: здесь вскоре расположился техникум овцеводства, который в 1932 году был преобразован во Всесоюзный научно-исследовательский институт овцеводства и козоводства. Как сообщает мемориальная доска на здании: «Здесь с 1934 по 1970 годы работал Герой Социалистического Труда, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Анатолий Иванович Лопырин».

Между тем здание в 1962 году полностью потеряло свой первоначальный облик, когда были сделаны надстройка и пристройка, хотя строители и пытались хоть как-то повторить первоначальный фасадный рисунок здания.

Софиевский храм

Напротив Образцовой школы, где начиналась большая площадь Форштадского предместья, по инициативе местных жителей был построен величественный пятикупольный Софиевский храм, отчего и сама площадь стала именоваться Софиевской.

История этого храма началась в 1867 году, когда трое жителей Воробьевского предместья – отставной надворный советник Федор Алексеевич Щедрин, почетный гражданин Яков Крупицын и купец Иван Семенович Меснянкин попросили у Владыки благословения на сбор пожертвований на строительство храма. При этом Щедрин выразил готовность быть попечителем строительства и пожертвовал брусьев на 450 рублей, Крупицын преподнес в дар 5000 штук строительного камня, а Меснянкин – 200 рублей деньгами.

20 января 1867 года преосвященный Феофилакт благословил это доброе и богоугодное начинание и утвердил Ф.А. Щедрина в звании попечителя, распорядился о выдаче книги для сбора пожертвований. За два года было собрано 1500 рублей, да ставропольская дворянка, мать

известного генерала Л.И. Кусакова, Надежда Ивановна Кусакова пожертвовала на строительство храма 12000 рублей. К сентябрю 1869 года губернский архитектор Воскресенский составил план и смету на постройку храма, место для которого было отведено на Воробьевской площади.

9 мая 1870 года, в день памяти Святителя и Чудотворца Николая, преосвященнейший Феофилакт в сослужении всего городского духовенства совершил закладку храма. Через четыре года каменные работы были закончены.

Двухэтажный храм византийского стиля имел 25 метров в длину и 18 в ширину.

«Софиевский храм был возведен в 1874 году, – сообщает другой документ, – иждивением дворянки Надежды Ивановны Кусаковой при значительных пожертвованиях прихожан. Здание каменное, двухэтажное, крытое железом, колокольни при церкви нет, а колокола утверждены на каменных столбах. Престолов два – на верхнем этаже во имя Св. мучениц Софии, Веры, Надежды и Любови, на нижнем – во имя Святителя и Чудотворца Николая...»

Софиевский храм был возведен в центре Госпитального или Воробьевского кладбища, где на протяжении многих десятилетий хоронили умерших в военном госпитале солдат и офицеров Кавказской армии. Кладбище занимало большую территорию, на которой сегодня находится медицинская академия и примыкающие к ней строения. Здесь была похоронена Анна Акимовна Хастатова, приходившаяся тетей М.Ю. Лермонтову. Здесь первоначально был похоронен А. Вельяминов, командующий войсками Кавказской линии, и многие другие известные люди России.

Госпитальное кладбище, располагавшееся на окраине города, отличалось от прочих скорбных мест казенной неухоженностью, в связи с чем в 1854 году купец и благотворитель Игнат Волобуев обратился с письмом к гражданскому губернатору генералу Волоцкому: «Желаю на собственный счет поставить на кладбище за военным госпиталем каменную приличную ограду и построить часовню».

Софиевский храм был разрушен в 1937 году. Тогда же из его камня построили роддом, который сегодня полностью перестраивается. В конце 60-х годов XIX века на месте собора и кладбища (в том числе самого большого немецкого, где были захоронены солдаты и офицеры, погиб-

шие в 1942-43 гг.) началось строительство медицинского института, а затем и пятиэтажек.

Артиллерийские казармы

Напротив средней школы № 6 стоит высотный дом с торговыми и прочими службами первого этажа. И уже ничто не напоминает, что на этом месте и далее на юг, вплоть до улицы Лермонтова (в прошлом – Батальонная), некогда находились самые крупные на Северном Кавказе артиллерийские казармы.

История казарм, продолжавшаяся более века, начиналась с 1843 года, когда ставропольский генерал-губернатор Павел Христофорович Граббе подписывал документ, в котором говорилось: «Признавая необходимость иметь в г. Ставрополе артиллерийский резерв с полным числом прислуги и лошадей во всегда полной готовности к походу, признаю необходимым построить в Ставрополе для нижних чинов казармы с флигелем, дом для офицеров, а также конюшни для лошадей».

Тогда же по проекту городского архитектора Александра Бернштейна солдатами 7-го корпуса инженерных поселений начали возводиться первые постройки в дальнейшем крупнейшего на Кавказе артиллерийского городка, представляющего собой правильный четырехугольник с огромным плацем по центру и многочисленными строениями со всех сторон. То были одноэтажные каменные казармы для солдат, более уютные офицерские дома, конюшни, цейхгаузы для орудий и прочей амуниции с бетонированными подземными складами первоначально для ядер, а затем для снарядов.

Здесь, в артказармах Ставрополя, в разное время располагались полевые и горные батареи различных полков, дислоцированных в Ставрополе – гренадерских и пехотных, карабинерных и егерских, драгунских и кирасирских, инженерных и прочих. С окончанием Кавказской войны артиллерийские казармы в Ставрополе по-прежнему оставались действующими на случай осложнения отношений с Турцией и поддерживающими ее Англией и Францией. С началом Первой мировой войны и открытием Закавказ-

ского фронта артказармы стали перевалочной базой при доставке вооружения и боеприпасов для воинских соединений восточного крыла Северокавказского края.

В период Гражданской войны и последующих лет советской власти, в отличие от ушедших в историю прочих военных центров Ставрополя, артиллерийские казармы продолжали выполнять свою функцию, когда на смену лошадиной тяге стала приходить техника. В период оккупации края немецкими войсками в старых артказармах расположились немецкие части. Одновременно в казармы завозились немецкое вооружение, боеприпасы, обмундирование, хозяйственные орудия – топоры, лопаты, кирки и прочее. Все это было изготовлено на заводах Германии, ставивших свое клеймо – орел со свастикой – на каждом изделии.

С окончанием Великой Отечественной войны территория артказарм по-прежнему принадлежала военному ведомству. Но постепенно старые строения начали сносить, и к 70-м годам прошлого века сохранилось лишь одно – длинная одноэтажная казарма напротив сегодняшней школы № 6. Казарма была приспособлена под жэковскую коммуналку, на месте которой был построен высотный жилой дом, с которого и началось это небольшое повествование. Со сломом последнего строения бывшего артиллерийского городка были выкорчеваны и огромные вековые дубы, некогда дававшие прохладу и красоту этому уголку Ставрополя.

Невинномысское шоссе

Старая Невинномысская улица (сегодня – ул. Мира) упиралась в шоссе, идущее в сторону станицы Невинномысской, сегодня – города Невинномысска. Как известно, самая первая дорога, идущая от Ставрополя к станицам Барсуковской и Невинномысской, возникла в 1825 году, с появлением на свет самих станиц по Кубани. Начиналась эта дорога в Ставрополе от родника «Стойло», позже наименованного «Корыта» – по находившимся там древним каменным емкостям, наполняемым родниковой вкуснейшей водой, стекающей в долину Первой Мамайки.

Далее дорога следовала через отселок от села Надежды – Верхнюю Татарку к станицам Карягинской и Темнолесской, оттуда по восточному склону горы Стрижамент к крепости Стрижамент и расположенной вблизи Ново-Екатериненской станице. Затем – шла на станицы Барсуковскую и Невинномысскую. Дорога была сложной по своему рельефу, а в дождливое время – труднопроходимой. Кстати, дорогу ту прокладывали солдаты 16-го егерского полка и канониры 9-го артбатальона, строившие крепость Стрижамент.

С открытием в 1875 году Ростово-Владикавказской железной дороги, проходившей через ст. Невинномысскую, к «чугунке» из Ставрополя направлялись фаэтоны, линейки, пролетки и прочие виды транспорта на лошадиной тяге. Но старая дорога, вконец разбитая, сдерживала этот поток людей и животных. Нужна была новая дорога.

В начале 80-х годов XIX столетия Ставропольская городская Дума и управа обращаются в Министерство внутренних дел с письмом: «Для удобного сообщения с Владикавказской железной дорогой имеет быть сооружена дорога по направлению через селение Татарское, пост Извещательный и станицу Барсуковскую до ст. Невинномысской протяженностью 54,5 версты».

Переписка длилась более пяти лет, прежде чем государственное казначейство выделило на строительство дороги или шоссе более 400 тыс. рублей серебром (413736 руб. 17 коп.).

Строительство шоссе началось в 1888 году под руководством инженера М. Кундухова. Начиналось оно от Угольного леса (в нем выжигали древесный уголь для самоваров, утюгов и пр.), сегодня леса Кругленького с парком Победы. К селу Татарскому дорога шла серпантином, чтобы затем через речку Егорлык выйти на ложбину между горами Стрижамент и Недреманная, где находился военный пост Извещательный (некогда в его задачу входило извещение Ставрополя о появлении отрядов горцев). На 6-й, 15-й, 29-й и 45-й верстах от Ставрополя были построены караулки с ночлежными домами и колодцами для водопоя лошадей и скота. На 17-й и 36-й верстах имелись две почтовые станции – Горная и Равнинная.

Строительство шоссе, покрытого щебенкой и крупно-

зернистым песком, с многочисленными мостами, дождевыми лотками и прочими дорожными сооружениями, окончательно было завершено в 1894 году.

В советские десятилетия Невинномысское шоссе продолжало исправно нести свою службу, однако постоянно требуя ремонта, особенно на спуске к Татарке, где находились оползневые участки. Уже после Великой Отечественной войны дорогу частично покрыли асфальтом, пустив ее мимо ст. Барсуковской, этим сократив расстояние до города Невинномысска.

Шли годы. Время и оползни все больше и больше разрушали старое шоссе. Наконец в наши дни решено было как бы частично вернуться к «суворовской дороге», как в народе называли ту самую первую дорогу к Стрижаменту. Теперь уже новое шоссе обогнуло с востока Татарку, избежав этим ее оползневые участки. Да и прочие километры дороги потребовали реконструкции. Сегодня лишь кое-где сохранившиеся старые мосты, километровые столбики, щебневые участки старого покрытия напоминают о Невинномысском шоссе и некогда стремительно рвущейся в пространство курьерской тройке, олицетворяющей собой такое далекое, но не забытое нами время.

ГЛАВА VIII. МАЛЫЕ УЛИЦЫ ГОРОДА

Бывшая Шипкинская

Сегодня это улица 8 Марта, начинающаяся от стен Ставропольской тюрьмы и оканчивающаяся у старого Даниловского кладбища. Места эти, конечно, мало связаны с праздничным еще для многих названием улицы.

Старое же наименование – Шипкинская – некогда говорило о великом подвиге русского солдата, спасавшего болгарских братишек от мусульманской Турции, в том числе на знаменитом Шипкинском перевале. Там, кстати, и сегодня стоит памятник о том великом подвиге. Мы же, вернее, наши предшественники с партийными билетами, посчитали, что история России начинается с 1917 года...

Но и раньше, и сегодня улица действительно начиналась с печально известной знаменитой «екатериновской» тюрьмы (в плане здание напоминает букву «Е», отсюда и народное название). История этого неординарного сооружения началась буквально с времен строительства ставропольской крепости, в которой сразу же соорудили гауптвахту и острог под камышовой крышей. Затем уже острог перенесли к деревянной Троицкой церкви (на этом месте – гостиница «Интурист»), а потом – в начало 1-й Солдатской улицы за Черным лесом, отчего идущая к нему улица стала именоваться Острожной (пр. Октябрьской революции, на месте острога – школа-интернат для глухонемых детей).

Между тем город разрастался, нарушителей законов Российской империи здесь, в Ставрополе, становилось все больше. Деревянные острожные бараки не вмещали всех «желающих» туда попасть, потому местные власти и решили построить настоящее тюремное заведение. Место выбрали подальше от центра, в конце большого Воробьевского выгона, рядом с уже возведенными казармами для нижних чинов Первого линейного Кавказского батальона и рекрутов (казармы эти частично сохранились рядом с Верхним базаром).

Первый проект тюремного замка на южной стороне Воробьевского предместья выполнил архитектор И. Гай-

воронский, но Главное управление путей сообщения и публичных зданий отклонило проект. В 1838 году к составлению проекта приступил помощник архитектора Неклюдов. По этому поводу архивный документ гласит: «Он, Неклюдов, занимался чертежами и деталями для исполнения по Высочайшему повелению проекта постройки в Ставрополе тюремного замка».

В следующем году к составлению проекта тюрьмы подключился и архитектор Бернштейн, но областной начальник генерал-майор Граббе утвердил проект Неклюдова. По его проекту здание в длину занимало более 62 саженей, а в ширину – 53,5. Всего по смете необходимо было потратить по тем временам огромную сумму – 736 тысяч рублей. Поэтому вплоть до 1845 года стройка так и не началась. К этому времени Кавказской областью управлял генерал Н.С. Завадовский, при котором завершились все работы.

На протяжении последующих десятилетий, как дореволюционных, так и советских, это мрачное учреждение выполняло свои функции. Здесь содержались как политические, так и уголовные заключенные, но это – другая тема. В 1936 году часть тюрьмы приспособили для малолетних преступников, в большинстве детей родителей – «врагов народа». Правда, когда немецкие войска подходили к Ставрополю (тогда – Ворошиловску), начальник детской исправительно-трудовой колонии, понимая абсурдность обвинений, предъявленных детям, просто распустил их по домам.

В 60-х годах старое здание было надстроено одним этажом, построено здание для школы и клуба. Сегодня тюремные строения вновь реконструируются, делаются попытки выйти на подвальное помещение старого корпуса с входом, тщательно замурованным, где, возможно, хранится немало тайн дореволюционного времени, периода Гражданской войны и советского прошлого...

Офицерское собрание

Здание это, в начале сегодняшней ул. 8 Марта под № 3, входящее в комплекс строений старой 1-й крайбольницы Ставрополя, поражает своим неординарным фасадом. Сло-

женное из кремнистого известняка в стиле романтического модерна, с ажурными балкончиками, парадным арочным входом, с замысловатым не повторяющимся оконным сандриком, с коническими капителями и полуколоннами, символическими победными щитами и профилем Виктории (Победы), барельефным гербом Ставропольский губернии – здание это поражало и поражает всех, кто его видел.

К сожалению, автора проекта здания пока установить не удалось. Небезынтересно, что, когда Ставрополь был занят немецкими войсками, как вспоминают жители этого района, немецкие офицеры приходили к этому зданию и фотографировались на его фоне. При этом они утверждали, что подобные строения есть у них в Германии, а потому архитектором мог быть только немец. Да, все может быть. Но вот то, что строительным подрядчиком был русский – Михаил Ларичев, подтверждают документы. Время строительства относится к 1912 году. И первыми, кто здесь обосновался, были офицеры рядом расположенного военного городка. Затем, как вспоминали старожилы, здесь обосновалось Офицерское собрание города.

Здесь же одно время находился музей 81-го Самурского пехотного полка, дислоцировавшегося в Ставрополе. Среди экспонатов были образцы кавказского оружия, вооружение русской армии, начиная с гладкоствольных мушкетов, а также оружие турецкого и персидского происхождения, бухарского и хивинского – тот есть мест, где некогда сражались самурцы. Две комнаты здания занимала библиотека самурцев и Офицерского собрания. Здесь подолгу работали многие ставропольские краеведы, такие, как историограф И.Д. Попко и другие. В самом здании устраивались празднества в честь многочисленных побед русского оружия и в честь памятных дат Российского государства. Здесь чествовали отмеченных наградами и чинами офицеров дислоцированных в городе полков. Здесь проходили встречи с прибывающими в Ставрополь военачальниками, чинами государственной службы. Проводились и увеселительные вечера с концертами заезжих и местных актеров и музыкантов, балы-маскарады с приглашением местного начальства и прекрасных дам...

С началом Первой мировой войны здание перешло в ведение расположенной рядом краевой больницы, устро-

ившей здесь общежитие для медперсонала. Потом была Гражданская война, когда в здании размещались лазареты то Белой, то Красной армий.

В советские годы здание, к тому времени лишенное всего внутреннего великолепия и обстановки, оставалось общежитием для медперсонала все той же больницы. Сегодня здесь разместилось одно из больничных отделений. При этом новые хозяева делают попытки поддержать хоть поблекшее, но все еще сохранившееся великолепие фасада здания.

Соматическая больница

Сразу за бывшим Офицерским собранием находится Первая краевая больница, которую старожилы именуют «старой». Своим фасадом главного корпуса больница выходит на улицу Ломоносова: то большой двухэтажный дом из красного кирпича и без всяких фасадных украшений. Между тем история этого лечебного центра достаточно интересна.

Самая первая больница города, принадлежавшая Приказу общественного призрения, находившаяся в районе улиц Александровской и Европейской (сегодня улицы Дзержинского и К. Хетагурова), к концу XIX столетия уже не отвечала потребностям в лечении горожан. Нужна была новая больница, место для которой выбрали с восточной стороны бывшей Софиевской площади. Здесь, кстати, уже был построен дом в полтора этажа для 2-й городской лечебницы и имелись старые, пугавшие обывателей холерные бараки. В решении Думы по строительству новой больницы указывалось: «При больнице иметь амбулаторную лечебницу, гинекологическое отделение и заразный барак. И чтобы лекарства в амбулаторной лечебнице выдавались больным бесплатно, чтобы в каждом из отделений было по три городские бесплатные койки».

Дело оставалось за малым – найти средства на строительство. Но это оказалось сложным, пожертвований было совсем немного. Так тянулось до 1913 года, когда нашлись-таки меценаты. Ими стали жена известного Ставропольского банкира Попова – Евдокия Карповна и ее дочь Анна

Макаровна Шоршорова. Вместе они пожертвовали на строительство больниц 100 тысяч рублей ассигнациями.

Срочно собрались члены городской врачебно-санитарной комиссии, возглавляемые городским головой М.П. Поярковым. То были городские врачи: Т.И. Богданов, С.Ф. Гарин, С.А. Малиновский, П.Н. Мокин, Н.Г. Осипьянц, В.И. Протопопова, М.Ю. Шульц и Ф.Ю. Шульц. На заседании комиссии присутствовал городской архитектор В.А. Смыслов, а также члены городской Думы и управы.

Комиссия предложила архитектору Смыслову подготовить предварительный проект больничных строений, где могли бы разместиться: общесоматическая больница, родильный приют с гинекологическим отделением, изоляторы для венерических больных, амбулатория для приема больных и аптека, а также строения для хозяйственных служб.

В устройстве больницы пожелала участвовать и Ставропольская уездная земская управа, готовая вложить и свои средства – но ей в этом было отказано.

Между тем заседания по устройству больницы устраивались все чаще. Было рассмотрено уже несколько проектов больничных корпусов, которые первоначально должны были выходить на Шипкинскую улицу (сегодня – ул. Восьмого марта). Эскиз больницы, сделанный известным ставропольским архитектором Смысловым, был одобрен городской Думой, постановившей: «Проект и смету по строительству городской больницы поручить В.А. Смыслову и по исполнении их предоставить в Думу на одобрение». Одновременно Дума приняла решение – главный двухэтажный корпус больницы возвести фасадом на улицу Параллельную (сегодня – ул. Ломоносова), поручив при этом члену комиссии И.В. Пастухову выяснить цены на кирпич, из которого решено было строить главное здание. Тогда же была определена и примерная стоимость всех больничных строений – не более 80 тысяч рублей серебром.

Итак, в главном корпусе верхний этаж был отдан под хирургическое отделение, полностью изолированное от расположенного ниже терапевтического отделения с венерическим изолятором. Полутораэтажный дом фасадом на улицу Батальонную (сегодня – ул. Лермонтова) был отдан под родильный приют с гинекологическим отделением.

Еще два строения барачного типа заняли центральная лаборатория с рентгеновским кабинетом, аптека, приемный покой, подсобные и хозяйственные службы. Вся территория больницы была огорожена высоким каменным забором, высажены деревья, устроены прогулочные аллеи для выздоравливающих. В самом конце территории были устроены конюшни и каретный сарай, ледник и морг.

Между тем известный ставропольский предприниматель Петр Петрович Меснянкин, с которым был заключен договор на поставку 800 тысяч штук кирпича по цене 18 рублей за тысячу, начал возводить главный корпус больницы и прочие строения. Одновременно техники торгового дома Ф.Д. Саксе (в г. Москве) начали доставку медицинского оборудования, а представители еще нескольких российских фирм начали монтаж электро- и теплооборудования и снабжение больницы водой из родника Карабин. Устраивалась и система больничной канализации с бочковым вывозом нечистот.

В начале 1914 года состоялось очередное заседание комиссии по устройству больницы, председательствующим был городской голова Н.Г. Дидрихсон. Он зачитал решение городской Думы о присвоении звания почетных граждан Ставрополя жертвователям на устройство городской больницы: «Учитывая ту неисчислимую пользу, которую принесли всему городскому населению Ваши пожертвования, городская Дума единогласно определила – избрать Вас, Евдокия Карповна, и дочь Вашу Анну Макаровну в почетные граждане г. Ставрополя».

После зачтения решения Думы комиссия приняла решение о названии строящейся больницы именами жертвователей. Между тем стройка продолжалась, и завершилась она лишь в 1915 году, когда больница приняла на лечение не только больных горожан, но и доставленных в Ставрополь раненых солдат и офицеров с фронтов Первой мировой войны.

Новая соматическая больница исправно несла свои функции на протяжении всех последующих десятилетий, оставаясь в строю до дней сегодняшних. Об этом можно и нужно написать целую книгу, и в первую очередь о труде врачей и медсестер, поставивших на ноги тысячи и тысячи наших сограждан.

Церковь Св. Даниила Столпника

Улица Шипкинская упиралась в ограду церкви Св. Даниила Столпника, занимавшей юго-восточный угол бывшего Воробьевского, а с постройкой церкви – Даниловского кладбища. Само кладбище возникло после упразднения Солдатского кладбища, на котором был возведен пятикупольный Софиевский храм (район медакадемии). Отведенное под Воробьевское кладбище место было поделено между православными, мусульманами, поляками-католиками, немцами-лютеранами и евреями. При этом православное и еврейское кладбища оказались с южной стороны отведенного участка, а прочие – с северной. Когда в наши 80-е годы улица Лермонтова (в прошлом – Батальонная) удлинялась до ул. Доваторцев, то было снесено до трети всего кладбищенского пространства с северной стороны вместе с захоронениями.

С 90-х годов XIX столетия бывшее Воробьевское кладбище с постройкой здесь Даниловской церкви стало именоваться Даниловским.

В 1890 году известный ставропольский купец и общественный деятель Даниил Спиридонович Извозщиков обратился с письмом к Ставропольскому епископу Евгению: «Имею желание построить на свои средства на Воробьевском кладбище каменную церковь во имя Св. Даниила Столпника и представляю проект этой церкви, составленный инженером Бржезицким. Прошу благословения Вашего Преосвященства и ходатайства вашего о разрешении построить таковую церковь на могилах моих родителей, под папертью которой дозволено было бы сделать усыпальницу для себя и своих родных».

Церковь Св. Даниила Столпника была окончательно отстроена в 1892 году и 2 декабря, в день памяти св. Даниила, освящена. То было небольших размеров каменное здание вблизи восточного входа на кладбищенскую территорию. В ограде церкви были похоронены многие известные и малоизвестные военные чины, в том числе – генерал И.Д. Попко. Над его могилой была устроена небольшая часовенка по чертежам, которые сделал при жизни сам генерал.

На Даниловском кладбище покоится прах многих по-

колений горожан как дореволюционного времени, так и советского (кладбище было закрыто в 60-е годы прошлого столетия).

Сегодня решается вопрос о восстановлении церкви Св. Даниила Столпника, разрушенной в советские 30-е годы.

Улица Гимназическая

Улица Гимназическая, первоначально именуемая Второй Воробьевской, начиналась от улицы Властовской, названной в честь ставропольского генерал-губернатора, почетного гражданина Ставрополя, грека по национальности, Константина Георгиевича Властова (сегодня – ул. Коминтерна). Сама Гимназическая тянулась далее на запад, вплоть до улицы Мойки, сегодня – Краснофлотской.

То была тихая улочка, застроенная небольшими особнячками, славившимися зеленым нарядом белой и желтой акации, тополями и зарослями сирени. При каждой усадьбе был фруктовый сад с обязательными цветниками. В 1938 году Гимназическая, наименованная в честь ставропольской мужской гимназии (позже на ней были открыты и другие учебные центры, о чем пойдет разговор далее), была названа именем Кагановича, оставившего о себе на Кавказе недобрую память. Наконец, улица стала именоваться в честь некогда изгнанного за неуспеваемость из ставропольской семинарии Михаила Морозова по прозвищу «абрек», ставшего в 1918 году губернским военным комиссаром и вскоре зарубленного при отступлении красных из города «за паникерство» своими же.

Повествование о самых значительных строениях и связанных с ними событиях начнем с Дома дежурного офицера, который и сегодня стоит напротив начала Гимназической улицы (по ул. Коминтерна, 18).

Дом дежурного офицера

Будущий начальник штаба Кавказской линии Филипсон в своих «Воспоминаниях...» писал: «Там (в Ставрополе 1837 года) я нашел много перемен. Для дежурства стро-

ился новый деревянный дом на одном дворе со старым... Обер-квартирмейстер был полковник Горский».

Генерал-лейтенант, писатель Ф.Ф. Торнау в своих воспоминаниях также упоминал этот дом: «Кроме командующего войсками, жили еще на площади: обер-квартирмейстер, дежурный штаб-офицер».

Все прибывающие в Ставрополь военные чины обязаны были являться в Дом дежурного штабного офицера, там они получали предписания явиться в свои полки, приказы и распоряжения по Генштабу, ответы на прошения и ходатайства, адреса для постоя... Здесь бывали Денис Давыдов и Лев Пушкин, Майер, Бестужев, Одоевский и прочие известные люди того времени. Неоднократно входную дверь открывал Михаил Юрьевич Лермонтов.

Оштукатуренный уже позднее, а некогда сложенный из тяжелых дубовых плах, с двойным полом, крытый камышом, с кованым надкрылечником, внутри он был полон света благодаря большим окнам. За домом тянулся небольшой фруктовый сад, оканчивавшийся узорным каменным забором и такой же калиткой (частично сохранившийся), ведущей в Вельяминовскую рощу и далее, на улицу Острожную (сегодняшний пр. Октябрьской революции).

С 1872 года здание перешло в ведение Ставропольского казачьего юнкерского училища, здесь располагалась их канцелярия. С закрытием училища в 1896 году здание было куплено мещанином Иваном Согром, сдавшим его внаем местным офицерам. Кстати, здесь жил командир знаменитого Самурского полка, базировавшегося в Ставрополе, К.А. Стефанович, удостоенный за героизм в годы Первой мировой войны звания генерала и ордена св. Георгия 4-й степени. Сам он погиб в той войне, а его семья, как родственники царского генерала, была первоначально обобрана чекистами, а затем вынуждена эмигрировать в Югославию. С того времени дом стал советской коммуналкой, каковым остается и сегодня.

Мужская классическая гимназия

В 1858 году по новому генеральному плану застройки Ставрополя, с разрешения наместника Кавказа князя

Барятинского, Ставропольской мужской гимназии, попрежнему арендовавшей частные дома, было отведено под строительство собственного здания место на южной стороне Александровской площади (сегодня – пл. Ленина) – «взамен принадлежавшей ей рощи под названием Воронцовского сада».

Еще в начале 1837 года купец 1-й гильдии Фрол Тарасов подарил высшему уездному училищу рощу в центре города, до этого именуемую Бабиной (по имени первого владельца поручика Матвея Бабина), купленную им за 3500 рублей ассигнациями. Тогда же рощу переименовали в Гимназический сад, а в 1849 году в честь князя Воронцова, наместника Кавказа, – в Воронцовскую.

В проектировании нового здания для гимназии приняли участие архитекторы из Москвы и Петербурга. Победил проект академика Феофила Шульца, по которому и начали возводить это уникальное для своего времени строение. Кстати, в исправлении некоторых ошибок Шульца и привязке проекта к местности участвовал ставропольский архитектор, бывший учитель рисования гимназии, Павел Григорьевич Воскресенский.

Для устраиваемых кабинетов оборудование, в том числе физические приборы и химическая посуда и пр., приобреталось не только в России, но и в Германии и Голландии. В июле 1868 года новый храм науки был торжественно открыт. Здесь было более 200 комнат и залов, в том числе – учебные классы, кабинеты, мастерские, два гимнастических зала, учительская, а также пансион для иногородних и детей горских феодалов, квартиры для преподавателей и прочие помещения. Он распахнул свои двери для более чем 900 воспитанников.

Здесь же находилась домовая гимназическая церковь во имя Святого архистратига Михаила и апостола Евангелиста Луки. Кстати, иконы для этой церкви писал П.Г. Воскресенский, вызолоченный иконостас был куплен в московской мастерской золотых дел Сизикова.

В момент открытия гимназии ее директором был Январий Михайлович Неверов – друг И.С. Тургенева, Т.Н. Грановского... Под стать директору были педагоги гимназии, из стен которой вышли многие и многие выдающиеся личности, например, Владимир Машков, долгое время являв-

шийся послом России в Египте, а затем в Индии. Или академик Алексей Динник, автор более 200 научных работ по физике.

К огромному сожалению, их имен нет на мемориальной доске бывшего гимназического здания, как и имен многих других выпускников, внесших огромный вклад в процветание Родины, зато для разрушителей Отечества место нашлось.

В ночь рождения 1918 года в актовом зале гимназии должно было работать Общегубернское народное собрание по вопросам организации губернской власти. В обсуждении должно было участвовать около 200 избранных во всех уездах губернии делегатов, в основном стоявших на позиции эсеров и меньшевиков, не признававших октябрьский вооруженный переворот. Однако в большинство своем они не были допущены к выборам, а их место заняли большевики, распропагандированные солдаты и крестьяне, не имевшие мандатов на участие в собрании. Ими и была провозглашена советская власть в Ставропольской губернии, что, в конечном счете, привело к кровавым событиям Гражданской войны.

В 20-е советские годы в бывшем здании мужской классической гимназии некоторое время находилась советская общеобразовательная школа 2-й ступени (девятилетка), которая вскоре была переведена в здание бывшей женской Ольгинской гимназии. В старом здании обосновались командно-пулеметные курсы, затем – Дворец культуры и труда... Потом – административные структуры управления Орджоникидзевского края и, наконец, с начала Великой Отечественной войны – эвакуированное в Ставрополь Житомирское пехотное училище.

Сразу после освобождения города в бывшем здании гимназии открылось Ставропольское суворовское училище. Из его стен вышло немало известных в дальнейшем военных. Это генералы – А. Андриенко, И. Горбунов, О. Зинченко, Д. Кондратюк, Л. Шевченко; Герои Советского Союза – летчик-космонавт Ю. Глазков и летчик-испытатель О. Гудков...

В 1962 году здесь расположилось Высшее военное училище связи.

Духовный училищный центр

Сегодняшнее здание стоматологической поликлиники Ставропольской медакадемии, если присмотреться со стороны, представляет из себя не одно, а два здания. Они были объединены уже в 70-х годах прошлого столетия. То, что слева, если смотреть прямо на фасады строений, было построено купцом, предпринимателем и известным общественным деятелем Иваном Ртищевым в 1875 году. В два этажа, с большими комнатами, прочими усадебными строениями, оно было сразу арендовано Ставропольской епархией под первое на Кавказе женское епархиальное училище. Перепланировку дома, в том числе под устройство домовой церкви в честь Тихвинской Божией Матери, осуществил епархиальный архитектор Абакумов.

Через 12 лет епархиальное училище перебирается в собственное здание, построенное вблизи Софиевского храма, а в доме Ртищева открывается гостиничное здание, просуществовавшее до 1902 года, когда здесь разместилась только что открытая Учительская семинария. Но и это учебное заведение в 1904 году перебирается в специально для нее построенное здание на Невинномысской улице, напротив епархиального женского училища. Между тем в декабре 1904 года Ставропольская городская Дума специальным постановлением утвердила акт принятия городом музея наглядных пособий, подаренного городу общественным деятелем и нотариусом Г.К. Праве. Под музей и был арендован дом Ртищева. Но уже в следующем году здесь разместилась 3-я женская гимназия, чтобы в 1912 году также перебраться в собственное здание у Варваринской церкви.

Наконец, в том же 1912 году здание занимает вновь образованный учительский институт, возглавляемый известным педагогом Всеволодом Александровичем Васильевым...

В советские годы в национализированном доме Ртищева был открыт Практический институт народного образования. Здесь было четыре факультета – словесный, исторический, физико-математический и биолого-географический. В каждом отделении проходили обучение по 215 человек. Помимо этого, здесь же работал педфак по подготовке воспитателей, рассчитанный на 125 человек. Была и Ударная

школа на 238 учащихся. То есть здание было переполнено, поэтому вскоре институт перебрался в здание, до революции занимаемое епархиальным женским училищем (сегодня сельхозуниверситет).

Правда, в здании осталась Ударная школа.

С 1924 года в бывшем «ртищевском» особняке обосновался педтехникум, открытый взамен расформированного Практического института народного образования, а с 1930 года – общежитие Ставропольского агропедагогического института, занявшего здание бывшей духовной семинарии (сегодня – старый корпус госуниверситета).

Шли годы. В конце 50-х годов прошлого столетия дом Ртищева, как и рядом расположенный дом купца Алафузова, передается под стоматологическую поликлинику мединститута – тогда оба дома и были объединены. Небезынтересно, что, когда вскрыли сводчатый подвал «алафузовского» дома, все эти годы никем не использованного, то обнаружили ряды огромных дубовых бочек с остатками марочного вина. Известно, что Алафузовы были пивоварами и виноделами.

Сегодня два старые дома, благодаря единой окраске их фасадов, а также объединившей их «встройке», воспринимаются как единое целое. Объединяет их и время постройки – XIX век!

Железнодорожное училище

Сразу за домами Ртищева и Алафузова находится двухэтажное здание из красного кирпича, известное в дореволюционном Ставрополе как железнодорожное училище, сегодня это факультет стоматологии Ставропольской медицинской академии.

Открытие в Ставрополе железнодорожного училища было связано с устройством железной дороги на Северном Кавказе. В 1875 году открывается «чугунка» – Ростово-Владикавказская железная дорога. В 1897 году от станции Кавказской прокладывается ветка к Ставрополю. Встает вопрос о строительстве Туапсинской железной дороги и новых веток от Ставрополя до Благодарного, Дивного и других населенных пунктов. Одновременно решался во-

прос о подготовке как среднего звена железнодорожных кадров по эксплуатации железнодорожного транспорта, так и обходчиков и строительных рабочих, а также кассиров, бухгалтеров, смотрителей...

Точная дата возведения железнодорожного училища пока не установлена, но, видимо, относится к началу XX века.

Помимо учебных классов, в здании находились и спальные комнаты для учащихся, большая библиотека, музей техники...

В первые советские годы в здании размещается 13-й военный госпиталь, а затем в 1924 году здание передано вновь созданному педтехникуму. Сюда перешло работать большинство преподавателей расформированного учительского института. Педтехникум готовил преподавателей для новой советской школы, воспитателей первых внешкольных детских учреждений, в том числе для многочисленных детдомов и детприемников.

С начала 30-х годов в здании бывшего железнодорожного училища обосновалась школа 2-й ступени, а педтехникум перебазировался в Пятигорск.

И, наконец, по решению Совета народных комиссаров Союза ССР от 26 мая 1937 года в Ставрополе должен был появиться медицинский институт. 19 сентября 1938 года во вновь образованном Ставропольском медицинском институте, которому был отдан старый кирпичный особняк бывшего железнодорожного училища, начали занятия 170 студентов. В 1941 году в состав института влился эвакуированный Днепропетровский медицинский институт.

Сегодня в особняке на бывшей Гимназической улице находится стоматологическая кафедра медакадемии.

Мусульманская мечеть

Украшением бывшей Гимназической улицы была мусульманская мечеть, в которой сегодня находится картинная галерея художника Гречишкина. История этого духовного центра берет свое начало с 1896 года, когда отставной поручик, в прошлом выпускник Ставропольской мужской гимназии, князь Давлет-Гирей Бибердов, человек доста-

точно обеспеченный, владелец большого лесного участка, именуемого «Бибердовой дачей» (сегодня – район горбольницы № 2), совершил «посвящение вакуфомъ» – по шариату «дарение» – своего имения на Гимназической улице для устройства здесь мечети в «...ознаменование Священного Коронования Императора Николая Александровича и августейшей Супруги Императрицы ея Величества Александры Федоровны».

В связи с болезнью распорядителем над своим имением Бибердов назначил законоучителя мальчиков-магометан, обучающихся в Ставропольской мужской гимназии, муллу Гассан-Бека Нуцалова. Со смертью Бибердова его желание возвести мечеть в усадьбе осталось невыполненным. Между тем небольшое мусульманское общество Ставрополя обратилось с ходатайством к генерал-губернатору Б.М. Янушевичу с просьбой о помощи в решении этого непростого вопроса. Губернатор дал на то согласие, однако Ставропольский окружной суд отказал в этом мусульманскому обществу, так как дарение усадьбы мусульманскому обществу города по шариату – «посвящение вакуфомъ» – по российским законам не имело юридической силы. Акт передачи любого владения считался законным только при закреплении его крепостным актом.

Усадьба Бибердова на Гимназической улице перешла во владение Ставропольской дворянской опеки. Однако в апреле 1909 г. Гассан-Бек Нуцалов обратился с посланием к императору Николаю II, где он, в частности, писал:

«Ставропольские мусульмане лишены возможности молиться в храме, в том числе и мусульмане военных частей, стоящих в Ставрополе, и за отсутствием мечети молитвы совершают в сараях и прочих временных строениях».

Тут уже городское общество «...высказало свое несогласие с устройством мечети в центре города». Статский советник И. Шанаев и Гассан-Бек Нуцалов вновь пишут в городскую Управу о «безвозмездном отчуждении для сооружения мусульманской мечети перешедшего городу по выморочному праву от князя Бибердова усадебного места на Гимназической улице».

Но к тому времени городская управа решила на этом месте построить начальное училище, а потому 22 августа 1911 года вновь отказала в просьбе. И только в 1913 году

такое разрешение было получено, и мусульманское общество начало сбор доброхотных пожертвований на строительство мечети.

Но так как это общество насчитывало всего около 600 человек, в большинстве малообеспеченных, то большую часть средств предоставила сама управа. К строительству мечети был привлечен губернский инженер Григорий Кусков, построивший в губернии десятки православных храмов (в Ставрополе им был возведен храм Св. Андрея Первозванного). Им были составлены все расчеты и эскизы как наружной, так и внутренней отделки мечети. Но если само здание он успел возвести, то в связи с событиями Первой мировой войны внутренние работы, в том числе роспись с изображением птиц и текстами из Корана на арабском языке, так и остались незаконченными. Несмотря на это, как говорят архивные источники, в недостроенном здании проходили службы для солдат-мусульман, отправлявшихся на фронт.

В советские 20-е годы мечеть, как вспоминают старожилы, функционировала, хотя местные власти чинили препятствия проведению постоянных служб. Наконец 29 мая 1930 года власти, исходя из постановления ВЦИК и СНК от 8 марта 1929 года, принимают официальное решение о закрытии мечети – «По просьбе сознательных граждан-мусульман». Теперь в здании обосновались торговые конторы, поделившие обширные помещения на комнатушки. Затем устроили внутреннее перекрытие для второго этажа.

В послевоенное время в здании бывшей мечети обосновался один из отделов Ставропольского государственного архива. И, наконец, по решению Горсовета здание мечети приняло в дар от художника Павла Моисеевича Гречишкина многочисленные художественные полотна, воспевающие природу Ставрополья и России, а также других стран мира, где побывал художник.

Семинарское общежитие и больница

За мусульманской мечетью, но уже с северной стороны сегодняшней улицы Морозова стоит большой двухэтаж-

ный дом, выстроенный из камня-ракушечника, где расположено воённое штабное учреждение.

В прошлом это была семинарская больница, построенная в 1904-1905 годах. Автором проекта был известный ставропольский инженер и архитектор Григорий Кусков, строительным подрядчиком – купец Третьяков.

Здание строилось как общежитие и больница для семинаристов, и общежитие для приезжающих в управление Ставропольской епархии священников из разных мест Северного Кавказа. Здесь же находилась и огромная семинарская библиотека с читальным залом, полностью отгороженная от больничных палат.

Возведенное из штучного обработанного камня-известняка, в классическом стиле, с затейливой кованью ограды, просторными и светлыми комнатами и залами, небольшой домовой церковью, здание это стало одним из эталонов архитектурного зодчества Ставрополя.

В советские годы здание заняли штабисты Красной армии. В 1927 году здесь обосновался штаб кавалерийской дивизии Ф. Блинова, принимавшей активное участие в подавлении «кулацких» бунтов во время массовой коллективизации. Кстати, в 1932 году был поднят вопрос о переименовании Ставрополя в Блиновск. Но, как известно, нашли более достойную кандидатуру – маршала Ворошилова. Сама дивизия, впоследствии Краснознаменная, орденов Богдана Хмельницкого и т.д., успешно участвовала в Великой Отечественной войне.

Сегодня здание по-прежнему находится в ведении военного ведомства.

Митрофановский приют

От бывшей Гимназической на юг отходит сегодняшний Зоотехнический переулок, первоначально наименованный Крымским в честь некогда стоявшего здесь 73-го пехотного Крымского полка (об этом шел разговор ранее). Затем в честь возведенной в конце переулка часовни Св. Митрофания Великомученика – Митрофановским переулком.

Самым значительным сооружением здесь с 1906 года стал приют для девочек-сирот, получивший наименование

Митрофановского (сегодня – старый корпус школы № 25). По этому поводу газета «Ставропольский вестник» от 15 октября 1906 года писала:

«Совершилось освящение нового здания детского приюта и учебно-швейной мастерской Общества содействия воспитанию и защите детей в Митрофановском переулке на усадьбе, принадлежащей городу.

Здание построено на 20000 рублей частных пожертвований, в том числе – председателя Общества Н.Т. Иванова. Проект здания выполнен военным инженером Ф.А. Ковалевским в расчете на 50 девочек, призреваемых Обществом (с пансионом), и на 100 обучающихся швейному делу.

«Здание самое современное – с вентиляцией, водяным клозетом, общей кухней, больницей для детей. В верхнем этаже семь комнат: обширный дортуар (спальня), столовая, комната занятий и игр, комнаты для сна. В нижнем – обширная швейная мастерская, столовая, две комнаты преподавателей. Больница из трех комнат. Двор вымощен камнем, имеется обширный сад».

С 1914 года в здании приюта разместился военный госпиталь Владимирско-Андреевского братства. Здесь проходили лечение одновременно более 100 раненых и офицеров, которые находились на полном обеспечении братства. В одной из комнат госпиталя была устроена домовая церковь в честь Св. Андрея Первозванного и Св. Владимира. При госпитале была открыта фельдшерская школа, где готовили сестер милосердия.

Здесь обучалась выпускница Ольгинской женской гимназии Римма Михайловна Иванова, которая в 1915 году ушла на фронт вместе с 83-м Самурским полком Его императорского высочества Великого князя Владимира Александровича. В сражениях с немцами она была удостоена солдатского Георгия и Георгиевской медали. У карпатского села Добреславка, когда погибли все офицеры, она подняла в бой солдат, поведя их в атаку. Здесь она была смертельно ранена и по воле императора награждена офицерским орденом св. Георгия 4-й степени. Помимо Риммы Ивановой, этой награды была удостоена лишь Екатерина II и «кавалер-девица» Дурова.

В период 1918–1920 годов в здании бывшего Митрофановского приюта располагались воинские части, сначала

Красной армии, затем Самурского 83-го пехотного полка, принимавшего участие в боях по освобождению Ставрополя от большевиков.

На базе бывшего детского Митрофановского приюта в 1920 году был открыт детприемник № 4 для правонарушителей-мальчиков от 8 до 16 лет. В приемнике количество детей колебалось от 40 до 100 человек. Для них был установлен строгий режим содержания с обязательной трудовой деятельностью. При приюте работали столярная и обувная мастерские, где подростки приобретали навыки профессиональной деятельности. Здесь же, в здании приюта, жил весь обслуживающий персонал, более чем 20 человек.

В голодном 1921 году дети приемника содержались в тяжелых условиях – спали на соломенных тюфяках и таких же подушках, накрываясь кусками старых легких байковых одеял. Помещение кишело вшами и клопами. Совершенно не было обуви, верхней одежды. От постоянного недоедания дети умирали. Положение начало улучшаться лишь с 1924 года.

В 1939 году в Ставрополе открывается Ставропольский учительский институт иностранных языков, который и размещается в здании бывшего Митрофановского приюта. Открытие института было связано с плохой постановкой преподавания иностранных языков в школах Ставропольского края.

В 1940 году институт иностранных языков преобразовывается в факультет иностранных языков Ставропольского государственного педагогического института, попрежнему оставаясь в здании бывшего Митрофановского приюта. На факультете изучали два языка – английский и немецкий. Потребность в выпускниках факультета была огромной как для школ края, так и для военных учреждений, где требовались переводчики. Особенно возросло значение факультета иностранных языков с начала Великой Отечественной войны. Но вскоре в здании разместился эвакогоспиталь № 1638.

С захватом Ставрополя немецкими войсками здание облюбовала румынская часть, а после его освобождения помещение заняла сформированная в Сибири часть связистов. Часть эта в дальнейшем прошла боевой путь от

Ставрополя до Польши. Во время войны связисты части обслуживали Тегеранскую и Ялтинскую конференции.

Начиная с 1943 года в здании бывшего Митрофановского приюта вновь была открыта школа, сначала смешанная, затем женская. Сегодня это гимназия, где старый корпус приюта все же просматривается среди пристроек и надстроек к зданию.

Семинарская улица

Сегодняшняя улица Пушкина – одна из поперечных улиц Ставрополя – первоначально именовалась Крайней, потом – Безымянной, пока наконец не получила наименование Семинарской. Своим названием улица была обязана устроенной в начале ее Ставропольской духовной семинарии.

Как известно, возникновение семинарии было связано с именем первого Ставропольского епископа Иеремии, который, получив поддержку князя М.С. Воронцова и ставропольского губернатора В.О. Гурко, обратился в Св. Синод с предложением открыть это среднее духовное учреждение в Ставрополе. 20 июля 1846 года просьба была удовлетворена. За подписью императора Николая I с заключением Св. Синода пришло высочайшее повеление: «Учредить в Кавказской епархии семинарию, открыв ее в гор. Ставрополе с начала наступающего учебного года. Вновь утвержденную гимназию именовать «Кавказской».

В ноябре 1846 года, в день памяти Иоанна Златоуста, великого Вселенского пастыря и учителя, состоялось открытие семинарии. На протяжении последующего времени под семинарию арендовали различные частные строения. И вот наконец на средства, выделенные Св. Синодом, в западной части огромной Александровской площади, был заложен первый камень собственного здания семинарии. Произошло это в 1879 году при большом стечении народа и в присутствии духовенства во главе с епископом Кавказским и Екатеринодарским Германом.

Само здание, стоимостью в 350 тыс. рублей серебром, спроектированное архитектором Федором Кузьмичем Прозоровским, строил известный подрядчик Тимофей Ларио-

нов из местного камня-ракушечника на известковом растворе. По фасаду длина трехэтажного дома составляла 42 сажени, ширина – от 10 до 27 саженей, ибо здание в плане напоминало большую букву Н.

К сентябрю 1883 года здание вступило в строй. Первый этаж занимали ректор с проректором и канцелярия, второй этаж – учебные аудитории, на третьем первоначально находились спальни воспитанников (дортуары), которые в дальнейшем частично были переоборудованы в аудитории.

На углу улиц Семинарской и Гимназической была устроена кухня-столовая, одновременно вмещавшая более 100 человек. Во дворе семинарии был разбит спортивный городок, а за ним – небольшой ботанический сад с редкими растениями. За садом, фасадом на Гимназическую улицу, была возведена семинарская больница с общежитием для семинаристов, о ней мы уже говорили.

В 1885 году Кавказская семинария стала именоваться Ставропольской. На втором этаже в большом зале была устроена домовая семинарская церковь во имя Св. Димитрия Чудотворца, митрополита ростовского, которую освятил епископ Герман.

Духовные наставники семинарии в большинстве своем были известны и своими научными работами. Дмитрий Петрович Афанасьев, например, был автором двух известных в России монографий – «Жизнь и труды святого пророка Иеремии» и «Жизнь и труды святого пророка Исайи». Н.А. Цареградский являлся автором «Историко-статистического обзора духовных учебных заведений Северного Кавказа».

В 1896 году семинария отмечала свое 50-летие. На торжества прибыли многочисленные гости во главе с генерал-губернатором Н.Е. Никифораки. Как сообщают архивные документы:

«Актовый зал семинарии был украшен портретами Николая I, при котором совершилось открытие семинарии, Александра III и Николая II. Все стены задрапированы шелковыми лентами с роскошными бантами национальных цветов, флагами и искусственными цветами, сделанными воспитанницами епархиального женского училища. В своем приветственном выступлении преосвященный

Агафодор сказал о семинарии: «Да, она поистине была питомником духовного просвещения и рассадником веры и благочестия. Но не одни пастыри и служители церкви выходили отсюда. Ставропольская семинария немало дала наставников юношества, народных учителей и других деятелей на разных поприщах гражданских...»

Действительно, помимо того, что выпускники Ставропольской семинарии становились настоятелями церквей и храмов как в Ставропольской епархии, так и в соседних, многие из вчерашних семинаристов продолжили свою стезю на поприщах гражданских. Примером тому можно назвать Илью Дмитриевича Сургучева, писателя и драматурга, общественного деятеля, приложившего немало усилий и к борьбе с самым страшным для православной религии, как и для других религий, злом – большевизмом.

Ставропольская духовная семинария просуществовала до марта 1920 года, когда была закрыта советскими властями. В период голода 1921–1923 гг. здание оказалось брошенным – с растащенной мебелью, выбитыми окнами, поломанными печами и т.д. И лишь в 1925 году после ремонта здесь обосновался окрисполком и школа-девятилетка. В 1930 году здание было передано Ставропольскому агропединституту, преобразованному затем в педагогический институт.

В начале Великой Отечественной войны в здании института был размещен военный госпиталь, а затем – воинская часть связистов 26-го мотополка, принимавшая участие в тушении пожаров во время налетов немецкой авиации 3 августа 1942 года и последней ушедшая из Ставрополя. Теперь уже немцы, занявшие Ставрополь (Ворошиловск), устроили в здании свой госпиталь, а при отступлении частично взорвали его. Восстановленное, оно вновь стало пединститутом. Сегодня здесь находятся два факультета Ставропольского государственного университета.

Алафузовская мельница

За бывшей Гимназической улицей, с правой стороны улицы Семинарской и сегодня стоит двухэтажное жилое здание. Между тем здание это строилось совсем для других

целей – здесь была мукомольная мельница купца и предпринимателя Ивана Антоновича Алафузова.

Как явствует из документов, грек по национальности, Иван Алафузов до появления в Ставрополе торговал в Таганроге. В начале 20-х годов XIX столетия, оказавшись в Ставрополе, устроил лавку в Гостином ряду, торговал и брал подряды на поставку в армию спирта и провианта, а затем и холодного оружия из Тулы. Заимел солидный капитал, который к 60-м годам оценивался в 320 тысяч рублей серебром. Уже как купец 1-й гильдии построил винокуренный завод сначала в долине речки Мутнянки, затем – в начале Николаевского проспекта. В 80-х годах с сыном Георгием вблизи Гимназической улицы в Безымянном переулке, позже – ул. Семинарской, начал строить мукомольную мельницу, оснастив ее паровым двигателем и назначив малые цены за помол. Этим привлек к себе крестьян с зерном из соседних сел и станиц. Раздосадованные конкуренты подожгли мельницу, но местные пожарных дел мастера быстро ликвидировали огонь.

Мельница Алафузова в период нэпа была одной из самых прибыльных, хотя хозяевами ее стали местные кооператоры, ибо все Алафузовы к тому времени «канули в вечность». Саму усадьбу Алафузовых, примыкавшую с юга к усадьбе генерала Мачканина, и с запада к мечети, заняло правление созданного за городом колхоза, перерабатывающего зерно на муку на той же алафузовской мельнице.

Колхоз расформировали после окончания Великой Отечественной войны, а на усадебном угловом месте, выходящем уже на улицы Пушкина и Кагановича (сегодня – ул. Морозова), возвели две пятиэтажки с магазинами.

Здание бывшей мельницы сохранилось, сегодня там живут люди.

Усадьба Мачкаиных

Рядом с бывшей алафузовской мельницей, под № 5 и 7, стоят два одноэтажные дома: первый – каменный с мезонином, второй – кирпичный. То были два дома усадебного места семьи генерала Мачканина. Правда, сначала первое здание с усадебным местом принадлежало отцу будущего

генерал-полковника русской армии Александру Ивановичу Мачканину. Здесь и родился будущий герой Кавказской войны Павел Александрович, в дальнейшем – гимназист, все свободное время проводивший в огромной отцовской домашней библиотеке и зачитывающийся книгами о Кавказской войне Марлинского и Лермонтова.

Все прочитанное так захватило подростка, что, не закончив полного курса гимназии, он бежал в Чечню с проходящей через Ставрополь воинской частью. Уже в 16 лет он был произведен в унтер-офицеры. В его послужном списке были сражения с турками, взятие Сухума и Ардагана, кровопролитные сражения на Очамчирской линии, штурм Карса, когда уже полковник Мачканин, раненный картечью в обе ноги, продолжал руководить своим 76-м пехотным Кубанским полком.

Затем были сражения в Туркестане, где он был отмечен усыпанным бриллиантами орденом эмира Бухарского, а по возвращении на Кавказ за распространение христианства – большим Серебряным крестом...

Уже в чине генерал-майора, мундир которого украшало 48 боевых наград, в том числе именная сабля с надписью «За храбрость», Павел Александрович вернулся в Ставрополь, в отчий дом. А вскоре в Троицком соборе он обвенчался с дочерью известного полковника Худобашева Марией Иоакимовной. Родились дети – сыновья Михаил и Павел и дочери Нина и Софья. Именно тогда Мачканин в приданое дочерям выше отцовского дома с мезонином построил кирпичный.

В доме этом временно стал проживать со своей семьей друг семьи Мачканиных известный композитор Василий Дмитриевич Беневский. Именно в этом доме родилась песня «Плещут холодные волны», или «Варяг», которую впервые здесь же исполнили дети Мачканиных и Беневских. Дети воспитывались в духе христианской добродетели, понятия чести и долга перед своим Отечеством при всех превратностях судьбы оставались священными, как и религиозные чувства, а труд для своего народа почитался наиглавнейшим назначением жизни.

Шли годы. Старший сын Мачканина Михаил пошел по стопам отца и деда, закончив Петербургское артиллерийское Михайловское училище. В годы Первой миро-

вой войны он сложил голову за Отечество. Меньший стал театральным режиссером, закончив обучение в Москве, у Комиссаржевской. Старшая дочь Нина после окончания Петербургского Николаевского музыкального института стала оперной певицей, а меньшая Софья – профессиональной пианисткой.

Павел Александрович здесь, в Ставрополе, за свою честность и порядочность, трудолюбие и мудрость стал предводителем ставропольского дворянства, почетным мировым судьей, председателем многих благотворительных обществ, в том числе Красного Креста, завоевав всеобщую любовь и признание горожан. В своем доме к тому времени восьмидесятилетний генерал занимался цветоводством, ухаживая за многочисленными клумбами старого сада.

Но тут пришел 1918 год. Власть в городе захватили большевики. По ордеру, подписанному местной комиссаршей Вальяно, старый генерал был арестован и зверски замучен палачом Ашихиным. Когда об этом узнали горожане, сотни людей собрались у дома Мачканина, крича в адрес новой советской власти: «Где же ваша правда, если вы старика Мачканина убили?!» Кстати, тот же Ашихин вскоре застрелил и сына Мачканина, страдавшего грудной жабой и приехавшего из Москвы в отчий дом.

Павел Александрович Мачканин, по приказу советских властей захороненный в собственном саду, был перезахоронен на Успенском кладбище освободившими город войсками Добровольческой армии – со всеми воинскими почестями, достойными великого сына России.

Сегодня в доме с мезонином – магазин «Цветы», а в соседнем, где некогда дети Мачканина и Беневского пели «Плещут холодные волны» – Ставропольский филиал ЛДПР.

Дом, где жил В.Д. Беневский

На той же Семинарской улице, далее на юг, и сегодня стоит серый двухэтажный каменный дом, возведенный в 1908 году для преподавателей Ставропольской учительской семинарии. В нем были двух- и трехкомнатные квартиры с кухнями, водопроводом и канализацией, позже

электрифицированные. При доме – большой сад и хозяйственные строения.

На первом этаже в трехкомнатной квартире с окнами, выходящими во внутренний дворик, жил наш выдающийся земляк – композитор и дирижер Василий Дмитриевич Беневский. Помимо всенародно известной песни «Плещут холодные волны» («Варяг»), он был автором нескольких музыкальных сборников песен: «Народный хор», «Гудочки», «Школьный друг» и других. Им были написаны и поставлены на сцене мужской гимназии первые в России детские оперы – «Красный цветочек» и «Сказ о граде Леденец». Он написал целый ряд музыкальных работ, посвященных царствующему дому и Русской православной церкви – «С нами Бог и царь державный», «Тебе, наш добрый царь», «Кантата к 300-летию дома Романовых», «Ветка Палестины» и пр.

В 1919 году Беневский на слова Ф. Сологуба написал для хора с оркестром «Гимн великой России» («Верным сынам Добровольческой армии»).

«Дедушка с виду был суровым, – писала внучка композитора Лидия Васильевна из Ленинграда. – На самом деле он был очень добрым и в то же время строгим и требовательным. Это был человек в полном смысле высокопорядочный, не идущий на компромиссы со своей совестью, прямой и в то же время очень скромный и совестливый. Обстановка в доме была самая обыкновенная, а главным местом общения всей семьи и частых многочисленных гостей, прежде всего музыкантов, была столовая. То была большая комната с обеденным столом, буфетом и тахтой. И царствовал в ней, конечно, рояль. На стоящей рядом этажерке размещались целые кипы нот. Дедушка и бабушка были людьми высокообразованными, в полном смысле – интеллигентными. Были они и глубоко верующими. И, видимо, вера помогла им остаться высокопорядочными людьми до конца дней своих...»

Взгляды, убеждения и идеалы Василия Дмитриевича Беневского, сложившиеся задолго до октября 1917 года, не изменились и в дальнейшем. В советское время он работал учителем пения в музучилище, но до конца дней своих так и не написал ни одного музыкального произведения о «народной» власти и ее вождях...

В том же доме жил известный ставропольский художник Владимир Григорьевич Лищенко. И сегодня в музее изобразительных искусств Ставрополя хранятся его многочисленные работы: «Уголок Успенского кладбища», «Ставропольский извозчик», «Дорожка в костел», «Подворье» и другие. Кстати, им была написана картина «Семинарская улица», которую, как и много других, найти пока не удалось.

В жилом доме по Семинарской улице в то дореволюционное время жили и трудились другие известные горожане, в числе коих был педагог Всеволод Александрович Васильев. Он же возглавлял учительскую семинарию...

В 20-е годы наряду со старыми жильцами появлялись и новые, как правило, педагоги. Однако с 30-х годов, когда краевое начальство из Пятигорска перебралось в Ворошиловск (Ставрополь), здесь поселились партийно-советские начальники. Была среди них и зампрокурора К.И. Абрамова, подписи которой, думается, стоят на многих приговорах «врагам народа». Абрамова осталась в городе при его оккупации немецкими войсками и трагически погибла вместе с двумя дочерьми, как и тысячи прочих евреев. Подтверждения приписываемых ей патриотических акций в тот период автору этого материала найти не удалось. Вместе с тем о ее якобы имевшем место героизме говорит большая мемориальная доска, установленная на здании. Но вот о том великом гражданине, каким был В.Д. Беневский, ничто не напоминает...

Петропавловская площадь

С открытием новой городской тюрьмы или, как тогда говорили, тюремного замка, где была устроена домовая церковь во имя Св. апостолов Петра и Павла, прилегающая с севера территория стала именоваться Петропавловской площадью. Здесь еще раньше был небольшой базарчик, именуемый Солдатским, там солдаты местного гарнизона из расположенных рядом казарм покупали нехитрую снедь – зелень, молочные и мясные продукты, а также хлеб из небольших местных пекарен. С устройством тюремного замка к клиентам все разрастающегося базар-

чика прибавились обеспеченные арестанты, для которых надзиратели тюрьмы покупали «вольный» харч.

Между тем южный район города все более разрастался. Помимо Старого форштадта, расположенного к западу от тюремного замка, возник Новый форштадт, уже к востоку. Все более увеличивалось Мамайское предместье. Все это и определило рост Солдатского базарчика. Здесь появились первые торговые лавки, а с восточной стороны, где начиналась Мутнянская долина, были устроены многочисленные загоны для продаваемого скота. От загонов к мощному Мутнянскому роднику Аульчик была проложена дорога и у родника установлены деревянные корыта для водопоя. Кстати, от этого же родника Аульчик (вблизи него некогда жили татары, образовавшие небольшой аул) в 1840 году старанием ставропольского купца Гавриила Тамамшева был устроен первый городской водопровод, оканчивающийся у Думской площади, что находилась у южного склона Крепостной горы. Сам купец Тамамшев вспоминал о том событии:

«С каждым днем мы шли и шли вперед, и наконец наступило 13 ноября 1840 года, ставшее для меня самым счастливым днем. В тот день толпы народа с радостным удовольствием взирали на потоки воды, лившейся из водопроводной трубы в устроенный каменный бассейн в самом центре Ставрополя».

Помимо родника Аульчик, на южном склоне Мутнянской долины находился не менее мощный родник, наименованный Новый Карабин (первый Карабин находился в районе Павловой дачи). Вода этого родника шла на нужды некогда известного винокуренного завода купца Ивана Алафузова, построенного на склоне той же Мутнянской долины. В условиях военного времени продукция этого завода тайно попадала на тот же Солдатский базарчик, что еще более поднимало его значимость, ибо «какой же русский не любит русской водочки».

С годами Петропавловская площадь все более застраивалась торговыми ларями, а по краям – и домами обывателей. Однако в советские довоенные годы площадь была «очищена» от торговли, и теперь на ней красноармейские конные части проводили различные учения. Но пришло время, и старая Петропавловская площадь, наименова-

ние которой со временем было забыто, ибо сама церковь была уничтожена, вновь стала местом торговли. Сегодня здесь ведутся работы по созданию самого современного торгового центра, в народе именуемого Верхним базаром. Но это должен быть Петропавловский базар. В память минувшего.

Винокуренный завод

От бывшей Петропавловской площади с сегодняшним Верхним базаром рукой подать до АО «Стрижамент». Предыстория его берет свое начало с 1818 года, когда был подписан указ кавказского губернатора Сталя «О постройках винокуренных заводов». По этому указу местным предпринимателям давалось право на льготных условиях строить винокуренные заводы прежде всего для нужд армии.

Первый такой винокуренный завод в Ставрополе появился у так называемого Разгонного поста, находившегося в сотне метров на восток от позже построенного здесь тюремного замка. Пост тот был обычной кордегардией, т.е. военной заставой при въезде в город. Строителем винокуренного завода был Гордей Анненков, которому принадлежал и небольшой пивоваренный завод. Винокуренный завод, вошедший в строй в 50-х годах XIX столетия, давал в год более 200 тысяч ведер водки.

В 1867 году почетный гражданин города Иван Алафузов обращается в Думу с прошением о разрешении на постройку вблизи старого порохового погреба нового винокуренного завода. Пороховой погреб, устроенный в период Кавказской войны на юго-восточном склоне Мутнянской долины, в котором хранились взрывные вещества, в том числе гранаты и ядра, к тому времени оказался ненужным военному ведомству и частично использовался городом как винный подвал.

Алафузов, решив строить завод, одновременно добился передачи ему и порохового погреба, имевшего несколько подземных штолен в десятки метров, для хранения продукции завода. Сохранилось прошение Алафузова о постройке завода: «Ставропольский потомственный почет-

ный гражданин Иван Антонович Алафузов, – говорилось в документе, – просит вблизи бывшего казенного винного склада, по косогору к речке Мутнянке, вблизи когда-то существовавшего здесь водочного завода купца Анненкова, построить новый винокуренный завод, на что просит выделить ему 6700 кв. саженей земли...»

Одновременно Иван Алафузов просил разрешить ему пользоваться водой второго источника по долине Мутнянки (первый назывался Аульчик), именуемого Новый Карабин.

Городская управа разрешила Алафузову пользоваться водой родника, но при этом записала в протоколе: «Родник, что против винного подвала, против караулки, может быть использован Алафузовым при условии, что им будет устроен резервуар для воды и устроен так, чтобы он мог служить для пользования не только населением по речке Мутнянке, но и вообще для всех жителей города. Резервуар должен быть скрыт и устроен вроде колодца с насосом, под который можно было бы подъезжать даже с бочками и наполнять их водой из резервуара посредством накачивания».

В 1868 году Алафузов по проекту инженера-технолога фон Гейдер-Боровского на южном склоне Мутнянской долины возводит завод, и одновременно по-над речкой Мутнянкой – солодовенный цех, а также цех для мытья бутылок и прочей тары.

Продукция завода Ивана Алафузова, изготовленная из отборного ячменя, получала многочисленные награды на выставках России и Европы.

К концу XIX века бывший пороховой погреб, а затем винный подвал, перешел к государству и стал именоваться казенным винным складом. Вместо пришедшего в ветхость алафузовского завода уже на плоскогорье на государственные средства под наблюдением инженера В.В. Фраеу был построен самый современный для того времени новый винокуренный завод с металлическими заторными чанами-мацераторами из Бельгии, бродильными и перегонными аппаратами из Германии.

Открытие завода произошло 18 февраля 1916 года, когда, как известно, в России был объявлен «сухой закон». Но продукция завода нужна была для производства ле-

карств и для использования, в различных областях промышленности. Именно поэтому на открытии присутствовали генерал-губернатор С.Д. Оболенский, вице-губернатор Шервашидзе, предводитель дворянства Никольский. Освящение вновь устроенного завода с водосвятием совершил епископ Михаил в присутствии священников и хора певчих Казанского кафедрального собора.

Новое здание винокуренного завода было возведено в лучших традициях местного зодчества, из традиционного крепкого известняка, в строго классическом стиле.

Благодаря искусству местных виноделов, высокому качеству сырья продукция завода поступала не только на фронт и в лазареты, но и на промышленные предприятия страны. Помимо спирта и водки, здесь же в любой момент могли быть изготовлены знаменитые местные настойки на имбире, тмине, шалфее, анисе.

В советское время завод продолжал выпуск спиртной продукции, одновременно расширяя производство. Но при этом все пристройки к заводу были выполнены в духе «социалистического реализма» – грубо и безлико. Сегодня здесь находится АО «Стрижамент».

Павлова дача

Семинарская улица некогда оканчивалась у склона речки Мамайки, где находилась знаменитая дача известного мецената Лавра Ермоловича Павлова (сегодня – район СШ № 10).

История этого уголка с девственным лесом и многочисленными родниками берет свое начало чуть ли не с момента устройства Ставропольской крепости. Именно тогда Карабин – полковник Таганрогского полка, дислоцировавшегося в крепости, приобрел этот участок земли. С того времени сам источник стал именоваться Карабиновским, или Карабин-колодцем.

Сохранилось предание, записанное краеведом Г.Н. Прозрителевым, что вода Карабин-колодца спасла в 1837 году город от упразднения Николаем I: «Ненастная погода, грязь по дороге и невзрачность нового города произвели на государя скверное впечатление, и он, раздраженный,

намеревался подписать указ о его упразднении как областного города. Спас Ставрополь стакан карабинской воды. Государь потребовал свежей воды, и ему был подана вода из Карабин-колодца. Она так понравилась государю, что он заинтересовался, откуда она. Гроза пронеслась мимо, и город уцелел...»

В том же 1837 году у источника Карабин была выстроена Николаевская часовенка, где в свете лампад посетителей встречала вызолоченная икона Св. Николая.

Позже этим участком земли и леса владели городской голова Корней Чернов и откупщик питейных заведений статский советник Ленивцев, построившие здесь первые в городе пивные заводы. Вскоре Ленивцев решил продать свой заводик, о чем сообщает архивный документ: «В 1816 году произошла публичная продажа имущества Ленивцева, в том числе его пивоваренный завод на Карабине». Завод этот купил за 700 рублей штаб-лекарь Гейер, перепродавший его купцу Гордею Анненкову. Наконец в конце 40-х годов XIX столетия весь участок приобрел коллежский регистратор акцизной палаты Лавр Ермолович Павлов.

Человек обеспеченный, знакомый со многими садово-парковыми творениями Европы и Америки (в Калифорнии жил его родной брат), Павлов решил и здесь устроить парковую зону. Для работы он приглашает известного ставропольского архитектора Георгия Федоровича Прокопца и не менее известного городского садовника И.П. Соколова. Они начинают создавать террасный парк, где наряду с вековыми исполинами старого леса высаживаются молодые деревца каштана, липы, клена. Между террасными аллеями устраивают романтичные каменные лесенки и тропинки, разбивают цветочные клумбы с изящными беседками, увитые виноградом и плющом. Родник Карабин был заключен в трубы из плит штучного кремнистого ракушечника. Через ручей перебрасывается ажурный каменный мост, а само ложе ручья обкладывается камнем. Тогда же у Карабин-колодца вместо пришедшей в ветхость часовенки Св. Николая на средства ставропольского купца 2-й гильдии Николая Ермолова началось строительство новой часовни. Купец писал ставропольскому епископу Иеремии:

«Движимый чувствами сострадания к сему зданию и

как здешний гражданин, прошу разрешить восстановить часовню, где поставлю иконостас с главной иконой св. Николая и где бы всегда горели лампады, а в святые православные дни и мирские праздники проводилось богослужение».

Тогда же устраивается каптаж Северного родника, позже наименованного Павловским. Каптаж, выложенный из специально обработанного кременистого известняка, чем-то напоминал небольшой церковный иконостас с устроенной в центральной нише за стеклом иконой «Беседа Иисуса Христа с самаритянкой» и вызолоченным крестом сверху. Ниже каптажа было устроено три выложенных камнем пруда, куда и сбегала родниковая вода. В прудах, по воспоминаниям современников, плавали лебеди и утки, в водоемах разводили рыбу, в том числе декоративную.

В нижней части рощи разбивают великолепный фруктовый сад и виноградник, плантацию ягодных культур. При этом плодами могли пользоваться безвозмездно все желающие. И пользовались, ибо, несмотря на обилие садов в городе, у Лавра Ермоловича были особенные сорта, взятые им из питомников Крыма и Закавказья, Италии и Франции...

Павлова роща была открыта для посещения в воскресные и праздничные дни. Тогда в одной из больших беседок располагался специально приглашаемый оркестр – то струнный, то духовой...

В 1875 году от Карабин-колодца был проведен чугунный водопровод через центр к Ярмарочной площади. Для этого у родника пришлось установить две чугунные емкости до 10 тысяч ведер воды каждая, откуда вода шла самотеком. Построили и небольшую каменную сторожку, также дожившую до наших дней.

Лавр Ермолович Павлов был известным меценатом, подарившим городу здание для училища Св. Александры, еще одно здание – для приюта бездомных детей. И здесь, на верхней площадке, где позже возникла улица Каменноломская, сегодня – Пономарева, он решает возвести дом-интернат для двадцати беднейших семей города. Но смерть, наступившая в 1894 году, помешала ему в этом.

Однако оставленные им средства и завещание позволили городу осуществить задуманное. В завещании гово-

рилось: «Построить дом из штучного камня на двадцать самых бедных семейств города, не имеющих своего крова, с небольшой домовой церковью во имя Преображения Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа».

Помимо этого в завещании говорилось: «Построить также на даче каменное здание для бесплатного двухклассного городского сельскохозяйственного училища для самых бедных детей Ставрополя, поставив его в зале св. князя Александра Невского. Само же здание именовать Александровским приютом для беспризорных детей». И эта воля благотворителя была выполнена, правда, лишь в 1913 году, когда были получены средства после продажи одного из домов Павлова, находящегося в городе (сегодня в этом здании находится СШ № 10). Здание было построено по проекту инженеров Г. Кускова и Я. Лоханова строительным подрядчиком Н. Марченко.

Павловское училище благодаря талантливым педагогам и средствам, оставленным меценатом, стало одним из лучших в губернии. Кстати, практику студенты училища проходили как в саду и ягодниках дачи, так и на прилегающем к саду опытном поле, устроенном уже силами училища.

У верхнего пруда Лавр Ермолович построил часовню во имя Св. Петра и Павла, где похоронил свою супругу, оставив место и для себя. Рядом возвел дом для садовника и сторожа.

По завещанию после смерти Павлова дача переходила в ведение города, на ней начал трудиться городской садовник Бернард Осипович Новак. Им на базе имеющегося сада был заложен самый крупный на Северном Кавказе питомник фруктовых и декоративных деревьев. Тогда же в роще была проведена еще одна аллея, заново каптирован родник Карабин, устроены лужайки для пикников с каменными столами и такими же топчанами, каменными чашами для мытья рук, куда специально подводилась родниковая вода...

В советские 20-е годы в строениях бывшей Павловой дачи был размещен детский дом для беспризорных, где были спасены от голода сотни мальчишек и девчонок, потерявших родителей в братоубийственной Гражданской войне.

Затем здесь был открыт Дом инвалидов для вчерашних революционеров и политкаторжан. К этому времени разруха коснулась как самих строений, так и всей дачи. Был уничтожен ягодник, старый сад стал дичать, были захламлены еще существующие пруды, от часовенки с прахом благотворителя оставался еще не выломанный фундамент да две рядом валявшиеся большие надмогильные чугунные доски (настолько тяжелые, что местным жителям утащить их не удалось), где помимо слов о жизни усопших, было и небольшое обращение Лавра Ермоловича к потомкам: «Будьте милосердны к людям, любите свое Отечество как и Господа Бога и Спасителя Иисуса Христа...»

Голос этот не был услышан, ибо сама совесть людская была растоптана, как и жизни тысяч и тысяч самых совестливых, самых талантливых, самых боголюбивых и просто порядочных людей.

В период немецкой оккупации в зданиях Павловой дачи расположилась немецкая часть, пустившая на дрова многие деревья. Но еще больше бед натворили местные жители, растащившие камень прудов, аллей, лестниц... Они же вырубили на дрова остатки сада, захламили всю дачу, одновременно устроив здесь место выпаса коз, обглодавших всю молодую поросль деревьев. И хотя город имеет ряд проектов по возрождению этого исторического и природного памятника, надежды на их осуществление пока нет.

Епархиальный свечной завод

Достопримечательностью Нового Форштадта Ставрополя к востоку от Павловой дачи был епархиальный свечной завод, располагавшийся на южном склоне Мутнянской долины, вблизи винокуренного завода Алафузова.

Построенный в 1888 году на средства Русской православной церкви, завод этот снабжал всю Ставропольскую епархию стеариновыми и восковыми свечами. При этом восковые свечи завода, от грамма до пуда весом, были отмечены многими медалями высшего достоинства на российских и зарубежных выставках.

При заводе была устроена церковь Преображения Господня, каменная, с двумя барабанами и куполами, увенчанными вызолоченными крестами. Освящение церкви произошло в 1894 году в присутствии архиепископа Агафодора и представителей городского священства. При церкви распахнула двери церковно-приходская школа для новофорштадтской детворы. Вход во все строения свечного завода был со стороны Преображенской церкви.

Церковь была закрыта в 1920 году, а затем – и епархиальный свечной завод как распространитель опиума, то бишь церковных свечей. И, наконец, в 1922 году на месте всей усадьбы епархиального завода и церкви, впервые огражденной не забором, а колючей проволокой, был открыт самый крупный не только на Ставрополье концентрационный лагерь для трудового перевоспитания буржуазии, интеллигенции, церковнослужителей, рядовых Добровольческой армии (офицеров давно расстреляли), мусаватистов и дашнаков из Закавказья (ими уже под завязку были забиты тюрьмы, и их начали «разгружать», вывозя из Ставрополя).

Сколько здесь погибло людей, прежде всего от голода 1921–23 годов, болезней и пр., – никто не считал. Только те же форштадтцы наименовали это место «Долиной смерти».

С закрытием концлагеря в середине 30-х годов здесь обосновалась кавалерийская красноармейская часть, затем военный лазарет и, наконец, военный госпиталь. Сегодня госпиталь частично перебрался в район родника «Корыта», а здание бывшей церкви Преображения Господня было возвращено Русской православной церкви, где уже идут службы, в том числе по отпеванию невинно загубленных жизней как в Ставропольском концлагере, так и по всей России.

Георгиевская церковь

К юго-западу от Павловой дачи, за 1-й Мамайкой, на косогоре, с момента устройства Старого Форштадта возникло Мамайское кладбище. Здесь находили последний приют усопшие всего южного предместья города,

там, кстати, покоится и прах прародителей автора этой книги.

В 1850 году на деньги известного ставропольского купца Прокопия Леденева здесь была построена кладбищенская и приходская церковь во имя Святого Великомученика и Чудотворца Георгия Победоносца, отчего само кладбище стало именоваться Георгиевским.

Новая церковь, хотя и была небольшой, но по убранству не уступала многим храмам Ставрополя. Более 50 прекрасных икон, многочисленные хоругви, хорошая внутренняя роспись, вызолоченные царские врата, резной иконостас привлекали сюда не только жителей этого предместья, но и горожан, совершавших прогулки к Павловой даче и в долину речки Мамайки, славившейся своими великолепными садами...

Сегодня старое кладбище частично сохранилось, но церкви, охранявшей покой первых поселенцев Форштадтского и Мамайского предместий, уже давно нет.

ГЛАВА IX. СЕВЕРНЫЕ ПРЕДМЕСТЬЯ СТАВРОПОЛЯ

Подгорненское и Ташлянское предместья

С устройством Ставрополя как города вокруг него возникли пригороды, или предместья. Так, к северу от Крепостных бастионов образовалось Подгорненское предместье, первоначально имевшее одну кривую улочку, застроенную хатенками под камышовыми крышами. Шло время, и предместье это разрасталось, возникли новые, такие же убогие улицы, впоследствии наименованные Верхне-, Средне- и Нижнеподгорненскими. Позже к ним прибавились новые, мало отличавшиеся от первых. Жили здесь люди низшего сословия, трудолюбивые, отчего со временем район этот превратился в огромный фруктовый сад. Был здесь и сад из тутовых деревьев известного предпринимателя Алексея Реброва, о котором уже шел разговор. Огромный фруктовый сад купцов Плотниковых и др.

Предместье упиралось в речку Ташлу, где в свою очередь начало рождаться Ташлянское предместье, слившееся с первым. По-над самой речкой первоначально тоже были разбиты сады, но фрукты, выращиваемые в Ставрополе, не могли конкурировать с привозными из соседней Кубанской области. Потому сады вскоре вырубили, устроив поливные огороды. Для этого устраивались запруды, большие и малые, где к тому же строились водяные мельницы. Самыми большими запрудами были Архиерейская и Волобуевская, где зимой рубили лед для многочисленных ледников горожан.

Ташлянское предместье славилось остатками девственного леса, который был разбит на дачи. Крупнейшей была Емануелевская дача, в дальнейшем поделенная между Бибердовым и Ртищевым. Здесь же находились небольшие кирпично-черепичные заводики Павла Скоморохова, Леонтия Хомякова, Иосифа Крупинского и других. Располагалась здесь и городская пасека. Особняком находилось богатое армянское кладбище с многочисленными великолепными памятниками, склепами и часовнями (сегодня на этом месте находится ореховая рощица).

С западной стороны весь этот район ограничивался ули-

цей, именуемой Флоринским переездом (сегодня – ул. Кавалерийская). Далее на запад тянулся Архиерейский лес (сегодня – Таманский), принадлежавший Ставропольской епархии и закрепленный за храмом Св. Андрея Первозванного. Монахи находящегося здесь небольшого монастыря устроили по-над речкой Ташлой Архиерейский пруд (в советское время наименованный Комсомольским), следили за чистотой этого зеленого уголка города.

По центру оба района как бы разрезала дорога, серпантином спускавшаяся к речке Ташле и косо поднимавшаяся вверх, к Иоанно-Мариинскому монастырю и северной кордегардии города (охранному посту), расположенной вблизи самого мощного родника «Кипучего», или «Расставания», сегодня именуемого в честь Серафима Саровского. И уже далее дорога следовала в сторону бывших крепостей – Московской и Донской... Кстати, от того родника в 1913 году был проведен водопровод, именуемый Монастырским, дававший воду жителям не только этого района, но и Подгорненского.

Властовское начальное училище

Из значимых строений Подгорненского района выделялось начальное училище, устроенное заботой ставропольского генерал-губернатора Георгия Константиновича Властова. Грек по национальности, боевой генерал, грудь которого украсили многие высшие ордена России, он в 1865 году становится ставропольским губернатором. Одной из сторон его многогранной деятельности стала забота о юношестве. При нем распахивает двери новое здание мужской классической гимназии на Александровской площади. Им кладутся деньги в банк, ежегодные проценты с которых идут на две стипендии его имени для наиболее успевающих гимназистов из малообеспеченных семей и одну стипендию для обучения в Московском политехническом институте. Он помогал материально Александровской женской гимназии, как и женской Ольгинской гимназии, а также начальным училищам в уездах Ставропольской губернии.

Он способствовал открытию Михайловского ремесленного училища в Ставрополе и Ставропольского казачьего

юнкерского училища. Наконец, из своих личных сбережений для детей Подгорненского предместья на 1-й Подгорненской улице Властов строит здание начального училища с прекрасным фасадом, большими классными комнатами, библиотекой, столовой с бесплатными обедами и большим двором, вымощенным плитами известняка.

Именно за заботу о юношестве Ставропольское градское общество на одном из заседаний Думы приняло обращение к наместнику Кавказа – Великому князю Михаилу Николаевичу Романову – с просьбой присвоить звание Почетного гражданина города Ставрополя Георгию Константиновичу Властову. И вот 6 ноября 1871 года от начальника Главного управления наместника Кавказского в гор. Тифлисе пришло сообщение:

«Господину Ставропольскому Губернатору Действительному Статскому Советнику Властову.

Председатель Кавказского Комитета от 22 минувшего октября за № 907 довел до сведения Великого Князя Наместника, что Государь Император Всемилостивейше соизволил на присвоение Вашему Превосходительству, согласно постановлению Ставропольского Общества, звания Почетного Гражданина города Ставрополя, с присовокуплением, что об изложенном высочайшем соизволении сообщено им Министру Юстиции для предложения Правительствующему Сенату.

Начальник Главного Управления, Сенатор, Статс-Секретарь, Барон Николаи».

Здание Властовского училища не только дожило до наших лет, но и продолжает выполнять функцию по воспитанию и образованию детей этого района, начатую более 130 лет тому назад.

Мельница Сипягина

Долина речки Ташлы славилась самыми первыми водяными мельницами. То были примитивные сооружения: с помощью воды вращались каменные жернова, измельчавшие зерно в муку и крупы. Самой крупной была мельница известного ставропольского купца Игната Волобуева, устроившего большую запруду вблизи Флоринского пере-

езда. Об этой мельнице мы имеем представление лишь благодаря рисункам Михаила Юрьевича Лермонтова, посетившего эти места и подписавшего под сделанным им рисунком – «После прогулки на Волобуеву мельницу. 1837 год».

Уже в конце XIX века на месте Волобуевской мельницы предпринимателем Сипягиным была построена новая водяная мельница. То было значительных размеров деревянное сооружение с двумя жерновами, амбаром для зерна и готовой продукции. На протяжении долгих десятилетий мельница эта благодаря дешевизне помола оставалась рентабельной. Сипягин расширил запрудный водоем, выложил его камнем, вокруг посадил пирамидальные тополя, так что это место стало привлекать к себе горожан – они за небольшую плату могли искупаться в пруду и отдохнуть на зеленых лужайках.

Вплоть до Великой Отечественной войны бывшая «сипягинская» мельница продолжала работать на воде речки Ташлы, пока здесь не установили керосиновый двигатель. И лишь в 60-е годы мельница эта, простояв в общей сложности около 70 лет, была разобрана. А жаль. Это был последний памятник первым ставропольским мирошникам, как еще именовали мукомолов. Правда, память о роде Сипягиных не угасла. Внук Ивана Сипягина, командир 4-го дивизиона сторожевых кораблей Николай Иванович Сипягин за проявленное мужество в боях за Новороссийск был удостоен звания Героя Советского Союза (посмертно).

Ртищева дача

С начала 20-х годов XIX столетия участок сохранившегося девственного леса на северном склоне речки Ташлы, начиная от Флоринского переезда на восток, был пожалован Александром I ставропольскому генерал-губернатору Георгию Арсентьевичу Емануелю. С того времени эта лесная дача стала именоваться Емануелевской. Здесь в 1829 году бродил Александр Сергеевич Пушкин, о чем писал краевед И. Кувшинский в газете «Северный Кавказ» за 1899 год в № 63:

«...Пушкин долго любовался видом окрестностей горы

где сейчас Казанский кафедральный собор, спустился в Подгорную, добрался до местности, именуемой Флоринским переездом. Сопровождавший его солдат, когда оба спустились к Ташле, заметил, что тут опасно оставаться. Но Пушкин не обратил внимания на предосторожности и немало пробыл в лесу, в котором тогда высились лесные гиганты».

В начале 30-х годов, когда Емануель покинул свой пост, дача перешла к городу, устроившему в ее западной части тутовую рощу. Здесь же были построены сараи для выращивания шелковичных червей и небольшая шелкомотальная станция. Во главе этого хозяйства был поставлен купец Игнат Волобуев. Он же построил у речки Ташлы свою, для того времени большую водяную мельницу.

В 1837 году эту дачу посетил Михаил Юрьевич Лермонтов, запечатлев на своем рисунке как мельницу, так и этот уголок природы. Под одним из рисунков подпись: «21 мая, после прогулки на мельницу Волобуева».

На протяжении последующих десятилетий городская лесная дача была местом отдыха горожан, где на лесных лужайках среди исполинских деревьев с многочисленными родниками кристально чистой воды люди отдыхали в воскресные и праздничные дни. Между тем городу необходимы были средства для поддержания в роще чистоты и порядка. Тогда и решено было продать ее в частные руки. Часть лесного массива приобрел тот же Игнат Волобуев, а еще один кусок леса достался австрийскому булочнику Владимиру Траубе.

В 1897 году весь лесной массив разрезало полотно устраиваемой железной дороги от ст. Кавказской до Ставрополя. Теперь уже западный участок купил Давлет-Гирей Бибердов, отчего он стал именоваться Бибердовой дачей. Восточную часть приобрел известный предприниматель Иван Семенович Ртищев.

«Ртищевская» дача вскоре была превращена в платную рощу. Были проложены каменные дорожки, каптированы родники, устроены два пруда для катания на лодках и купания, сделана площадка для игры в кегли, поставлены качели и «гигантские шаги»... В зимнее время из прудов рощи брали лед для городских ледников.

Сегодня от былого великолепия дачи Ртищева почти

ничего не осталось. Вырублено большинство деревьев, разрушены старые пешеходные тропы... С двух сторон от Ртищевой дачи отбирались участки для спорткомплексов «Динамо» и «Спартак», ничего не сделавших для сохранения еще оставшейся территории лесной дачи. А все потому, что нет уже Волобуевых, Павловых, Бибердовых, Ртищевых, Сипягиных – этих «народных кровопийцев».

Бибердова дача

Западная часть бывшей Емануелевской дачи, разрезанная пополам железнодорожным полотном, имела разных владельцев. Ее южная часть, где находилась городская тутовая роща для выращивания тутового шелкопряда, принадлежала городу. Здесь же находилась небольшая шелкомотальная станция и школа шелководов. Всем хозяйством заведовал предприниматель Волобуев, в прошлом – городской голова. Остальной частью владел предприниматель Траубе и, наконец, князь, отставной поручик Давлет-Гирей Бибердов, в городской усадьбе которого на улице Гимназической была построена татарская мечеть. Бибердов превратил этот участок леса в ухоженную дачу, где горожане могли бесплатно отдыхать в воскресные и праздничные дни.

Между тем 22 марта 1913 года Ставропольская городская Дума по представлению Ставропольского общества борьбы с туберкулезом о предоставлении обществу территории бывшей Бибердовой дачи для устройства там санатория-больницы для туберкулезных больных приняла решение:

«Предоставить обществу борьбы с туберкулезом бывшую Бибердову дачу с необходимыми для надобности постройками в бесплатное пользование сроком на восемь лет, но при условии содержания дачи в благоустроенном виде и при беспрепятственном допуске на дачу отдыхающей публики».

Решение Думы вызвало протест со стороны как большинства общественных организаций города Ставрополя, так и его жителей. Местные газеты запестрели статьями о несовместимости отдыхающей публики и столь опасно-

го для окружающих больничного заведения. Дело дошло до самого императорского окружения, откуда последовало распоряжение Ставропольской Думе пересмотреть свое необдуманное решение.

На срочном заседании Думы после двух лет переписки с Петербургом и, наконец, решением Сената о пересмотре решения, принятого Думой, уже в мае 1915 года принимается новое решение – о выделении под санаторий-больницу участка земли на западной окраине города, вблизи Холодного родника.

Общество по борьбе с туберкулезом в составе В.И. Манжос-Белого (председателя), врачей М.Ю. Шульца и Л.Ю. Шульца, городского головы Т.В. Разанова и прокурора В.М. Краснова от Думы получило следующее решение:

«Под туберкулезную больницу-санаторий отведен участок земли вблизи Холодного родника мерою 1440 саженей...»

Общество по борьбе с туберкулезом начало сбор средств, имея в своей кассе 11543 руб. 39 коп. серебром. Губернская земская управа пожертвовала 5 тыс. рублей серебром. Общество «Белый цветок» – 3150 руб., Вера Иванова (купчиха) – 5000 руб., прочие пожертвования – 1077 руб. 50 коп. серебром.

4 мая 1914 года состоялась закладка санатория-больницы по утвержденному общим собранием заинтересованных лиц плану. Сегодня строения бывшей туберкулезной больницы вошли в комплекс зданий 3-й городской больницы.

Так была отведена опасность превращения Бибердовой дачи в больничное заведение. В конце советских 30-х годов на бывшей даче вновь появились застройщики, которые в южной части, вблизи Волобуева пруда, переименованного в Пионерский, возвели легкие домики для детского санатория. Северная часть рощи была занята военными, устроившими здесь военный городок из десятков землянок и штабного дома.

В период оккупации города немецкими войсками здесь расположилась часть связистов, имевших прямую радиосвязь с Берлином, ставкой Гитлера и прочими важными военными центрами как в оккупированной части России,

так и за рубежом. Место это усиленно охранялось, а могучие кроны деревьев маскировали его...

Прошли годы, и вот в старой роще появились новые строения – двухэтажные, отдельно стоящие домики для 2-й городской больницы. Сегодня это крупный лечебный центр Ставрополя. Однако сама роща как таковая полностью заброшена, здесь пасутся козы окрестных жителей...

Церковь Св. Евдокии

На площади, где с северной стороны находятся школа № 28 и интернат № 1, вплоть до 30-х советских годов находилась церковь Св. Евдокии. То было Ташлянское предместье, жители которого за дальностью прочих духовных центров возымели желание иметь свою церковь. В обращении к епископу Кавказскому Герману они писали:

«19-го сего января 1883 года Мы лично Вашему преосвященству представили приговор жителей г. Ставрополя предместья речки Члы о желании построить церковь за Ташлой во имя Рождества Пресвятой Богородицы... Православные жители северной части г. Ставрополя, расположенной за речкой Ташлой, издавна терпят неудобства в удовлетворении своих религиозных потребностей по неимению храма в этой части города...»

Церковь стоимостью в 14150 рублей серебром возводилась по чертежам ставропольского архитектора Федора Карловича Кнорре на деньги, пожертвованные мещанином Константином Стаканцевым. Как и все церкви города, это было каменное сооружение, расположенное в центре огромной площади с высаженной здесь рощей.

Евдокиевская церковь имела два престола – во имя Рождества Пресвятой Богородицы и во имя Св. Евдокии. Колокольни не было, а потому колокола были подвешены к перекладине двух каменных столбов. К северу от церкви, ближе к винокуренному заводу братьев Деминых, располагалось Евдокиевское кладбище, которое ввиду малочисленности ташлянских жителей того времени было небольшим, но достаточно ухоженным.

Евдокиевская церковь была окончательно отстроена в 1897 году. Тогда же на иконостас и внутреннюю роспись

пожертвовала деньги купчиха Евдокия Малахова, а на церковно-приходскую школу при церкви – сами жители Ташлянского предместья.

В советские 30-е годы церковь была разобрана, а камень пошел на строительство сельскохозяйственного училища, сегодня вошедшего в комплекс зданий 28-й школы.

Сегодня на месте уничтоженной большевиками Евдокиевской церкви старанием ташлянцев и меценатов выстроен новый храм во имя святого благоверного Великого князя Александра Невского.

Иоанно-Мариинский женский монастырь

Севернее Ташлянского предместья располагались хутора, большинство которых принадлежали роду Скороховых. Оттого они так и именовались на планах Ставрополя начала XIX века – Скороховы хутора. С земель этих хуторов и начиналась знаменитая обитель, где сегодня находится психиатрическая больница по ул. Октябрьской.

Иоанно-Мариинский женский монастырь в Ставрополе возник по инициативе епископа Иеремии в 1848 году. Правда, первоначально это должен был быть приют для девочек-сирот и вдов священнослужителей. В том же году на имя епископа пришло письмо от Якова Григорьевича Скоморохова, владельца одноименного хутора за речкой Ташлой. «Сострадая по человечеству, – писал Скоморохов, – и имея в милости Божьей безбедное состояние, но не имея кому оставить его, возникла мысль для спасения души своей, а паче для спасения души усопших родителей Григория и Варвары, трудами коих обязан своему состоянию, отдать часть состояния для устройства планируемого приюта...»

Епископ Иеремия и гражданский губернатор Александр Алексеевич Волоцкий по согласованию со Святейшим Синодом дали согласие на устройство монастыря в районе хутора Скоморохова и расположенного рядом Члинского леса. Тогда же дали согласие ставропольскому духовенству на сбор доброхотных даяний на устройство вдовьей и сиротской общины с храмом во имя Святого Иоанна Предте-

чи и святой Марии Магдалины. Тысячу рублей на устройство обители пожертвовал сам епископ Иеремия, а всего в тот же год было собрано 10000 рублей серебром.

В 1848 году строительный подрядчик Маслов подписал договор:

«Обязался я, Маслов, к постройке Иоанновской церкви в городе Ставрополе у Скомороховых хуторов вблизи колодезя». Камень для храма поставлял купец Прокофий Леденев – «в 19 вершков длиной и 4 толщиной». Тогда же в основание фундамента была уложена металлическая доска с текстом: «Господу, Боже Вседержателю, Самъ благослови и освяти место сие, силою и действием Честного и Животворящего Креста въ отогнании демонов. Основался в лето 1848-го, месяца мая, 25 дня, на память третьего обретения честной главы святого Иоанна Предтечи».

На первом этаже храма расположилась церковь во имя Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна с приделом на хорах во имя Св. Равноапостольной Марии Магдалины. В июле 1849 года храм был освящен епископом Иеремией.

В 1860 году по настоянию епископа Игнатия Св. Синодом принимается решение об образовании вместо вдовьей и сиротской общины второклассного Иоанно-Мариинского женского монастыря. Настоятельницей этого нового духовного центра Ставрополя стала настоятельница Ладожского женского монастыря Серафима, получившая сан игуменьи. При ней на пожертвованные горожанами и богомольцами деньги строится величественный «теплый зимний храм» во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Это было массивное, приземистое, тяжелое строение с приплюснутым куполом. Храм вмещал более 1500 верующих, не считая церковный хор, самый представительный и многоголосый. Покровский храм резко отличался своей архитектурой от храмов Кавказа и России, где строгость наружных форм и аскетизм внутреннего убранства как бы подчеркивали особое предназначение этого центра, где послушницы и монахини «могли нести иноческие обеты – девство и пост».

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в 1864 году была освящена епископом Кавказским и Екатеринодарским Феофилактом. Тогда же владыка совершил здесь первое пострижение инокинь в манатейные монахини.

В 1867 году рядом с Покровской церковью была возведена величественная каменная трехъярусная звонница. С двух сторон к звоннице подходила церковная каменная ограда, потому в нижней части строения располагались арочные въездные ворота и такие же две калитки, на ночь запираемые окованными железом дубовыми воротами.

Всеми строительными работами руководил известный ставропольский архитектор Павел Григорьевич Воскресенский, который и являлся автором проекта Покровской церкви и звонницы с многопудовыми колоколами.

Старанием Павла Воскресенского в монастыре было построено: пять небольших корпусов под кельи; здание монастырской больницы в два этажа, где нижний был каменный, а верхний – деревянный; два здания для церковно-приходских школ; два гостиничные дома для приезжих богомольцев и почетных гостей; две маслобойни, воскобойный завод, водяная и ветряная мельницы. При монастыре имелись большая пасека, скотный двор, многочисленные хозяйственные постройки.

В 1881 году по проекту не менее известного ставропольского архитектора Константина Ефремовича Адамовича был полностью перестроен храм во имя пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Помимо наружной отделки и новой внутренней росписи, устройства двух приделов – во имя святого Великомученика Пантелеймона и святой Равноапостольной Марии Магдалины, нового тамбура с резными дубовыми дверьми и коваными решетками высоких и узких окон, храм украсили новые купола с вызолоченными крестами. В том же 1881 году обновленный храм был освящен епископом Германом.

Члинский лес, у западной стороны которого и разместился Иоанно-Мариинский монастырь, благодаря стараниям монахинь, число которых в 80-х годах приблизилось к 250, был превращен в ухоженную рощу. Многочисленные аллеи в окружении столетних исполинов, цветочные клумбы с беседками, прудами и зелеными лужайками, потаенными скамейками и романтическими гротами и пещерами – все это привлекало сюда жителей Ставрополя, окрестных сел и станиц. К тому времени владения монастыря составили 5000 квадратных саженей земли, в том

числе пашни и трех фруктовых садов, общей стоимостью в 500000 рублей серебром.

Игуменья Серафима за свой более чем двадцатилетний труд по устройству монастыря была награждена Св. Синодом золотым нагрудным крестом.

В 1884 году по ходатайству епископа Германа указом Св. Синода новой настоятельницей монастыря была утверждена игуменья Феофила. В прошлом рясофорная послушница Полтавского Покровского женского монастыря, а затем манатейная монахиня, она внесла свою лепту в дальнейшее процветание монастыря. В 1887 году ее стараниями возводится еще один храм, в честь Св. Серафима Саровского, с трапезной. Храм этот не отличался внешней нарядностью, да и внутренним убранством, может, поэтому ему одному удалось устоять в огненном послереволюционном смерче.

Серафимовский храм в том же 1887 году был освящен епископом Кавказским и Екатеринодарским Владимиром. По его же инициативе к 900-летию христианства на Руси на втором этаже монастырской больницы была устроена церковь во имя Преподобных Печерских – Антония и Феодосия, освященная уже в следующем году епископом Евгением.

При игуменье Феофиле был возведен двухэтажный корпус для живописи, золотошвейных работ и всяких поделок из дерева, кости, металла. Делали здесь священнические пояса, поручи, воздухи, плащаницы, тканые и вышитые гладью иконы, отделывая их синелью, серебром и золотом. Иконы эти дарили даже царскому двору. Ковровщицы ткали из крашеной шерсти ковры и подножники. Здесь же изготовляли чудесные скатерти, полотенца, салфетки, четки. И прославленные на весь Кавказский край наборные шкатулки, резные кипарисовые иконки и распятия, вышитые портреты российских императоров больших и малых размеров. Руководил всеми этими работами ставропольский художник Миронов, кстати, расписавший Серафимовский храм и церковь преподобных Печерских.

В ночь на 28 февраля 1896 года Феофила умирает, а вместо нее указом Св. Синода новой настоятельницей Иоанно-Мариинского монастыря назначается игуменья Архелая. Урожденная Рощупкина, она одиннадцатилетней девоч-

кой попала в Иоанно-Мариинский монастырь. Как писал Илья Сургучев в своей книге «Губернатор», при ней был отлит и поднят на звонницу Святых ворот колокол в 500 пудов весом. Тогда же был устроен кацтаж расположенного на территории монастыря Святого Иеремиевского источника, воде которого приписывалось исцеление от многих болезней. Это было оригинальное сооружение из камня-ракушечника в виде круглого и глубокого бассейна с арочным гротом, откуда по каменному желобу бежала родниковая вода; туда вели крутые ступени каменной лестницы.

Игуменья Архелая строит еще один небольшой храм в честь Святого пророка Иеремии, освященный епископом Евгением. Архелая скончалась 1 июня 1914 года в возрасте 65 лет и была похоронена у южной стороны среднего полукружья храма во имя пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, рядом с могилами игумений – Серафимы и Феофилы.

О жизни Иоанно-Мариинского женского монастыря в дореволюционный период ярко и сочно рассказал Борис Филиппов.

Борис Андреевич Филиппов родился 6 августа 1905 года в Ставрополе, здесь прошли его юношеские годы. Прошел через ГУЛАГ, в годы Великой Отечественной войны судьба забросила его в Германию, в 1950 году он оказался в США. Здесь он становится крупнейшим книгоиздателем. Под его редакцией вышли книги Н. Гумилева, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Б. Пастернака. Самому Борису Филиппову принадлежат более 30 томов прозы, поэтических, философских и литературных работ. В их числе – книга «Избранное», изданная в 1984 году в Лондоне, где в рассказе «Монастырь» он повествует о женском Иоанно-Мариинском монастыре Ставрополя.

«Он стоял близ южного губернского города, этот монастырь, а губерния была богатая, пшеничная, сдобная... По вечерам над монастырем висел то задумчивый и меланхоличный, то радостный малиновый перезвон, и черные моложавые матушки-монахини, перебирая четки, семенили из прохладных, пахнущих мятой и чабрецом келий, на долгую монастырскую всенощную. А за ними следовали гибкостанные послушницы, опоясанные туго-туго кожаными поясами, в черных платках, из-под которых у иной

– вопреки всяким уставам – выпрастывалась прядь вьющихся ржаных или черных волос.

Жизнь была благостной и однотонной, и лишь искусные рукоделья помогали матушкам коротать длинные промежутки между службами. А уж какие были в монастыре мастерицы! А какие квасы варились в монастыре! Хлебные – сладкие и кислые – терновые, яблочные, грушевые, ягодные, персиковые... Нигде не умели так мочить яблоки, солить огурцы, мариновать и сушить грибы. Нигде не варили так варенье, не мариновали рыбок.

Горожане и богатые крестьяне, казаки и иногородние – все любили погостить в монастыре у знакомых монахинь, привезти им в дар мучки и маслица, мяса и фруктов, поговеть в монастырском соборе, отдохнуть за немудреной беседой – медленной и важной – матушек, полюбоваться на знакомых послушниц, юных, подбористых и быстрых – часто односельчанок или своих станичниц.

В монастыре и пели по-особенному. Стройный звонкий девичий хор редко исполнял обиходные песни. Нет, старокиевские и печерские, архангельские и староуспенские распевы сменялись распевами афонскими, ладами максолидийскими и совсем небывалыми мелодиями крюкового унисона.

Никаких электрических лампочек в соборе. Ровный свет лампад и колеблющиеся пламенники паникадил, яркие язычки сотен свечей в тяжелых металлических подсвечниках – витых и узорчатых. И блики лампад и свечей на цветистых серебряных и позолоченных окладах икон, жирном золоте иконостаса, аканфарах и виноградных листьях резьбы киотов, кованой медной решетке солей и медальонах царских врат.

Колокола монастырские слышались далеко: не случайный подбор колоколов, а древний «звон» – от рассыпчатых серебряных дискантов до глубокой меди великана баса. И все покрывающая густая октава заупокойного колокола, отлитого лет двести назад в далеком Валдае.

Над Святыми вратами икона на жести: распятие с предстоящими Божией Матерью и Иоанном Богословом – сам монастырь и назывался Иоанно-Мариинским... А за вратами – монастырские угодья, вода, выгоны, пастбища. Их было немало, этих монастырских земель, но кого это

могло обидеть в губернии, где крепкий мужик поднимал до пятисот десятин? Поля обрабатывались самими монахинями и послушницами, ими обслуживались и стада, и пчельник, и молочный двор, и монастырский лес. И лишь на самую грубую работу, непосильную для женщин, нанимались пришлые мужики – рязанцы, орловцы, костромичи.

Помню я монастырский пчельник... Меды какие были! И все сортовые – липовые, розовые, резедовые, гречишные... А вечером у матушки Фотинии, регентши монастырского хора, в ее уютной прохладной келейке – вкусный чай. Келья чистая-чистая, на стенах поучительные лубочные картины и гравюры Гюстава Доре в черных багетных рамках. В святом углу – иконы, многоцветные лампадки, фарфоровые яички, перламутровые и кипарисные крестики. На столе хрустящая от чистоты вышитая скатерть и вкуснейшие печенья, варенья...

А больше ничего разве не было? Нет, она была, глубоко затаенная внутренняя духовная жизнь монастыря. Были подвижницы, были великие молительницы, были праведницы из числа тех, о которых гласит мудрость народная: на семи праведниках и вся-то земля держится.

...На поле, у Святых врат, к ежегодному многолюдному крестному ходу с местночтимой иконой «Троеручицы», целый городок палаток, балаганов с пестрядью шелковых и ситцевых платков, лубочными иконами, многоцветными квасами в кривых и стройных, блещущих на солнце стеклянных кувшинах, вареными грушами на блюдах. Ленты, шали, молитвенники, медные и серебряные крестики, пряники, маковники, халва, искусственные цветы, тещины языки, глиняные свистульки, шашлык, семечки, цветные шары, рвущиеся ввысь, баранки и бублики – торговые, розовые, медовые, маковые... И выкрики продавцов вразнос – старух с корзинами, покрытыми чистой салфеткой, и парней с жестяными ящиками, откуда в тонкой бумажке, немедленно замасливающейся, вынимается большой пятачковый, распластанный, весь пропитанный свежим подсолнечным маслом, с мясом, печенкой, грибами, рисом, яйцами пирожок... Шум, гам, толчея, солнце, горячее южное небо...

А потом опять служба в храмах, хор, торжественные

возгласы диакона Власия, нередко путавшегося в ектениях – после того как свергли батюшку-царя и началась свистопляска первых лет революции, невеселая чехарда красных, белых, зеленых и снова красных властей... И многоречивая проповедь протоиерея отца Иллария, уснащенная ссылками на пророков и Апокалипсис:

– Помните, братья и сестры, у великого пророка Иезекииля говорит Господь: «Так сыны Израилевы будут есть нечистый хлеб весом и в печали, и воду будут пить мерою и в унынии; и они с ужасом будут смотреть друг на друга и исчахнут в беззаконии своем...»

Сморкаются и плачут старые прихожане, жители монастырской слободки, прихожане и прихожанки, гости – непонимающими глазами смотрят на паникадило, витые золоченые колонны входа в храм, золото иконостаса, блики свечей на окладах. Светло на душе, и не хочется думать о том, что голод надвигается и уже завтра бесхлебица захлестнет еще вчера задыхающийся от изобилия край этот...»

Последней известной нам настоятельницей монастыря была игуменья Нина. В 1920 году ей и сестрам обители советские власти предложили в 24 часа покинуть территорию монастыря, что было исполнено. В том же году монастырь был разграблен. Затем здесь была устроена детская колония. После этого – дом отдыха. Сейчас в сохранившихся постройках монастыря размещается отделение психиатрической больницы. Образовался и небольшой скит с монахинями, возглавляемый матушкой Иоанной.

Но не за горами то время, когда Иоанно-Мариинский монастырь будет возрожден. Здесь вновь запоет сотенный хор монахинь, запахнет в кельях свежеиспеченным хлебом, маринованными огурчиками, душистым квасом – и вновь раздастся в этой части города серебристый колокольный звон, призывающий к миру, согласию и созиданию. И этот стройный колокольный звон соединит прошлое и настоящее града Креста.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Глава I. ПО ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ ГОРОДА 3

Николаевский проспект – главная улица города 3
Окружной суд 6
Усадьба Зозулевского 8
Губернаторский дом 9
Усадьба Егора Найтаки 12
Усадьба булочного мастера 14
«Красная аптека» 14
Усадьба Булыгиных 16
Дом Чеглакова 18
Питейная контора 21
Общество взаимного кредита 24
Типография Тимофеева 25
Старая гимназия 27
Московская кондитерская 30
Медальон с инициалами 32
Табачная лавка «Меркурий» 34
Гостиница Найтаки 36
«Биоскоп» 38
Ставропольский художественный кружок 40
Усадьба Меснянкиных 42
Товарищество мануфактур братьев Тарасовых 44
Магазин «Медовый улей» 46
Ерганжиевский угол 47
Аптека Байгера 49
Училищный центр 52
Троицкий собор 54
Семинарская библиотека 56
Усадьба Рублевых 57
Особняк Маловичко-Бадмаева 59
Дом Ивановых 60
Областной архив 61
Городская Дума 62
Городская электростанция 64
Старый Гостиный ряд 66
Ночлежный дом 69
Первый каменный дом 70
Гостиница «Тифлисъ» 71
В начале Хоперской 72
«Пассажъ» 74
Владение «обувного короля» 76
«Замок Венециановых» 77

Контора В. Штейнгеля 79
Доходные дома «бриллиантового короля» 80
Земство 82
Ермоловский бульвар 82
Тифлисские ворота 87
Ярмарочная площадь 90
Железнодорожный вокзал 92
Техническая контора «И.Т. Руднев» 93
Церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы 94

Глава II. АРМЯНСКИЙ КВАРТАЛ 98

Армянский квартал 98
Казанская площадь 98
Особняк Волобуева 100
Убежище св. князя Владимира 102
Калужское подворье 103
Доходный дом Ягоянца 105
Первая вольная аптека 106
Асмаевский торговый ряд 108
Усадьба Поспелова 108
Усадьба генерала Сахацкого-Синельщикова 110
Обжорный ряд 111
Гостиница «Бристоль» и «Париж» на Поспеловский 112
Гостиница «Варшава» 113
Церковь Св. Георгия, просветителя Армении 114
Александровское училище 116
Архиерейский переулок 118
Трактир «Медведь» 118
Бурса 120
Крестовоздвиженская церковь 121

Глава III. ОТ КРЕПОСТИ НА ЮГ 124

Ставропольская крепость 124
Интенданство 127
Синагога 130
Пожарное депо 132
Казанский кафедральный собор 133
Суворовский крест 141
Мавзолей 145
Александровская площадь 146
Бывшая Театральная – Воронцовская 147
Доходный дом Розановой 148
Общественное собрание 150
Медопивоваренный завод «Салисъ» 152
Первый театр на Кавказе 153

Лечебница Шульца 155
«Макар Попов и К°» 156
Усадьба Леонидовых 158
Кинематограф «Солей» 159
Алафузовский особняк 161
Дом полярного исследователя 162
Усадебное место Павловского и Аглинцова 164
Особняк «короля недвижимости» 165
Народный дом 166
Дом Краснова, баня Сорокина, доходные дома Глиндзевич и Глущенко 168
Квартал купцов Поповых 169
Усадьба Бетаки 170
«Почтамтъ» 171
«Женевский часовой» 172
«Варшавская молочная» 174
Воронцовская роща 176
Ольгинская женская гимназия 180
Здесь останавливался Шамиль 182
Генеральская гостиница 183
Костел 184

Глава IV. ОТ СТАРОЙ КРЕПОСТИ К ВЕРХНЕМУ БАЗАРУ 186

Нестеровская улица 186
Александровская гимназия 186
«Афанасьевское братство» 188
Присутственные места 189
Усадьба Реброва 192
Усадьба генерала Кусакова 193
Верхний базар 195
Гостиница «Москва» 196
Новое девичье училище 197
Бывшая Торговая 198
Особняк «угольного короля» 198
Гостиница «Коммерческая» 200

Глава V. ПРОГУЛКА ПО БЫВШЕЙ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ 202

Третья улица 202
«Пивной король» 203
Особняк в стиле модерн 204
«Обувной король» 206
Музыкальный салон 207
Колбасный завод 208
Дом художника Смирнова 210
Гостиница «Центральные номера» 211

Три усадьбы 214
Дом летописца военной истории Кавказа 216
Усадьба Панова 217
Гостиница «Европа» 219
Меблированные комнаты Стасенкова 221
«Здесь собиралась ставропольская интеллигенция» 222
Штаб Кавказской военной линии 223
Дом командующего 225
Александровская площадь 227
Часовня в память великомучеников земли Русской 228
Новый Гостиный ряд 230
Заезжий дом на Флоринке 232
Особняк Крутицкого 233
Лермонтовский сквер 235
Воробьевка 235
Андреевская церковь 238
Консистория 240
Лермонтовский домик 241

Глава VI. БЫВШИЕ БАРЯТИНСКАЯ, МАВРИНСКАЯ, ГОСПИТАЛЬНАЯ 244

Барятинская улица 244
Варваринское кладбище 245
Третья женская гимназия 248
«Замок привидений» 249
Усадьба Лопатиных 251
Дом Торбина 253
Усадьба Кускова 254
Мавринская – Госпитальная 256
Дом ставропольского Фенимора Купера 259
Театральный салон 261
«Третьяковка» 262
Государственный банк 264
Арестный дом 266
Дом жандармского полковника 266
Бывший особняк «электрокороля» 268
Инородческое управление 269
Маслозавод Ломагина 270
Золотой клад купцов Меснянкиных 272
Казармы Крымского, Тенгинского и Самурского полков 272
Военный госпиталь 274
«Осетинская поляна» 276
Ставропольская психиатрическая больница им. Александра III 277

Глава VII. ЮЖНАЯ МАГИСТРАЛЬ 280

Ольгинская – Невинномысская 280

Дом с мезонином 280
Усадьба Нечмирова 283
Великокняжеский дом 284
Жандармский манеж 287
Генеральский особняк 288
Кавказское епархиальное женское училище 290
Учительская семинария 292
Образцовая школа Св. Синода 293
Софиевский храм 294
Артиллерийские казармы 296
Невинномысское шоссе 297

Глава VIII. МАЛЫЕ УЛИЦЫ ГОРОДА 300

Бывшая Шипкинская 300
Офицерское собрание 301
Соматическая больница 303
Церковь Св. Данилы Столпника 306
Улица Гимназическая 307
Дом дежурного офицера 307
Мужская классическая гимназия 308
Духовный училищный центр 311
Железнодорожное училище 312
Мусульманская мечеть 313
Семинарское общежитие и больница 315
Митрофановский приют 316
Семинарская улица 319
Алафузовская мельница 321
Усадьба Мачканиных 322
Дом, где жил В.Д. Беневский 324
Петропавловская площадь 326
Винокуренный завод 328
Павлова дача 330
Епархиальный свечной завод 334
Георгиевская церковь 335

ГЛАВА IX. СЕВЕРНЫЕ ПРЕДМЕСТЬЯ СТАВРОПОЛЯ 337

Подгорненское и Ташлянское предместья 337
Властовское начальное училище 338
Мельницы Сипягина 339
Ртищева дача 340
Бибердова дача 342
Церковь Св. Евдокии 344
Иоанно-Мариинский женский монастырь 345

Г.А. Беликов

Старый Ставрополь

Издание второе